

С. А. КОМИССАРОВ
КОМПЛЕКС
ВООРУЖЕНИЯ
ДРЕВНЕГО КИТАЯ
ЭПОХА ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ВОСТОКА АЗИИ

„НАУКА“
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

В монографии дается детальный обзор последних открытий в китайской археологии, относящихся к эпохе поздней бронзы. Показано особое место данного этапа в развитии древнекитайской цивилизации, намечены локальные варианты в рамках чжоуской культуры. Из всего многообразия находок для углубленного анализа выбрано оружие — одна из наиболее информативных категорий археологических источников. Типологические схемы сопоставляются с данными эниграфии, что позволяет определить не только относительную, но и абсолютную хронологию отдельных видов и типов вооружения. Особое внимание уделено окраинам чжоуского Китая, поскольку в оружейных комплексах этих областей с наибольшей отчетливостью проявляются контакты и связи с народами сопредельных территорий.

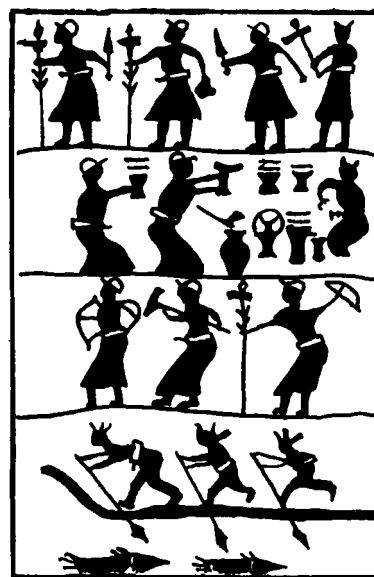

«НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

С. А. КОМИССАРОВ

КОМПЛЕКС
ВООРУЖЕНИЯ
ДРЕВНЕГО КИТАЯ
ЭПОХА ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ

„НАУКА“
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
КОМИССИЯ ПО ВОСТОКОВЕДЕНИЮ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ВОСТОКА АЗИИ

НОВОСИБИРСК
«НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1988

ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR
SIBERIAN DIVISION
ORIENTAL COMMISSION
INSTITUTE OF HISTORY, PHILOLOGY AND PHILOSOPHY

S. A. KOMISSAROV

THE ARMAMENT
OF ANCIENT CHINA
LATE BRONZE AGE

HISTORY AND CULTURE OF THE EAST OF ASIA

Ed. *V. E. Larichev*

NOVOSIBIRSK
"N A U K A"
SIBERIAN BRANCH
1988

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
КОМИССИЯ ПО ВОСТОКОВЕДЕНИЮ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ

С. А. КОМИССАРОВ

КОМПЛЕКС ВООРУЖЕНИЯ ДРЕВНЕГО КИТАЯ ЭПОХА ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ

Ответственный редактор
доктор исторических наук *В. Е. Ларичев*

НОВОСИБИРСК
«НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1988

ББК 63.4
К 63

Редакционная коллегия
доктор исторических наук Р. С. Васильевский,
кандидат исторических наук В. В. Евсюков,
доктор исторических наук В. Е. Ларичев,
член-корреспондент АН СССР В. И. Молодин

Рецензенты
кандидаты исторических наук Е. Л. Лавров, Н. К. Тимофеева

Утверждено к печати
Институтом истории, филологии
и философии СО АН СССР

Комиссаров С. А.

К 63 Комплекс вооружения древнего Китая. Эпоха поздней
бронзы. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1988. — 120 с.
ISBN 5—02—028975—2.

Монография посвящена одному из важнейших разделов материальной культуры древности — оружию. В ней обобщены итоги исследований китайских археологов за последние десятилетия, выделены эталонные памятники и дан археологический очерк эпохи поздней бронзы Китая. Показано своеобразие этого периода — важного этапа в развитии древнекитайской цивилизации. Типологический анализ дополнен сведениями письменных источников об изготовлении и использовании предметов вооружения. Выделенные категории оружия представлены в комплексе, показана их зависимость друг от друга и от способов ведения боя. Специально обращено внимание на роль оружия как хронологически и этнически маркирующего элемента материальной культуры.

Книга рассчитана на востоковедов и археологов.

К 0507000000—820
042(02)—88 48—88—II

ББК 63.4

ISBN 5—02—02975—2

© Издательство «Наука», 1988

ОТ РЕДАКТОРА

Для археологов Сибири и Дальнего Востока вопрос о важности изучения эпох ранней и развитой бронзы Китая не требует особо пространных разъяснений. Для них это не просто акт понятного стремления к расширению кругозора, вызванного желанием уловить некие общие тенденции культурно-исторического процесса на переломном этапе первобытности, а, в сущности, неперенный аспект повседневной работы, без которой предлагаемые реконструкции становились ограниченными и лишались чего-то весьма существенного. Именно поэтому уяснение характера материальной и духовной культуры обитателей бассейна Хуанхэ и прилегающих к нему территорий поры становления и формирования древнейшей на востоке Азии цивилизации всегда оставалось для специалистов по культурам эпохи металла Северной Азии задачей весьма актуальной. Не случайно самые впечатляющие исследования общего плана по этой части велись обычно с учетом событий в культурной истории населения северных регионов Восточной Азии, а также соседних с ними областей древней Маньчжурии и Внутренней Монголии.

Вместе с тем нельзя не признать, что до недавнего времени привлечение материалов по бронзовому веку Китая для разработки кардинальных проблем бронзового и раннего железного века юга Сибири и Дальнего Востока оставляло все же желать лучшего, прежде всего с точки зрения широты и глубины изучения специальных археологических публикаций на китайском языке, недоступных большинству сибирских археологов. Обращало на себя внимание и ограничение интереса главным образом вопросами культурно-исторических событий эпохи Инь. Это объясняется, с одной стороны, большим впечатлением, которое произвели в свое время эффектные результаты раскопок столичного центра Инь в Аньяне, а с другой — тем обстоятельством, что именно материалы иньской археологии позволяли тогда же вести разработку наиболее актуальной для сибирских археологов проблемы — датировки, происхождения и путей распространения на востоке Азии карасукской культурной общности.

Следует, однако, иметь в виду, что китайские археологи добились за последнее десятилетие блестящих успехов в изучении не менее величайших памятников эпох Чжоу, Цинь и Хань, что нужно непременно учитывать тем, кто ведет

исследование культур соответствующего времени на территории юга Сибири, Монголии, Приморья и Приамурья. Новые факты поступают между тем в таком нарастающем год от года изобилии, что требуется специальная проработка их и ввод в научный оборот на русском языке с учетом интересов сибирских и дальневосточных археологов. Эту задачу и призваны решить несколько монографических публикаций, в которых будут рассматриваться проблемы бронзового и раннего железного века как собственно Китая, так и северных районов его — древней Маньчжурии, Внутренней Монголии и Восточного Туркестана. Редколлегия издания «История и культура востока Азии» запланировала, в частности, опубликовать в ближайшие годы книги, посвященные отдельным аспектам археологии Инь и Чжоу, а также культурам бронзового и железного века Дунбэя, Внутренней Монголии, Ордоса, западных районов Ганьсу и Синьцзяна. Началась также предварительная работа по изучению материалов археологии Хань с перспективой последующего издания их на русском языке.

В плане начала выполнения этой программы и следует рассматривать публикацию монографии С. А. Комиссарова «Комплекс вооружения древнего Китая. Эпоха поздней бронзы». В связи с ее изданием необходимо прежде всего заметить, что китайские археологи в настоящее время уделяют особое внимание эпохе Чжоу. Важность этого этапа для истории Восточной Азии обуславливается тем обстоятельством, что именно в чжоуское время начался переход от развитой бронзы к железному веку, от раннеклассового государства — к централизованной империи (Цинь). Вместе с тем это и пора значительного роста масштабов и глубины философской и социально-политической мысли. Эпоха Конфуция и Мо Ди, Чжоугуна и Цинь Ши-хуана оставила заметный след в истории Китая. Именно тогда складывались многие стереотипы поведения и мышления китайцев, которые четко проявлялись затем на протяжении столетий. С развитием археологических исследований в Китае в источниковедении чжоуской эпохи возникла благоприятная возможность корреляции материальных и письменных источников. Ведь многие сочинения создавались современниками описываемых событий, да и эпиграфика отличалась исключительным богатством. Это открыло возможность точного датирования как

памятников в целом, так и отдельных находок, способствуя разработке и уточнению восточноазиатской хронологической шкалы.

Китайские археологи открыли и исследовали сотни чжоуских поселений и могильников. Некоторые из них, вроде объектов района Фэнси, где находилась древняя чжоуская столица Фэн-Хао, определенно не уступают по значению памятникам аньянского круга. Много выдающихся по значимости находок сделано в процессе исследований на территории Ордоса и Маньчжурии, что в конечном счете и обусловило необходимость анализа опубликованных материалов по эпохе Чжоу. Книга С. А. Комиссарова — первый шаг в решении сложной темы. На основе детального разбора ряда ключевых чжоуских памятников вроде Байцаопо, Люлихэ, Байфу, Шанцуньлин он выделил эпоху поздней бронзы как особо важный этап в развитии древнекитайской цивилизации. Начало этого периода было связано с эпизодом смены династии, а конец — с распадом самого чжоуского государства. Археологическая периодизация оказалась, таким образом, тесно связанной с политическими изменениями, заслуживающими того, чтобы акцентировать на них внимание¹.

Долгое время народы, живущие в бассейне среднего течения Хуанхэ, находились под управлением государства Шань-Инь. Свое главенство иньцы утверждали в непрерывной борьбе с другими народами. Однако начиная с первой половины XI в. до н. э. на западных рубежах Инь стало усиливаться племя чжоу. Вначале оно находилось в зависимости от иньцев и активно усваивало достижения их цивилизации. Нельзя сказать, что иньские правители не ощущали опасности со стороны своего чрезмерно окрепшего вассала. Последний иньский государь Чжоу-синь заключил в темницу способного и энергичного чжоуского вождя Чана, позднее получившего титул Вэнь-вана. Но, судя по летописным источникам, разложение правящей верхушки зашло в ту пору уже достаточно далеко. В обмен на красивицу из «рода Ю-синь», прекрасных лошадей и «редкостные изделия» Чжоу-синь не только выпустил на волю своего пленника, но и даровал ему различное оружие. Результат оказался достаточно скоро: сын Вэнь-вана, У-ван, возглавив антииньскую коалицию племен, разгромил армию Чжоу-синя в битве при Муе и основал новую династию Чжоу.

Вновь завоеванные земли были разделены на множество уделов и розданы родственникам и приближенным чжоуского правителя. Последующие ваны предприняли несколько крупных военных экспедиций на восток, к морю, и на юг, до

бассейна Янцзы. Им удалось значительно увеличить границы своей державы. В то же время немало сил уходило на охрану границ от натиска непокорных племен — прежде всего жунов Северо-Запада. Именно набег цюаньжунов в 771 г. до н. э., во время которого была разгромлена столица в Фэн-Хао и убит правитель Ю-ван, ознаменовал конец периода Западного Чжоу.

Тем временем нарастали и внутренние противоречия. После переноса столицы на восток, в Лои, чжоуские ваны практически утратили власть над владетельными князьями-чжоуху, которые довольно быстро отказались даже от формального «почитания вана» и вступили друг с другом в ожесточенную схватку за гегемонию.

Краткое перечисление событий наглядно показывает, сколь значительную роль в истории древнего Китая играли вооруженная борьба и соответственно военное дело. Его материальной основой было оружие, массовые находки которого — воистину самая характерная черта чжоуских памятников. Поэтому представляется оправданным то, что комплекс чжоуского вооружения стал главным предметом исследования в монографии С. А. Комиссарова. Ведь оружие — существенный элемент материальной культуры древности, и — в силу своего постоянного применения на практике — элемент весьма динамичный. Различные компоненты в оружейном комплексе, да еще в сочетании с другими признаками, позволяют предполагать культурную, а иногда и этническую неоднородность изучаемого памятника или группы их. Некоторые комплексы и соответственно входящее в них оружие на основании иероглифических надписей можно датировать с точностью до десятилетий, а иногда и до года. В свою очередь, датированные предметы вооружения в силу их относительно большой изменчивости служат хорошим материалом для датирования по аналогиям тех памятников, где эпиграфика отсутствует. Это позволяет не только с большей точностью определить этапы собственно китайской истории, но и дает возможность датировать ряд вещей, распространенных на сопредельных территориях или пропикавших в пределы древнекитайских государств в качестве импорта.

Контакты хуася с другими народами осуществлялись через племена, населявшие окраины чжоуского Китая. Их история постоянно привлекает внимание советских археологов и востоковедов [В. Е. Ларичев, 1959а, б, 1961; Итс, 1972, 1976]. Этот интерес понятен — именно в контактных зонах удается обнаружить наиболее яркие образцы материальной культуры, соединявшие воедино достижения разных народов. В четвертой главе монографии С. А. Комиссарова эта особенность рассматривается на примере вооружения, что подчеркивает значение оружейных изысканий для исторической этнографии. По границам чжоуских государств существовали широкие зоны «смешанных» культур, в рамках которых влияние хуася осуществлялось в одном ряду с другими культурными взаимодействиями. Характерный пример — культура верхнего слоя Сяцзядянь, где слились в едином комплексе оружейные традиции Центральной равнины, сибирско-ордосских степей и древнекорейских племен Ляонина. Сле-

¹ События социально-экономической, политической и этнической истории в период существования династий Шан и Чжоу отражены в ряде монографий и обобщающих трудов на русском языке (см.: [История Китая..., 1974; Крюков, Софронов, Чебоксаров, 1978; История древнего мира, 1982; Васильев, 1983]). Кроме того, Р. В. Вяткин и В. С. Таскиц, издали четыре тома основного источника по этому периоду — «Исторических записок» Сыма Цяня. Подробности читатель найдет в перечисленных изданиях, а далее отмечаются лишь наиболее существенные для последующего изложения моменты.

дует, однако, учитывать, что культура верхнего слоя Сяцзядянь (во всяком случае, ее наньшань-гэньский вариант, который и анализирует С. А. Комиссаров) представляет собой лишь выдвинутую в контактную зону южную оконечность громадной этнокультурной общности, охватывавшей Ордос, Восточную Монголию и Забайкалье. Географический ареал ее распространения — косвенное подтверждение справедливости гипотезы о том, что носителями культуры верхнего слоя Сяцзядянь были дунху, предки монгольских народов.

Не менее интересна ситуация, которая складывается с народами ба-шу. С одной стороны, они (особенно шусцы) были тесно связаны с чжоусцами, с другой — с племенами Юга. Более того, через территорию государств Ба и Шу культурные достижения северных районов проникали в южные, где при смешении различных традиций возникали самобытные этнокультурные образова-

ния типа государства Дянь с его исключительным по богатству и выразительности бронзовым литьем [Сборник статей..., 1981; Бронзовые изделия пров. Юньпань, 1981].

Итак, даже выборочный обзор памятников чжоуской эпохи показывает, что китайская археология переживает сейчас период весьма плодотворного развития. Тем большее значение приобретают в такой ситуации взаимная информированность археологов КНР и СССР о проведенных исследованиях и оперативный сравнительный анализ полученных в ходе их материалов. Именно в этом и видит свою главную задачу редколлегии серии «История и культура востока Азии», подготавливая теперь к изданию монографию А. В. Варенова «Вооружение и военное дело древнего Китая эпохи Шан-Инь».

В. Ларичев

ВВЕДЕНИЕ

Война и соответственно военное дело всегда играли важную роль в классовом антагонистическом обществе. Материальную основу развития военного дела составляет набор вооружения — значительная и динамичная часть материальной культуры. Форма и украшение оружия, его количественное и качественное соотношение, способы применения определялись, с одной стороны, функциональным назначением, а с другой — этническими и культурными традициями. Поскольку вооружение самым непосредственным образом связано с практической, специфического вида деятельностью, то различные усовершенствования внедрялись здесь сравнительно быстро и в значительном количестве, во всяком случае быстрее, чем, допустим, в ритуальных сосудах. Более совершенные средства защиты и нападения давали, как правило, ощутимое преимущество в сражениях. Как подчеркивает Ю. С. Худяков, «от степени соответствия форм конкретных предметов вооружения (своим функциям защиты или поражения. — С. К.) зависела не только эффективность их употребления, но и само существование социального организма, в рамках которого они были созданы и нашли применение» [Худяков, 1985, с. 7]. У оружейников прошлого не было больших забот с внедрением своих изобретений. Лучшие виды оружия иного этноса нередко импортировались или брались в качестве образцов для местного производства. Поэтому изучение комплекса вооружения позволяет разработать хронологическую последовательность его видов, которую можно использовать в качестве одного из надежных средств датирования археологических объектов. В то же время это изучение помогает определить направление и объем межэтнических контактов. Не случайно в советской литературе начиная с 1950-х гг. появился целый ряд работ монографического плана, посвященных исследованию по археологическим источникам комплексов вооружения различных времен и народов [Блаватский, 1954; Смирнов, 1961; Мелюкова, 1964; Есаиян, 1966; Медведев, 1966; Кирпичников, 1966, 1971; Черненко, 1968, 1981; Кулемзин, 1973; Худяков, 1980, 1986; Иванов, 1984; Соловьев, 1984; Шавкунов, 1986].

Сказанное об оружейоведении полностью относится к теме предлагаемой читателю работы: изучению вооружения Китая эпохи поздней бронзы. При этом следует отметить важную специфиче-

скую особенность оружия того времени. Дело в том, что на многих экземплярах бронзового оружия отлиты или вырезаны иероглифы (даты, имена, географические названия, исторические реалии), которые можно сверить с данными летописей и тем самым надежно выявить дату (иногда с точностью до года) изготовления конкретного изделия. Хронологическая последовательность видов оружия может использоваться не только для относительной, но и для абсолютной датировки археологических памятников как самого Китая, так и (по аналогиям) сопредельных территорий.

Несмотря на целый ряд полезных изданий прошлых лет, в настоящее время нет ни одного оружейоведческого сочинения, которое охватывало бы огромный массив материалов, полученных в результате раскопок 1970-х — начала 1980-х гг. Это относится как к западной, так и к китайской и японской археологической литературе. Тем более актуальной представляется предложенная тема для советской археологии, поскольку в отечественной науке нет специальных работ по культурам бронзового века Китая в целом и по оружию этого времени в частности.

Хронологические рамки нашего исследования — эпоха поздней бронзы. Определение границ эпохи нуждается в дополнительном обосновании, поскольку относительно их существуют разные точки зрения. Традиционная периодизация древней истории Китая была связана с установлением и сменой различных династий. За многие века она настолько вошла в кровь и плоть ученых, занимающихся прошлым этой страны, что, несмотря на критику, фактически продолжает использоваться до сих пор. Очевидно, виной тому не только сила привычки. Все изменения в политической надстройке в конечном счете восходят к глубоким перестройкам в сфере экономических отношений и материальной культуры. Можно проследить определенную корреляцию между археологической и традиционной периодизацией китайских древностей. Так, период ранней бронзы на Центральной равнине (памятники типа Эрли-тоу I) соответствует либо раннешанскому периоду (не позже Чэп Тэна), либо, как считают некоторые археологи, династии Ся. Период развитой бронзы, представленный памятниками анянского круга, соответствует поздним этапам Инь, скорее всего тому времени, когда Пань-гэн в последний

раз перенес столицу государства. Период поздней бронзы начинается с момента чжоуского завоевания и соответствует периоду Западного Чжоу и начала Чуньцю. В VI в. до н. э. в Китае появляются железные орудия труда, которые довольно быстро распространяются на территории всей страны [Александров, Арутюнов, Бродянский, 1982, с. 27—37]. Период раннего железного века сопровождается значительным ослаблением центральной власти и ускоренным развитием «периферийных» государств, в которых широкое использование железа начинается раньше, чем в центре.

Рубеж между археологическими периодами ранней и поздней бронзы Китая (соответственно между династийными периодами Инь и Западного Чжоу) определяется по-разному. Го Можо по надписям на бронзовых изделиях и на основе особенностей стилистики узоров на них объединял Инь и ранний период Западного Чжоу (до 950 г. до н. э.) в один этап¹. Б. Карлгрен утверждал, что искусство бронзы в начале Чжоу «по сути дела, то же самое, что и в Инь, с очень немногими нововведениями» [Karlgrén, 1937, p. 89]. Эту идею приняли авторы капитального труда по древнекитайским бронзам Жун Гэп и Чжан Вэйчи [1958, с. 17—19], и она используется в некоторых исследованиях до сих пор.

Однако в 50-е гг. Чэнь Мэнцзя выделил ряд существенных элементов, характерных только для бронзовых изделий Западного Чжоу (см., например, [Чэнь Мэнцзя, 1955]). Это положение подтвердили материалы полевых работ последних десятилетий. В ходе их выявлены как отдельные вещи, так и довольно значительные комплексы, надежно датированные временем правления первых чжоуских ванов.

Конечно, в комплексах содержится ряд вещей иньского облика, что можно рассматривать как результат непосредственного общения чжоусцев с иньцами до установления собственной династии, но это могли быть также военные трофеи, равно как и результат подражания более позднего времени, когда в качестве литейщиков выступали шанские ремесленники-рабы [Loehr, 1965, p. 65]. Если анализировать бронзовые сосуды, то многие из них в отдельности трудно отличить от шанских. В то же время, когда несколько типов сосудов рассматриваются вместе, возникает возможность безошибочно определить их истинную принадлежность. В целом чжоуские сосуды украшены не так пышно, как шанские, что послужило поводом для некоторых авторов рассуждать об особой «грубости нравов» чжоусцев. Вряд ли такой вывод правомерен. Отказавшись от усложненных орнаментов, чжоуские мастера стали уделять больше внимания формам сосудов. Не совсем ясно, что имел в виду Хаяси, когда писал о «парушении баланса между частями» и о «любви к деформированным пропорциям» в раннечжоуских бронзах (см. [Takayama, Sugimoto, 1979/80, p. 62]). Однако важно заметить, что он отличал стиль начала Западного Чжоу от позднейиньского.

Среди специфических форм сосудов следует называть *гуй* на массивной подставке-параллелепипе-

де и *гуй* с четырьмя ручками. Возникают новые формы украшения поверхности сосудов, в частности многочисленные выступы-пишечки. Китайские археологи предприняли попытку проследить различия между основными группами сосудов в иньских и раннечжоуских могильниках. Так, Сун Цзянь [1983] выявил наличие специфических особенностей в каждой из них, однако его выводы нуждаются в уточнении. На этапе поздней бронзы значительно больше клиновидных кельтов-топоров, а также кельтов-тесел с лобным ушком. Индикаторами чжоуских памятников можно считать бубенцы *луань*, которые крепились на ярме-перекладине боевых колесниц, полулунные бронзовые и трехдырчатые костяные псалмы, бронзовые налобники и наносники для лошадей. Внезапное появление в районах Центральной равнины набора разнообразных бронзовых изделий невозможно объяснить, если исходить только из последовательного хода развития иньских традиций.

Верхнюю границу эпохи поздней бронзы замечиво было столь же однозначно связать с рубежом между периодами Западного и Восточного Чжоу. Испытания этого не избежал в свое время и автор настоящих строк [Комиссаров, 1983б]. Однако более глубокое изучение материала показало, что археологическая граница между этими двумя периодами намечена не столь резко, как между Чжоу в целом и династией Шан-Инь. Вступление страны в ранний железный век приходится на первую половину периода Чуньцю, более чем на 100 лет позже переноса столицы Пинваном. Целый ряд ритуальных бронз, в частности сосуды *сюй*, *и*, *лин*, появляется в поздний период западного Чжоу, однако наибольшего распространения они достигают только в Чуньцю. Тогда же возникают новые типы сосудов — *дуй*, *цзянь* [Ду Нэйсун, 1980, с. 29, 30, 47, 50 текста]. Таким образом, на основе археологических материалов можно выделить период поздней бронзы (Западного Чжоу — начала Чуньцю) в качестве особой важной стадии древнекитайской истории.

Проблемы абсолютной датировки заслуживают особого внимания. В древнекитайской истории счет с точностью до года начинается с 841 г. до н. э., т. е. с периода правления Гун-хэ. Однако существуют значительные разногласия по поводу даты чжоуского завоевания (от традиционного 1122 г. до 1018 г. до н. э.) и соответственно относительно времени правления первых чжоуских ванов. Наиболее общепринятая хронология, которая используется в монографии, разработана Чэнь Мэнцзя. В последнее время западночжоуские датировки в значительной мере пересматриваются. Этот вопрос заслуживает специального анализа, мы приводим лишь сводную таблицу дат (см. ниже).

Следует также заметить, что проблемы абсолютной датировки с точностью до нескольких лет, важные сами по себе, имеют подчиненное значение для археологического поиска. Поэтому можно обобщенно датировать эпоху поздней бронзы Китая периодом со второй половины XI в. до начала VI в. до н. э. (табл. 1).

Территориальные рамки распространения культур, которые анализируются в монографии, соот-

¹ Некоторые статьи того времени изданы на русском языке [Го Можо, 1959, с. 430—432].

Таблица 1

Западночжоуские ваны	Даты правления				
	По Чэнь Мэньцзя	По Бан Сунью	По Хэ Юци	По Д. Нивисону	По Д. Панкениру
У-ван	1027—1025	1029—	1039—	1045—1044	1046—
Чэн-ван	1024—1005			1042—	
Кан-ван	1004—967			1005—	
Чжао-ван	966—948	990(980)—		977—	
Му-ван	947—928	961—		956—	
Гун-ван	927—908			922—	
И-ван	907—898	899—		903—	
Сяо-ван	897—888	893—		882(876)—	
И-ван	887—858			867—	
Ди-ван	857—842			859(844)—	
Гунхэ	841—828				
Сюань-ван	827—782	825—		827—	
Ю-ван	781—771			781—771	

Примечание. Таблица составлена по: [Васильев, 1961, с. 221—230; Хэ Юци, 1981; Dissertation..., 1979/80; Nivison, 1983; Pankenier, 1981/82].

ветствуют границам конгломерата чжоуских государств, а также охватывают его окраины, где осуществлялись контакты между чжоусцами и другими народами (рис. 1). Как показал обзор основных археологических памятников, даже в периоды своего наибольшего распространения чжоуская цивилизация на севере не проникала дальше Юго-Западного Ляонина, на западе — далее восточной части Ганьсу и практически не заходила в пределы южных провинций [Исторический атлас..., 1982, карта 31—32]. Отдельные элементы культуры Чжоу прослеживаются на более обширной территории, но они не оказали существенного влияния на культуры местных народов вследствие своей единичности и разрозненности.

На рубежах Чжоу располагались обширные контактные зоны, где происходило столкновение и смешение разных культур и этносов. В зависимости от исторических условий подобное взаимодействие могло реализоваться в одном из вариантов так называемой смешанной культуры. Вариации взаимоотношений здесь были огром-

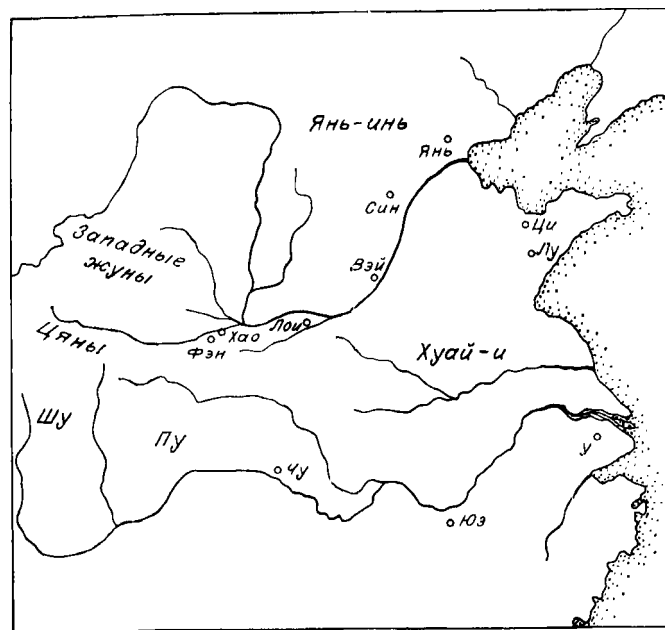

Рис. 1. Китай в период Западного Чжоу (по Чжэн Дэ-куню).

ными. Так, если государство Чу в целом было близко к культуре хуая, не утратив, однако, значительной местной специфики, то Ба и Шу даже восприняв отдельные элементы из культуры Центральной равнины, полностью сохранили свое своеобразие. Промежуточное положение занимали такие государства, как У, Юэ и Янь, «варварские» по своему этническому и «полуварварские» по культурному облику. Они, однако, включались в систему политических связей древнего Китая.

Переход древнекитайской цивилизации от эпохи развитой к эпохе поздней бронзы ознаменовался важными военно-политическими событиями: в битве при Муе чжоусцы вместе со своими союзниками разгромили последнего иньского правителя Ди-синя и основали

собственную династию. Начавшись с вооруженного столкновения, эпоха эта была и дальше наполнена непрестанными сражениями чжоусцев с другими племенами, а также междоусобными схватками. В постоянных боях сравнительно быстро развивались вооружение чжоуских солдат и мастерство их военачальников.

Разнообразные сведения по военному делу той эпохи сохранились во многих письменных памятниках, в том числе и в трактатах великих полководцев древности, таких как Сунь-цзы, У-цзы, Сунь Бинь. Кроме того, в результате многолетних археологических изысканий накоплены десятки тысяч экземпляров оружия и снаряжения. Таким образом, для исследователя возникает довольно редкая возможность взаимной критики нарративных и вещественных источников.

Анализ конкретного материала с необходимостью потребовал осмысления методологических основ оружейведения и военной истории в целом. Важно было определить роль оружия в развитии человеческого общества. Буржуазные ученые нередко преувеличивали и абсолютизировали значение военных событий. Так, известный специалист в данной области Дж. Фуллер писал: «...скорее при помощи вооруженной силы, чем посредством земледелия, человек вступает на дорогу цивилизации» [Fuller, 1945, p. 5]. Обращаясь к историческим фактам, он утверждал, что именно вооружение македонян вкупе с гением Александра низвергло Персидскую державу; затем оружие готов было одним из главных факторов падения Западной Римской империи и т. д. — вплоть до того, что превосходство в оружии позволило гитлеровской Германии одержать победу над Францией в 1940 г. Однако приведенные примеры скорее опровергают точку зрения Фуллера, чем подтверждают ее.

Подлинно научная, отвечающая реальным процессам методология разработана в трудах классиков марксизма-ленинизма, видных деятелей коммунистического движения. Хорошо известно, как много внимания уделяли основоположники марксизма военной теории и истории, и в том числе проблемам вооружения — важнейшей составной части военного дела в целом. К. Маркс впервые установил связь войны, армии и военного дела

с материальным производством, развитием производительных сил и производственных отношений. В наиболее концентрированном виде эта идея изложена в письме к Ф. Энгельсу: «История армии всего нагляднее подтверждает правильность нашего воззрения на связь производительных сил и общественных отношений... в истории армии с поразительной ясностью резюмируется вся история гражданского общества» [Маркс — Энгельсу..., с. 154]. На примере огнестрельного оружия К. Маркс показал, что «с изобретением нового орудия войны... неизбежно изменилась вся внутренняя организация армии, преобразовались ее отношения, при которых индивиды образуют армию и могут действовать как армия, изменилось также отношение различных армий друг к другу» [Маркс К. Наемный труд..., с. 441—442].

Выдающийся вклад в развитие военной науки внес Ф. Энгельс, который рассматривал военные вопросы как производные от экономического и социального развития общества. Конкретные военные события изучались им, как правило, в исторической перспективе. В таких статьях, как «Армия», «Пехота», «Кавалерия», исследовались материалы начиная с древневосточных и античных государств и вплоть до самых последних для его времени войн. Военная проблематика не имела для Ф. Энгельса самодовлеющего значения, а входила составной частью в историю гражданского общества. Для археолога особую важность представляют указания Ф. Энгельса в статье «Армия» на различия в вооружении различных этносов. В этой же работе отмечалась возможность существования отдельных видов оружия, причем направление влияния шло не только от развитых народов к «варварам», но и наоборот.

Военно-теоретическое наследие К. Маркса и Ф. Энгельса творчески разрабатывал В. И. Ленин. Основное внимание он уделял исследованию войн современного ему периода и проблемам вооруженного восстания, но ряд его высказываний носит общеметодологический характер. Так, в лекции «О государстве» он подчеркивал: «Приемы насилия менялись, но всегда, когда было государство, существовала в каждом обществе группа лиц, которые управляли, которые командовали, господствовали и для удержания власти имели в своих руках аппарат физического принуждения, аппарат насилия, того вооружения, которое соответствовало техническому уровню каждой эпохи» [Ленин В. И. О государстве, с. 73]. «Войны вещь архипестрая, разнообразная, сложная. С общим шаблоном подходить нельзя», — отмечал В. И. Ленин [Ленин — И. Ф. Арманд, с. 369] и требовал конкретно-исторического изучения войн и всех связанных с ними вопросов в различные эпохи.

Марксистское понимание военного дела разрабатывалось также в трудах некоторых деятелей коммунистического движения. Прежде всего следует назвать Франца Меринга — видного пропагандиста, «человека не только желающего, но и умеющего быть марксистом» [Ленин В. И. Материализм..., с. 377]. Он написал по этому поводу специальную книгу, где показал, что всякое глубокое исследование в военно-научной области приводит к основам материалистического понимания истории, поскольку появление новых боевых

средств и приемов, изменение в тактических построениях и стратегических планах обусловлено в конечном счете способом производства [Меринг, 1941].

Важные в методологическом отношении высказывания содержатся в произведениях М. В. Фрунзе, который был практиком и теоретиком военного дела. Вслед за Ф. Энгельсом он подчеркивал базисный характер вооружения в рамках всего военного дела: «...тактика и стратегия в своей прикладной части менялись с изменением рода оружия. Всякая тактика соответствует определенной исторической эпохе; если изменяется род оружия, вводятся новые технические усовершенствования, то вместе с этим меняются и формы военной организации и методы вождения войск» [Фрунзе, 1977, с. 55].

Наследие выдающихся марксистских теоретиков активно разрабатывается советскими военными историками. В последнее время издали ряд монографий и сборников, имеющих методологическое значение [Карл Маркс..., 1969; Фридрих Энгельс..., 1972; В. И. Ленин..., 1970; Классики марксизма-ленинизма..., 1983]. Наибольший интерес для археолога представляет анализ книги Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Выяснилось, что он выделял в истории вооружения различные этапы. Вначале «вследствие низкого уровня развития производства и примитивной организации племени в случае необходимости вело вооруженную борьбу теми орудиями, которыми пользовалось в процессе своей традиционной деятельности: луком, камнем, дубиной и т. п. В период рабовладения уже появляется оружие и снаряжение, предназначенные специально для ведения войны: нагрудник, латы, шлем, щиты, копья, мечи» [Шумихин, 1972, с. 101].

Следует подчеркнуть, что понимание марксистских основ военной истории не только имеет теоретическое значение, но и необходимо для правильной интерпретации фактического материала. Неверное истолкование точки зрения классиков марксизма-ленинизма может привести к искажению фактов. Таким примером служит один из разделов в книге оружейведа Ян Хуна [1980]. Он цитирует два положения Энгельса: о том, что «...предпосылкой каждого нового усовершенствования в системе ведения войны (в китайском переводе — «новая военная наука». — С. К.) также будут новые производительные силы» [Энгельс Ф. Возможности..., с. 510], и о том, что «вооружение, состав, организация, тактика и стратегия зависят прежде всего от достигнутой в данный момент ступени производства и от средств сообщения» [Энгельс Ф. Анти-Дюринг, с. 171]. Истолковав эти высказывания вне диалектического контекста, Ян Хун отнес одну часть военной техники («боевые колесницы и колесничные бой») к рабовладельческому обществу, а другую — к феодальному. Поскольку же в исторической литературе КНР 70-х гг. начало феодализма было в директивном порядке отнесено к периоду Чжаньго², то Ян Хун все изменения в военном деле связывает именно с этим этапом. Подобная

² Эта точка зрения подвергнута убедительной критике в советской литературе [Переломов, 1981, с. 239—252].

концепция выглядит весьма неубедительной. Крупные перемены в общественной жизни скажутся на военном деле, однако связь эта не столь прямолинейна. Данная специфическая область имеет собственные законы развития, на что указывали Ф. Энгельс и В. И. Ленин [Классики марксизма-ленинизма..., 1983, с. 85]. Поэтому неверно искать корни каждой новой черты на уровне социально-экономической формации, жестко привязывать конкретный вид оружия, тактический прием или стратегическую концепцию к определенному общественному строю. Метафизически-начетнический подход к высказываниям классиков марксизма неизбежно приводит к противоречию с реальными фактами.

Важное значение для исследования имели специальные методологические принципы и методические приемы оружейоведения. Ю. С. Худяковым [1985, с. 7] задано важнейшее в этом смысле противоречие между средствами нападения и защиты в составе единого оружейного комплекса, которое разрешается «путем выхода на новый, более совершенный уровень вооруженности, с последующим развертыванием прежних противоположных тенденций внутри прогрессивно развивающегося явления». Можно определить и другое существенное противоречие: между оружием и способом его применения. Взаимоотношение это носит очень сложный, неразрывный характер. Некоторые категории вооружения могут успешно применяться лишь в рамках определенной традиции. С одной стороны, изощренные приемы боя нередко сдерживают развитие оружия, с другой — сами эти приемы определяются не только функциональными потребностями, но и культурными, этническими, идеологическими факторами, причем последние могут ограничивать первые. Характерный пример — японская система стрельбы из лука (кюдо). «Стрельба из лука в Японии относится к искусствам до (Пути). Это не просто техника поражения цели, а Путь, жизнь, образ мыслей и т. д.» [Пронников, Ладанов, 1985, с. 162]. Она значительно отличается от аналогичных западных систем. Проведенные в свое время эксперименты продемонстрировали, что средние показатели японского лучника по дальности полета стрелы (одна из главных характеристик пехотного лука) заметно уступают аналогичным показателям при стрельбе иными способами [Роре, 1923]. Однако, несмотря на это, «старинные манипуляции при стрельбе» сохранялись на протяжении столетий без изменений, приобретая значение ритуала [Пронников, Ладанов, 1985, с. 162—164].

При описании и систематизации китайского оружия эпохи поздней бронзы использовались таксономические и типологические разработки советских археологов, основанные на сравнительной типологии, с необходимым приспособлением их к специфике чжоуского материала. Были учтены также достижения оружейоведов КНР и Японии.

Источниками при написании монографии послужили археологические материалы, опубликованные в специальных китайских изданиях (до середины 1986 г., когда была закончена работа над рукописью). Это полные отчеты о раскопках, опубликованные в монографической серии «Чжунго тянье каогу баогао», подробные сообще-

ния — в «Каогу сюэбао», а краткие отчеты — в пекинских журналах «Каогу» (до 1958 г. включительно — «Каогу тунсюнь»), «Вэньу» (до 1958 г. — «Вэньу цанькао цзылюнь»), в журналах «Каогу юй вэньу» (г. Сиань), «Чжунъюань вэньу» (г. Чжэнчжоу), «Цзинхань каогу» (г. Ухань), в периодических сборниках по проблемам материальной культуры, а также в трудах различных университетов, институтов, музеев и обществ. Кроме того, мы использовали путеводители по музеям и красочные альбомы, в которых представлены хорошо паспортизированные бронзы, а также ряд изданий, где публикуются и изучаются коллекции, собранные до образования КНР.

Разумеется, отсутствие возможности анализа подлинных вещей снижает уровень исследования. Но даже на базе уже опубликованного материала, основываясь лишь на иллюстрациях и описаниях, мы получили ряд важных выводов.

Во многих публикациях на европейских языках воспроизводились также образцы китайского оружия бронзового — раннего железного веков из собраний Британского музея, Музея дальневосточных древностей (Стокгольм), Королевского музея Онтарио (Торонто) и из коллекции Вернера Дженнингса, переданной затем в Гугун. Однако музейные коллекции, собранные в так называемый донаучный период, менее информативны, чем материалы раскопок. Вещи, вырванные из культурного контекста, могут стать основой для неверных интерпретаций даже у самых внимательных исследователей. Необходимо отметить, что в работе с музейными коллекциями, собранными не в результате специальных исследований, всегда остается проблема аутентичности источников. Спрос на антиквариант в сочетании с высоким уровнем работы китайских ремесленников привел к тому, что во многие коллекции попали мастерски выполненные имитации. В целом отделение поздних подделок, переделок и копий — довольно сложная задача (см. [Ван Вэньчап, 1983]).

Кроме того, просмотрены коллекции древнекитайского бронзового оружия в собраниях Государственного Эрмитажа и Государственного музея искусства народов Востока³. Они насчитывают в общей сложности более 20 вещей и состоят из клевцов, наконечников копий и стрел, а также кинжала. Вероятно, в основном это подлинные изделия; лишь некоторые из них представляют собой искусно сделанные поздние копии.

Охватить весь накопленный громадный материал в рамках ограниченного объема публикации не представлялось возможным, тем более что много внимания пришлось уделить очерку археологии Китая эпохи поздней бронзы. Для выявления главных закономерностей в истории вооружения были выбраны его основные категории. Второстепенные (топоры, секиры, боевые шести шу и др.) и вспомогательные (втики) категории специально не анализировались, хотя данные по ним учитывались при воссоздании общей картины развития чжоуского оружия.

³ Пользуясь случаем, выражаю признательность Е. И. Лубо-Лесниченко (ГЭ), О. Н. Глухаревой и И. Ф. Феденко (ГМИНВ) за оказанную помощь в работе с коллекциями.

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ КИТАЯ

Исследование вооружения как составной части чжоуской бронзы началось достаточно давно. Чжэн Дэкунь, написавший вполне исчерпывающий обзор традиционной археологии Китая [Chêng, 1963, p. 1—7], первым археологом считает великого историка древности Сыма Цяня, который при создании своего труда осматривал реликвии и памятники предшествующих (циньской и чжоуской) династий. Упоминания о находках различных древностей неоднократно встречаются в исторических хрониках. Надписи на металле и камне использовал Сюй Шэнь при составлении знаменитого словаря «Шо вэнь». В сочинении «Шуй цзин шу», созданном в начале VI в. Лю Даоюанем, приводятся подробные сведения о расположении древних памятников. К тому же веку относится появление сводных каталогов. Среди них особо следует отметить сочинение «Дао цзянь лу», составленное Тао Хунцаином и содержащее описание 79 мечей и кинжалов. Это, очевидно, самая первая оружейно-ведческая книга в Китае.

Систематическое изучение бронзовых изделий восходит к сунскому времени, когда стали создаваться сводные альбомы находок и предприниматься первые попытки их классификации и датировки [Го Можо, 1959, с. 403; Крюков, 1967, с. 25—28]. Ученый Лу Далинь, например, подготовил 10-томную «Иллюстрированную археологию» («Као гу ту»), где каждый рисунок сопровождался описанием и комментарием. В 1107 г. была впервые напечатана коллективная работа «Бо гу ту» (в 30 томах — цзюанях), которую редактировал Ван Фу. Впоследствии она выдержала 20 переизданий. В указанном сочинении была воспроизведена и описана коллекция древних бронз из 830 предметов. В пояснительном тексте освещались происхождение и сущность каждого изделия, указывались его размеры и узоры [Chêng, 1963, p. 5].

Определенное место в собраниях древних бронз занимали предметы вооружения. Так, в том же «Бо гу ту» воспроизведен рисунок втульчатой секиры с тремя отверстиями у основания и буленцом на втулке. Кроме подробного описания изделия, определялось его использование как «вещи для музыки и танцев». Правда, датировалась секира ошибочно — ханьским временем (см. [Ли Сюэцзи, 1982, с. 44]). Известно, что сунский ученый Хуан Босы написал специальное сочинение о бронзовых гэ, где в соответствии с указаниями

классических сочинений дал правильные наименования различным частям этого вида оружия и указал на их функции [Чжоу Вэй, 1957, с. 64]. Изучение древнекитайских бронз продолжалось и при других династиях. Наибольших успехов добились циньские ученые (Лян Шичжэн, Чэн Яотань и др.). Они издали ряд альбомов, в том числе знаменитый «Си цин гу цзянь», составленный из 40 цзюаней. Всего в течение XVIII—XIX вв. было опубликовано свыше 400 работ по «изучению металла и камня» (цзинь-ши сюэ), как тогда называли археологию. Лучшие достижения антикваров императорского Китая ввели в оборот научного оружейноведения Чжоу Вэй, М. Лёр, Хаяси Минао.

Работа по изучению оружия велась также в годы республики силами таких специалистов, как Ло Чжэньюй, Юй Сингу, Сюй Чуаньбао. Однако она осуществлялась в полном отрыве от полевой практики. Академик В. М. Алексеев, который не без основания называл археологию «самой китайской наукой», справедливо упрекал ученых Китая за излишнюю кабинетность. Он отмечал, что для них «критиковать, сличать, комментировать — все это было как-то удобнее, чем искать, лезть, копать...» [Алексеев, 1924, с. 73].

Археологические раскопки в Китае начались с 20-х гг. Однако вначале основное внимание в исследовании уделялось каменному веку, а также изучению иньских объектов Аньяна. До 1949 г. были раскопаны только два памятника эпохи поздней бронзы: в Доуцзитай и Синьцунь. Но следует учесть, что полные публикации отчетов были осуществлены соответственно лишь в 1948 и 1964 гг. Уже на самых первых этапах археологической науки сформировались два направления, оказавшие заметное влияние на ее последующее развитие. Как показал П. М. Кожин [1982, с. 421], существовала тенденция не всегда критического прямого сопоставления археологических фактов с летописными данными. Сохранялся и сугубо вещеведческий подход к находкам как к объектам коллекционирования.

Важным рубежом в развитии китайской археологии стало образование КНР. В стране началось планомерное изучение древностей, чему в немалой степени способствовало создание Института археологии. Один из его руководителей Ся Най [1954] отмечал недостаточность накопленных ранее западночжоуских материалов и подчеркивал

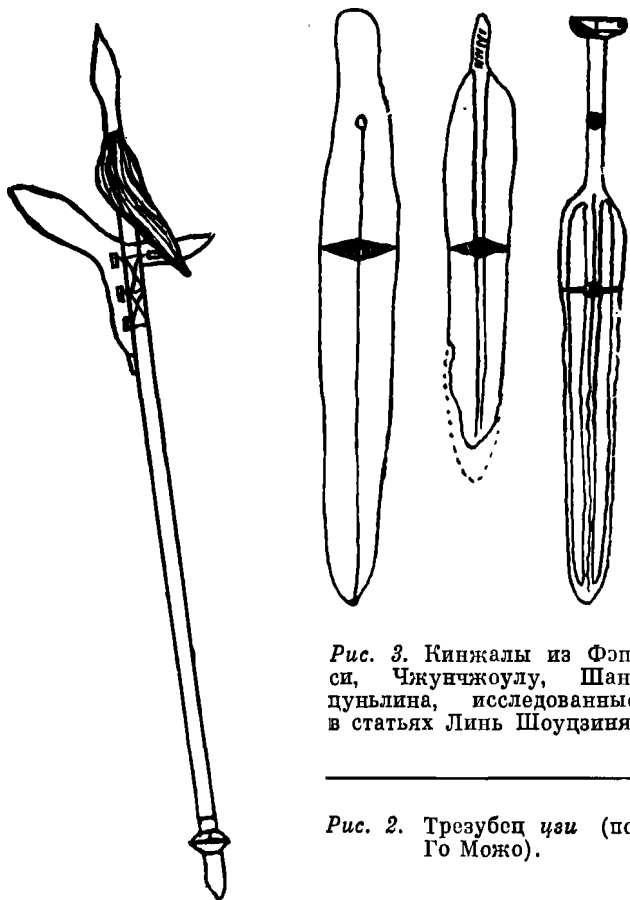

Рис. 3. Кинжалы из Фэн-си, Чжунчжоулу, Шандунлина, исследованные в статьях Линь Шоуцзиня.

Рис. 2. Трезубец *цзи* (по Го Можо).

необходимость особого внимания специалистов к этому периоду. С тех пор повсеместно стало проявляться стремление к расширению источниковой базы исследований за счет привлечения полевых материалов и к применению марксистской методологии, правда, как правило, в заметно упрощенном варианте. Начало такому переходу положили еще статьи Го Можо, который пытался придерживаться комплексного подхода в исследованиях, когда писал такие оружейно-ведческие сочинения, как «О *цзи* [Го Можо, 1954] (рис. 2) и «Клевец усского вана Шоумэна»¹.

В определенной степени те же тенденции отразились в единственной монографии по истории китайского оружия Чжоу Вэй [1957]. Компильтивная по сути книга получилась очерковой по характеру, главным образом из-за слишком широкого хронологического охвата (от каменного века до династии Цин включительно). Но важно подчеркнуть, что Чжоу Вэй, помимо тщательного изучения письменных источников, привлёк также данные археологии. Применительно к чжоуской эпохе он выделил четыре класса оружия: длинное, короткое, дистанционное и защитное. К первому классу им отнесены клевцы, трезубцы *цзи*, копы, боевые шести *шу* и различные виды секир; ко второму — ножи и мечи, включая кинжалы. Два последних класса на виды не подразделялись. Для наиболее крупных видов воспроизведена более дробная типология. Так, для клевцов Чжоу Вэй использовал классификации Ли Цзи и Умэхара.

Для Чжоу Вэй характерны эволюционистские

взгляды. Он попытался воссоздать линию непрерывного развития оружия в Китае от палеолита к Инь, Чжоу и Цинь. Он настойчиво искал каменные или костяные прототипы для всех видов оружия, в частности с полной серьезностью писал о том, что на палеолитических стоянках вроде Чжоукоудянь найдены каменные ножи, но нет каменных мечей. С крайним эволюционизмом связано, очевидно, и априорное убеждение Чжоу Вэй в автохтонности всех видов вооружения Китая. Опубликованные в книге иллюстрации чужеземного оружия лишь подтверждают, по его мнению, правильность такой идеи. В итоге Чжоу Вэй не удалось создать оригинальной концепции истории китайского оружия, но добросовестное обобщение накопленного материала сохраняет за его «Очерками» статус полезного справочного издания.

В 1961 г. была опубликована работа Го Баоцзюня «Бронзовое оружие Инь и Чжоу». Он разработал таксономию основных видов оружия и предложил ряд типологических наблюдений. Так, на основании трех признаков (длина бороздки *ху* и количество отверстий на ней; соотношение длины бойка и обуха; прохождение линии, соединяющей верхнее лезвие бойка и верхний край обуха) Го Баоцзюнь, используя материал из археологических комплексов, прежде всего из собственных раскопок, выделил четыре основных периода развития клевцов, соответствующих традиционной периодизации древней истории Китая — Инь, Западное Чжоу, Чуньцю, Чжаньго.

В начале 60-х гг. были опубликованы статьи Линь Шоуцзиня [1962, 1963], посвященные проблеме происхождения чжоуских кинжалов и мечей. Высокая квалификация, хорошее знание как китайского, так и сопредельного материала позволили ему в целом верно проанализировать соответствующие материалы и сделать вполне оправданный для того времени вывод о самостоятельном развитии древних кинжалов Центральной равнины (рис. 3).

Необходимо упомянуть статью Фэн Ханьцзи [1961], в которой впервые было достаточно полно проанализировано оружие народов Юго-Запада. Он установил, что в качестве основного оружия Шу использовались клевцы *эа*, и выделил среди них пять основных типов. Эта типология Фэн Ханьцзи принята многими современными археологами. Главное оружие у Ба — кинжалы. Фэн Ханьцзи справедливо опроверг попытки оценить случайные находки этого типа как принадлежащие культуре Ся и локализовал их в Сычуани.

Помимо того, различные аспекты оружейно-ведения затрагивались при публикациях отдельных памятников. В 50-х — первой половине 60-х гг. в КНР раскапывались памятники уезда Хуйсянь, а также ключевые по значимости могильники и стоянки Чжанцзяпо, Кэсинчжуан, Пудунунь, Шандунлин, Чжунчжоулу, а на северо-востоке — Наньшаньгань, Шиэртаинцзы, Уцзиньтан, Хоумучаньги. Всего к 1960 г. количество известных чжоуских памятников достигло 363 [Cheng, 1963, p. 8, pl. IV]. Результаты исследований их отражены в обобщающем издании «Успехи археологии в новом Китае», где намечено подразделение накопленного материала на локальные группы [1961, с. 50—59].

¹ В русском переводе клевец неверно назван копьем (см. [Го Можо, 1956]).

Затем наступает довольно значительная по времени лагуна, связанная с событиями печально известной «культурной революции». В 70-е гг. в некоторых публикациях делались попытки представить дело так, что и тогда продолжались археологические исследования, в том числе по изучению оружия [New archaeological finds..., 1972, p. 34—40]. Однако факт остается фактом: специальные журналы не издавались более пяти лет (с конца 1966 по 1972 г.), а отдельные выступления в газетах по вопросам археологии носили пропагандистский характер.

Накопленный материал начал вновь публиковаться лишь с 1972 г., когда возобновилось издание журналов «Каогу», «Вэньу» и «Каогу сюэбао». Тогда же наметился новый подъем полевых работ, масштабы которых заметно возрастают с каждым годом. Помимо центральных археологических подразделений, в них все большее участие принимают местные силы. Это отразилось также в создании в различных городах КНР собственных журналов и периодических сборников по проблемам археологии. С их появлением возросло количество публикаций [Goodrich, 1983/1984, p. 163], причем уровень статей, например, в шаньском журнале «Каогу юй вэньу» ничуть не уступает пекинским изданиям. Заметно усилился интерес к новым методам работы (особенно в области абсолютного датирования), к достижениям мировой археологии и теоретическим проблемам. В стране регулярно проходят съезды Археологического общества Китая, а также различные семинары и конференции более частного характера. Несомненно, что по темпам развития археологии КНР занимает в настоящее время одно из ведущих мест в мире.

Общий подъем науки и культуры 70—80-х гг. проявился и в оружиеведении. За последние 10 лет опубликовано много работ, посвященных оружию прежде всего не китайских племен, которые населяли в древности окраины Чжоу. Само по себе такое внимание важно, поскольку в районах чжоуской периферии происходили контакты и смешение различных культур, образовывались качественно новые объединения. Изучение этих процессов дает неоценимый материал для истории культуры. Однако на уровне отдельных работ неблагоприятно сказывалось воздействие антинаучной, метафизической по сути доктрины «извечного единства китайской нации» [Переломов, Гончаров, Никогосов, 1981]. Применительно к археологии она сводилась к причислению всех народов, когда-либо населявших территорию КНР, к «нацменьшинствам Китая». Соответственно все памятники древних культур объявлялись принадлежащими «представителям единой китайской нации». Так, в одной из статей У Энь [1977] все кинжалы Северного Китая характеризовались как самостоятельные произведения малых народов указанного региона, которые «под влиянием передовых культур Центральной равнины создали древнюю цивилизацию». В своих последующих работах У Энь [1981, 1985], опосываясь на более обширных материалах, отмечает значительную культурную самостоятельность северных племен. Он совершенно справедливо пишет о двустороннем характере любых связей, в том числе между

народами Северного и Центрального Китая. Однако, обращаясь к культурам Сибири и Монголии, У Энь подчеркивает исключительно их восточные контакты, не уделяя при этом должного внимания западным аналогиям. Он считает, что центром происхождения и распространения «северных бронзовых изделий» в карасукскую эпоху были области, соседние с государствами Инь и Чжоу. Вряд ли это так. Если принять во внимание частоту встречаемости «северных бронз», а также степень изученности различных районов, то напрашивается аналогия, например, с кушанской Бактрией. Там также наиболее разнообразны находки сделаны в контактных зонах, однако главные политические и культурные центры располагались за их пределами.

Практически все публикации по оружию, посвященные Маньчжурии и сопредельным территориям, связаны с проблемой так называемых дунбэйских кинжалов. Ее касается и У Энь [1977] в уже упоминавшейся работе. Исследуя все кинжалы, найденные в северных районах Китая, он выделил изделия с профилированным клинком в особую группу III, которую подразделил на три типа: А, В и С. К типу IIIА У Энь отнес широкие скриповидные кинжалы с выраженным перехватом и острыми выступами. Рукоять их изготовлялась обычно из дерева. У типа IIIВ изгибы округлялись. Для таких кинжалов характерна Т-образная бронзовая рукоять. У кинжалов типа IIIС длинный и тонкий клинок, а изгиб лезвия едва заметен. На основе вещеведческого анализа У Энь датировал изделия IIIА периодом с позднего Западного Чжоу (или раннего Чуньцю) и до Чжаньго включительно, IIIВ — поздним Чуньцю — ранним Чжаньго, IIIС — средним — поздним Чжаньго. Кинжалы типа IIIА он отнес к культуре верхнего Сяцзядянь, а типы IIIВ и IIIС — к другим культурам, причем между последними существовали генетические связи. Все эти находки У Энь считал остатками культур «малых народов Китая» и отвергал возможности любых внешних контактов этих народов, кроме, разумеется, заимствований из района Центральной равнины.

Наиболее заметным вкладом в изучение дунбэйских бронзовых кинжалов стали две статьи, опубликованные в «Каогу сюэбао». Само издание этих исследований с изложением во многом противоположных концепций свидетельствует об актуальности затронутой в них проблематики.

В статье Линь Юня (1980) предложена оригинальная типология рукоятей, утяжелителей и клинков. Основную тенденцию развития рукоятей он усмотрел в изменении верхней части: от «чашки», в плане похожей на цифру 8, до «платформы» в виде челнока (рис. 4), причем концы этой верхней части изменяются от поднятых вверх до опущенных книзу (VI—BV). Линь Юнь выделил четыре типа каменных наконечников: граненые с острым (I) и плоским (II) основанием, крестообразные (III), крестовидные с кнопкой в центре (IV). Рукоять из органики обозначена им «А», а «антенная рукоять», отлитая вместе с кинжалом, — «С». Клинки, по мнению Линь Юня, развивались от широких и коротких (длина больше ширины в 4—5 раз) с выделенными заостренными высту-

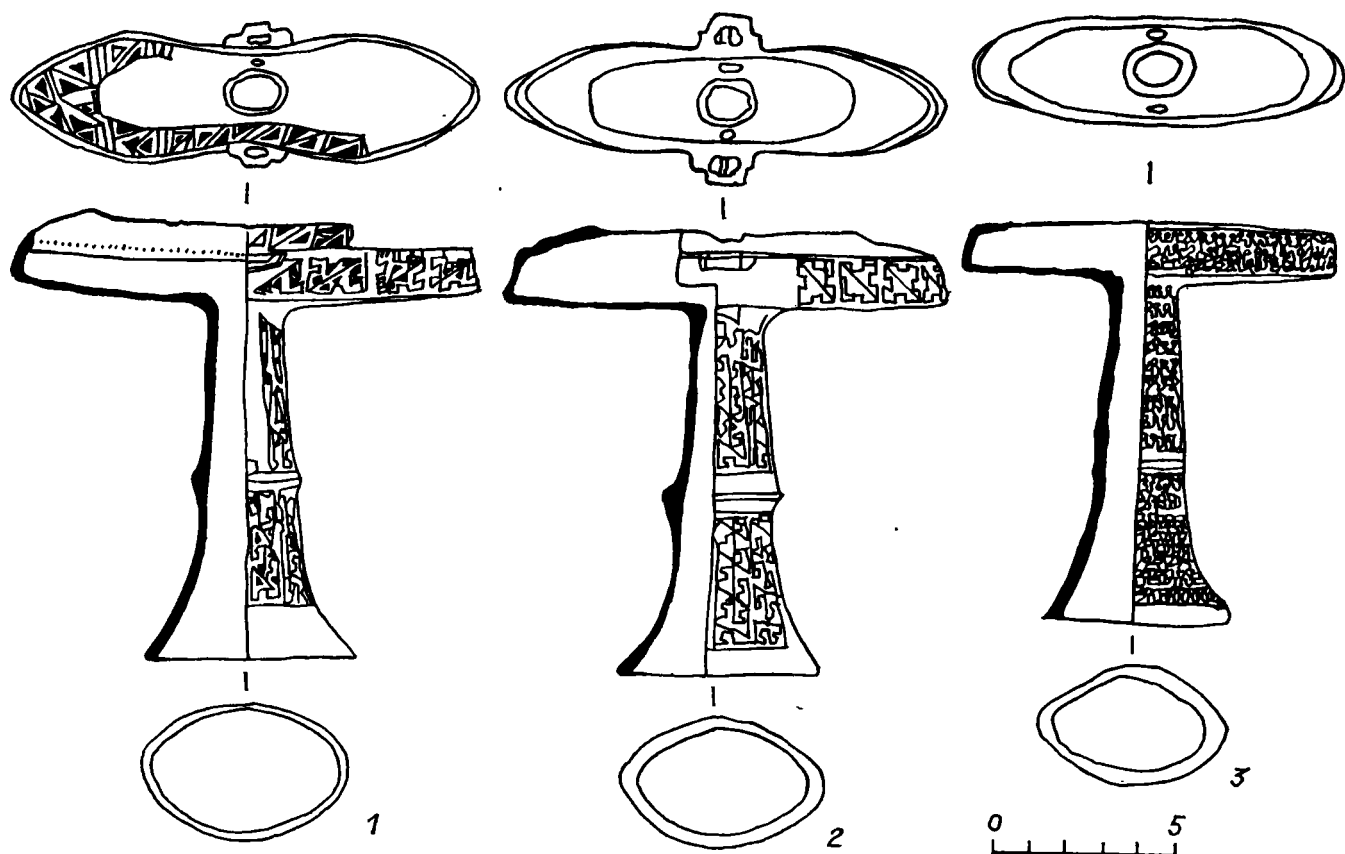

Рис. 4. Бронзовые рукояти дунбэйских кинжалов, найденные в уезде Цзяньпин.

пами на лезвиях — через переходные формы — к узким клинкам без выступов; их длина больше ширины в 7—9 раз. Профилированные экземпляры обозначены как тип А, узкие кинжалы с расширением в обуховой части — В, а сходные по пропорциям, но сохраняющие волнистость лезвий — С (рис. 5). Линь Юнь установил корреляцию указанных типов и выборочно отметил географию их распространения. Кинжалы с клинками А были распространены в провинциях Ляонин, Гирич, в юго-восточной части Внутренней Монголии, Северо-Восточном Хэбэе и на севере Корейского полуострова, тип В («северная ветвь») встречался во внутренней части этого района, а тип С («южная ветвь») — ближе к побережью. Линь Юнь в ряде случаев пересмотрел даты памятников и разработал хронологию указанных типов кинжалов (табл. 2).

Линь Юнь высказал убеждение, что распространение дунбэйских кинжалов шло с востока на запад, поскольку в районе Ляодуна обнаружены типологически наиболее ранние образцы, и отверг теорию принадлежности этих изделий дун-

ху. Если принять, что культура верхнего слоя Сяцзядянь оставлена дунху или их предшественниками, то и тогда необходимо отметить вторичный характер скрипковидных кинжалов на памятниках этой культуры. Линь Юнь считал, что изобретение такого вида оружия сделано обитателями Ляодуна: предками племен вэймо (емэк), включая гаогоули (когурё) и фуюй (пуё), а также чжэньфань (чинбон), чаосянь (чосон).

Статья Линь Юня вызвала критический отзыв Чи Ляя [1982], который подметил несколько просчетов. Так, он указал на совместное нахождение в пределах Ляодунского полуострова клинков А1 и С1, чего не заметил Линь Юнь. Однако из этого Чи Лэй сделал лишь вывод о более поздней дате А1 (хотя возможен и другой вариант — более ранняя дата для С1). Чи Лэй не принял удревнения возраста памятников и, настаивая на приоритете Ляоси, рассмотрел вариант распространения кинжалов, наоборот, с запада на восток. Культуру верхнего слоя Сяцзядянь оставили, по его мнению, шаньжуны китайских летописей, и он представил их как предшественников дунху. Это они, создав кинжалы с изогнутыми лезвиями, передали их затем соседним народам, в частности дунъя.

Ряд плодотворных идей высказал Цзинь Фэнъя [1982, 1983а, б]. На территории Дунбэя он выделил четыре района распространения кинжалов: Ляоси, Шэньян, Ляодун и Гирич — Чанчунь. Первый и отчасти второй были связаны, по его мнению, с культурой верхнего слоя Сяцзядянь (начиная с середины Западного Чжоу и до позднего Чжаньго), а памятники третьего района наследо-

Т а б л и ц а . 2

	1-й период				2-й период	
	Поздний Западный Чжоу?	Чуныцю		Чжаньго	Хань?	
Клинок	AI — AII	BI	—	BII —	BIII	
		CI		CII —	CIII	
Рукоять	A	BI	BII	BIII	BIV	
Навершие	I	II	II	III	IV	

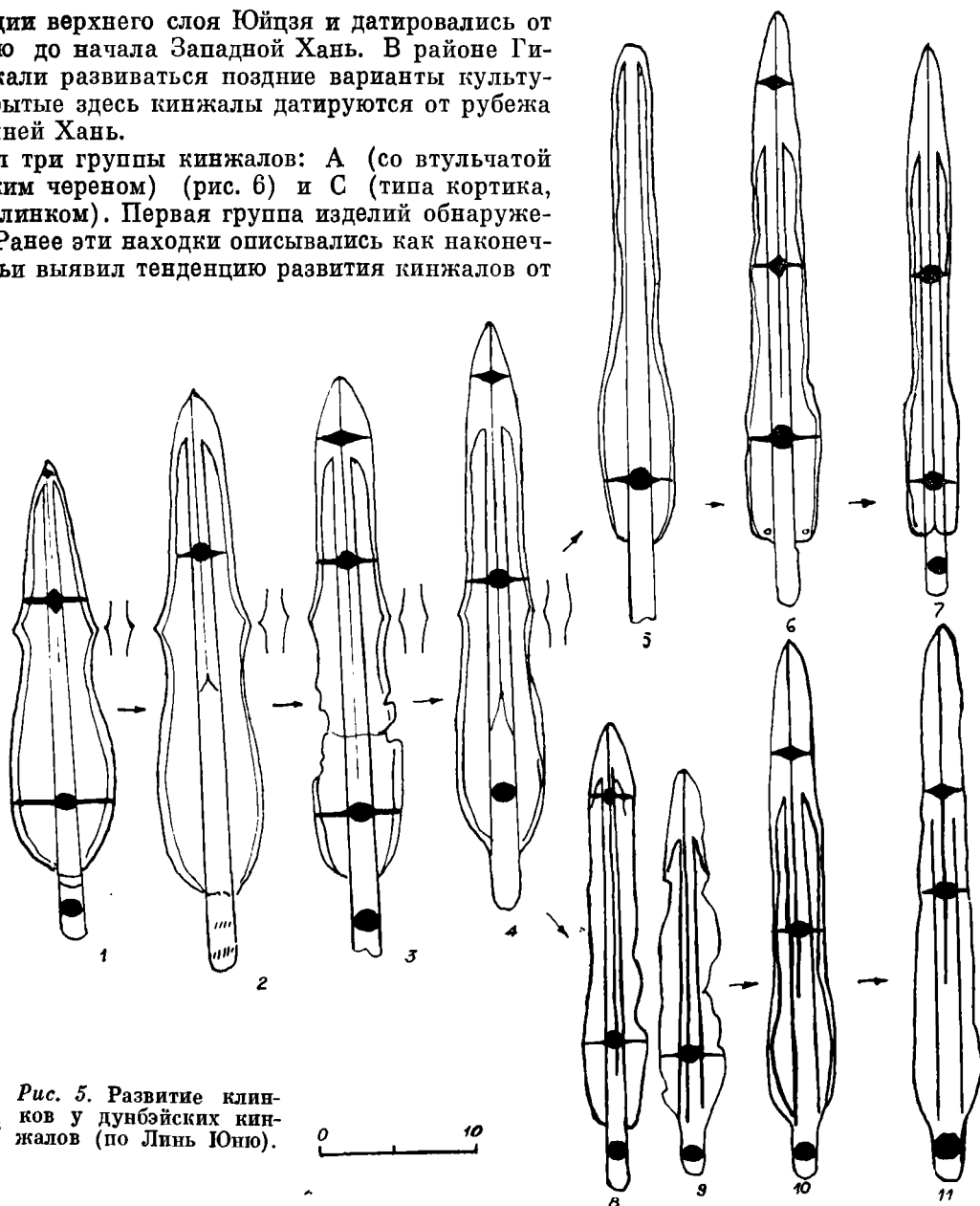
вали культурные традиции верхнего слоя Юйцзя и датировались от времени раннего Чуньцю до начала Западной Хань. В районе Гирин — Чанчунь продолжали развиваться поздние варианты культуры Ситуаньшань, а открытые здесь кинжалы датируются от рубежа Чуньцю-Чжаньго до ранней Хань.

Цзинь Фэнъи выделил три группы кинжалов: А (со втульчатой рукоятью), В (с коротким череном) (рис. 6) и С (типа кортика, ручка отлита вместе с клинком). Первая группа изделий обнаружена в основном в Ляоси. Ранее эти находки описывались как наконечники копий. Цзинь Фэнъи выявил тенденцию развития кинжалов от первого подтипа к шестому: клинок уменьшался, втулка из круглой становилась ромбической или многоугольной, намечалось перекрестье. Вторая группа наиболее многочисленна. Клинки постепенно укорачивались и утончались, «пика» увеличивалась, доли расширялись книзу. Выступы на лезвиях сглаживались, жилка выступала меньше или совсем исчезала. Закономерности развития бронзовых рукоятей примерно те же, что отметил Линь Юнь. Но Цзинь Фэнъи учитывал отношение длины цилиндра к длине верхней части — оно последовательно возрастало, отмечалось также постепенное исчезновение узоров. Для каменных утяжелителей он выделил шесть форм:

1) грибовидную; 2) в виде подушки; 3) граненую; 4) с канавками, 5) с сосковидными выступами; 6) аморфную. Общая тенденция их развития заключалась в уменьшении размеров и веса. В группу С были формально объединены различные находки, не поддающиеся единой типологии (рис. 7).

Немногочисленные находки на Корейском полуострове Цзинь Фэнъи выделил в особую подгруппу из-за своеобразных узлов на клинке. Он считал их специфическим произведением местных племен, созданным под влиянием ляодунских образцов и послужившим прототипом для так называемых тонких кинжалов. Поскольку наибольшее количество самых ранних форм находок сосредоточивалось в Ляоси, то Цзинь Фэнъи считал, что распространение подобного типа кинжалов, которые изготовлялись на этапе культуры верхнего Сяцзядянь, шло с запада на восток. Это объяснялось, по его мнению, близостью этой культуры к высокоразвитым цивилизациям Центральной равнины. Именно их воздействие способствовало развитию производительных сил на периферии. После непосредственного проникновения

Рис. 5. Развитие клинков у дунбэйских кинжалов (по Линь Юню).

культуры древнекитайских царств в Дунбэй специфическая форма кинжалов была вытеснена из Ляоси, а затем и из других районов.

Проанализировав письменные источники, Цзинь Фэнъи пришел к выводу, что культура верхнего слоя Сяцзядянь принадлежала дунху и отличалась от культуры шаньжунов. Принадлежность гиринских местонахождений поздней бронзы древним сушениям представлялась Цзинь Фэнъи очевидной. Памятники с кинжалами на территории Ляодуна он связал с дунху, однако считал, что среди них не было народа вэй (е), который обитал на Корейском полуострове, где и создал государство Древний Чосон. Поэтому Цзинь Фэнъи возражал корейским ученым, включающим в состав Чосона Ляодун и Ляоси.

Ряд работ посвящен оружию Юго-Западного Китая. Среди них следует отметить исследования Тун Энъичжэна. Кинжалы этого региона он подразделил на три большие группы. В группу А были включены изделия культуры «Ба-Шу». При всем сходстве среди них удалось проследить оп-

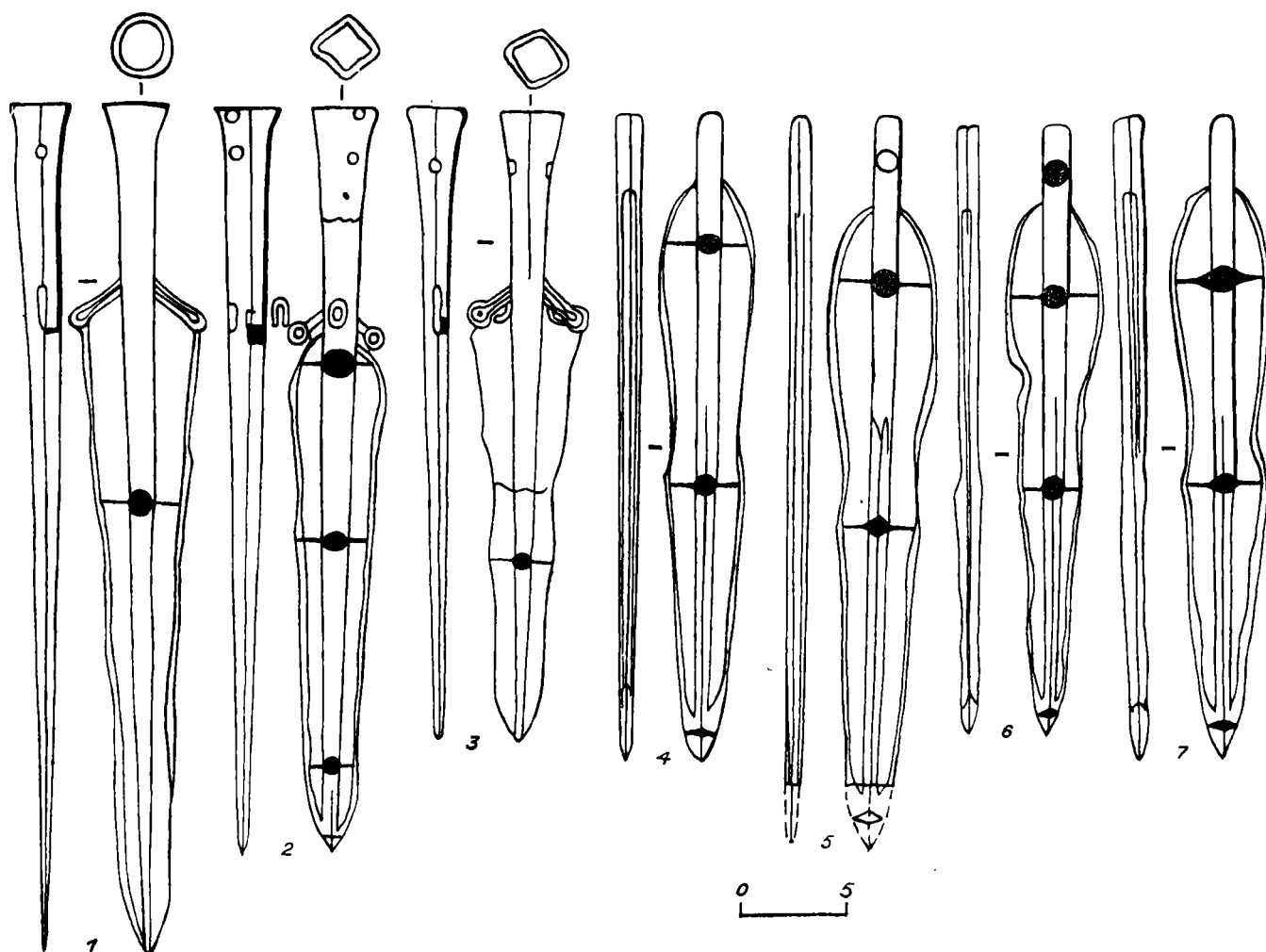

Рис. 6. Дупбойские кинжалы групп А и В (по Цзинь Фэнцзи), найденные в уезде Цзяньпин.

ределенные типологические различия и приуроченность выделенных разновидностей к определенным территориям, возможно занятым родственными народами ба и шу. Две другие группы кинжалов — В и С — Тун Энчжэн отнес к «юго-западным и»: В — к дянь, племенам елан и цюпду, С — к куньмин и родственным им кочевникам. Группа кинжалов А отражала, по его мнению, единую традицию с иволистными кинжалами Центральной равнины и, возможно, происходила от них. Группы В и С при всей местной специфике имели сходные черты с северными образцами, в то же время обнаруживалась их связь с кинжалами Чжунъюань раннего периода. Это свидетельствовало, как полагал автор, о «тесных связях различных национальностей и проявлении культурного единства нашей страны начиная с древнейших времен...» [Тун Энчжэн, 1977, с. 53]. В конце периода бытования последних двух групп появились мечи с бронзовой рукоятью и железным лезвием. Поскольку для С удалось проследить бронзовые прототипы, то Тун Энчжэн счел возможным пересмотреть свою точку зрения о северном происхождении биметаллических мечей (ср. [Фэн Хяпцзи, Тун Энчжэн, 1973, с. 56—57]).

В другой статье Тун Энчжэн [1979] проанализировал развитие клевцов гэ. Он выделил наиболее ранние шуские клевцы, которые характери-

зовались большим сходством с находками эпох поздней Инь — раннего Западного Чжоу на территории Центральной равнины, что свидетельствовало о тесных связях между Шу и ранним Чжоу. В связи с этим было высказано предположение, что раньше шуцы жили где-то в районе южной Ганьсу, откуда постепенно переместились на юг и принесли с собой элементы инь-чжоуской культуры. Шуские клевцы использовались также в Ба. Они послужили прототипом для более поздних дяньских клевцов.

Заслуживают упоминания также работы, хотя и посвященные раннему железу, но важные для определения тенденций развития оружия юго-западных районов Китая. Чжэн Цзэнци [1982, 1983] рассмотрел кинжалы с вильчатой гардой, которые он связал с комплексом оружия племени куньмин (рис. 8). Выяснилось, что в рамках именно этой группы изделий появляется биметаллическое оружие. Чжэн Цзэнци установил, что самый ранний образец биметаллического кинжала в Юньпани относится к концу Чуньцю — началу Чжаньго. Найденные в этом районе Китая 117 экз. мечей и кинжалов с бронзовыми рукоятями и железными клинками подразделяются на пять основных типов. Все они были, очевидно, изготовлены на месте (прежде всего в районе Дяньчжи) и для них можно подобрать соответствующие прототипы, изготовленные из бронзы.

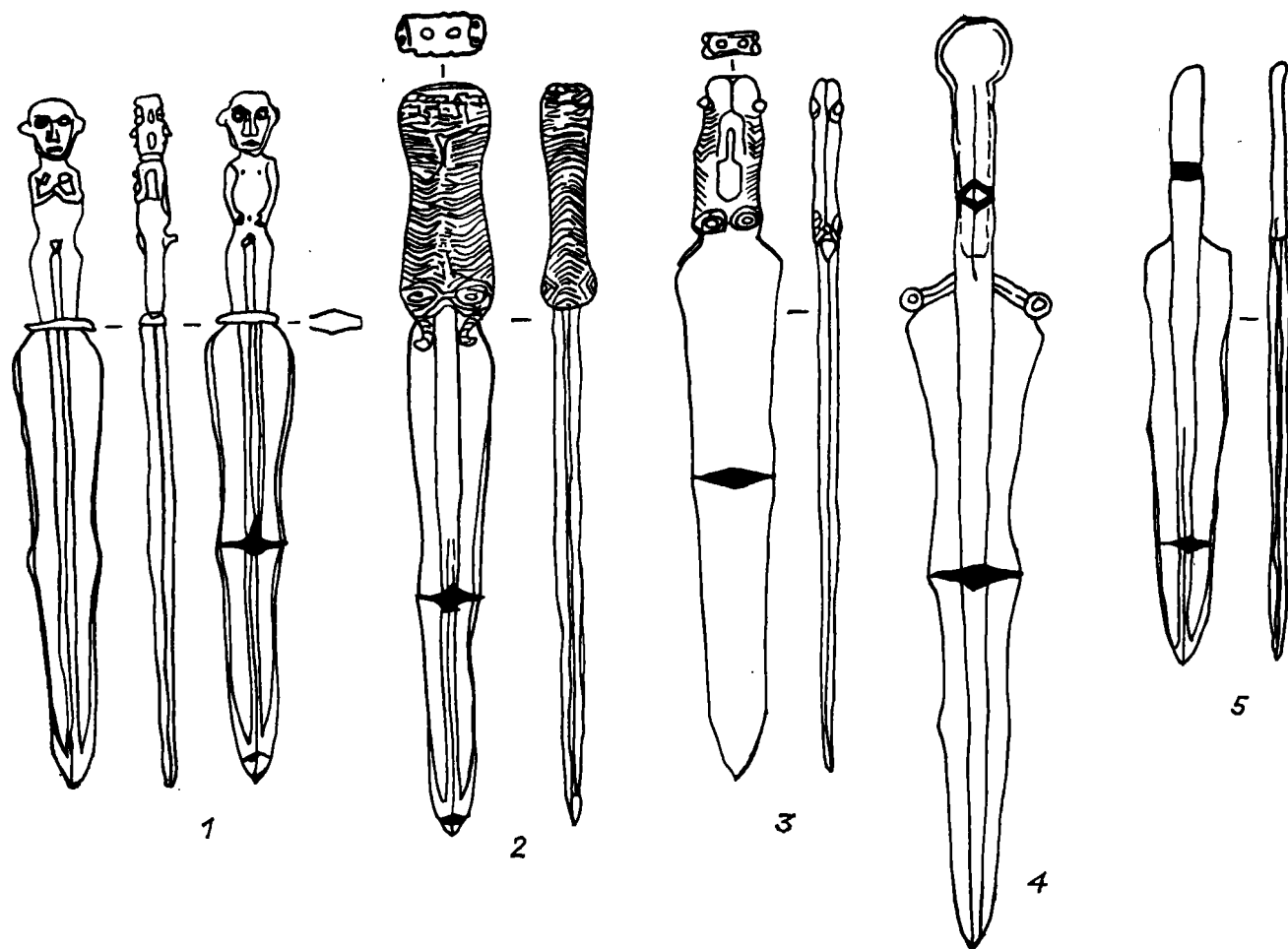

Рис. 7. Дунбэйские кинжалы группы С (по Цзинь Фэнья).

Необходимо упомянуть еще две публикации оружия, основанные на территориальном принципе. Статья Ло Сичжана [1985] представляет собой сводку находок в уезде Фуфэн, одном из главных центров формирования чжоуской цивилизации (рис. 9). Автор показал, что характерные для раннего Чжоу трезубцы *цзи*, напершия для бое-

вых шестов и ножевидные секиры не встречаются в Шан; одновременно шанские клевцы с изогнутым, «вислым» обухом не переходят в Чжоу. В статье Лу Ляньчэна и Ху Чжишэна [19836], посвященной оружию из юйских могильников в окрестностях г. Баоцзи, полученные материалы рассматриваются в сопоставлении с шуским комп-

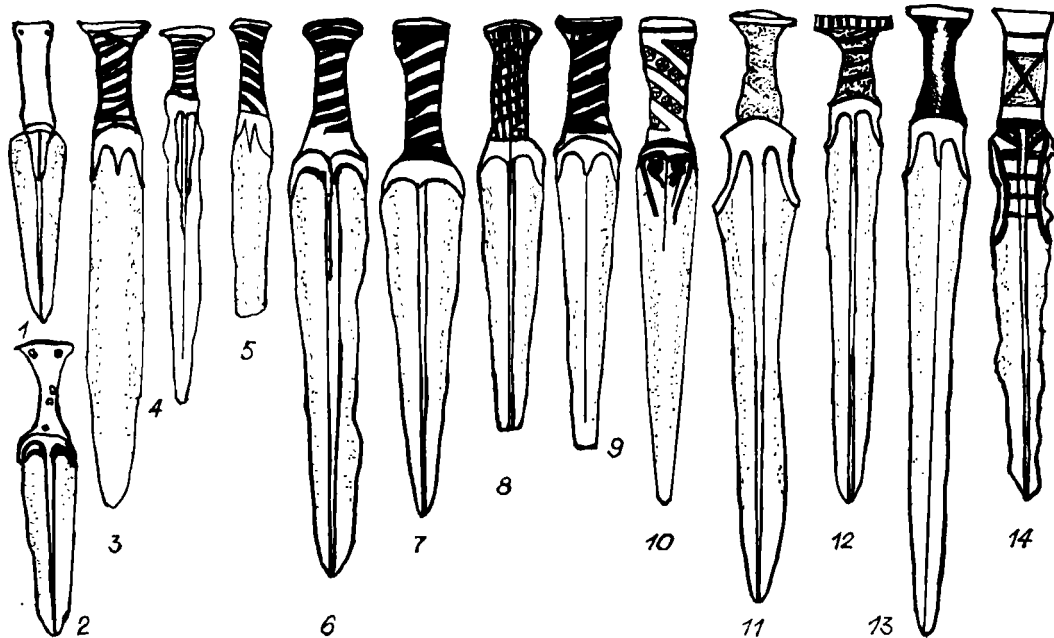

Рис. 8. Кинжалы юго-западных племен (по Чжэн Цзэнци).

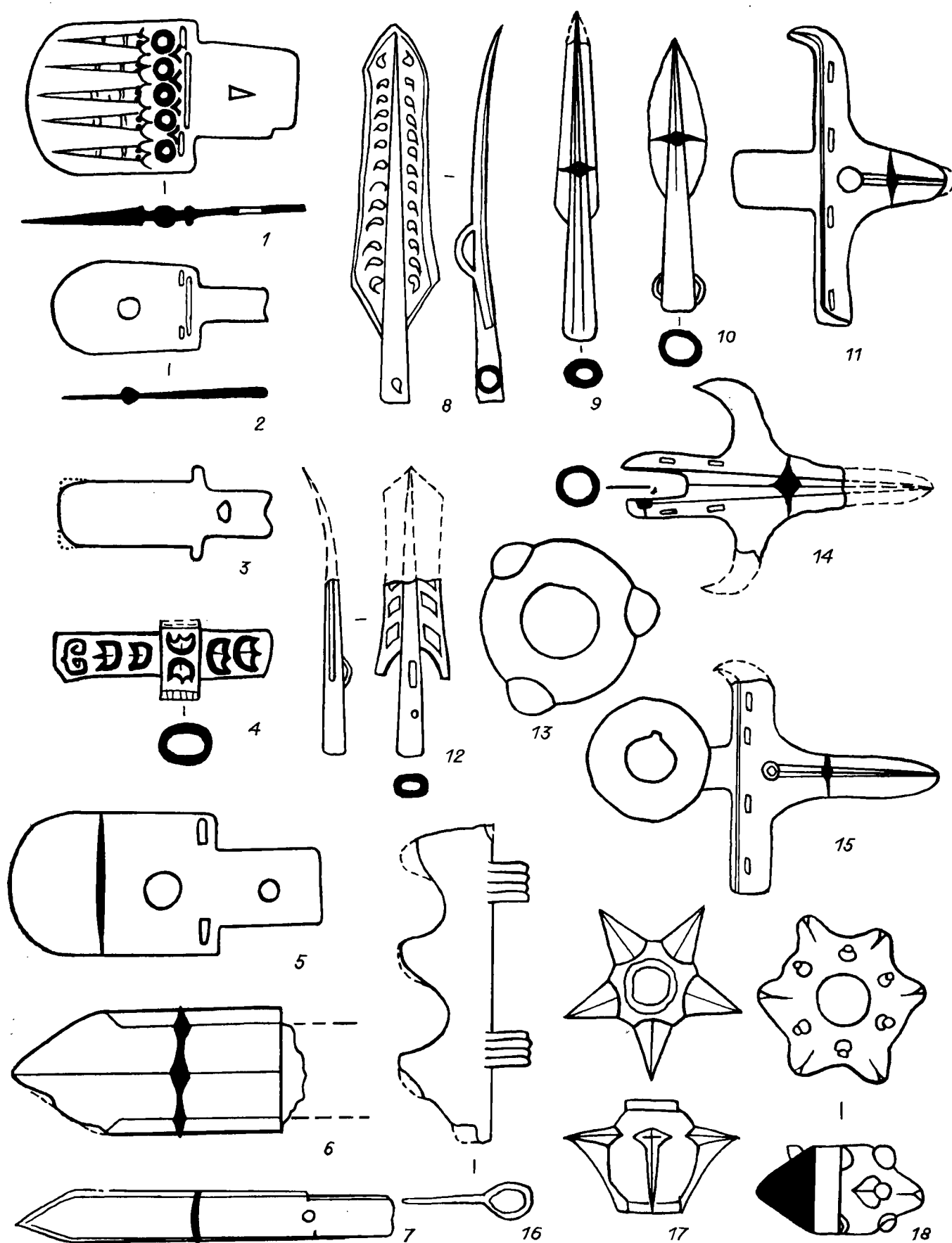

Рис. 9. Западночжоуское оружие, найденное в уезде Фуфэн, пров. Шэньси (по Ло Сичжану).

лексом. Такой подход позволил получить ряд важных выводов о развитии этнических процессов в этом регионе в хронологических рамках эпохи поздней бронзы.

Общие вопросы развития вооружения рассматривались Ян Хун. Он начал печатать исследования по проблемам оружия и колесной упряжки еще в 60-е гг. [Ян Хун, 1961]. В 70-е гг. в археологических и общесторических журналах была опубликована серия его новых статей [Ян Хун, 1974, 1976, 1977а, б, 1978, 1979а, б]. Отредактированные и дополненные, они составили затем сборник, который вышел в свет в 1980 г.

В него была включена статья «Доспехи в Древнем Китае», которую следует считать законченным исследованием монографического плана. Ян Хун утверждал, что чжоуские латы изготавливались из кожи и использовались воинами вместе с большими щитами в колесничном бою. Такое снаряжение надежно защищало от ударов бронзовым оружием. Доспехи из бронзы не получили распространения, так как в них не было особой необходимости. Ян Хун опубликовал также сводку по шлемам чжоуской эпохи. По его мнению, их использовали воины племен дунху. В качестве защитного вооружения применялись также большие металлические пластины, но не бронзовые блишки. В период Чжаньго началось изготовление железных доспехов.

В статье «Боевые колесницы и колесничный бой» Ян Хун рассмотрел материалы по проблеме, относящейся к числу ключевых в истории военного дела Древнего Китая. Он воспринял иньские и чжоуские колесницы как единое целое, выделяя лишь сравнительно небольшие количественные изменения этих объектов в рамках их единства. Такой подход вполне оправдан, поскольку решение основных конструктивных узлов чжоуской колесницы: дышловый способ запряжки, размещение кузова на пересечении оси с дышлом, наличие ярма-перекладины и ярм-рогатов на шее лошадей, использование колес со спицами, которые крепились на длинную трубчатую втулку, неподвижная ось и вращающиеся колеса, употребление металлических деталей,— все это было тесно связано с иньскими традициями. Однако необходимо отметить, что подобные черты присутствуют также колесницам пиньских районов Евразии. Следует к тому же помнить, что большинство западно- и центральноазиатских находок древнее китайских [Кожин, 1968, 1969, 1977б]. Игнорирование значительного количества материалов по колесницам за пределами Китая — досадный недостаток исследования Ян Хуна. Он выглядит тем более существенным, что в такого рода материалах многие исследователи усматривают доказательство тесных контактов иньцев с другими народами (см. [Васильев, 1976, с. 275—279]).

Ян Хун показал, что в рукопашных схватках воины на колесницах должны были применять оружие на длинных древках (рис. 10). К эпохе Чжаньго окончательно сформировались «пять видов оружия колесничного боя»: боевые шести *шу*, клевцы *го* и производные от них *цзи*, а также копья с длинной и со сравнительно короткой ручкой. В то же время боевое использование колесниц сильно ограничивалось природными условия-

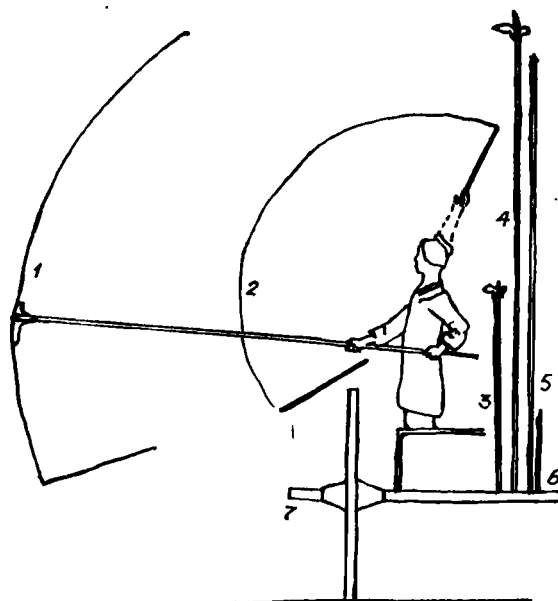

Рис. 10. Оружие колесничного боя (по Ян Хуну).

ми. Поэтому в течение последних столетий Восточного Чжоу они начали постепенно вытесняться конницей и пехотой. Ян Хун считал, что отдельные всадники появились в Китае в иньское время. Именно как могилу воина-кавалериста он интерпретировал совместное захоронение человека с набором оружия, лошади со сбруей и собаки, найденное в ходе 13-го сезона раскопок в Аньяне. Однако всадники не играли существенной роли в боевых действиях вплоть до конца IV в. до н. э., когда чжаоский Ули-ван первым из правителей государств Центральной равнины организовал отряды конницы для борьбы с племенами «трех ху».

Значительный интерес представляет статья Ян Хуна «Меч и нож». Однако более правильно ее название перевести следующим образом: «Оружие с двухлезвийной и однолезвийной полосой», поскольку к *цзянь*, помимо мечей, относятся кинжалы, а под *дао* подразумеваются палаши и сабли. Один из типов древнейших кинжалов начала Западного Чжоу найден в Чжанцзяпо. Долгое время это была единственная находка, однако в последние годы такие простейшие по форме изделия удалось обнаружить и на других памятниках. Кроме того, Ян Хун выделил еще два типа кинжалов. Один из них представлен находками в западночжоуских могилах Байцаопо. Весьма интересной представляется мысль Ян Хуна о связи этих находок с Юго-Западом. Однако в целом простая форма байцаопоских кинжалов могла быть и местным изобретением.

Этого нельзя сказать о третьей группе — так пазываемых кинжалах с шипами, наивершие которых бубенчиковидное, грибовидное или зооморфное по форме. Ян Хун справедливо заметил проявление в них стиля оружия северных степных народов. Однако итоговый вывод, сделанный им, нелогичен. Находки кинжалов второй и третьей групп в иньско-чжоуских могилах он объявляет не только доводом наличия культурных контактов, но и свидетельством того, что Китай «...с древности был многонациональным единым

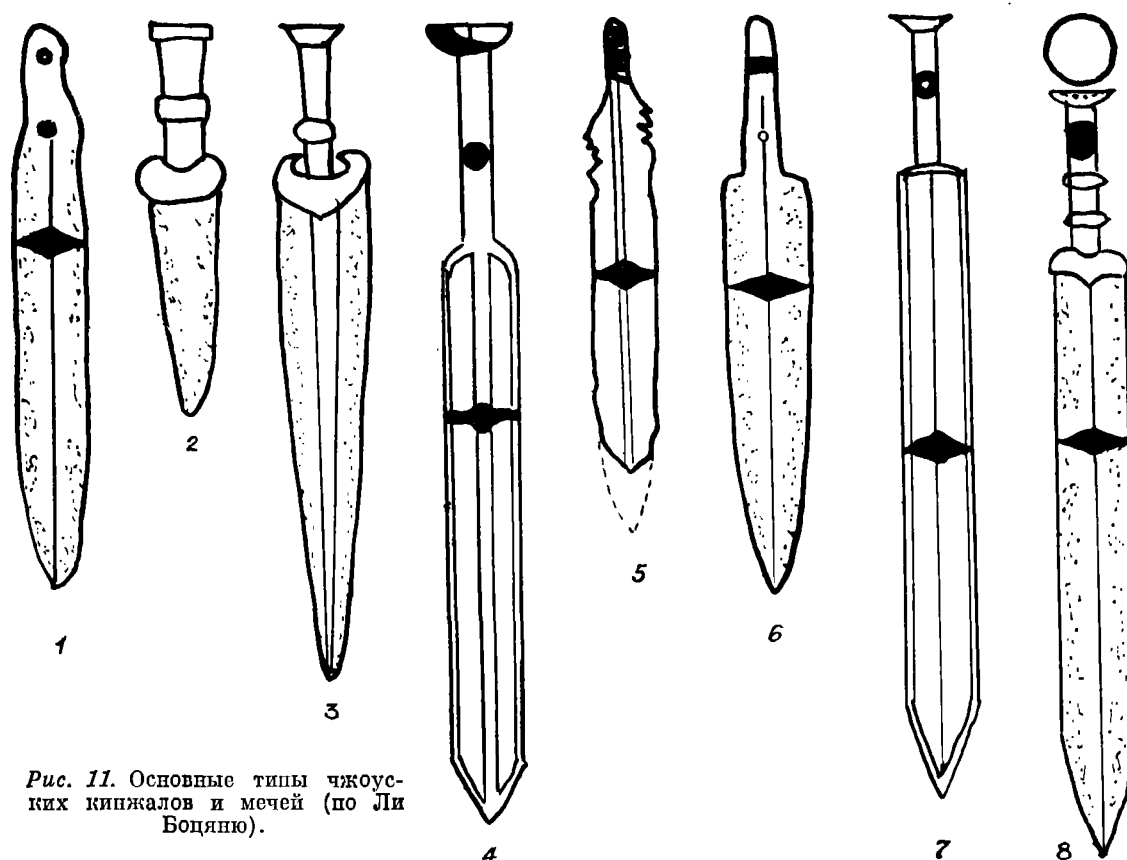

Рис. 11. Основные типы чжоуских кинжалов и мечей (по Ли Боцяню).

государством». Распространение в Китае мечей «восточночжоуского типа» Ян Хун связал с началом постепенного преобладания в войсках пехоты. Не случайно такие изделия в больших количествах находят в границах государств У и Юэ, где из-за условий местности колесницы не могли широко использоваться в бою. Однако проблема происхождения этого вида мечей, которые типологически не выводятся из более ранних образцов, осталась невыясненной.

Оценивая сборник статей Ян Хуна в целом, следует как положительно отметить широкое использование им, помимо письменных, и археологических источников, стремление изучать оружие не только с точки зрения вещеведения, но и в значительно более широком историко-культурном контексте. Поэтому, несмотря на отмеченные недостатки, а также на отдельные методологические просчеты, эта публикация Ян Хуна воспринимается как важное событие в китайском оружейведении².

Поставленные Ян Хуном проблемы разрабатывались также другими исследователями. Так, о бронзовых мечах писал Бай Хуавэнь [1976]. В его сообщении высказана мысль о том, что на протяжении периода Чуньцю кинжалы и мечи служили рабовладельческой аристократии в качестве социально-отличительных предметов. С периодом Чжаньго, когда, по мнению автора, Китай вступил в стадию феодализма, мечи получили

сравнительно широкое распространение среди чиновников и воинов. После вытеснения боевых колесниц они стали одним из главных видов оружия пехоты и развивающейся кавалерии.

Тем не менее вопросы типологии и происхождения «восточночжоуских» мечей пока остаются слабо разработанными. Как показал Ли Боцянь [1982a], под общим названием в действительности объединены несколько различных типов изделий. Он выделил четыре типа: А — с клинком удлиненно-треугольной формы и плоской рукоятью без наконечника; В — с цилиндрической жилкой по центру, подразделяющийся на два подтипа — с наконечником (четыре меча из Шанцуньлина) и без него (один экземпляр из Чжунчжоулу); С — длинный клинок с параллельными лезвиями, узкой гардой и круглой поллой рукоятью с наконечником; D — клинок такой же, как у предшествующего типа, а гарда несколько шире, рукоять сплошная, с двумя-тремя поясками. Сходство двух последних типов объясняется их влиянием друг на друга (рис. 11).

Ли Боцянь выдвинул гипотезу о том, что разные типы мечей отличаются по происхождению. Тип А он убедительно связал с «иволлистными» кинжалами раннего Западного Чжоу. Кроме того, с той же разнородностью изделий оказались сходными и, очевидно, тесно связанными кинжалы государств Ба и Шу. Тип В считается каким-то образом соотносимым с дунбайскими кинжалами с цилиндрической жилкой. Правда, на основании собранных пока материалов трудно решить, обусловлено это взаимовлиянием, генетической преемственностью или же происхождением из общего источника. Подобная осторожность Ли Боцяня в выводах вполне оправдана, поскольку единого

² После выхода книги опубликована статья Ян Хуна на английском языке, в которой дается популярный очерк развития древнекитайского оружия от доисторических времен до Восточной Хань включительно [Yang Hong, 1982].

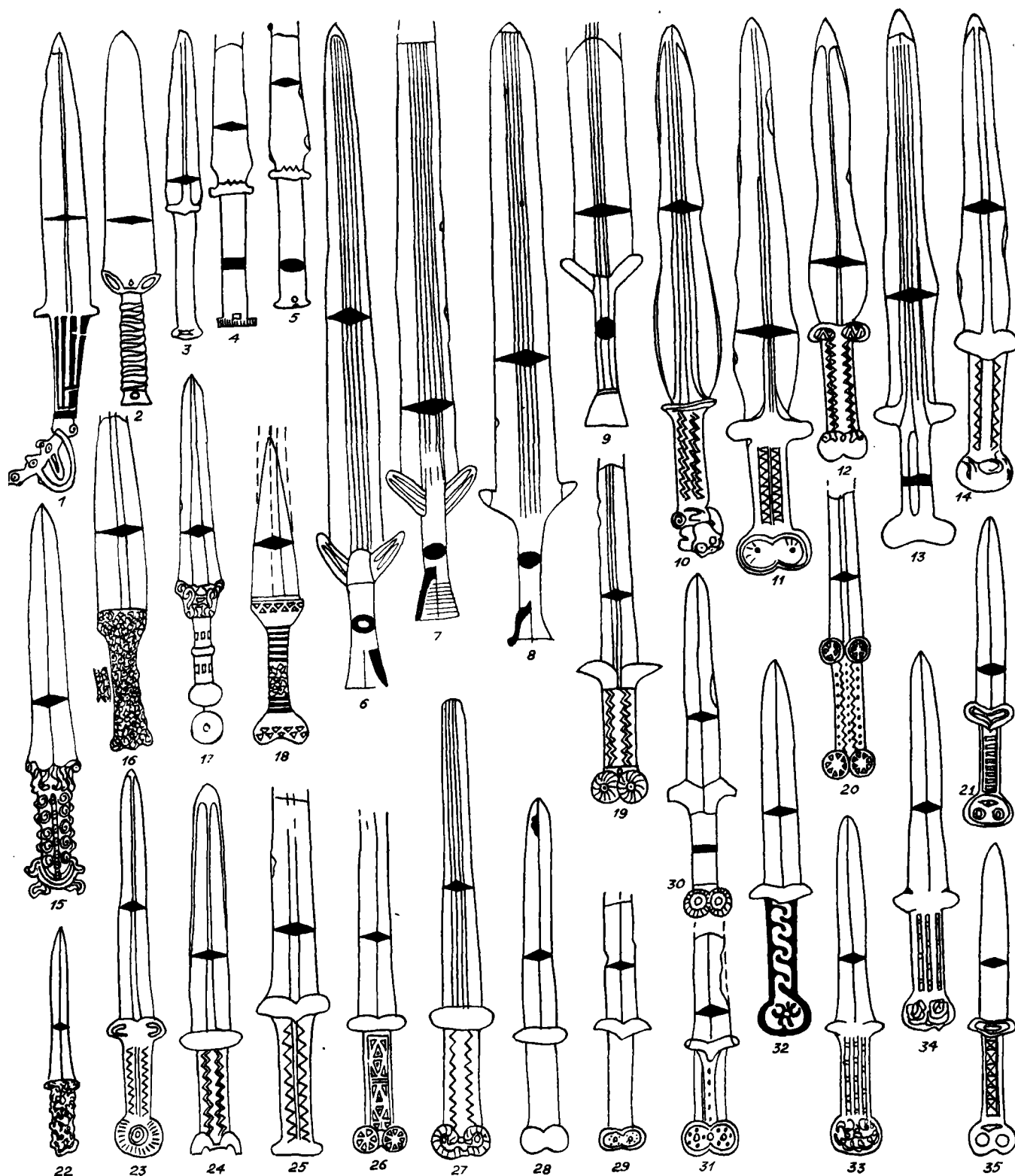

Рис. 12. Бронзовые кинжалы, найденные в пров. Хэбэй (по Чжэп Шаоцзуну).

типологического ряда построить не удастся. Кинжал из Хоумучэнцзи, который используется им в качестве аналога, действительно похож на экземпляр из Чжунчжоулу, но он сравнительно поздний и происходит от дунбэйских кинжалов. В то же время малочисленность типа В, его концентрация в пров. Хэнань, исчезновение таких кинжалов на последующих этапах развития культуры в пределах Центральной равнины наводят на мысль

о происхождении их извне. Тип D можно вывести от более ранних экземпляров сходного оружия, обнаруженного в юэских могилах пров. Хуань и Аньхой. Ли Боцянь обратил внимание на кинжал, найденный в Чансин (пров. Чжэцзян), который можно воспринять как прообраз типа С. Мысль о южном происхождении наиболее распространенного типа восточножоуских мечей (около 79% известных находок составляют мечи типов С

и D) представляется оправданной. Однако вряд ли есть необходимость подразделять два близких варианта мечей на генетически разные ветви.

Статья Чжан Шаоцзуня [1984] вновь обращает нас к проблеме «северных кинжалов». Автор предлагает называть все находки на территории северных и северо-восточных провинций с позднего периода Шан до конца Чжаньго единым термином: «китайские северные бронзовые кинжалы». Предложенное название нельзя признать удачным, поскольку оно, во-первых, скрывает существенные различия типологического и, очевидно, генетического плана между различными кинжалами и, во-вторых, искусственно отграничивает их от карасукских и скифских бронз. Для дальнейшего изучения выбран оригинальный материал — 51 кинжал и меч, найденный в пров. Хэбэй, — публикация которого представляет огромный интерес для специалистов (рис. 12). В статье он отнесен к семи хронологическим периодам, внутри которых прослеживаются изменения форм и узоров, что дает основание для ряда важных замечаний (например, о раннем появлении прототипов сюннукских кинжалов). Однако датирование конкретных находок тем или иным периодом аргументировано слабо, выделение кинжалов из культурного контекста не компенсировано их типологическим анализом. Последнее связано, очевидно, с исключительным разнообразием материала.

Чжан Син [1984] в специальной работе проанализировал вопросы происхождения так называемых «антенных кинжалов» (рис. 13). Он исследовал взаимное влияние различных групп этой категории оружия. «Антенные кинжалы» образовались на базе ордосских, которые имели двуколычатое навершие и подвергались воздействию со стороны профилированных клинков Дунбэй. Их формирование относится ко второй половине Чжаньго. В первой половине Западной Хань они становятся биметаллическими. Чжан Син отнес бронзовые «антенные кинжалы» к племенам вэймо, а биметаллические — к ухуаням; однако его аргументация представляется неубедительной. И прежде всего неясно, почему «антенные кинжалы» в процессе развития меняют своих «хозяев». Этот тип как бы завершает линию развития двух больших групп — ордосских акинаков и дунбэйских кинжалов; его поздние варианты через Корейский полуостров проникают на территорию Японии.

Завершая краткий историографический обзор, необходимо отметить особое значение для решения проблемы оружейведения некоторых обобщающих изданий последних лет. Важные итоги археологических исследований подведены в юбилейном сборнике «30 лет работы [в области] археологии и материальной культуры» [1979]. Поскольку его авторы избрали территориальный, а не тематический принцип изложения, в целом сведения о вооружении в издании не выделяются. Однако по некоторым его видам в сборнике публикуется достаточно подробный материал. Так, сведения о дунбэйских кинжалах приводятся в разделах «Археологическая работа в пров. Хэбэй за прошедшие 30 лет» и в «Очерке новых успехов археологии в пров. Ляонин». В первом случае

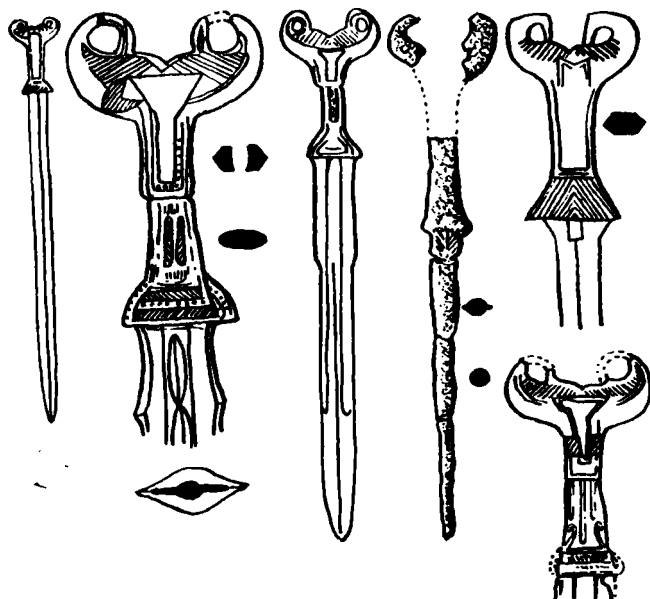

Рис. 13. «Антенные» кинжалы (по Чжан Синю).

дело ограничивается лишь коротким упоминанием о находках, которые «все считают остатками народа дунху периода Чжаньго» [30 лет работы..., 1979, с. 40]. Во втором сведения о кинжалах более пространны. В частности, отмечено, что Ляонин представляет собой район наибольшей концентрации бронзовых кинжалов на севере Китая. Автор выделил среди них три группы изделий: 1) в виде кортиков («би шоу»), у которых рукоять отлита заодно с клинком; 2) с профилированным клинком, отлитым отдельно от Т-образной рукояти; 3) в виде копья со втульчатой рукоятью. Последняя разновидность выделена сравнительно недавно. Ранее подобные находки считали накопечниками копий и не учитывали, что их перо слишком велико (непропорционально небольшим размерам втулки). Кинжалы первой и третьей групп обнаружены в могильниках культуры верхнего слоя Сяцзянь (тип Наньшаньгань), датированных поздним Западным Чжоу — ранним Чуньцю. Наиболее многочисленная вторая группа подразделяется на три типа. У кинжалов первого типа длинный и широкий клинок с изогнутыми лезвиями, короткая колющая часть (так называемая пика) и деревянная рукоять; они датированы концом Чуньцю — началом Чжаньго. Для третьего типа кинжалов, распространенного на Ляодуне, характерны узкий клинок с прямыми лезвиями, длинная «пика» и украшенная тонким узором бронзовая рукоять. Такие изделия использовались вплоть до позднего периода Чжаньго. Второй тип занимает промежуточное положение между первым и третьим.

Подобные кинжалы относятся к разным культурным типам. Однако в целом, как считают авторы издания, «такого рода культура бронзового века в основном отражает облик эволюционирующей культуры бронзового века различных народов в пределах государства Янь» [Там же, с. 91—92].

В 1984 г. был издан еще один подобный сборник — «Археологические открытия и исследова-

ния в новом Китае». Он представляет собой самый полный обзор китайской археологии от палеолита до позднего средневековья. Материал сборника сгруппирован, на наш взгляд, наиболее оптимально: большие разделы выделяются по хронологическому принципу, а главы и параграфы внутри них — по различным регионам и проблемам. Историческая эпоха вновь подразделяется на династии, без отработки собственно археологической периодизации. Оружие специально не анализируется, однако ему уделяется необходимое внимание при изучении отдельных культур и объектов. Некоторые аспекты его изготовления затронуты в параграфах о бронзолитейном и железоделательном производстве. Особый раздел посвящен иньско-чжоуской периферии. В целом внушительный по объему (около 700 страниц текста и 240 таблиц) компендиум, созданный коллективом ведущих ученых под руководством Ся Ная, является наглядным свидетельством значительных достижений китайской археологии.

Как важное событие в изучении бронзового века Китая следует воспринимать выход в свет в 1979 г. монографии «Археология Шан и Чжоу». По ценности это издание перерастает рамки обычного учебного пособия, каковым оно представлено. В книге не только подробно описываются полученные в ходе раскопок материалы, но и приводятся обобщения, вызывающие значительный интерес (см. рец.: [Лу Му, 1980]). Целый раздел монографии посвящен периоду Западного Чжоу — начала Чуньцю, т. е. эпохе поздней бронзы, хотя это деление специально не аргументировано. Поскольку авторский коллектив во главе с Цзоу Ханом основной упор сделал на социально-экономические аспекты, то традиционные для археологии сравнительно-типологические изыскания заняли в исследовании незначительное место. В частности, чисто иллюстративными по характеру оказались сведения об иньско-чжоуском оружии.

В 1980 г. было опубликовано небольшое, но весьма полезное справочное издание Ду Найсуна. Словарный материал сгруппирован в нем по специальным рубрикам (орудия труда, ритуальная утварь и т. д.). Один из разделов посвящен оружию. Изданием такого словаря сделан важный шаг в актуальной сфере — унификации терминологии, связанной с китайским оружием. К сожалению, изложение зачастую страдает излишней краткостью. Так, о кинжалах лишь походя сказано в статье «Меч»: «Короткий меч также называется кинжалом» [Ду Найсун, 1980, с. 63]. Но ведь изучение кинжалов давно стало одной из важных тем китайского оружейоведения. Достаточно сказать, что на территории КНР обнаружено несколько различных типов кинжалов и вопросы их происхождения — предмет оживленных дискуссий в среде археологов.

Из оборонительного оружия в справочнике упомянут только шлем, тогда как китайские археологи нашли также бронзовые детали панциря, умбоны для щитов и «защитные блишки», которые нашивались на одежду воина. Ду Найсун оставил вне внимания важные вопросы принадлежности (в этническом плане) и происхождения отдельных видов бронзовых изделий. Не рассмотр-

ены им и проблемы генезиса древнекитайской бронзы³.

Кроме перечисленных работ, сведения по оружию содержатся в сводных трудах по бронзовому веку Китая [Го Баоцзюнь, 1964; Ма Чжэньюань, 1982], в сопроводительных текстах к альбомам древнекитайских бронз [Собрание..., 1976; Бронзовые орудия..., 1979, 1980, 1984], а также почти в каждой публикации о раскопках конкретных памятников, где удавалось найти оружие. Но каждый автор интерпретирует материал по своему усмотрению, поскольку в китайской археологии до сих пор не созданы ни стандарты, ни общие принципы описания и классификации оружия. Подводя итоги, можно констатировать, что к настоящему времени достигнуты несомненные успехи как в изучении конкретных видов оружия (клевцов, мечей и кинжалов, доспехов), так и отдельных территорий (особенно Северо-Востока). Однако специальные работы обобщающего характера пока не созданы. Все упомянутые периоды в разработке проблем оружейоведения древнего Китая связаны не с развитием самой археологической науки, а с внешними, в основном политическими воздействиями. С точки зрения историографии китайское оружейоведение в целом находится на начальном этапе накопления и первичной обработки материала.

* * *

Вопросы китайской археологии привлекают пристальное внимание специалистов по древним культурам в Японии и Корее. Японские археологи проявляют давний и устойчивый интерес к китайским древностям. В 30—40-е гг. исследования на оккупированной территории вели такие известные археологи, как Умэхара, Эгами, Мицуню. Опубликованный ими материал во многом уникален, поскольку часть его была утеряна во время военных действий, а часть вывезена из Китая.

Из числа работ 60-х гг. заслуживает внимания статья Акиямы Синго [1968, 1969]. В ней он предложил своеобразную типологию дунбэйских кинжалов, которые называл ляонинскими. Акияма выделил среди них три типа изделий. По его мнению, они изготовлялись дунху; тонкие кинжалы четвертого типа он связал с культурой древнего Чосона, а ордосские кинжалы — с сюнну. Сравнивая вещи, найденные с ляонинскими кинжалами, и образцы из Чжунъюань, Акияма выделил два хронологических этапа использования кинжалов: соответственно V — середина IV и

³ Ду Найсуном написан также ряд статей по отдельным видам бронзовых изделий, в частности обобщен материал по бронзовым секирам [Ду Найсун, 1983]. Он возводит их происхождение к каменным топорам эпохи неолита и даже палеолита. Сравнительно много секир найдено на шанских памятниках, а в западночжоуских их количество уменьшается, хотя одновременно появляются новые, специфические формы. В период Чуньцю и Чжаньго бронзовые секиры распространяются в основном на территории южных провинций. На основе анализа письменных данных Ду Найсун показал, что секиры использовались как церемониальное и ритуальное оружие.

III в. до н. э. Типологические разработки Акиямы оказали определенное влияние на исследования китайских и корейских археологов. Однако оправданность его тезиса об отсутствии прямой эволюционной связи между скрипковидными и узкими бронзовыми кинжалами вызывает сомнение [Бутин, 1978, с. 154].

Наиболее детальный анализ оружия Китая бронзового и раннего железного веков осуществил Хаяси Минао [1972]. Он выделил 11 видов вооружения, каждому из которых посвятил особую главу в монографии. Это клевцы, трезубцы, копья, топоры, ножи, мечи и кинжалы, боевые шести, луки, арбалеты, стрелы, щиты и доспехи. Каждая глава книги Хаяси включает обзорный параграф с таксономией соответствующего вида оружия. Там же приводятся его общие характеристики и дается подборка цитат из письменных источников, которые сопровождаются комментариями. Последующее описание материала произведено по подвидам (например, топоры подразделены на секиры и собственно топоры), а в хронологическом плане — по периодам и подпериодам. Степень хронологической дробности предопределялась характером образцов оружия. Так, в развитии клевцов Хаяси выделил 15 этапов. Итоги исследования подведены в заключительной главе монографии. В ней детально представлены изменения форм и способов применения различных видов оружия. Два параграфа этой главы — «Западный Чжоу» и «Ранний и средний периоды Чуньцю» — посвящены эпохе поздней бронзы. Хаяси отметил, что в Западном Чжоу появляются новые виды вооружения, в частности трезубцы *цзи* и кинжалы. Однако главным оружием оставались клевцы, которые применялись в сражениях войсками, защищенными щитами. Эта мысль подтверждается многочисленными совместными находками клевцов и бронзовых блях-умбонов. Тот факт, что наконечники копий стали изготавливаться более узкими, связан, по мнению Хаяси, с появлением защитных доспехов. Основываясь на письменных источниках и эпиграфике, он утверждает, что в эпоху Западного Чжоу формировались постоянные военные отряды, где значительную роль играли покоренные иньцы. В больших сражениях принимали участие по нескольку сот боевых колесниц, которые были основной ударной силой. Вместе с колесницами в бой вступали также несколько тысяч пехотинцев.

В первую половину Чуньцю продолжалось развитие наметившихся традиций. Клевцы в это время приобрели более закругленные формы. Они использовались в качестве ударного и рубящего оружия. Появились первые короткие мечи. Помимо традиционных двухлопастных наконечников стрел стали применяться также наконечники иных форм. Новшества в этой области Хаяси объясняет тем, что перестрелка между сражавшимися на колесницах войсками-аристократами стала основным способом ведения боя. В приложениях к монографии Хаяси рассмотрел взаимосвязь оружия различных периодов с другими классами находок, в основном с бронзовыми сосудами. Значительный интерес вызывает подборка находок, возраст которых на основании надписей на них определен в абсолютных датах.

К недостаткам книги Хаяси следует отнести невнимательность к открытиям, сделанным археологами при изучении древних культур сопредельных с Китаем территорий. В частности, он не использовал ни одной публикации советских археологов, даже те, которые были в 50-е гг. переведены на китайский язык и которые он не мог не встретить, просматривая соответствующие археологические журналы. Что касается западных исследователей, то издания их представлены в книге без должной полноты. Лишив себя тем самым сравнительного материала, Хаяси не смог прийти к обобщениям этнокультурного уровня.

Определенный интерес представляют также труды японских историков, посвященные Корее. Так, Такаси Хатада высказал идею, что бронзовое оружие и снаряжение для лошадей принесли в Маньчжурию и на Корейский полуостров сюнну. Однако еще большее воздействие на эти территории оказала будто бы восточная экспансия Китая [Takashi, 1969, p. 5]. Диаметрально противоположной точки зрения придерживаются историки КНДР, включавшие Ляонин и Гирич (культура Ситуаньшань) в зону расселения протокорейских племен [The Outline..., 1977, p. 8—13]. В 70-е гг. в Пхеньяне было опубликовано несколько обобщающих археологических исследований, авторы которых доказали принадлежность культуре Древнего Чосона скрипковидных кинжалов, копий, бронзовых кельтов с «веерообразными» лезвиями, а также других находок из района северо-запада Кореи и междуречья Ляохэ — Сунгари [Бутин, 1981а, б, 1982]. Копии дунбэйских кинжалов, найденных в Хоумучэнги и в районе Дунцзя, опубликованы в издании, посвященном памятникам истории Кореи [Исторические памятники..., 1980, ил. 161].

Южнокорейские историки, обращаясь к тем же проблемам, отмечают, как правило, значительное влияние на развитие бронзовых изделий Кореи со стороны скифо-сибирских культур Севера [Wanne, 1972, p. 9—12]. Ким Джонг Хак, посвятивший значительную часть своей работы типологическому анализу бронзовых кинжалов, пришел к следующему выводу: «Культура бронзового века Корейского полуострова прямо связана с культурой района Ляопина, которая, в свою очередь, связана с культурой Южной Сибири. Связи, похоже, осуществлялись через район Великой стены. Для понимания культуры бронзового века Кореи необходимы прямые сравнения с районом Ляопина, а также косвенные сравнения с Суйюанью и Южной Сибирью» [Kim Jeong-hak, 1978, p. 158—159]. Он также считал, что влияние цивилизации Центральной равнины на бронзовый век Кореи и Ляопина началось сравнительно поздно.

Большинство южнокорейских ученых относит начало бронзового века Кореи примерно к 700 г. до н. э. и связывает его с продвижением племен эмак, которые принесли с собой достижения сибирско-ордосской культуры. Некоторые археологи пытаются сопоставить корейскую бронзу непосредственно с карасукской культурой. В качестве особенностей раннего бронзового века выделяются грубая керамика без орнамента и кинжалы «ляонинского» (дунбэйского) типа. Однако в 1976 г. в юго-западной части Корейского полуострова на-

шли 26 бронзовых кинжалов, сходных с восточно-чжоускими мечами. Они послужили основой для некоторых местных типов бронзовых кинжалов и каменных реплик с них. Таким образом, наряду с северными влияниями необходимо учитывать и контакты с Южным Китаем (очевидно, морским путем) [Kim Wong-Yong, 1981, p. 30—33].

* * *

Значительный вклад в изучение материалов по вооружению Древнего Китая внесли европейские исследователи. Первоначально основное внимание они уделяли отдельным разделам культуры кочевых народов Севера, в частности «звериному стилю» в искусстве, предметам вооружения. Заметный след в изучении «китайско-сибирских» бронз оставили П. Райнеке, Э. Минз, А. Тальгрэн, М. Ростовцев, А. Сальмони. Ведущая роль в области исследования древнекитайских и ордосских бронзовых изделий долгое время принадлежала, однако, шведским востоковедам — Бернгарду Карлгрэну, Орвару Карлбеку, Олову Йенсу и Юхану Гуннару Андерсону. Роль последнего в развитии китайской археологии вообще трудно переоценить. В статье «Путь через степи» Ю. Г. Андерсон опубликовал несколько специфических бронзовых изделий, которые позволили выделить самостоятельную провинцию «звериного стиля» — суйюаньскую. Сравнивая эти материалы с изделиями других районов, Ю. Г. Андерсон показал значительную культурную роль степных обитателей Евразии. Открытые степи связывали отдаленные области и служили мощным каналом для передачи культурных импульсов [Andersson, 1929].

В другой статье Ю. Г. Андерсон предложил назвать ту же провинцию ордосской. Он ввел в научный оборот изделия из бронзы из собрания Музея дальневосточных древностей, в том числе кинжалы, боевые топоры и клевцы. Ю. Г. Андерсон сравнил находки из зоны Ордоса с коллекциями Минусинского музея и отметил как сходные черты их, так и отличия. Поскольку его материалы представляли собой случайные собрания, то в таблицах оказались сведенными изделия разных культур и периодов. Это, впрочем, понимал и сам Ю. Г. Андерсон, по все же считал, что большая часть находок принадлежала сюнну ханьского и доханьского времени [Andersson, 1932, 1933]. Как теперь стало ясно, в «ордосской коллекции» были представлены изделия не только сюнну, но и дунху, а также иных культурных традиций. В целом публикации Ю. Г. Андерсона сохраняют свою ценность до сих пор при этнокультурных реконструкциях степной зоны Центральной и Северной Азии.

Б. Карлгрэн основное внимание уделял бронзам Центральной равнины [Karlgrén, 1937]. Анализируя надписи и орнаменты на сосудах, он предложил новую периодизацию бронзовых изделий: 1) архаический этап, который, в свою очередь, подразделялся на иньский (до чжоуского завоевания) и инь-чжоуский (с момента завоевания и примерно до 950 г. до н. э.); 2) средне-чжоуский (950—650 гг. до н. э.); 3) хуай

(650—200 гг. до н. э.)⁴. В связи с этими предложениями следует заметить, что отрицание и сглаживание различий между поздним Инь и ранним Чжоу не соответствует современным представлениям, основанным на данных археологии.

Первая научная работа, посвященная специально анализу древнекитайского оружия, вышла за Западе в 1914 г. Это подробное исследование доспеха, предпринятое Б. Лауфером. Ему удалось убедительно доказать широкое распространение кожаных панцирей у ханьцев [Laufer, 1914]. В 20—30-е гг. в печати появились специальные оружейно-доспеховые статьи А. Везон де Прадена и О. Карлбека, а также монография Э. Вернера. Последняя основана почти исключительно на письменных источниках и содержит, несмотря на свою беглость, немало ценных замечаний. Э. Вернер подчеркивает крайне долгое использование бронзы для изготовления оружия, утверждая даже, что в данной области бронзовый век можно продлить до династий Цзи и Вэй [Werner, 1932].

Начиная с конца 30-х гг. в различных изданиях стали появляться статьи Макса Лёра, посвященные бронзовым изделиям древнего Китая. Особое внимание в них уделялось предметам вооружения. Для М. Лёра как исследователя характерны превосходное владение методами сравнительной типологии и отличное знание бронзового века в масштабах Евразии. Не разделяя крайностей диффузионизма, он в то же время показал значительную степень общности между сибирскими и суйюаньскими находками и проследил их влияние на оружие собственно Китая [Loehr, 1949]. Свою концепцию М. Лёр детально изложил в специальной монографии. Она подразделяется на исследовательскую часть и каталог оружия, собранного Вернером Дженнингсом и переданного затем музею Гугун [Loehr, 1950]. Обе эти части до сих пор сохраняют научное значение. Рассмотрев в специальных главах топоры, наконечники копий, клевцы, ножи и кинжалы, мечи, М. Лёр разработал их типологию и сравнил с находками в других районах. Выяснилось, что в происхождении и развитии многих китайских форм оружия значительную роль сыграли северные и западные влияния — вплоть до Поволжья, Ирана и Месопотамии. Особенно большое значение, по мнению М. Лёра, имели культуры бронзового века Сибири, обзору которых он посвятил специальную главу.

В то же время М. Лёр отметил значительную переработку привнесённых образцов иньскими и чжоускими оружейниками и выделил автохтонные типы. К последним он отнес традицию танговых клевцов и основную линию развития кинжалов-мечей. Если первое утверждение сомнений не вызывает, то во втором случае дело обстоит сложнее. Ориентируясь по необходимости на музейные коллекции, М. Лёр приписал за ранний тип чжоуских кинжалов клинки иволистной формы с коротким черепом, украшенным специфическими узорами (изображения руки, змеи, человеческого

⁴ Впоследствии он сдвинул рубеж между инь-чжоуским и среднечжоуским стилем к 900 г. до н. э., что лишь увеличило несоответствие реальным фактам [Karlgrén, 1945, p. 124].

лица) либо снабженным двумя отверстиями. Однако в ходе последующих раскопок удалось установить, что кинжалы такого типа локализуются в пров. Сычуань, а также в Южной Ганьсу и связаны не с древними китайцами, а с народами ба и шу и, возможно, цзянами. Их участие в дальнейшей разработке чжоуских оружейных традиций не исключено, однако эта связь не была непосредственной. Итак, предложенной М. Лёром схеме развития китайских мечей не хватало типологической разработанности и убедительности. Однако, несмотря на отдельные ошибки, монография стала важным этапом в изучении вооружения древнего Китая, а некоторые ее идеи плодотворно развиваются современными исследователями.

Среди работ 50-х гг. определенный интерес представляет большая статья Карла Йеттмара [Jettmar, 1950]. В ней подчеркивалась идея этнической неоднородности носителей ордосских бронз. Проследившая на конкретных категориях изделий (кельты, пожи, кинжалы) параллели между Минусинской котловиной и Ордосом, К. Йеттмар отмечал также роль их контактов с китайскими культурами⁵. Некоторые проблемы иньских и чжоуских бронз затронуты в книге У. Ч. Уайта. Уже в самом начале он, определяя линию исследования, заявил, что китайские бронзы «несомненно, самые прекрасные творения из металла, когда-либо созданные людьми» [White, 1956, p. 3]. Дальнейшее изложение строится под влиянием той же «очарованности» древней цивилизацией. У. Ч. Уайт считает, что большая часть типов бронзовых изделий Китая оригинальна и лишь для немногих можно найти параллели в других культурах. В частности, он утверждает, что клевцы хотя и встречаются в других странах, но не столь распространены и не столь различны по форме и украшениям, как в древнем Китае. У. Ч. Уайт — сторонник поздней датировки начала железного века; он полагает, что железо, имевшее ограниченное распространение, на протяжении периода Восточного Чжоу использовалось как полудрагоценный металл.

Малополезными для изучения оружейно-вооруженческих проблем оказались два наиболее известных обобщающих издания по археологии Китая. Основная часть монографии Чжэн Дэкуня, посвященной археологии Чжоу, свелась к реферированию или дословному переводу работ китайских археологов. В книге последовательно проводится концепция непрерывного эволюционного развития древнекитайской культуры и безусловного примата культур Центральной равнины по отношению к культурам других районов. Увлеченный этими идеями, Чжэн Дэкунь не только «диньскую» или «чу-скую» культуры, но и «традиции Ба-Шу» и «ордосские бронзы» посчитал всего лишь локальным вариантом культуры Чжоу [Chêng, 1963, p. 302—303]. Небольшой раздел об оружии написан поверхностно и непоследовательно. Во вводных фразах Чжэн Дэкунь выдвинул тезис о незначительном отличии комплекса вооружения Запад-

ного Чжоу от вооружения Шань-Инь. Однако затем, описывая конкретные вещи, он вынужден был фиксировать появление новых типов и видов вооружения уже на ранних этапах Чжоу.

Монография Чжап Гуанчжи, посвященная археологии Китая, написана на значительно более высоком уровне. Но в ней, по сути, отстаивается та же идея примата культур Центральной равнины. По мнению ее автора, раз достижения Чу, Юэ, Ба и Дянь вошли составными частями в китайскую культуру, то и сами эти периферийные культуры надо считать китайскими [Chang, 1977, p. 481]. После краткого обзора памятников бронзового и раннего железного века Чжап Гуанчжи подразделил их на две стадии: 1) Шан — раннее Чжоу; 2) позднее Чжоу, которое начинается со второй половины Чуньцю. Специальный раздел по оружию в его книге отсутствует. Связанные с этой тематикой проблемы затрагиваются в рамках общих разделов издания.

Значительное внимание уделено археологии Китая Уильямом Уотсоном. Если в ранее изданных книгах он выступал прежде всего как популяризатор, то публикации последних лет представляют интерес как самостоятельные исследования. Так, в монографии «Китай до династии Хань» У. Уотсон представил лишь общий очерк материальной культуры. Он высказал мнение, что оружие Западного Чжоу мало отличается от шанских образцов. Им прослежено постепенное изменение формы клевцов, а появление мечей отнесено к концу VI в. до н. э. Сама идея их использования могла быть заимствована, однако этот вид оружия, по его мнению, развивался с учетом местных традиций (кинжалы типа шап-цуньлинского) [Watson, 1966].

Вышедшая в свет через 10 лет после первой книги⁶ монография У. Уотсона «Культурные границы в древней Восточной Азии» посвящена анализу материалов, связанных с проблемой евразийских контактов древности [Watson, 1971]. Привлекая большой объем накопленных данных, в том числе результаты исследований советских археологов, автор доказывал существование широкой контактной зоны, которая проходила через степные районы Евразии. Диффузия здесь осуществлялась в обоих направлениях — как с запада на восток, так и с востока на запад, но большинство повествований возникало под влиянием высокоразвитых цивилизаций соседних регионов. У. Уотсон недооценивал значительность культурных потенций кочевых народов и необоснованно приписывал шан-чжоускому Китаю роль инициатора в развитии ряда основополагающих элементов материальной и духовной культуры мира кочевников.

Следует упомянуть также работы Н. Барнарда, Д. Гудрича, М. фон Деваль, Д. Кейтли, Дж. Триггса, В. Чейза, посвященные различным аспектам изучения бронзового века Китая. Кроме того, за последнее десятилетие на Западе опубликовано множество книг под многозначительными названиями «Древний Китай» или «Древние китай-

⁵ В одной из последних работ К. Йеттмар утверждает, что у племен, принимавших участие в разгроме Шан, прослеживаются «культурные черты восточно-европейского происхождения» [Jettmar, 1985, p. 149].

⁶ Имеется в виду первое издание книги «Китай до династии Хань».

цы», но в основном они, как правило, популярно излагают известные факты и не вносят каких-либо новых идей в изучение чжоуского общества.

Первые публикации русских и советских ученых, в которых прямо или косвенно затрагивались проблемы, близкие поставленным в нашей монографии, касались находок в Центральной Азии. Впервые вопрос о влиянии азиатской культуры на древности Запада поставил в конце XIX в. Н. М. Ядринцев. В начале нашего столетия в столь же общем плане о некотором воздействии древнекитайской цивилизации на сибирскую бронзовую культуру упоминал В. А. Городцов (см. [Белокобыльский, 1986, с. 74, 110]).

О культурных параллелях бронзового века Китая и Минусинской котловины писал и С. А. Теплоухов [1932, стб. 405]: «В Сибири и в Китае известны отдельные находки сходных кинжалов (оз. Кото-Кель), ножей и мечей». Однако углубленная разработка проблемы на современном уровне начата только С. В. Киселевым. Еще в 30-е гг. он пришел к мысли о том, что характерные для карасукских памятников коленчатые ножи «...помимо Минусинского края распространены также на восток до Нерчинска, найдены в Монголии и Ордосе. Они чрезвычайно близки и к монетным ножам чжоуского Китая. Возможно их южное, сравнительно с Енисеем, первоначальное распространение. То же можно сказать и о выемчато-эфесовых кинжалах» [Киселев, 1938, с. 232]. Эти идеи получили затем дальнейшее развитие, подкрепляясь большим по объему археологическим материалом многолетних раскопок в Хакасии и на Алтае. Наиболее полно С. В. Киселев изложил свои взгляды в монографии «Древняя история Южной Сибири» [1949]. Он считал, что ножи, кельцы, отчасти кинжалы и украшения были принесены в Минусинскую котловину племенами, которые населяли север Китая, а они, в свою очередь, начали производить эти изделия под влиянием шан-иньских и чжоуских образцов. Проникновение североазиатских переселенцев с суйюаньскими бронзами на Енисей С. В. Киселев [1949] относил к концу династии Шан.

Столь резкий поворот на юго-восток при поисках истоков сибирских культур эпохи бронзы вызвал возражения ученых. Так, М. П. Грязнов [1956], признавая, что «некоторые формы изделий заимствовались с юго-востока от племен Монголии или создавались совместно с ними в процессе культурного общения», в то же время считал, что С. В. Киселев «значительно преувеличивает роль Древнего Китая в сложении карасукской культуры на Енисее» (с. 38). Отвечая на критику, С. В. Киселев [1958] не только не согласился с замечаниями М. П. Грязнова, но и заявил, что восточноазиатская гепетическая линия «...вообще гораздо более сильна, чем мы считали» (с. 278). Он снова повторил свою мысль о культурах района Ордоса и пров. Жэхэ. Именно они, по его мнению, оказали заметное влияние на развитие культур бронзового века Монголии, Забайкалья и Юж-

ной Сибири. Однако при этом С. В. Киселев специально подчеркнул их принадлежность к «некитайскому наследию» [Киселев, 1953, с. 198; 1965, с. 59—60].

В 1959 г. С. В. Киселев во время поездки в КНР познакомился с материалами музейных коллекций, а также с результатами новых раскопок и публикациями китайских археологов. Свои впечатления он изложил в статьях, изданных на китайском [Цзиселефу, 1960] и русском [Киселев, 1960] языках. В них отстаивались прежние его взгляды на взаимоотношение сибирских и китайских культур бронзового века. С. В. Киселев писал о «китайской основе» характерных особенностей бронзы степных культур и о воздействии культур бронзы Китая на обширные территории Сибири и Восточной Европы (для доказательства использовались результаты анализа распространения бронзовых кельтов). В то же время он отмечал внезапное появление высокоразвитой бронзовой индустрии в Китае и предполагал, что истоки ее следует искать на территории Средней Азии. Примерно в середине II тыс. до н. э. шанская культура подверглась, по его мнению, воздействию со стороны сибирских и восточноказахстанских очагов бронзовой индустрии (сейминско-турбунский комплекс). «И лишь во вторую очередь, после создания анянского стиля бронзолитейного искусства Китая, началось обратное движение, отмеченное распространением в Забайкалье и на Саяно-Алтае культур карасукского типа» [Там же, с. 265]. Как считал С. В. Киселев, обоюдные контакты продолжались в западночжоуское (си-чжоуское) время и в период Чуньцю. Однако для той эпохи он прежде всего отметил «оригинальнейшее развитие собственно китайских форм», в частности мечей.

Исследования С. В. Киселева, хотя и касаются в основном периода Шан-Инь, полезны также и для изучения культур поздней бронзы. В них важны, помимо вопросов общего плана, оценки ордосских бронз и ряда других находок, как бытовых вещей, так и оружия, примечательных для чжоуского времени. В то же время нельзя не заметить, что многие идеи С. В. Киселева устарели, что объясняется в значительной степени узостью использованных им материалов по Китаю. Сама же по себе постановка вопроса о необходимости использования китайских древностей для датирования центральноазиатских и сибирских культур оказалась правомерной и перспективной при дальнейших исследованиях.

Основные идеи С. В. Киселева получили позже развитие в работе его учеников В. В. Волкова и Э. А. Новгородовой. В. В. Волков [1967] считал, что «обилие и преобладающее разнообразие форм изделий карасукского типа в Ордосе, Забайкалье, Монголии позволяет предполагать, что движение и проникновение новых форм шло с юга на север, из центральноазиатских степей в Сибирь, а не наоборот» (с. 34). Он широко использовал материалы по центральноазиатскому и отчасти древнекитайскому оружию для датировки оленных кампей Монголии [Волков, 1981]. Э. А. Новгородова [1970], посвятившая карасукской проблеме специальное исследование, считает, что именно среди центральноазиатских народов следует ис-

коть предков карасукских племен. Она отметила их большое влияние на металлургию собственно Китая. Эта концепция, подчеркивающая самостоятельность и самобытность культур Центральной Азии, заслуживает особого внимания.

Иной точки зрения придерживается Н. Л. Членова [1967, 1972, 1976]. В рамках своей глобальной концепции развития бронзового века Евразии в конце II — начале I тыс. до н. э. она детально изучила элементы сходства ордосских и китайских бронз с бронзами западных культур. Некоторые из предложенных линий развития выглядят убедительными. Важность работы Н. Л. Членовой заключается в том, что она детально разрабатывает западную хронологическую шкалу для датировки находок на территории нашей страны. Значение такого направления поиска усиливается благодаря тому, что в настоящее время восточная шкала существенно пересматривается в сторону удреждения, в итоге чего возникла парадоксальная ситуация: даты сибирских культур, установленные в свое время на основе параллелей с китайскими комплексами, остались прежними, тогда как возраст самих этих комплексов в действительности в значительной степени удрежден. Поэтому приемы перекрестной датировки, обращение к детально разработанной хронологии государств Ближнего и Среднего Востока представляются чрезвычайно актуальными.

Таким образом, советские археологи (равно как и многие западные специалисты) обращались к китайским древностям бронзового века в основном при обсуждении проблем происхождения и датировки культур карасукской эпохи. Помимо вышеизванных работ можно упомянуть также публикации Е. Н. Черных, Е. Е. Кузьминой, М. Д. Хлобыстиной и некоторых других. Историографическая оценка такого аспекта выходит за рамки нашего исследования, поскольку для этого необходимо тщательное изучение эпохи развитой бронзы Китая, прежде всего памятников аньянского круга.

К материалам Ордоса, Северо-Восточного и Северного Китая обращались и другие советские археологи, изучающие бронзовый и ранний железный век Сибири и Дальнего Востока⁷. Особо следует отметить работы археологов Новосибирска. Переход к исследованию древностей Восточной Азии на основании оригинальных работ китайских и японских археологов замечен в публикациях В. Е. Ларичева [1959а, б, 1960]. Выбрав для изучения один из наиболее важных в этнокультурном плане регионов, он проанализировал материалы по археологии Дунбэя. В результате ему удалось наметить культурные связи Маньчжурии, с одной стороны, с Китаем эпохи Инь-Чжоу, с другой стороны — с Ордосом, Монголией, а через них с Сибирью, Казахстаном и еще дальше на запад. В. Е. Ларичев [1961] считает, что «в памятниках дунбэйской и забайкальской культур можно видеть черты большой этноплеменной близости. Может быть, в этом сказываются черты какого-то и политического объединения, которое предшествовало гуннскому племенному союзу» (с. 23).

Большое внимание китайской археологии уделял А. П. Окладников. Он обращал особое внимание на проблему взаимодействия культур и, в частности, писал о значительной роли Забайкалья в становлении и развитии культур бронзы степного Востока, которые оказывали значительное влияние и на Китай [Окладников, 1963, с. 171]. Исследуя вопросы производства железных орудий, А. П. Окладников [1959, с. 158; 1963, с. 179—181] относил его начало к довольно раннему времени — рубежу Инь и Чжоу (см. также [Окладников, Деревянко, 1973, с. 249—251]). В совместной с Р. С. Васильевским книге им затронута проблема карасукских кинжалов и высказана мысль, что «кинжалы с шипами» вместе со всем комплексом карасукских по типу металлических изделий распространялись с запада на восток, достигнув пределов Северного Китая [Окладников, Васильевский, 1980, с. 134—136].

А. П. Деревянко, рассматривая историю народов советского Дальнего Востока на широком историко-культурном фоне, использовал археологические материалы китайского Севера, и прежде всего Дунбэя. Изучение инвентаря захоронений в каменных ящиках позволило ему прийти к заключению о единстве культуры аборигенов северо-востока Китая в I тыс. до н. э. К числу важных результатов относится его вывод об этнической принадлежности носителей этой культуры к предкам тунгусов [Деревянко, 1973, 1976].

В 70-е гг. вышло в свет несколько капитальных монографических исследований, посвященных анализу древнейшего прошлого народов Китая. Они были написаны в основном на археологических материалах. В монографии Р. Ф. Итса исследовалась история народов, которые обитали в районах к югу от Янцзы. Он определил как неолитических предшественников, так и современных этнографических потомков тех племен, которые населили эту обширную область юга Восточной Азии в бронзовом и раннем железном веках (в частности, рассмотрел население государств чжоуского круга — Чу, У, Юэ, а также Ба и Шу). Р. Ф. Итс показал глубокое своеобразие их культуры, выявил черты отличия от «шести северных государств», но не абсолютизировал эти различия. В частности, по поводу Чу он специально подчеркнул: «...согласиться (как бы это ни было заманчивым) с тем, что данное царство на протяжении своей семивековой истории было только тибето-бирманским или мяо-тайским, нельзя» [Итс, 1972, с. 152]. Р. Ф. Итс детально исследовал находки оружия, прежде всего «типа Ба-Шу» и более поздний дяньский комплекс.

Следующим этапом стало издание книги Л. С. Васильева [1976]. Тематически она охватывает период от нижнего палеолита до эпохи Инь включительно, т. е. формально не касается периода поздней бронзы. Однако высказанные Л. С. Васильевым общие соображения весьма важны с методологической точки зрения. Он показал, что любой, даже самый сложный, социум может успешно развиваться лишь в условиях постоянного обмена информацией. Отклонение от этой нормы ведет к отставанию и регрессу общества, вплоть до культурного и физического вырождения. Кроме того, замечания Л. С. Васильева об иньском

⁷ Обзор дается в книге А. П. Деревянко [1970].

оружии оказались полезными при разработке отдельных аспектов темы, поскольку многие культурные традиции Инь наследовались чжоусцами.

Эпоха Шан-Инь освещается также в монографии С. Кучеры [1972]. Предпринятый им широкий обзор памятников дает надежную основу для изучения последующего периода в истории Китая — времени Западного Чжоу. Специальный раздел книги С. Кучеры посвящен металлургии железа. Подробное исследование им синьцуньских и тайсиских находок (с лезвиями из железа, впаиваемыми в бронзовую основу) показало, что можно говорить о распространении железных предметов в Китае только со второй половины Чуньцю. Его перу принадлежат также обстоятельные обзоры последних достижений китайских археологов [Кучера, 1981, 1982, 1986]. Особо следует отметить внимание С. Кучеры к радиоуглеродным датировкам. Он не просто воспроизводит опубликованные данные, а сводит их в удобные для использования таблицы, снабженные необходимым географическим, археологическим и историческим комментарием. В своей монографии он посвятил радиоуглеродному датированию специальную главу, которая помогает правильно оценить применение этого важного метода определения возраста археологических объектов [Кучера, 1977, с. 143—156].

Этнической истории древнего Китая посвящена коллективная монография М. В. Крюкова, М. В. Софронова и Н. Н. Чебоксарова [1978]. По их мнению, чжоуское завоевание способствовало складыванию древнекитайской этнической общности «хуася». Она была автохтонной для бассейна Хуанхэ, что не исключает активного воздействия на нее в процессе становления со стороны различных племен, говоривших на сино-тибетских, протоалтайских, аустроазиатских и аустронезийских языках, а также принадлежавших к «скифскому миру». На окраинах эти влияния были значительно сильнее, поэтому многие чжоуские царства вплоть до IV—III вв. до н. э. не входили в сферу хуася либо занимали промежуточное положение.

При всей важности упомянутых исследований все же остается фактом, что ни в одном из них проблемам вооружения эпохи поздней бронзы не уделено достаточного внимания. Единственная специальная монография по военному делу древнего Китая была написана советским военным историком Г. Н. Караевым [1959]. Однако, в отличие от других его работ, эта книга написана без использования добротных источников. В сущ-

ности, издание это основано на популярных рассказах по истории Китая, а также на извлеченных из сочинений древнекитайских стратегов сведениях, опубликованных на русском языке или изданных в переложении на французский язык. Г. Н. Караев знакомился со статьями Б. Карлгрена, «Очеркам» Чжоу Вэя, с «Отчетом о раскопках в уезде Хуйсянь». Однако он не сумел воспользоваться ими в должной мере. Поэтому определенное значение в его исследовании приобретают лишь соображения по поводу использования отдельных видов вооружения — как мнение профессионала, хорошо знакомого с холодным оружием.

Из работ оружиеведческого плана значительный интерес вызывают те страницы исследований Н. Л. Членовой, на которых она детально анализирует соответствующие находки на территории Ордоса и Северного Китая. Значительная работа в том же направлении проделана П. М. Кожиным. Он считает, что предметы вооружения втульчатого литья проникли в Китай извне, причем заимствование осуществлялось постепенно. Основной ударной силой армий того времени были боевые колесницы, поэтому китайская пехота «могла применять для перерезывания построков упряжных коней колесниц свои секпры, алебарды с ножевидными лезвиями» [Кожин, 1977а, с. 36]. В отношении боевого строя чжоуских воинов П. М. Кожин [1982] высказал предположение, что основная масса их сражалась в сомкнутом пешем строю, а главным оружием служили копье и щит. Такой способ ведения боя требовал унификации оружия и, следовательно, централизации его производства. Хорошее владение материалом отличает статьи А. В. Варенова [1981, 1983, 1984а, б, 1986], в которых он исследовал в основном вооружение иньской эпохи и намечал пути его последующего развития.

Подводя общий итог историографическому обзору, следует заметить, что в области исследования поздней бронзы Китая накоплен значительный по объему фактический материал и произведена предварительная его обработка и оценка. Однако в археологической литературе отсутствует сводный очерк, посвященный описанию памятников этого периода. Нет также обобщающих работ по оружию Западного Чжоу. Цель предлагаемой читателям книги заключается в том, чтобы по мере возможности заполнить существующий пробел.

ГЛАВА II

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ПЕРИОДА ЗАПАДНОГО ЧЖОУ — НАЧАЛА ЧУНЬЦЮ

Прежде чем выделить из культуры какой-то элемент (в данном случае — вооружение), необходимо составить представление о ее основных характеристиках и направлении развития. Однако кроме опубликованной более 20 лет назад книги

Чжэн Дакуя в литературе нет сводного обзора памятников эпохи поздней бронзы. Поэтому мы предприняли попытку представить экспозицию главных археологических данных, уделяя особое внимание открытиям 70-х — первой половины

80-х гг. Поскольку описать все находки в рамках допустимого объема невозможно, был проведен отбор наиболее значительных стоянок и могильников с учетом оружейно-ведческого направления работы. Соотнесение с такими эталонными памятниками отдельных предметов вооружения позволяет определить культурную принадлежность и дату последних. Материал сгруппирован по отдельным памятникам или по их территориальным и хронологическим группам. Некоторые из них уже рассматривались в специальных статьях автора, поэтому здесь главный упор сделан на новые данные и их интерпретацию.

АРХЕОЛОГИЯ «ДОДИНАСТИЧЕСКОГО» ЧЖОУ

Проблема раннего Чжоу. Вопросы происхождения чжоусцев долгое время решались без привлечения археологических материалов. Специалисты не могли с уверенностью выделить памятники, датированные временем до образования династии. В древних сочинениях отмечалось, что чжоусцы жили к западу от Шан, и поэтому археологи искали и ищут остатки их ранней культуры в бассейнах рек Вэйхэ и Цзиншуй. Здесь на многослойных памятниках между слоями культур яншао и Западного Чжоу обычно располагается слой «шэньсийского луншаня». Однако культуры Западного Чжоу и луншаня по характеру существенно различаются. Поэтому поздний неолит с серой керамикой можно считать лишь одним из возможных компонентов при формировании цивилизации Чжоу [Археология Шан и Чжоу, с. 144]. Додинастический период получил в китайской литературе наименование «предчжоуской культуры» («Чжоу» здесь толкуется как название династии, а не как этнокультурный детерминатив). Такое наименование не совсем удачно, поскольку представляет предчжоускую культуру чжоусцев, однако ввиду его широкого распространения в археологической литературе КНР оно используется и советскими исследователями.

Типичными объектами чжоуской культуры до основания династии считаются девять могил из Доуцзитай и четыре из Хэцзяцунь¹. Однако надежных доказательств такого соотнесения (упоминание открытых надписей с именами чжоуских правителей до Вэнь-вана) в публикациях не приводится. Поскольку к тому же не было четких данных по стратиграфии, то китайские археологи прибегли к искусственному построению: подразделили могильник «керамических триподов» в Доуцзитай на три этапа, причем средний из них приравнивали ко времени ранних погребений могильника в Чжанцзяпо. Эти погребения, в свою очередь, на основании сходства бронзового сосуда в одной из могил с известным сосудом с надписью периода Западного Чжоу датировали временем до Чэн-вана. Таким образом, получалось, что первый этап могильника «керамических триподов» был раньше начала западночжоуской культуры [Там же, с. 145]. Ненадежность таких

сопоставлений, основанных на немногочисленном и невыразительном материале, очевидна. К тому же при датировании по надписям на бронзе необходимо делать поправку на время использования изделия. Недостаточно ссылаться и на взаимное положение зольников № 10 и № 11, открытых в Маванцунь [Сюй Ситай, 1962]. Первый зольник с характерным для раннего Западного Чжоу набором вещей перекрывал второй, в котором керамика оказалась сходной с находками, относящимися к начальному этапу могильника «керамических триподов». Сюй Ситай пытался выделить единую керамическую традицию, представленную в находках из Маванцунь (зольник № 11), а также в отдельных могилах Хэцзяцунь, Доуцзитай, Лицунь, Сямэнцунь, Чжанцзяпо и Кэсинчжуан. Эту традицию он связывает с раннечжоуской культурой, подразумевая культуру чжоуских племен до основания династии. А поскольку на многослойных памятниках чжоускому культурному горизонту предшествует слой «шэньсийского луншаня» (культура кэсинчжуан II) и между их керамикой прослеживается сходство, то это означает, что раннечжоуская культура сформировалась на основе кэсинчжуан II, которая подвергалась некоторому воздействию культуры циззя. В поздний период раннего Чжоу в непосредственном контакте с Шан-Инь происходит окончательное становление западночжоуской культуры [Сюй Ситай, 1979].

Статья Сюй Ситай «Исследование специфики раннечжоуской культуры...» [1979] интересна тем, что в ней анализируется керамический материал, имеющий особую важность для культурной и хронологической характеристики памятников, которому, однако, китайские археологи, буквально обремененные огромным количеством гораздо более эффектных находок, не уделяли должного внимания. В связи с этим стоит лишь пожалеть, что подборка керамики в иллюстрациях статьи не всегда представительна. Отсутствуют также необходимые типологические схемы, и недостаточно убедительны отдельные хронологические обоснования. Так, в качестве основного аргумента в пользу более поздней даты первого периода Чжанцзяпо по сравнению со вторым периодом Хэцзяцунь приводится тот факт, что в последнем пет таких форм сосудов, как *гуй*, *доу* и *юй*. Но если не падают какого-либо элемента только на одном памятнике, т. е. в случае невыверенности наблюдения статистически, это может иметь самые разнообразные объяснения, среди которых хронологическое различие — лишь одно из возможных. Становление раннего Чжоу на основе культуры кэсинчжуан II — одна из наиболее вероятных гипотез, однако, по справедливому замечанию Ван Шиминя [1980], «выявление связей развития между ними еще требует много работы» (с. 164).

К этой проблеме вновь обратился также Цзоу Хэн. В выступлении на 1-м съезде Археологического общества Китая он попытался отнести еще ряд памятников к «предчжоуской» культуре, выделив в ней два периода и три компонента [Цзоу Хэн, 1980а]. Эти положения были развиты им в большой специальной статье [Цзоу Хэн, 1980б, с. 297—355]. Прежде всего исследователь проана-

¹ Раскопки Су Бинци [1948] (см. также [Воробьев, 1957]) и Дай Инсяня [1976].

лизировал развитие керамических сосудов *ли* и *гуань*, выделив четыре этапа. Два из них относились к раннечжоускому времени, а два других — к предчжоускому. Обратясь затем к бронзовым изделиям предчжоуского времени, Цзоу Хань отметил три стиля: шанский (большая часть всех вещей), шан-чжоуский и чжоуский. Шанские по облику вещи не только ввозились чжоусцами, но и могли производиться на шанских поселениях, остатки которых находят в пров. Шаньси².

Как же образовался собственно чжоуский стиль? По мнению Цзоу Хана, предчжоуская культура возникла в результате слияния двух основных компонентов. Первый сформировался в пров. Шаньси на основе культуры гуаншэ, ее носителей автор связывает с фамилией Цзи, которая была у потомков Хуан-ди. Примерно в то же время на основе цянских культур синьдянь и сыва в Западной Шаньси формировалась культура цян-ян, соотносимая с потомками мифического императора Янь-ди. Прибывшие из Шаньси цзи-чжоу установили брачные отношения с цян-ян, положив начало чжоуской культуре. Так Цзоу Хань объясняет сведения древних сочинений о том, что чжоуский предок Хоу-цзи был рожден женщиной рода Цян, тогда как сам он принадлежал к роду Цзи [Сыма Цянь, 1972, с. 303]. Участие в процессе образования новой культуры приняли и другие племена, в частности предки циньцев. Упоминание чиновничьих должностей на бронзовых сосудах предчжоуского времени указывает на то, что их владельцы служили шанским правителям. В Шаньси чжоуские племена образовали собственное государство, которое постепенно объединяло западные племена и со временем окрепло настолько, что было в состоянии вести борьбу с Шань-Инь.

Эта концепция привлекает внимание логическим построением, где проявляется хорошее знание Цзоу Ханом фактического (прежде всего эпиграфического) материала. Однако в ней не нашлось места целому ряду важных факторов, требующих объяснения, например не содержится суждений о роли культур кэспичжуан II и цидзя. Положение о том, что шаньсийский луншань и цидзя оказали определенное воздействие на становление чжоуской культуры, относится к числу общепринятых [Успехи археологии..., 1961, с. 52; Лу Лянчэн, Лю Суйшэн, 1983, с. 395]. Поэтому в случае несогласия Цзоу Хана с этой точкой зрения ему следовало бы остановиться на ее опровержении.

С возражениями Цзоу Хану выступил Лян Синпэн [1982], который не согласился с отнесением многих изделий и памятников к предчжоуской культуре. Изучив керамику, он выразил сомнение в том, что выделение Цзоу Ханом второго периода предчжоуской культуры оправданно; проанализировав бронзу, высказался за более

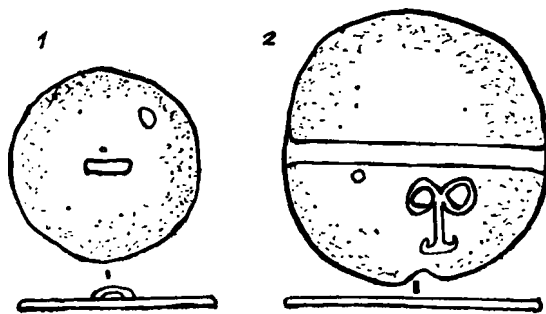

Рис. 14. Бронзовые зеркала из Синцуня (по Хань Вэю, У Чжэньфэну).

позднюю дату могилы в Гаодзябао³, не признал посетителей культуры гуаншэ одним из компонентов формирования чжоусцев. Следует, однако, заметить, что недостаточно четкое разделение предчжоуской и чжоуской культур связано не только с ошибками Цзоу Хана, но и с самим материалом, так как надежные памятники-индикаторы предчжоуской культуры пока не определены.

Необходимо подчеркнуть, что совместное нахождение шанских и раннечжоуских бронз не дает основания для додинастической датировки последних. Ведь после победы чжоуский У-ван устроил большую раздачу трофейных вещей своим сторонникам [Сыма Цянь, 1972, с. 188]. Более того, многие шанские аристократы и воины перешли на сторону Чжоу (источники упоминают о шести шанских армиях на службе у чжоуского вана) и, очевидно, некоторое время сохраняли привычные для них бронзовые утварь и оружие. Также шанские ремесленники, работая на новых хозяев, могли воспроизводить прежние образцы.

Характерно, что Хань Вэй и У Чжэньфэн [1982] упоминают только о двух несомненных памятниках предчжоуской культуры — Доуцзитай и Хэцзяцунь⁴. В то же время они вводят в научный оборот новый предчжоуский могильник — Синцунь, где выявлено 210 погребений чжоуской культуры, в том числе 95 могил додинастического периода. Значительная часть погребального инвентаря действительно ранняя по облику. Это относится к керамике и предметам вооружения (бронзовые клевцы и бляшки-умбоны). В некоторых погребениях найдены бронзовые сосуды, близкие шанским, и несколько зеркал (рис. 14). На последних находках следует остановиться подробнее, поскольку они относятся к достаточно редким изделиям на территории Китая эпохи бронзы.

Зеркала из Синцуня дополняют сводную таблицу Ю Сюэхуа [1982] и занимают свободный хронологический отрезок между находками позднего Инь (могила Фу Хао) и раннего периода Западного Чжоу (именно этим периодом, на наш взгляд [Комиссаров, 1985а, с. 93], следует датировать зеркало из Сипьчжуанхэ). Таким образом, ныне представлены зеркала всех этапов бронзового века Китая. Однако выстроить их в единый типологический ряд, а тем более генетически связать с прекрасно орнаментированными чжаньгоскими

² Цзоу Хань ссылается при этом на статью Сюй И [1957], материал которой недостаточно выразителен и допускает неоднозначную интерпретацию. Однако за последнее десятилетие в Шаньси найдено еще два несомненно шанских памятника — литейная мастерская и поселение [Лу Цзяньго и др., 1984].

³ Материал опубликован Гэ Цзинем [1972].

⁴ Помимо известной публикации Дай Инсиня [1976] они использовали также материалы работы Сюй Ситая [1980].

Рис. 15. Керамика со стоянки Сицунь первого предчжоуского периода (по Хань Вэю, У Чжэньфэну).

зеркаламп по меньшей мере затруднительно. Сам факт сравнительно ограниченного распространения зеркал наводит на мысль о их привозном характере [Варенов, 1984в]. В то же время большинство ранних зеркал отличается простой формой и не имеет каких-либо ярких особенностей. Поэтому не исключено их местное производство. Это были первые шаги в развитии данного ремесла, достигшего наивысшего развития в эпоху поздней древности и средневековья. Во всех случаях с четко зафиксированными обстоятельствами находок зеркала входили в состав погребального инвентаря. Возможно, это свидетельствует об их использовании в каком-то обряде, как это было у многих других народов.

Массовый материал из могильника Сицунь, образующий по отдельным видам типологические серии, весьма важен для разработки проблем раннего Чжоу. Многочисленные керамические сосуды, например, позволили исследователям разделить предчжоуский могильник на два хронологических периода (рис. 15—17), а также указать образцы, импортированные или созданные под влиянием шанской цивилизации, культур цизя, сыва и синьдянь.

Заслуживают внимания также антропологические исследования материалов из могильника (в том числе и предчжоуского времени). Ученые тщательно обмерили 42 костяка разной степени сохранности [Хань Вэй и др., 1985]. Проанализировав опубликованные таблицы размеров, Цзяо Наньфэн отнес чжоусцев из Сицунь к дальневосточным монголоидам [1985, с. 90]. По ряду признаков отмечены определенное сходство чжоусцев с южноазиатской и арктической расами и отдаленные связи с сибирской расой. В генетическом плане зафиксирована значительная близость их к носителям культуры яншао (особенно из райо-

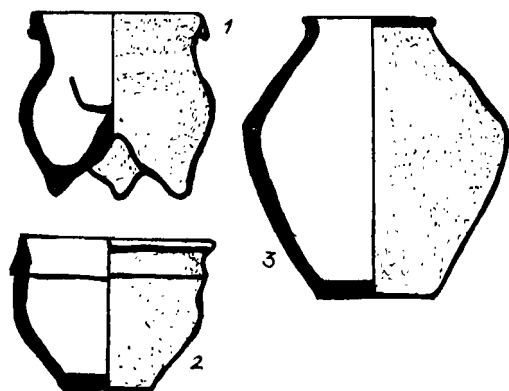

Рис. 16. Керамика со стоянки Сицунь второго предчжоуского периода (по Хань Вэю, У Чжэньфэну).

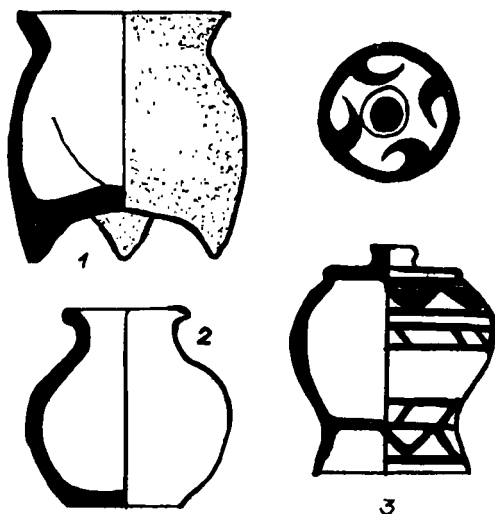

Рис. 17. Керамика со стоянки Сицунь второго предчжоуского периода (по Хань Вэю, У Чжэньфэну).

нов Бапшо и г. Баоцзи), в меньшей степени к племенам южного неолита и культуры дауэнькоу. Таким образом, подтверждается принадлежность чжоусцев к основной линии антропологического развития китайского этноса.

Другим таким памятником становится хорошо известный комплекс в Фэнсп, о котором подробнее будет сказано ниже. Здесь же следует отметить наличие в составе могильника погребений раннего периода, выделяемых по специфической глиняной посуде. Сравнительно недавно там обнаружили также две могилы с предчжоуской керамикой и ипскими по облику бронзами (в том числе кувшины с фигурным обухом) в едином комплексе [Лу Ляньчэн, Чэи Чан, 1984]. Это может свидетельствовать как о раннем проникновении шанцев в коренные чжоуские области, так и об их заметном влиянии на чжоусцев.

Богатый материал для разработки концепции додинастического Чжоу дает также могильник в Люцзяцунь. Частично он перекрыт могильником раннего периода Западного Чжоу, что стратиграфически подтверждает его раннюю дату. Здесь раскопали 20 детских и взрослых захоронений, совершенных по одному способу: в грунтовой яме, с уступом, боковой нишей и дромосом. Гробы сколочены из четырех досок, в основном они без дна и без крышки; в могильную камеру без видимого порядка сложены куски камня. Покойников клали на спину, с прямыми конечностями (лишь один — с подогнутыми ногами), головой ориентировали на северо-восток. В могилах был найден обильный керамический материал [Инь Шэнпин, Жэнь Чжоуфан, 1984; Лу Ляньчэн, 1985]. Сравнивая сосуды между собой и с керамикой других памятников, Лу Ляньчэн [1985] подразделил предчжоускую культуру на три территориально-хронологических типа (рис. 18). Наиболее ранний из них он назвал шицзуйтоу-чжаоюйским, непосредственно связанным с культурой синьдянь. Памятники с керамикой такого типа⁵ расположены в районе г. Баоцзи. Следующий этап — тип люц-

⁵ Раскопки не производились.

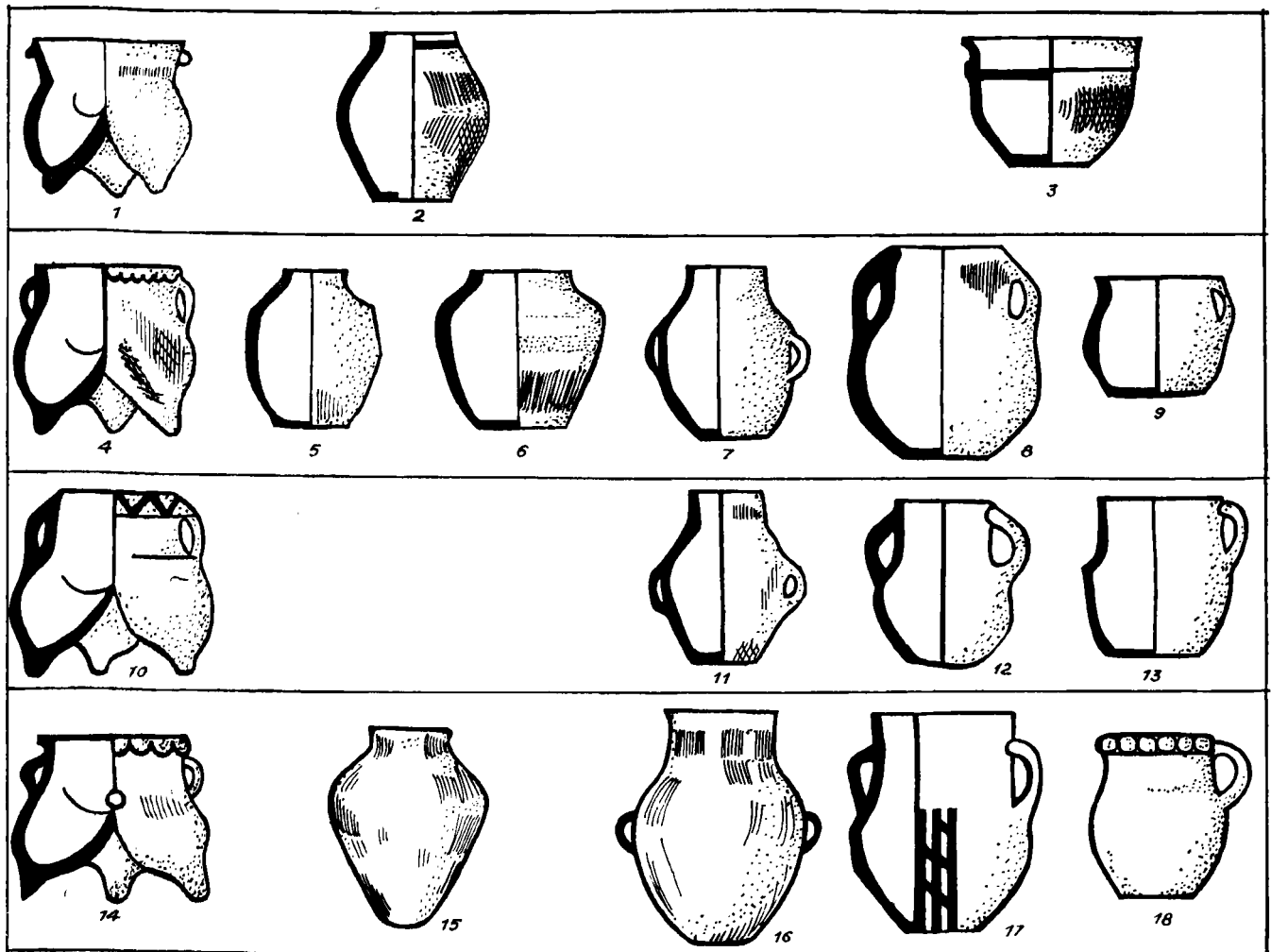

Рис. 18. Керамика предчжоуской культуры (по Лу Ляньчэну).

1—3 — тип доуцзитай; 4—9 — тип люцзя; 10—13 — тип шицзуйтоу-чжаоюй; 14—18 — культура синьдянь.

зя, на котором прослеживается явное воздействие культуры сыва (прежде всего — пещерка и кампи в могиле, оригинальный обычай закрывать сосуды овальными камепными плитками). От люцзя линия развития идет к типу доуцзитай (в него включаются также памятники Фэпси, Хэцзяцунь и Сицунь). Тот, в свою очередь, превращается в западночжоускую культуру.

Если принять концепцию Лу Ляньчэна, то вырисовывается следующая картина этнокультурного развития: синьдяньцы, постепенно перемещаясь на восток, вступали в контакты и связи с другими группами, в первую очередь с родственной культурой сыва. Цицзяские элементы в предчжоуской культуре объясняются тем, что и синьдянь, и сыва возникли на основе различных вариантов культуры дицзя. В Шэньси они перемещались с носителями местного луншаня (кэсинчжуан II) и подверглись сильному воздействию шанской цивилизации. Из этого непростого сплава образовалась самобытная чжоуская культура. Следует также подчеркнуть, что синьдянь и сыва существовали на территории Ганьсу после образования Чжоу, поэтому иногда трудно определить направление влияний (см. [Се Жуйцзюй, 1980]).

Хань Вэй и У Чжэньфэн [1982] также выделили в составе сицуньских находок триподы, близкие культурам дицзя, синьдянь и сыва. Разработ-

ка вопроса о влиянии на становление чжоуской цивилизации культур Западного Китая плодотворна, и здесь китайские археологи добились определенных успехов [Вап Шимиш, 1984, с. 247]. Керамика культуры сыва обнаружена на раннечжоуских памятниках. Часть их соответствует верхним слоям стоянки Гоуцзявань. Найденные здесь горшки с седловидным горлом, по мнению Лю Цин, Ян Цзяпфана, отличаются от уже известных вздутым туловом [1956]. В то же время бронзы раннечжоуского облика (прежде всего клевцы — два с широким треугольным бойком и один с короткой бородкой) обнаружены вместе с керамикой в погребениях могильника Сюйцзянянь (рис. 19, 20), относящегося к позднему этапу сыва [Ху Цяньпин, 1982]. В связи с упомянутыми находками особое значение приобретает мнение о том, что носители культуры сыва и чжоусцы были двумя различными ветвями древних цянских племен [История народов..., с. 51].

Фэнчуцунь. Наибольших успехов китайские археологи достигли при изучении заключительного этапа «додинастического Чжоу», т. е. периода усиления чжоуских племен в годы правления Вэнь-вана и У-вана при номинальном сохранении иньского сюзеренитета. В 1976 г. возле дер. Фэнчуцунь исследовались остатки большого строения, причем удалось выявить его первона-

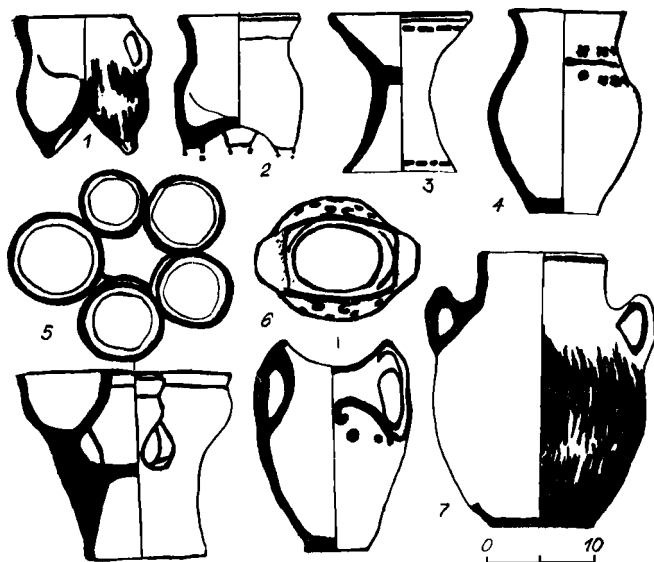

Рис. 19. Керамика культуры суй из могильника Сюй-цзяньшань (по Ху Цяньшуню).

чальную планировку⁶. Главное помещение служило для различных политических и ритуальных церемоний, а в задних комнатах располагались жилые покои. Это соответствовало общепринятой в Чжоу формуле «впереди зала, а сзади — покои», которая зафиксирована в сочинениях по ритуалу. Объединение жилых и административных помещений в одном здании отражало идеологию патриархального общества, основанную на концепции «семья — Поднебесная» [Археология Шан и Чжоу, 1979, с. 185].

Внутренние покои были богато украшены перламутром и резным нефритом, которые, возможно, использовались для инкрустации деревянных деталей. Эта особенность, согласно описанию в «Шан шу», была присуща храму предков чжоуских ванов [Фу Синянь, 1981, с. 73]. Строение, исключительное по своим размерам и планировке, могло принадлежать, по свидетельству источников, только правителю чжоуского государства. Однако после покорения Шан чжоуские ваны не перестраивали здание в Фэнчунь, а возможно, в качестве «правителей Поднебесной» возвели новый храм недалеко от первого [Ван Энтянь, 1981, с. 78].

Интересное открытие было сделано в 1977 г. — в одной из ям-кладовых на территории храма нашли более 17 тыс. гадательных панцирей и костей⁷. Этот факт хорошо соотносится с данными письменных источников. В «Лунь юе» сказано, что гадания происходят в храме, поэтому там хранятся панцири черепах, в «Чжоу ли» и «Ши цзи» упоминается о специальной «черепаховой комнате» для этих целей [Фу Синянь, 1981, с. 78].

⁶ Подробное описание см.: [Археология Шан и Чжоу, 1979, с. 181—185; Краткий отчет о раскопках западночжоуских строений..., 1979; Археологические открытия..., 1984, с. 249—250]. На русском языке см. публикацию С. А. Комиссарова [1985а, с. 88—89].

⁷ В основном это черепахи панцири, только 300 с небольшими фрагментами — кости быка, что свидетельствует об абсолютном преобладании в Чжоу пластромантии. Способ обработки панцирей и нанесения на них отверстий отличается от принятых в Инь, но одинаков для всех чжоуских находок [Гао Мин, 1984, с. 77—78].

Очевидно, такую комнату и обнаружили в Фэнчунь.

На 190 экз. выявлены надписи — всего более 600 иероглифов. По стилю написания некоторые из них отличались от иньских, но оказались близки к чжоуским знакам на металле. Этими иероглифами записаны гадания о жертвоприношениях, охоте, военных действиях. Особого внимания заслуживают упоминания о принесении в жертву рабынь и скота. Это жертвоприношение ван совершал в честь основателя иньской династии Чэнтапа и Ди-и, отца последнего иньского правителя. На другом панцире написан текст, где ван просил защиты у шанского предка Тай-цзя. Обнаружен текст гадания об удачной охоте иньского вана. Такие надписи отражают подчиненное положение чжоусцев по отношению к Инь, а упоминаемый ван — скорее всего, Чан (Си-бо, будущий Вэнь-ван), который первым принял этот титул [Надписи на панцирях..., 1979; Сюй Сятай, Лоу Цыдун, 1980]. Как считает Гао Мин [1984, с. 83—84], панцири с надписями о жертвоприношениях иньским вана датированы периодом пребывания Чана в иньском плену.

Существует мнение, что упоминаемый в гадательных надписях титул «ван» принадлежит шанскому Ди-синю [Ли Сюэцин, 1981, с. 10]. Д. Кейтли полагает, что одно из имен в надписи Н 11:84 можно прочесть как Чжоу, которого он отождествляет с прадедом Вэнь-вана. Это значительно удвевняет дату храма. В то же время в надписях встречаются имена Тай-бао и Би-гуна, а также другие реалии, которые дают основания утверждать раннечжоускую дату памятника [Там же, с. 11]. Очевидно, храм в Фэнчунь функционировал с позднего Шан и вплоть до правления Чжао-вана. Радиоуглеродный анализ подтвердил в целом раннечжоускую датировку, разумеется безотносительно периодов правления отдельных вавов⁸. Подобная расплывчатая дата снижает информативность памятника. К тому же внутри храма обнаружено сравнительно немного предметов. Судя по обстоятельствам раскопок, в древности в храме возник пожар и, очевидно, большую часть ценных вещей успели вынести. Можно лишь отметить в общем плане, что найденные в нем изделия из керамики, фарфора и нефрита (бронзы очень мало, и она невыразительна) относятся к ранним типам.

В ходе дальнейших исследований была обнаружена еще одна яма (Н 34), наполненная гадательными панцирями и костями. Ее нашли в той же комнате, что и первую, только не у южной, а у северной стены. Всего было найдено 413 экз., из них 78 панцирей — с надписями [Пан Хуайцин, Сюнь Ваньцань, 1982; Сюй Сятай, 1982]. Интерпретация отдельных гаданий позволяет предполагать наличие иньских элементов в составе комплекса. Например, упоминаются жертвоприношения шанского вана и один из правителей Шан — Вэнь-дин. Встречаются и имена чжоуских государственных мужей: Тай-бао, сына Вэнь-ва-

⁸ В результате анализов, для которых использовались деревянные части строения, были получены следующие даты: 1040 ± 90 , 1080 ± 90 , 890 ± 110 лет до н. э. [Отчет об определении дат..., 1978].

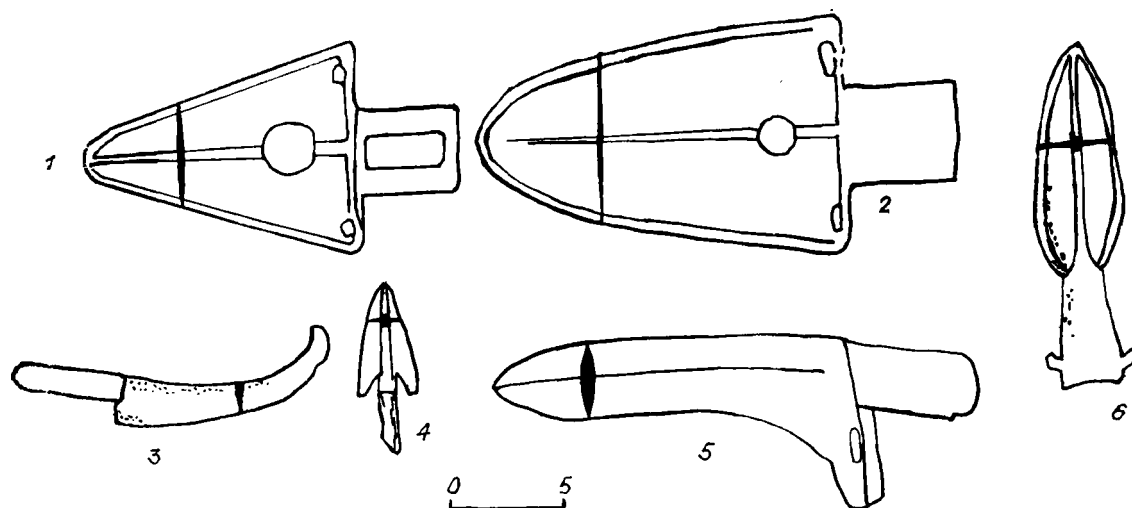

Рис. 20. Бронзовые изделия, найденные на памятнике позднего этапа культуры сыва в Сюйцзянь (по Ху Цзяньцуню).

на Шу-у, получившего владение в Чэн, а также Сюй И, который выступает здесь, по мнению авторов одной из статей, в качестве чжоского бо. Другие реалии тоже свидетельствуют, что записи в основном делались непосредственно перед чжоуским завоеванием и в первые годы после него. Наличие же иньских гадательных панцирей объясняется захватом чжоусцами в качестве трофеев многочисленных ритуальных вещей, в том числе и этих своеобразных архивов.

Особый интерес исследователей вызвала группа записей из шести знаков каждая, очевидно цифрового характера. Впервые обратил внимание на подобные знаки известный палеограф Тан Лань. Была выдвинута идея об их принадлежности к проточжоуской письменности, которая использовалась для обозначения родовых имен и географических названий [Крюков, 1965]. В настоящее время многие исследователи считают, что эти знаки связаны с гексаграммами «И цзина», а чередование четных и нечетных цифр выполняет роль «напряженных» и «податливых» черт в более поздних символах [Сюй Ситай, Лоу Цзыдун, 1980]. Однако использование гексаграмм связано с чжоуским гаданием на стеблях тысячелистника. Как же объяснить появление этих знаков на гадательных панцирях? Вполне убедительное толкование предложил Ли Сюэцзинь [1981]. Чжоусцы применяли оба вида гаданий, о чем свидетельствуют письменные источники (например, «Шан шу») [Древнекитайская философия, 1972, с. 108; Щуцкий, 1960, с. 48—49]. В некоторых случаях гадали по тысячелистнику, а потом обращались к панцирям, на которых записывали предыдущий результат. В то же время, как считает Чжан Чжэнлан [1980], это не противоречит идеям об особом виде письменности. Поскольку чжоусцы всегда гадали при основании поселений, то полученный символ мог использоваться как название нового пункта. А эти названия, в свою очередь, часто брались жителями в качестве родовых племен.

Гадательные кости и панцири позволяют выяснить истинное назначение храмового комплекса. Ранее гадательные принадлежности были найде-

ны при раскопках только трех западночжоуских памятников, причем их количество во всей коллекции не превышало десяти. При размахе археологических работ в последнее десятилетие трудно предполагать, что их просто еще не нашли. Дело в том, что у чжоусцев гадания сосредоточивались в одном или, вполне вероятно, в нескольких культовых местах. Таким образом, храм, сооруженный в важном центре, возможно в «столице» раннечжоуского объединения, является своеобразным древнекитайским аналогом дельфийского оракула.

Исключительной ценности находки «переходного» периода именно в районе Фэнчундунь подтверждают сообщения о том, что со времени Гу-гу (деда Вэнь-вана) центр расселения чжоуских племен располагался у подножия горы Цишань [Сыма Цянь, 1972, с. 181]. Следует ожидать, что здесь при продолжении раскопок будут обнаружены и более ранние памятники.

АРХЕОЛОГИЯ ЗАПАДНОГО ЧЖОУ ПОСЛЕ ОБРАЗОВАНИЯ ДИНАСТИИ. НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ЧУНЬЦЮ

Чжоуянь. Эта историческая область охватывает в основном территорию пров. Шэньси. Ее центр — основанная Гу-гуном «столица Ци» (Ци) — расположен на стыке уездов Цишань и Фуфэн, по площади превышает 3,3 км², толщина культурного слоя периода Западного Чжоу достигает 1—3 м [Западночжоуские бронзовые изделия, найденные в Хэцзяцунь..., 1972, с. 25]. Судя по многочисленным и разнообразным находкам (см., например, [Ван Гэнбао, 1982; Цао Минтань, Шан Чжижу, 1974; Ци Цзянь, 1984]), область Чжоуянь, даже утратив свое исключительное политическое положение после основания новой столицы в Фэн-Хао, продолжала оставаться важным экономическим и культурным центром чжоуской державы.

Ценные материалы были обнаружены в ходе раскопок могильника Хэцзяцунь. В одной из могил нашли 17 ритуальных бронзовых сосудов

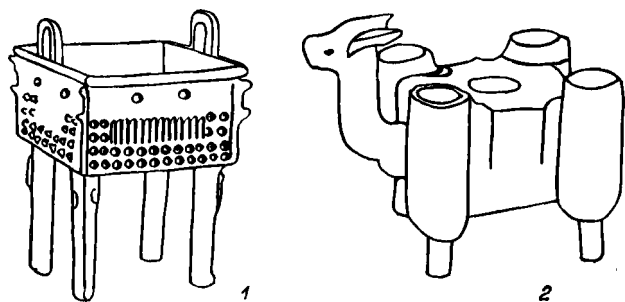

Рис. 21. Сосуд *дин* (1) и зооморфный сосуд (2) из могилы историографа Су.

(рис. 21, 1, 2), оружие, снаряжение для колесниц и лошадей, более 100 бронзовых бляшек. В надписи на сосуде *гуй* говорилось, что изготовивший его человек был историографом Би-гуна. Так называли Гао (сына Вэнь-вана), который занимал высокие должности в государстве до правления Кан-вана включительно. Могила в целом относится к несколько более позднему времени, так как в ней были сосуды с надписями историографа Су, сына первого чиновника [Западночжоуские бронзовые изделия, найденные в Хэцзяцунь..., 1972].

В ходе дальнейших раскопок удалось обнаружить еще несколько захоронений [Дай Инсинь, 1976]. Инвентарь в могиле № 1 мало отличался от иньского. Западночжоуская датировка (период У-вана и Чэн-вана) основывается на сосудах *дин* и *гуй*, внешняя поверхность которых покрыта многочисленными небольшими выступами. Подобный способ украшения сосудов был распространен в чжоуское время. Отдельные могилы в составе памятника могли относиться и к раннему, додинастическому периоду.

Более поздняя дата (рубеж правлений Му-вана — Гун-вана) предложена для могилы бо Чжуна (Дуна) в Байцзя [Ло Сичжан, У Чжэньфэн, Ло Чжунжу, 1976]. Покойный относился при жизни к числу видных сановников той эпохи; три надписи, посвященные его деятельности, были известны и ранее по музейным коллекциям. Так, в тексте на сосуде «Лу Чжун ю» сообщалось о том, что бо Чжун по приказу вана охранял границы от хуай-и. В надписях на сосудах из могилы сказано, что он принимал участие в походе против «варваров» жун-ху и захватил много пленных, а в качестве трофеев — оружие [Тан Лань, 1976]. Очевидно, трофейными были боевой втульчатый топор и пятилучевая булава, обнаруженные в составе инвентаря. Под жунами в надписях на бронзовых сосудах в принципе могли подразумеваться те же хуай-и, однако не исключено их традиционное соотнесение с племенами Запада. Во всяком случае, трофейное оружие имеет не юго-восточные, а именно северо-западные аналогии. Еще один специфический вид оружия в составе инвентаря — секира (?) с тремя округлыми зубцами. Хуан Шэнчжан [1983, с. 48] предположил, что это «пила», которая как инструмент для «среднего наказания» упоминается в «Го юй». Наличие в составе инвентаря топора и «пилы» свидетельствует о том, что бо Чжуан обладал судейско-исполнительной властью.

В западной части Ции выявлено несколько пунктов с бронзовыми сосудами, различающимися

ся по времени изготовления. Они обнаружены рядом со скоплениями строительных остатков позднего периода [Ци Цзянь, 1982]. Представление о конструкции домов дают материалы по 15 раскопанным жилищам, вокруг которых проходили ров шириной более 20 м и глубиной 5 м. Постройки расположены в Шаотэньцунь на расстоянии 2,5 км к юго-востоку от храма в Фэнчуцунь. Удалось выявить стратиграфическое различие между постройками. Две из них относятся к нижнему слою, остальные — к верхнему. Судя по найденой керамике, временной рубеж приходится на средний период Западного Чжоу. Большое количество черепицы свидетельствует о том, что крыши домов полностью покрывались ею. Именно с этим связано усиление опорных конструкций [Археология Шан и Чжоу, 1979, с. 185—187]. Как считают китайские археологи, первоначально черепица использовалась для покрытия не просто жилых домов, а храмов и дворцов [An Zhimin a. o., 1984, p. 42].

Комплекс памятников: косторезная мастерская, 19 хозяйственных ям и 20 могил, разрушенные жилищные остатки — обнаружен в Юньтан. Ли Шиэ выделил слои с могилами двух периодов: ранний — не позже времени Му-Чжао — ванов; поздний — конец Западного Чжоу; слой с остатками мастерской — между ними. В мастерской находилось огромное скопление сырья — костей крупного рогатого скота (свыше 80%), лошадей (5%), свиней, собак, оленей и верблюдов (всего более 20 тыс. экз.). Здесь же найдены «полуфабрикаты» и готовые изделия: наконечники стрел, заступы, тесла, шилья. Однако главной продукцией были шпильки для закалывания волос, что еще раз доказывает, какую важную роль играло оформление прически в жизни древних китайцев [Крюков, Софронов, Чебоксаров, 1978, с. 252—253].

Аналогичные описанной выше мастерские известны в районе Цицзя и Байцзя, бронзолитейная — в Цицзя, керамическая — в Жэньцзя и по обработке нефрита — в Байцзя. Скопление ремесленных промыслов в одном районе позволяет предположить, что китайские археологи вышли на «производственную» окраину Ции [Ли Шиэ, 1980а, б]. Об этом же свидетельствуют обнаруженные в данном районе специфические клады, состоящие из обломков бронзовых сосудов (несомненно, «вторсырья») и керамических литейных форм [Фу Шэнцзи, 1982а, с. 13].

Абсолютное большинство кладов в Чжоуюани состоит из множества прекрасных по качеству бронзовых изделий, что является отличительной чертой позднего периода. Даты изготовления этих вещей различны — от И-вана (Цзяня) до Сюань-вана. Однако закопаны они были примерно в одно время [Археологические открытия..., 1984, с. 252—253]. Китайские археологи единодушно полагают, что «кладаобразование» в Ции в конце Западного Чжоу вызвано бегством аристократии на Восток под натиском западных жунов, которые в 771 г. до н. э. разбили чжоуские войска и убили последнего верховного правителя Ю-вана [Сыма Цянь, 1972, с. 203].

Особого внимания заслуживают находки в Байцзяцунь и Дунцзяцунь, поскольку надписи на бронзовых сосудах, обнаруженных в этих двух

пунктах, содержат важную информацию о жизни чжоуского общества [Комиссаров, 1985а, с. 92]. Определенный интерес представляет также надпись на сосуде «Ши Туи дин», найденном в Сюэцзи. В ней повествуется о военных действиях под предводительством Ши Туна (или просто Туна) против племен гуйфан, в результате которых были захвачены пленные и большие трофеи. Из трофейного металла и отлит сосуд. Фу Шэнци [1982] считает, что о походах Ши Туна сообщается и в других надписях на сосудах, датированных периодом правления Гун-вана — И-вана (см. также: [Ли Сюэцзинь, 1983]). В качестве общей черты кладов того времени следует отметить то, что они состояли исключительно из ритуальных бронз. Бронзовое оружие, колесничное снаряжение и сбруя не обнаружены. Чжоусцы покидали этот район «налегке», но с оружием в руках, отбываясь от паседавших жунов.

В других уездах пров. Шэньси удалось открыть ряд памятников раннего периода, в числе которых могила в Чжюаньгоу, к югу от г. Баоцзи [Западночжоуские могилы в Чжюаньгоу..., 1978]. Судя по пяти треножникам *дин*, одинаковым по форме, но постепенно меняющимся в размерах, погребенный здесь человек входил в число чжухоу. В Чжоу существовала система «ле-дин» (выставленные в ряд *дин*), согласно которой каждый человек мог использовать при жертвоприношениях такое количество треножников, которое соответствовало его рангу знатности, причем оно было печетным (от одного до девяти). Чаще всего *дин*, в которые помещали мясную пищу, использовались в жертвоприношениях вместе с сосудами *гуй*, предназначенными для зерна. Последних было на один меньше, чем сосудов *дин* [Археология Шан и Чжоу, 1979, с. 203—204; Крюков, 1984]. Набор ритуальных сосудов был символом могущества саповника при жизни и после смерти.

Таким образом, можно утверждать, что в Чжюаньгоу захоронен человек, обладавший рангом знатности. Об этом свидетельствует также богатый набор бронзового оружия, колесничного снаряжения и сбруи. Среди изделий обращают на себя внимание девять маленьких клецов *куй* длиной 4,1—4,3 см — пока единственный случай миниатюризации предметов вооружения в бронзовом веке Китая. Особенность могилы — наличие в составе инвентаря сосуда с «горлом седловидной формы», характерного для культуры сыва (типа аньго) [Археология Шан и Чжоу, 1979, с. 229—230]. Керамика того же типа найдена недалеко от могилы в Мэньюйгоу, что доказывает наличие существенных связей между западными районами Чжоуань и так называемой перво-бытпой периферией.

В 1980—1981 гг. в Чжюаньгоу вновь велись полевые работы, в ходе которых были раскопаны еще 18 могил и три ямы со скелетами лошадей. Большинство могил по устройству однотипны. Это грунтовые ямы с вертикальными стенками, трапециевидной формы (в головах несколько шире, чем в ногах), без ниш и яокэнов, но с уступами; покойников клали в деревянный гроб и саркофаг и ориентировали головой на восток. По размерам и богатству инвентаря выделяется могила (М 4), где вместе с умершим захоронена и его

наложница. В состав погребального инвентаря входили как сосуды, типичные для позднего Инь и раннего Чжоу, так и специфические вещи (например, остродонные бронзовые горшки), характерные только для района Баоцзи. Своеобразна также керамика. Оружейный комплекс состоит из шести клецов (два из которых уменьшенных размеров), двух наконечников копий и кинжала.

На основе сопоставлений керамики и бронзы все раскопанные могилы датированы периодом от начала Западного Чжоу и до рубежа правлений Му-вана и Гун-вана, в том числе М 4 — концом правления Кан-вана — началом правления Чжао-вана. В надписях на ритуальных бронзах из могилы М 4 погребенный в пей человек назван юйским Цзи. Очевидно, Юй (другое возможное чтение — Цянь) — удел, которым он правил. Отмечая значительное своеобразие инвентаря, авторы публикации делают обоснованное заключение о том, что памятник оставлен не чжоусцами, а каким-то другим народом, имевшим с чжоусцами тесные связи [Краткий отчет о раскопках западночжоуских могил..., 1983].

Юйский Цзи, возможно, был непосредственным предшественником следующего правителя Юй, могила которого раскопана в Жуцзячжуан [Краткий отчет о раскопках западночжоуских могил в Жуцзячжуан..., 1976]. Большая могила (М 1) представляла собой прямоугольную грунтовую яму с уступом и наклонным коридором-дромосом на южной стороне. В центре помещался деревянный саркофаг, разделенный перегородкой на две неравные части, глубина которых также была различной. В большей камере (Б) имелся яокэн с принесенной в жертву собакой и стоял двойной гроб. В другой камере (А) гроб был одинарный. В двойном гробу лежал скелет мужчины с богатым погребальным инвентарем. Среди бронзовых сосудов — восемь *дин* и пять *гуй*, но они не образуют системы «ле-дин».

С востока к М 1 примыкала и частично разрушала камеру Б другая могила (М 2), сходная по устройству с первой (только с одной камерой). В ней много бронзовых украшений и ритуальной утвари, но нет оружия и орудий труда. Найдены шесть *дин* и пять *гуй*, которые также не образуют систему «ле-дин». Судя по эпиграфическим данным, в камере Б захоронен человек, носивший титул юйского бо (возможное чтение его имени — Чжи или Чи), а в М 2 — его жена Цзин Цзи. Однако остается неясным, кто же был захоронен в камере А. Сначала исследователи объявили, что там захоронена наложница юйского бо. Но из-за плохой сохранности скелета нельзя достоверно определить его как женский. К тому же в этой камере найдены пять бронзовых *дин* и четыре *гуй*, которые в отличие от предыдущих представляют собой «ле-дин» — знак принадлежности погребенного к чжухоу. Трудно допустить, чтобы столь важный (быть может, важнейший) ритуальный набор был доверен наложнице, даже (тем более) после смерти. На трех *дин* и трех *гуй* выявлен иероглиф «эр» — возможно, имя собственное рода или племени покойного [Археологические открытия..., 1984, с. 258]. Китайские археологи не исключают разновременности захоронений в камерах А и Б. В М 1 обнаружены так-

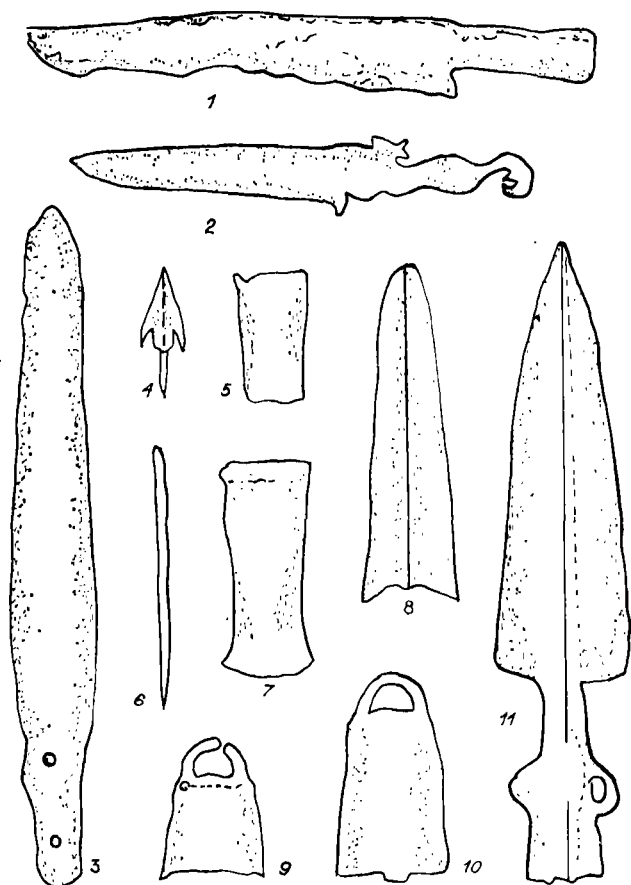

Рис. 22. Бронзовые изделия из Фэнси.

же две разобранные колесницы и пять принесенных в жертву людей. Еще один сопогребенный лежал в начале могильного коридора. В М 2 тоже найдены двое сопогребенных, лежавших в деревянных ящиках.

Общее количество погребального инвентаря превышает 1500 предметов. Среди них бронзовые ритуальные сосуды (в том числе зооморфной формы), фигурки из бронзы и нефрита, оружие. Сосуды несколько отличаются по стилю оформления от классических западножюуских [An Zhimin а. о., 1984, р. 50]. Клевцы в основном раннего облика, однако острие у одного из них по форме близко к равнобедренному треугольнику, что характерно для периода конца Западного Чжоу — Чуэцью. В камере В найдены также два кинжала. Находки, относящиеся к государству Юй, имеют исключительное значение для разработки проблемы контактов и взаимовлияния народов, населявших северо-западные районы Китая в бронзовом веке.

Помимо удела Юй, анализ эпиграфических данных позволил выявить еще целый ряд небольших государств в Чжоуюани (их названия в письменных источниках не зафиксированы). Они возникали в раннежюуское (а может быть, и преджюуское) время и существовали вплоть до переноса Пин-ваном столицы на восток. В их числе можно назвать государство Цзэ, правитель которого уже на самых ранних этапах Западного Чжоу носил титул вана. Оно занимало земли в бассейне р. Цяньхэ и постепенно распространяло свое влияние с севера на юг. Чуть дальше на запад

располагалось государство Сань. Его правители были связаны с Цзэ семейно-брачными узами. В том же районе находилось и государство Цзин [Лу Ляньчэн, Инь Шэньпин, 1982; Ван Хуй, 1985].

Необходимо иметь в виду, что многие из открытых памятников не раскопаны, а материалы части изученных объектов не опубликованы. Так, рядом с храмом Фэнчунь и жилищами Шаочэньцунь выявлено много других остатков жилищ, по каковы они — в литературе не сообщается. В могильниках Хэцзяцунь и Байцзячжуан исследована только тысячная часть занимаемой ими площади. Большая мастерская по обработке кости в Юньтан, как и бронзолитейная и керамическая мастерские, практически не изучены. Не найдены городские стены «столицы Ци», а также могилы ванов и их родственников. Возможно, это кладбище расположено в Хуантуй (уезд Фуфэн). Следовательно, в будущем в области западножюуской археологии ожидаются новые открытия (см. [Предварительное исследование раннежюуской столицы..., 1979]).

Район Фэншуй. Чжоуюань сохранял свое значение на всем протяжении Западного Чжоу. Однако в ходе подготовки похода против Инь центр переместился на восток. «Основав город Фэнъи, [Си-бо ушел] от гор Цишань и перенес столицу в Фэн» [Сыма Цянь, 1972, с. 183]. Раннее существование Фэн подтверждается и надписью на гадательном панцире № 58 из Фэнчунь. Довольно скоро, как отмечалось в «Исследовании географии Ши цзина» [«Ши дили као», цз. 4], Фэн перестала «вмещать всех людей, отовсюду приходивших ко двору». Расширению столицы препятствовали прилегающие низины, которые затоплялись паводковыми водами. Поэтому У-ван, оставив в Фэн храмы предков, перенес политический центр на восточный берег реки — в новую столицу Хао [Ма Чжэнлинь, 1978, с. 11—14]. Ныне общеприято, что Фэн-Хао (или, иначе, Цзунчжоу) располагалась на территории уезда Чанъань, пров. Шэньси, по берегам р. Фэншуй, где обнаружены крупные западножюуские памятники. На западном берегу, в Фэн, их площадь достигает 6 км², на востоке, в Хао, — 4 км²; часть территории Хао оказалась на дне искусственного пруда Куньминчи [Бао Цюань, 1977].

В настоящее время памятники этого района интенсивно изучаются. В 50-е гг. в Кэсинчжуан раскопали остатки поселения Западного Чжоу, разделявшиеся на ранний и поздний слои, а также 51 могилу; в Чжанцзяпо — 13 жилищ, три хозяйственные ямы, восемь колодцев, две косторезные мастерские, семь печей для обжига керамики, 131 могилу и четыре чэ-ма кэна, которые также относились к различным периодам. Большая часть жилищ и могил не отличается размерами и богатством, поэтому китайские археологи считают, что здесь находились жилой район и кладбище простого народа. Бронзовых изделий найдено немного (рис. 22, 23), однако коллекция керамики достаточно представительна. Это дало возможность выделить пять керамических комплексов, а стратиграфические наблюдения в Чжанцзяпо позволили установить последовательность различных групп памятника: ранний период поселения — 1—3-й периоды могильника —

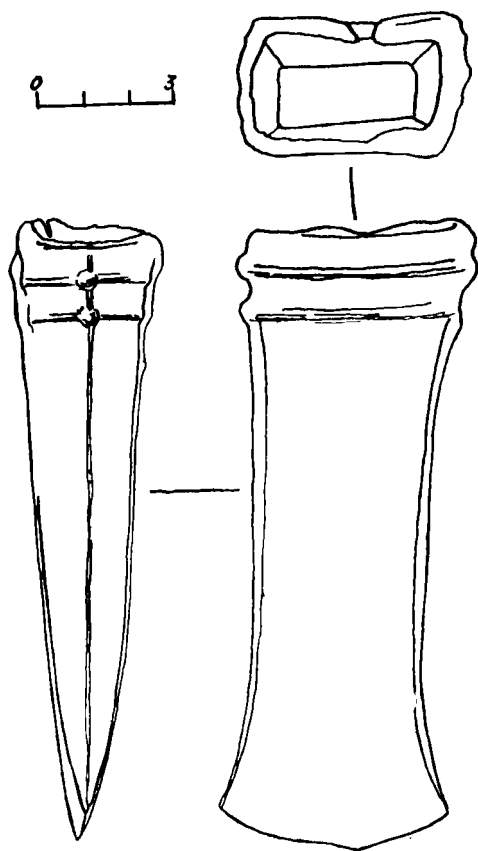

Рис. 23. Бронзовый кельт из Чжапцзяпо.

поздний период поселения и 4-й и 5-й перподы могильника. В одной из могил 1-го периода найдены бронзовые сосуды *дин* и *гуй*. Первый близок напоминает «Да юй дин» (Кан-ван), второй — «Ципь гуй» (Чэп-ван). Соответственно этим временем и датирован 1-й период. Более ранний слой поселения отнесен к правлению Вэнь-вана, который основал столицу в Фэн. Керамика в могилах 2-го периода сходна с находками в Пуцунь, датированными временем Му-вана. Керамика остальных периодов имеет аналогии с керамикой Шанцуньлина и датируется от середины Западного Чжоу до начала Чуньцю [Ван Бохун и др., 1959; Отчет о раскопках в Фэнси, 1962] (рис. 24).

Раскопанные жилища раннего периода подразделяются на два типа. Строения первого типа — прямоугольные в плане и неглубокие, пол в них уплотнен и прокален огнем, внутри небольшой очаг. Крыша, очевидно, была пирамидальной, поскольку в центре обнаружено только одно отверстие для опорного столба. Все пять жилищ сильно разрушены, поэтому размеры их уточнить не удалось. Второй тип — это округлые в плане землянки диаметром более 5 м, глубина их превышает 2 м, крыша была невысокой и опиралась на деревянные балки, расположенные вокруг ямы. Кроме того, найдены два поздних жилища — круглые неглубокие ямы (диаметром более 2 м) с твердой поверхностью дна и стен.

Могильник, очевидно, образовывался постепенно и небольшими группами. Устойчивых закономерностей в расположении и ориентации могил пока проследить не удастся. Из погребального инвентаря, помимо керамики, значительный интерес

представляет найденный бронзовый кинжал — первый в этой серии. Интересны также находки в чэ-ма кэнах, где благодаря хорошей сохранности и тщательности раскопок удалось выявить не только конструкцию колесниц, но и форму намордников для лошадей, расположение наносников, начельников и других элементов сбруи.

В 1960 г. в районе Фэншуй были раскопаны еще три жилища, колодец, зольники, четыре могилы и один чэ-ма кэн [Ян Гочжун, Чжан Чанъань, 1962]. Большинство найденных в Фэнси (в том числе и в последующие годы) чэ-ма кэнов — «иньского образца», т. е. с одной колесницей, двумя лошадьми, иногда с возницей [Кучера, 1977, с. 133—138; Варенов, 1980]. Дышла повозок повернуты на восток. Есть и другие чэ-ма кэны, где две-четыре колесницы с парными запряжками поставлены в ряд по линии север — юг. Все они относятся к ранним этапам Западного Чжоу, причем не связаны с какими-то особо выдающимися могилами, как это характерно для позднейшего периода [Археологические открытия..., 1984, с. 256]. Значительные по объему находки сделаны к юго-востоку от Чжапцзяпо: жилище, колодец, 14 ям, пять могил. Найдено свыше 40 тыс. фрагментов керамики, орудий пемного [Хэ Ханъань, Тан Цзинъюй, 1964].

Из многочисленных западночжоуских находок 1961—1962 гг. выделяется могильник в Чжапцзяпо, где раскопано 31 захоронение. Из них следует отметить довольно большую могилу № 106 — с яокэном, принесенным в жертву человеком, и набором бронзовых сосудов, близких позднейшим как по облику, так и по надписям на них. Некоторые сходные формы (сосуды *чжи* и *цзюэ*) найдены еще в двух могилах. Остальные могилы, судя по керамике, относятся к различным периодам, выделенным Чжао Юнфу [1984].

Еще одна могила обнаружена в 1964 г. к северо-востоку от Чжапцзяпо. Хотя она разрушена почти на две трети, в ней сохранился богатый набор бронзовых сосудов. Интересно, что один из трепожников *дин* — раннего периода Западного Чжоу, тогда как два других *дин* и оба сосуда *ху* — среднего, а четыре сосуда *сюй* — позднего периода [Чжао Юнфу, 1965]. Подобное явление, кода в рамках единого комплекса найдены сосуды различных этапов, встречается крайне редко. Возможно, в данном случае мы имеем дело с погребением заведовавшего металлургическим производством чиновника, с которым и захоронили различные образцы литейного искусства. На эту мысль наводят практически одинаковые надписи на поздних сосудах, где говорится об отливке большой партии ритуальных бронз: шести колоколов, четырех *сюй* и семи *дин*.

Большие по масштабам раскопки проведены в Фэнси в 1967 г. В ходе их удалось выявить 124 западночжоуские могилы, пять чэ-ма кэнов, три жертвенные ямы с лошадьми и четыре — с быками [Раскопки западночжоуского могильника..., 1980]. В составо керамического инвентаря выделены шесть групп, которые соотносены с соответствующими периодами «Отчета о раскопках в Фэнси» [1962]. Аналоги бронзовых и керамических изделий в известных памятниках подтвердили и уточнили абсолютные даты. Для 5-го пе-

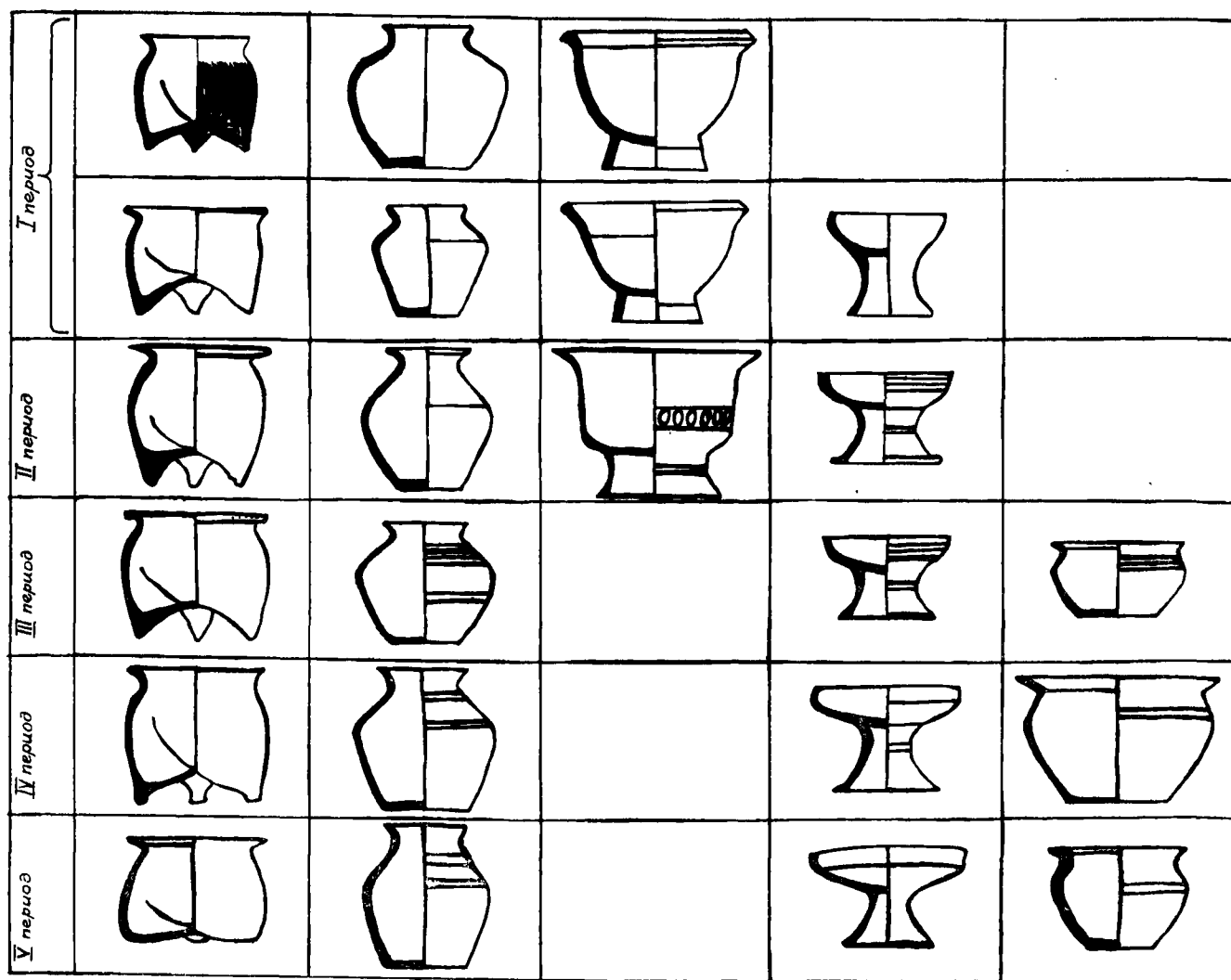

Рис. 24. Основные формы керамики из Фэнси (в 1/6 натурального размера).

риода (соответствует 4-му периоду «Отчета») проведена радиоуглеродная датировка по раковинам. С учетом поправки по дендрохронологической шкале получена следующая дата — 2835 ± 115 лет до н. э. Насколько можно судить по материалам ограбленного могильника, в составе инвентаря почти не встречаются детали колесниц и сбруй. В тех случаях, когда обнаружены бубенцы *луань* и удила вместе с псалнями, они не сопровождалась бронзовым оружием. Таким образом, не везде и не всегда строго выдерживался обряд погребения воинов-колесничих, согласно которому в могилу помещали детали запряжки вместе с предметами вооружения (ср. [Комиссаров, 1980, с. 158—159]).

В конце 70-х гг. в Фэнси были открыты три значительных размеров платформы, 11 могил и один чэ-ма кэн. Платформы, очевидно, представляли собой фундаменты зданий. Для их сооружения котлованы заполнялись утрамбованной землей *ханту*. Сохранившаяся длина первого фундамента 22 м, а ширина 7,3 м. Рядом найдено немного черепицы, в траншее недалеко от второй площадки — обломок керамической сточной трубы. В могилах, относящихся, за одним исключением, к раннему периоду Западного Чжоу, найден довольно богатый инвентарь. То же можно сказать о чэ-ма кэне. В нем обнаружено не меньше трех

колесниц, но с одной по-прежнему сопогребен возница. Возможно, здесь зафиксирована новая форма жертвоприношений в процессе стаповления (постепенный отказ от убийства возниц) [Фэн Сяотан, Лян Синпэн, 1981].

Человеческих сопогребений в целом сравнительно немного. В Чжанцзяпо, например, они обнаружены только в 20 могилах (менее 10% от числа раскопанных), датированных ранним периодом Западного Чжоу. В поздних могилах они не встречались, что отражает важную перемену в социальной жизни той эпохи [Археологические открытия..., 1984, с. 255].

Раскопки 1979—1980 гг. проводились в Чжанцзяпо, Сиванцунь, Пудуцунь и Байцзячжуан. Всего было раскопано 13 могил, один чэ-ма кэн, две землянки и один зольник, а также две печи для обжига керамики. На основании аналогий находки разделены на две хронологические группы: первая относится к периоду с начала Западного Чжоу до правления Кан-вана; вторая — к позднему периоду Западного Чжоу [Дай Ипсинь, 1986]. Каких-либо принципиально новых данных в ходе последних работ получено не было, продолжалось накопление массового материала (рис. 25).

С 1982 г. в окрестностях Чжанцзяпо было проведено крупномасштабное обследование древних

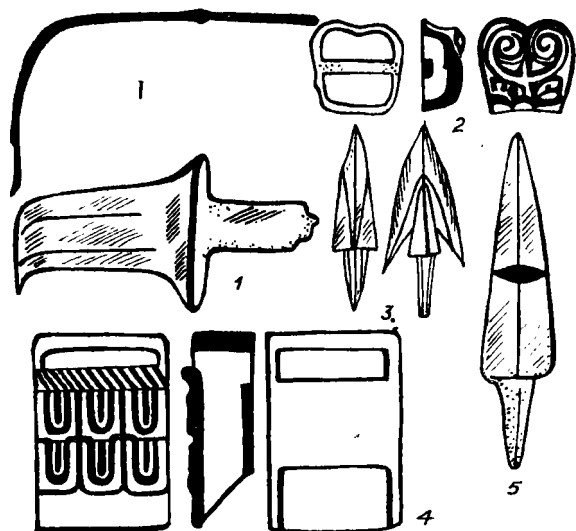

Рис. 25. Погребальный инвентарь из могил в Фэнси.

памятников. На небольшом участке (размером 600 × 200 м) обнаружено более 1500 западно-чжоуских могил. В 1984 г. полностью раскопано свыше 40 захоронений, описание трех из них опубликовано Чжан Чаншоу и Лу Ляньчэном [1986]. Особого внимания заслуживает первая в Фэнси большая могила (М 157) с двумя коридорами-дромосами. В них захоронено в разобранном виде несколько колесниц, причем колес значительно больше, чем кузовов. Внутри могильной камеры находились (один в другом) деревянный саркофаг и два гроба, причем внешний гроб был покрыт черным лаком, а внутренний — красным. К сожалению, могила была полностью разграблена, археологи выявили девять грабительских лазов. Но с помощью материалов соседних захоронений удалось установить, что в ней был погребен пекто Цзин Шу, рядом располагались могилы двух его жен и других членов клана. Дата всей группы — правление И — Сяо-ванов.

Ряд открытий сделан в других пунктах Фэншуй. Можно назвать клады бронзовых вещей, датированных тем же периодом, что и большинство кладов в Чжоуяоань: появление их было вызвано натиском жупских племен. Чжан Чаншоу [1982, с. 248] указал на то, что особенно много кладов найдено в окрестностях Сиванцунь. Возможно, именно там располагался центр столицы Фэн. Интенсивное изучение этого района, где продолжают крупномасштабные раскопки, способствует превращению Фэнси в эталонный археологический объект периода Западного Чжоу.

К востоку от Фэн-Хао. После разгрома Шан для управления покоренными народами создавались уделы во главе с чжоускими аристократами. Расширение границ и задачи освоения захваченных территорий требовали приблизить политический центр к восточным землям. И хотя Пин-ван перенес столицу в Лои под давлением жупов, но движение в том направлении началось при первых чжоуских ванах. Необходимость этого объяснил Чжоу-гун: «Там, [в Лои], середина Поднебесной, и при доставлении дани с четырех сторон страны длина пути будет одинаковой для всех» [Сыма Цянь, 1972, с. 190—191]. Последующая традиция

добавила к этому ясному экономическому обоснованию моральные оценки: «...добродетельным будет легко управлять отсюда, а лишенные добродетели быстро погибнут здесь» (см. [Таскин, 1968, с. 69]).

Проникновение чжоусцев в восточные районы отражено в археологических материалах. Начиная с 1964 г. вблизи Лояна (Лои) раскопали большой западночжоуский могильник Панцзягоу площадью 2,5 га⁹. В его оружейном комплексе большинство клевцов оказались согнутыми или обломанными. Такая особенность не отмечалась на западночжоуских памятниках Шэньси. Другая характерная черта памятника — наличие «примитивного фарфора» из каолина. Как считают авторы публикации, фарфоровые сосуды из Панцзягоу разнообразны по формам (*доу*, *гуй*, *лэй*, *вэн*), которые отличаются от изделий южных провинций и потому могут считаться местной продукцией [Исследование пяти западночжоуских могил..., 1972].

Большую площадь рядом с могильником занимала бронзолитейная мастерская. Найденные здесь литейные формы ипогда полностью соответствовали изделиям из погребений. Китайские археологи сделали вывод об одновременности мастерской и могильника и, основываясь на данных географических сочинений, соотнесли эту местность с окраиной Лои («столицы Ло») [30 лет работы..., 1979, с. 277; Чжан Цзянь, 1980].

Изучение керамических комплексов, а также форм и орнаментов изделий, восстанавливаемых по остаткам литейных форм (найденно несколько десятков тысяч их обломков), позволило определить время функционирования мастерской; с ранних этапов Западного Чжоу до правления Му-вана или Гуи-вана [Е Ваньсун, Чжан Цзянь, 1983].

В публикациях о раскопках в этом районе сообщается о хозяйственных ямах, жертвенниках, печах для обжига керамики, могилах, жилищных остатках, включая водопровод. Важная особенность памятника — обилие обломков керамических форм (около 15 тыс.), тиглей, древесного угля, шлака, прокаленной земли. Здесь в основном выплавлялись ритуальные сосуды и различные бляшки, панного меньше — другие изделия. Вещи, сделанные в этих формах, обнаружены среди инвентаря могильника примерно в 200 м от литейной мастерской. В то же время в некоторых могилах Бэйяо обнаружена иньская керамика. К иньскому наследию относятся и человеческие жертвоприношения. Следует также отметить, что в захоронениях практически не обнаружено оружия. Скорее всего, этот памятник оставлен иньцами, которые изготавливали бронзовые вещи для победителей — чжоусцев. Перед отливкой ритуальных сосудов они гадали (найденны десятки гадательных панцпрей) и приносили в жертву людей [Сюй Тайя, 1981]. По замечанию С. Кучеры [1986, с. 33], памятник Бэйяо отражает постепенное слияние двух этнических групп и «чжоуизацию» иньцев, хотя иньская специфика сохраня-

⁹ В настоящее время открыто около 400 могил, где найдено несколько тысяч ценных предметов, однако, насколько нам известно, полностью материал не опубликован [Цай Юньчжан, 1982, с. 80].

лась достаточно долго. Например, она прослеживается в керамическом инвентаре нескольких могил, раскопанных к юго-востоку от литейной площадки и датированных средним периодом Западного Чжоу [Юй Фэнвэй и др., 1984]. Как показали тщательные исследования керамики, в развитии бронзолитейного центра выделяются два тесно связанных этапа: 1) от начала Западного Чжоу до правления Кан-вана; 2) правление Му-вана или чуть позднее [Е Ваньсун, Юй Фэнвэй, 1985]. Очевидно, при последующих ванах производство в Бэйяо приходит в упадок.

Следует отметить находки на территории пров. Хэнань бронзовых изделий, большая часть которых относится к позднему периоду Западного Чжоу — началу Чуньцю. Их изготавливали в небольших чжоуских государствах: Фу (Люй), Хуан, Фань, Иш, Дэп [Оу Таньшэн, Шао Цзиньбао, Лю Кайго, 1980; Оу Таньшэн, Ян Люйсюань, Яп Гошаль, 1980; Ван Юйган и др., 1981; Чжоу Юньчжэн, 1982; Чжан Чжаоу, 1983, 1984]. Эти уделы не пережили среднего Чуньцю и были захвачены сильными соседями, прежде всего царством Чу. В их материальной культуре прослеживаются черты значительного своеобразие, характерные для контактных зон. Так, в керамике государства Фань отмечены следы влияния южных культур [Ван Юйган и др., 1981]. Немало интересных материалов принесли раскопки могил хуанского правителя-цзы и его жены. Эти могилы датированы заключительным этапом раннего Чуньцю, т. е. временем непосредственно перед 645 г. до н. э., когда Хуан было захвачено Чу. В них хорошо сохранились органические материалы — в том числе деревянный гроб, покрытый лаком, узорчатые шелковые ткани, циновки из бамбукового лыка и бамбуковый лук [Оу Таньшэн, 1984; Ли Сюэцин, 1985].

Однако к самым значительным памятникам эпохи поздней бронзы в среднем течении Хуанхэ относятся Синьцунь и Шанцуньлин. Они представляют собой не просто скопление могил (могильник), а обширные «государственные» кладбища, формирование которых подчинялось определенным закономерностям¹⁰.

Синьцунь. Это местонахождение расположено в уезде Цзюньсянь, пров. Хэнань, на северном берегу р. Цишуй. Там неоднократно пахали различные древности, относящиеся к чжоускому времени. Крупная партия бронз была обнаружена, например, в 1931 г.: шлем, две ножевидные секиры, три трезубца, *цзи* и несколько более мелких вещей [White, 1956, p. 164—167]. На обухе одного из трезубцев вырезан иероглиф «хоу» (титул), по мнению специалистов относившийся к совершенно конкретному лицу — Кан-шу (младшему брату У-вана), который при Чэн-ване получил титул вэйского хоу [Сыма Цянь, 1972, с. 190].

Крупномасштабные раскопки были осуществлены в 1932—1933 гг. под руководством Го Баоцзюня. Результаты работы освещались в предварительных сообщениях и статьях [Воробьев, Итс, 1954, с. 450—452; Го Можо, 1956, с. 181—

Рис. 26. Бронзовое навершие из могилы М 21 в Синьцунь (по Го Баоцзюню).

188], полный отчет опубликован позже [Го Баоцзюнь, 1964]. Всего были исследованы три стоянки (неолитического времени) и более 80 захоронений, абсолютное большинство которых относится к периоду поздней бронзы (рис. 26).

Го Баоцзюнь выделяет большие, средние и малые могилы, а также чэ-ма кэны. К первой категории относятся восемь могил, их размеры довольно сильно варьируют: $10,6 \div 6,3 \times 11,8 \div 6,6$ м. Отличительной особенностью больших могил является наличие в них двух коридоров, северного и южного, причем последний был основным и достигал в длину 30 м с лишним. Внутри могильной камеры методом *ханту* строились с четырех сторон уступы. Внутри образовавшейся ямы помещались саркофаг (сруб в форме иероглифа «цзин» (колодец), о котором говорится в сочинении по ритуалу «И-ли») и гроб, сложенный из деревянных плах. В одном случае найдены бронзовые украшения для гроба. Особенностью погребального обряда, характерной для данного кладбища, является захоронение в верхней части засыпки могилы колесниц с лошаадьми (в одном случае даже вместе с возницей). Все большие могилы сильно разграблены как в древности, так и в сравнительно недавнее время, однако грабители брали в основном ритуальные сосуды и яшмовые украшения, большая часть остального инвентаря сохранилась.

Средние могилы (их шесть) уступали в размерах предыдущим и не имели могильных коридоров. Однако они также весьма богаты инвентарем. Так, в потревоженном погребении № 60 обнаружены шесть ритуальных бронзовых сосудов, девять клевцов, один топор, шесть папцирных блях, два наосника, четыре налобника, 105 маленьких бронзовых бляшек, а также фрагменты керамики, изделия из рога, различные раковины.

Больше всего (54) малых могил, которые значительно отличаются друг от друга по инвентарю. В некоторых из них вещей не найдено, тогда как в отдельных могилах встречается и бронзовое оружие, и колесничное снаряжение. Это, очевидно, связано с социальным статусом похороненных здесь людей. Го Можо, например, счи-

¹⁰ Различать термины «могильник» и «кладбище» при определении археологического объекта предложил П. М. Кожин [1973, с. 7—8].

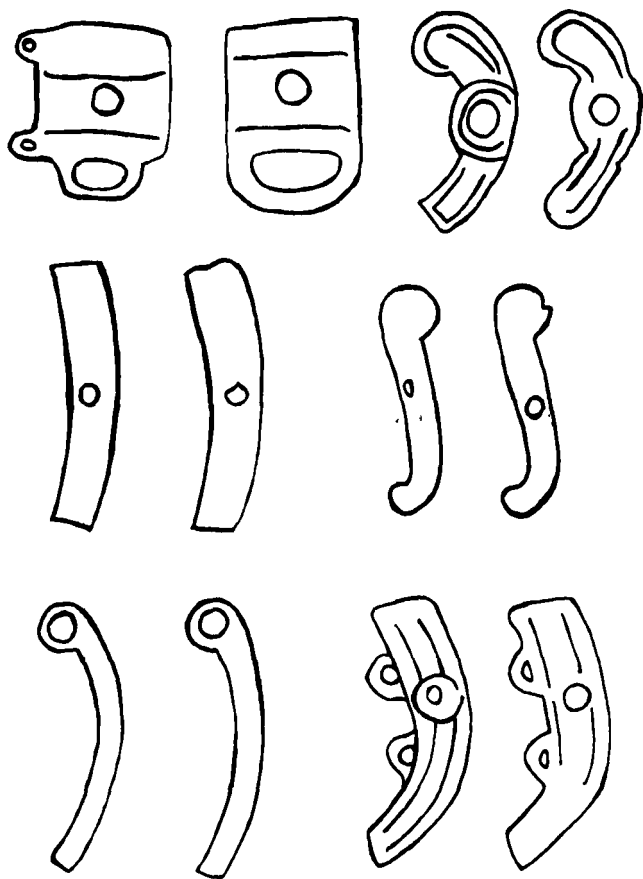

Рис. 27. Бронзовые псалии из различных могил в Синьцунь (по Го Баоцзюню).

тает, что покойники в бедных могилах были приписаны в жертву при погребении «хозяев» соответствующих больших могил. При этом он ссылается на высказывание Конфуция в «Ли цзи» о том, что «вэйцы»¹¹ захороняемых для сопровождения умершего клали отдельно (от умершего)...» [Го Можо, 1956, с. 187].

В составе могильника раскопаны два чэ-ма кэна. В первом из них найдены остатки 24 колес и 315 различных деталей из бронзы. В результате грабительских раскопок все остатки повозок, так же как кости лошадей и собак, сильно нарушены, поэтому можно лишь предположить, что там находились 12 колесниц. Во втором чэ-ма кэне, разрушенном еще больше, находилось примерно 7—8 колесниц, 30—40 скелетов лошадей и несколько костяков собак. Из 12 сравнительно небольших ям с лошадиными скелетами только в одной имелись колесничные принадлежности и сбруя. Всего в них захоронены 42 лошади, кроме того, в яме 83 был также найден скелет человека.

Сохранилось довольно много предметов вооружения: 81 клевец (в основном ранних форм), два копья, около 30 трезубцев *цзи*, всего восемь наконечников стрел, а также более ста бронзовых блях, выполнявших функцию защитного оружия. Помимо очень немногочисленных ору-

дий труда был обнаружен богатейший набор колесничного снаряжения. Можно назвать бронзовые детали втулки, наосники с чеками, острия (часто копьевидные) для ярма-перекладины, разнообразные по формам псалии (рис. 27), оригинальные начельники для лошадей (в том числе не встреченные больше нигде составные личины). Прямоугольные и круглые бляшки из бронзы и раковины нередко сохраняли тот порядок, в котором они нашивались на кожаные ремни, что позволяет реконструировать сбрую (рис. 28).

Исследователи проанализировали состав бронзы, из которой изготавливались упомянутые выше изделия. Обращают на себя внимание различия в уровне «олово + свинец». Так, для бойка клевета из могилы № 2 он равен 10,85% (соответственно 10,75 + 0,10), для бляхи из той же могилы — 11,77% (9,44 + 2,33), а, например, для острия клевета из могилы № 28 — уже 14,39% (13,61 + 0,78), для бойка клевета из могилы № 19 — 24,51% (12,10 + 12,41) и т. д. Общая тенденция в производстве оружейной бронзы чжоуской эпохи состоит в повышении указанного уровня, прежде всего за счет свинца [Chase, Zeibold, 1978]. Поэтому можно предположить, что погребение в могиле № 2 совершено раньше, чем в 28-й, а в ней, в свою очередь, раньше, чем в 19-й.

Порядок образования кладбища не выяснен до конца. Го Баоцзюнь считал, что его сооружали по направлению с севера на юг, а затем, достигнув берега реки, повернули по течению на запад. Полностью с этим построением согласиться нельзя, поскольку однотипный инвентарь более или менее равномерно распределен по территории всего кладбища. Возможно, здесь применялся не линейный, а «гнездовой» метод расположения захоронений, когда могилы родственников и зависимых от них людей группировались вокруг склепа главы этой родственной группы.

Для абсолютных привязок Го Баоцзюнь обратился к материалу уже известных к началу 60-х гг. памятников: Чжанцзяпо, Пудуцунь, Шанцуньлин, на основании чего выделил три периода, охватывающие всю эпоху поздней бронзы (Западное и начало Восточного Чжоу). Однако его сопоставление и доводы не всегда убедительны. Так, могилы с трезубцами *цзи* он отнес к среднему периоду. Далее исследователь указал на то, что сам иероглиф «цзи» впервые появляется в «Шицзине» в циньской песне «Нет одежды», датированной временем правления циньского Кан-гуна — 620—609 гг. до н. э. [Большой китайско-русский словарь, 1983, с. 92—94]. Однако, справедливо полагая, что этому предшествовал этап возникновения и развития данного вида оружия, Го Баоцзюнь относит средний период могильника ко времени правления Ливана — Сюань-вана. Следует отметить не только произвольность таких соотношений, но и то, что позднейшие раскопки доказали факт появления трезубцев уже на самых ранних чжоуских памятниках У-вана — Чэн-вана. Бронзовые сосуды из Синьцунь имеют ранний облик, однако они сохранились всего в нескольких могилах. Поэтому можно лишь осторожно предположить, что

¹¹ Вэйская принадлежность могильника устанавливается не только на основе географических штудий, но и подтверждается надписью на бронзовой бляхе из могилы № 68.

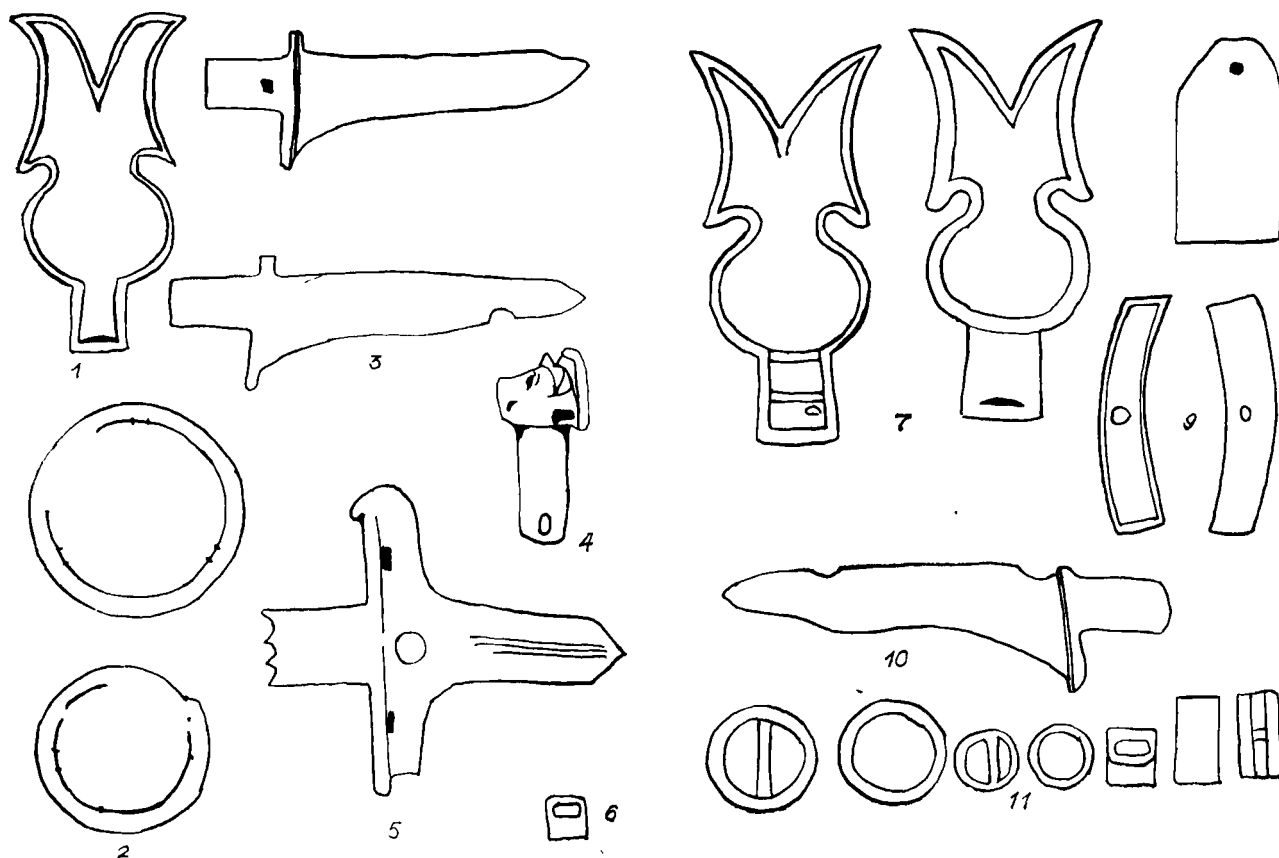

Рис. 28. Оружие и колесничное снаряжение вэйского кладбища Синьцзунь (по Го Баоцзюню).

большинство могил относится к более раннему периоду, чем считал Го Баоцзюнь. Возможно, они образуют вместе «гун-му» (кладбище аристократов), о существовании которого упоминается в «Чжоу ли» [Археология Шан и Чжоу, 1979, с. 196].

Шанцуньлин. Это кладбище находится в пров. Хэнань в 4,7 км к востоку от г. Шэньсянь, на склоне довольно высокой террасы южного берега Хуанхэ. В ходе изучения района Хуанхэского водохранилища в 1956—1957 гг. здесь выявлены 234 могилы, три ямы с колесницами и лошадьми и одна яма, в которой захоронены только лошади [Ань Чжиминь, 1957, с. 5—6; Краткий отчет о раскопках в у. Шэньсянь..., 1958, с. 70—74]. По итогам работ был подготовлен подробный отчет, опубликованный в серии монографий Института археологии АОН КНР [Линь Шоуцзинь, 1959].

Судя по раскопкам большей части памятников, погребения представляли собой прямоугольные ямы длиной 2,5—5,8 м, шириной 0,7—4,25 м, глубиной 1,25—15,2 м. Большие ямы чаще всего соответствовали богатым захоронениям и различались по положению стенок (вертикальные, расширяющиеся, сужающиеся), что не несло смысловой нагрузки. До сих пор не удалось определить, почему жертвоприношения собак имели место только в 24 случаях (пять — в специальных ямах, «яокэнах», и 16 — без них).

Умершего, как правило, помещали в гроб, изготовленный из деревянных плах. Помимо 86 одинарных гробов выявлено 114 двойных (внешний и внутренний); в 26 погребениях оба

гроба заключены в деревянный саркофаг, иногда украшенный бронзовыми деталями. Только в двух случаях не было никаких погребальных сооружений, в шести — ситуацию выяснить не удалось. Между количеством этих сооружений и социально-имущественным положением покойного существовала определенная связь. Во всех богатых могилах были оба гроба и саркофаг или по крайней мере двойной гроб. Однако подчас они присутствовали и в довольно бедных захоронениях, не отмеченных социально престижными предметами (например, ритуальными сосудами или бронзовым оружием).

Абсолютное большинство костяков (219) было ориентировано головой на север, т. е. лицом к югу, что соответствует древнекитайским ритуальным представлениям. Еще 10 костяков ориентировано в противоположную сторону, какие-либо закономерности выявить здесь не удалось. Яснее обстоит дело со способом труположения. Из 198 установленных случаев в 154 покойники лежали прямо на спине, а в остальных — с подогнутыми ногами. При последнем способе погребения в могилах находился наиболее бедный инвентарь, редки были находки ритуальных сосудов и практически никогда не встречалось (за исключением могилы № 1646, где обнаружено восемь наконечников стрел) бронзовое оружие. Можно предположить, что данный способ захоронения был присущ какому-то низшему слою общества той эпохи. Линь Шоуцзинь [19166] полагает, что его могли принести северо-западные племена, в поздний период Западного Чжоу начавшие продвигаться из Ганьсу на вос-

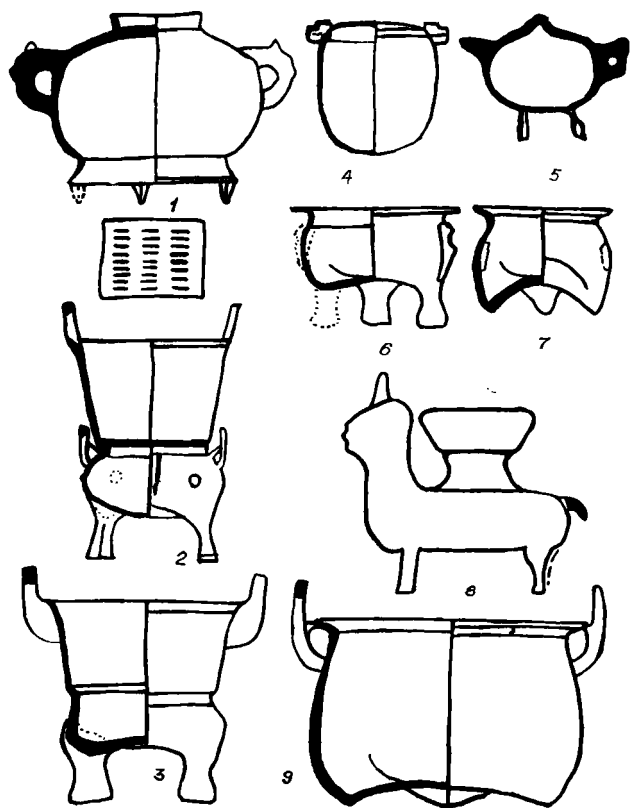

Рис. 29. Бронзовые сосуды из Шанцуньлина (по Линь Шоуцзиню).

ток и вступать в контакты с хуася. Подобная гипотеза весьма заманчива, однако материала для ее доказательства недостаточно.

Если говорить о топографии кладбища в целом, то в нем выделяются три группы: северная, центральная и южная, между которыми имеются малозаполненные пространства. Могила знати находится, как правило, вне групп. Имеющийся материал не позволяет связать эти группы с различными родственными коллективами, а большие могилы — с погребениями их предводителей.

Погребения трех самых высокопоставленных лиц отмечены чэ-ма кэнами, которые являются характерным способом ритуального жертвоприношения в иньско-чжоуском Китае. Культ колесницы имел тогда широкое распространение [Евсюков, Комиссаров, 1984]. Чэ-ма кэн № 1051, в котором раскопаны остатки 10 колесниц и 20 скелетов лошадей (а также три скелета собак), был устроен рядом с могилой № 1052; чэ-ма кэн № 1811 (пять колесниц, 10 лошадей) — рядом с могилой № 1810; а чэ-ма кэн № 1727 (пять колесниц, 10 лошадей, две собаки) — около могилы № 1706¹². Эти находки дают массовый материал для изучения колесного транспорта Китая эпохи поздней бронзы (см. [Комиссаров, 1980]).

Подавляющее большинство могил (227) содержало погребальный инвентарь — от нескольких фрагментов керамики до многих сотен вещей. Можно отметить характерные предметы: нефри-

товые подвески для ушей, каменные бусы (в том числе и из имитаций раковин-каури), каменные клевцы, которые находят во многих, даже очень бедных погребениях. Наибольший интерес вызывают изделия из бронзы (рис. 29; 30): жертвенные сосуды, оружие и украшения, представленные в богатых могилах, прежде всего в захоронениях сановников. Выделить эти могилы помогает не только исключительное обилие инвентаря, но и система в наборе сосудов — «ледин». В Шанцуньлин шесть таких могил: в могиле № 1052 найдено семь сосудов, в № 1706 и 1810 — по пять, в № 1705, 1721 и 1820 — по три. Кроме того, во многих могилах содержится от одного до четырех *дин*, однако они не образуют системы.

Наиболее важной персоной оказался захороненный в могиле № 1052, самой богатой по инвентарю. Го Можо и Линь Шоуцзинь считают его наследником престола. Титул покойного «да-цзы» (т. е. «тай-цзы») и его имя Юань зафиксированы на клевцах, найденных в этой могиле. Иероглиф «юань» встречается также в надписях на бронзе из других погребений. В могиле № 1711 иероглиф отлит на перекладе копья; на бороздке клевца 1721:7 виден такой же знак, а сверху расположена отливка человеческого лица. Го Можо [1959, с. 15] предположил, что это образное повторение одного из значений иероглифа «юань» (голова). Соответственно он интерпретировал украшение в виде трех человеческих лиц, отлитых в сходной манере на бронзовых наосниках (1705:104, 106), как трехкратное повторение имени Юань. Таким образом выяснилось, что могилы № 1705, 1711 и 1721 принадлежат приближенным Юаня и относятся примерно к одному времени.

Для ритуальных бронзовых сосудов в целом характерны формы, присущие позднему периоду Западного Чжоу. Так, треножники *дин* типа IVA (довольно глубокая чаша, выгнутые ножки с утолщениями-«копытами» на конце, пара вертикальных ушек) сходны с известными «Мао гун дин», а сосуд 1602:148 (похож на предыдущие, только ножки почти прямые, с гребешками в верхней части) напоминает «Да кэ дин», изготовленный при Ли-вапе (вторая половина IX в. до н. э.). Можно проследить сходство между блюдом *пань* 1761:2 и позднезападночжоуским «Цэ жэнь пань» (см. [Ду Найсун, 1980, с. 19, 44]); между шанцуньлинскими сосудами и 1-го типа и «Ши сун и» (различаются только в оформлении ножек), а также *фу* 1820:12 и «Чжу Цышу Хэй'и фу» [Жун Гэн, Чжан Вэй-чи, 1958, с. 38, 68].

На многих предметах погребального инвентаря были в свое время отлиты надписи, что существенно увеличило их информативность. Прежде всего, удалось установить, к какому из государств чжоуской эпохи относилось шанцуньлинское кладбище. На двух клевцах и двух сосудах сохранилось упоминание о государстве Го. Проведенное Линь Шоуцзинем изучение старинных географических сочинений убедительно показало, что здесь находилось одно из трех государств, известных под этим названием: Северное Го. Это помогает также более точно определить

¹² Есть сведения о разведанных, но нераскопанных чэ-ма кэнах рядом с могилами № 1705, 1721 и 1820 [Линь Шоуцзинь, 1961а, с. 507].

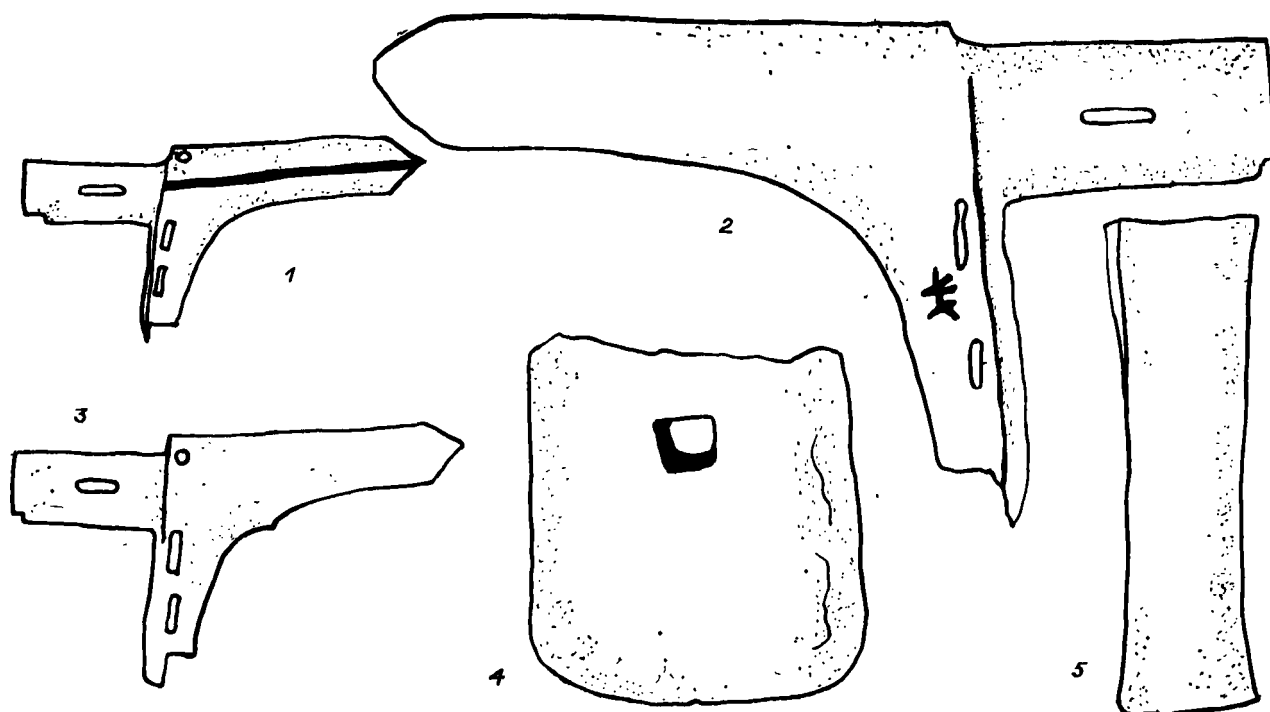

Рис. 30. Бронзовые кельцы и кельты из Шанцуньлина (по Липь Шоуцзиню).

дату могильника. Согласно сообщениям письменных источников, в 655 г. до н. э. удел Го был захвачен усиливающимся государством Цзинь и прекратил существование [Васильев, 1981, с. 33]. Следовательно, по крайней мере многие могилы датируются более ранним временем. Липь Шоуцзинь [1959, с. 49] относит весь могильник ко времени с начала IX по середину VII в. до н. э. Существует возможность уточнить датировку значительной части погребений. Дело в том, что в надписи на бронзовом сосуде *ли* из могилы № 1631 упомянут некто Цзы Цзо из гоского рода Цзи. Однако на одном из известных трепожников *дин* Цзы Цзо упоминается в качестве гоского Вэнь-гуна. Го Можо [1959, с. 13] обоснованно предполагает, что это один и тот же человек. А Вэнь-гун из Го — фигура довольно известная. На страницах «Ши цзи» он обращается с увещанием к Сюань-вану (это событие имело место между 815 и 789 г. до н. э.) [Сыма Цянь, 1972, с. 200]. Сама по себе могила № 1631 небогатая и принадлежит, конечно, не самому правителю, а кому-то из его служилых. Таким образом, ее можно датировать (при известной осторожности) периодом второй половины IX — первой половины VIII в. до н. э.

Анализ инвентаря позволил выделить еще около 70 могил, относящихся примерно к тому же времени [Комиссаров, 1985б]. Если обратиться к их топографии, то выясняется, что в южной группе могилы «периода Вэнь-гуна» находятся как в центре, так и по краям, т. е. заключенные между ними захоронения совершены, во всяком случае, не позднее указанного времени. Примерно то же характерно и для центра кладбища. В северной группе такой четкости не прослеживается, однако отмеченные выше могилы встречаются во всех ее частях и вряд ли сильно отличаются по возрасту от остальных. В целом

можно согласиться с мнением В. М. Крюкова [1984, с. 27] о том, что «большинство погребений в Шанцуньлин датируется временем правления Сюань-вана» (см. также [Липь Шоуцзинь, 1961а]).

Необходимо обратить внимание на датировку могилы № 1612. Как подчеркивал Го Можо [1959, с. 16], узор на сосуде *дин* из этой могилы сходен с орнаментом на сосуде *ли* из могилы № 1631, поэтому даты их не должны сильно различаться. Уточнение датировки могилы № 1612 важно потому, что именно там обнаружено зеркало с сюжетным рисунком в «зверином стиле». Аналогии ему находят среди оленных камней Монголии [Варенов, 1984а, с. 47—48]. Другое шанцуньлинское зеркало из погребения № 1650 тождественно с находкой в могиле № 102 в Наньшаньгэнь (пров. Ляонин), относящейся к культуре верхнего слоя Сяцзядянь [Варенов, 1985, с. 167; Чжан Сиин, 1986, с. 166—167]. Северное Го, расположенное в центре Китая, играло заметную роль в осуществлении внешних связей Чжоу.

Выход к морю. Закрепившись в Хэнани, чжоусцы продолжали движение на восток. Изучая историю Шаньдуна, Сюй Чжуншу [1978, с. 139—141] высказывал предположение, что здесь после победы Чжоу продолжали сохраняться независимые иньские уделы, которые поддерживали восстание У Гэна. Только после подавления мятежа Чжоу-гуном и походов Чэн-вана против племен хуай-и [Сыма Цянь, 1972, с. 190—191]¹³

¹³ Потерпев поражение, хуай-и покинули Шаньдун; в дальнейшем они противостали чжоусцам вдоль всего течения р. Хайхэ, поднимаясь вверх по ее притокам, вторгались во внутренние чжоуские земли. Один такой набег был отбит уже упоминавшимся бо Чжуном, полководцем Му-вана. Для обороны от набегов в юго-западной части Хэнани создавались военизированные поселения.

на полуострове началось образование владений под эгидой чжоусцев. Однако это мнение не подтверждается археологическими материалами. Проникновение чжоусцев в Шаньдун началось сразу после разгрома Шан, о чем свидетельствует открытие в уезде Цисянь трех западночжоуских могил раннего периода и одного чэ-ма кэна [Краткий отчет о разведках..., 1977]. В чжоуское время чэ-ма кэны сооружались, как правило, в местах погребения знатных людей. Поэтому вполне возможно, что в одной из могил захоронен чжоуский сановник, получивший удел в Цисянь. По аналогиям могильник Сиань датирован первым периодом Чжанцзяпо, т. е. не позднее времени правления Кап-вана, а вероятнее всего — раньше. То, что в годы правления Чэн-вана в Шаньдуне существовали чжоуские владения, подтверждают находки в у. Тэнсянь. Здесь обнаружены могилы с бронзами позднешанского и раннечжоуского облика. На некоторых сосудах выполнены надписи о том, что они изготовлены тэпским гуном или тэпским хоу. Но удел Тэп как раз упоминается в исторических сочинениях в связи с распределением захваченных земель У-ваном [Ван Шуин, Ян Сюань, 1979; Ван Шуин, Чэнь Цинфэн, 1984]. Чжоусцы не только основывали новые города и села, но и нередко устраивались на прежних иньских поселениях [У Жуцзо, Ван Сюань, Гао Пин, 1983, табл. на с. 106—108]. Они довольно быстро продвинулись до оконечности полуострова, о чем свидетельствует находка западночжоуской могилы в окрестностях г. Циндао [Сунь Шандэ, 1982]. Очевидно, через территорию Шаньдуна совершал свои походы и Чжао-ван. Упоминания об этом встречаются в надписях на сосудах «Ци ю» и «Ци цзунь», найденных в составеклада бронзовых изделий в Сюлючжуан. О масштабах проникновения хуася свидетельствует хотя бы тот факт, что на территории только одного небольшого района на юге провинции выявлено 30 пунктов с западночжоуской керамикой [Ли Цзиньшань, Вэнь Гуан, 1984, с. 296—297].

С середины Западного Чжоу на территории Шаньдуна возникает множество различных уделов, что фиксируется археологическими материалами [Ли Сюэцин, 1983]. Так, в Хэйятоу западночжоуский слой выявили в северо-восточной части обширного циского городища, которое существовало и в более позднее время. Могилы циского сановника и, возможно, его жены раскопаны в Цюаньтоуцунь. Они датированы рубежом Западного и Восточного Чжоу, причем в состав комплекса входили также бронзовые изделия малых государств Синь (Сюнь)¹⁴ и Цзэн [Сунь Бо, Сунь Цзинмин, 1983; Сунь Цзинмин и др., 1983]. Находки бронзовых изделий и прочтение надписей на них доказали также существование на территории полуострова государств Цзи и

Цзюй [Ци Вэньтао, 1972; Ли Буцин, 1983а, б]. Как показал Ло Сюпчжан [1984], государство Цзюй создано восточными чжоусцами, культура которых восходит к неолиту. Он выявил местную специфику в устройстве могил (наличие специальной ямы для вещей), обряде погребения (ориентация покойника головой на восток, большое число сопогребенных), инвентаре (для некоторых вещей характерно также сходство с одновременно чужими изделиями). Возможно, к наследию дун-и можно отнести бронзовые клинки иволлистой формы, найденные в могиле правителя цзюйского округа Ми.

Особое внимание привлекают раскопки памятников государства Лу — удела Чжоу-гуна, родины Конфуция. Раскопки в Цюйфу позволили выявить остатки стен, дворца, жилищ, мастерских и могил, датированных различными этапами Чжоу — от первых лет династии и вплоть до Хань. Наличие в жилищном слое и многих могилах раннечжоуской керамики с грубыми веревочными оттисками дало основание говорить о том, что город был построен при Цине — первом правителе Лу, сыне Чжоу-гуна. По мнению Хань Шумина и Ван Чжаньцина [1982], особенности материальной культуры местных племен и прослеживаются в инвентаре одного из луских кладбищ, т. е. часть аборигенов продолжала жить там и после завоевания края чжоусцами, в определенной степени сохраняя свою самобытность (см. также [Чжап Сюэхай, 1982]).

Проникновение на юг. Важным объектом чжоуской завоевательной политики были юго-восточные и южные области Китая. Уже на ранних этапах Западного Чжоу в долине притоков Янцзы создаются уделы, такие как, например, государство Э [Ван Шичжэнь, 1984, с. 513—514], которые служат проводниками чжоуской экспансии. Здесь (очевидно, за счет больших этнокультурных различий) успех был меньшим, чем в Шаньдуне. Ярко выраженное своеобразие сохраняется на территории государств У и Юэ, начиная с их становления и по меньшей мере до конца Чжаньго¹⁵. Местные народы усваивали отдельные элементы чжоуской цивилизации, образуя «смешанные» культуры типа той, что открыта в могильнике Тунси [Инь Дифэй, 1959]. Так, захоронения могильника Фушань¹⁶ сохранили местную специфику как в способе погребения (под насыпью без могильной ямы), так и в инвентаре (керамика с геометрическим штампом и «примитивный» фарфор) (рис. 31). Единственный элемент, заимствованный у чжоусцев, — сравнительно поздний по облику бронзовый клевец [Нин Цзе, 1977].

¹⁵ В настоящее время выдвинута плодотворная теория о происхождении культуры У на основе традиций хушу, культуры Юэ — на основе мацзябинь, лянчжу, мацзо-4, а также о связях между этими оригинальными образованиями [Ли Боцзянь, 1982; Хуан Сюаньпэй, Сунь Вэйчап, 1983]. Например, на юге Цзянсу выявлены могилы как восточных и (усцев), так и боев чжоуской эпохи. В их устройстве (под земляными курганами) и инвентаре (штампованная керамика и фарфор) прослеживается немалое сходство [Лю Цзяньго, 1983, с. 62].

¹⁶ Называть Тунси и Фушань могильниками можно лишь условно, поскольку ни на одном из них не найдено остатков скелетов или каких-либо иных следов погребения [Археологические открытия..., 1984, с. 282—284]. Возможно, это поминальные сооружения или кенотафы.

ния-уделы [Ли Сюэцин, 1980а; Хуан Шэнчжэп, 1983, с. 54—55]. Сведения о походах против южных хуай-и содержатся в надписях на бронзах, датированных правлением Ли-вана, Сюань-вана и Пин-вана.

¹⁴ Синь — чтение, предложенное Большим китайско-русским словарем [т. 2, с. 782], а Сюнь — журналом «Вэнь» [1983, № 12]. Быть может, в последнем случае произошла опечатка.

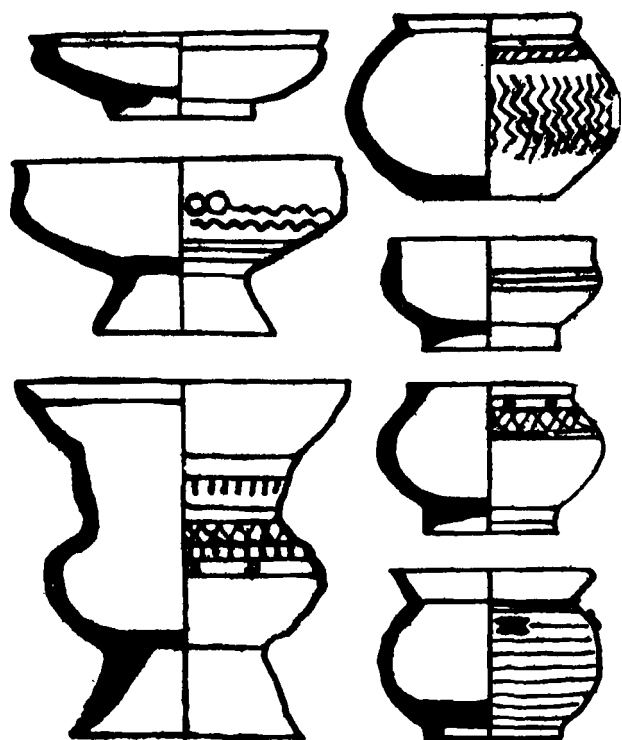

Рис. 31. «Фарфоровые» сосуды из Туньши (по «Археологии Шан и Чжоу»).

Сочетание отдельных чжоуских бронзовых изделий и штампованной керамики прослежено на некоторых других памятниках с земляными курганами [У Далинь, 1986].

Разумеется, было бы ошибкой не только преувеличивать, но и преуменьшать воздействие хуанхэского очага цивилизации. Его исключительное богатство и разнообразие служило надежной основой для импорта в соседние области, тем более что культурное влияние, как правило, подкреплялось военными экспедициями иньских и чжоуских ванов. Однако следует специально подчеркнуть, что в своем продвижении они сталкивались с самобытными и устойчивыми традициями, в которых даже заимствование новых элементов не обязательно приводило к структурным изменениям. Чжоу Хоуцян [1985] на примере хэбэйской керамики показал, что чжоуские сосуды включались в группы, не свойственные им ранее. При этом главную роль играли местные изделия. Необходимо учитывать еще два фактора: 1) поверхностный характер нововведений в тех районах, где условия жизни резко отличались от чжоуского «центра»; 2) обратное воздействие аборигенных культур.

Примечательна в этом плане одна из самых первых чжоуских находок в нижнем течении Янцзы — комплекс сосудов из Яньдуньшань (рис. 32). В большой (более 120 иероглифов) надписи на сосуде *гуй* говорится о том, как чжоуский ван повелел некоему Цзэ быть хоу в И, даровал ему ритуальные сосуды, лук и стрелы и, главное, землю и людей. Этот сосуд, очевидно, находился в могиле иского хоу. Однако найденные вместе с ним бронзовые сосуды значительно отличаются от изделий Центральной равнины, сближаясь по форме и орнаменту с традициями штампованной керамики [Археологические от-

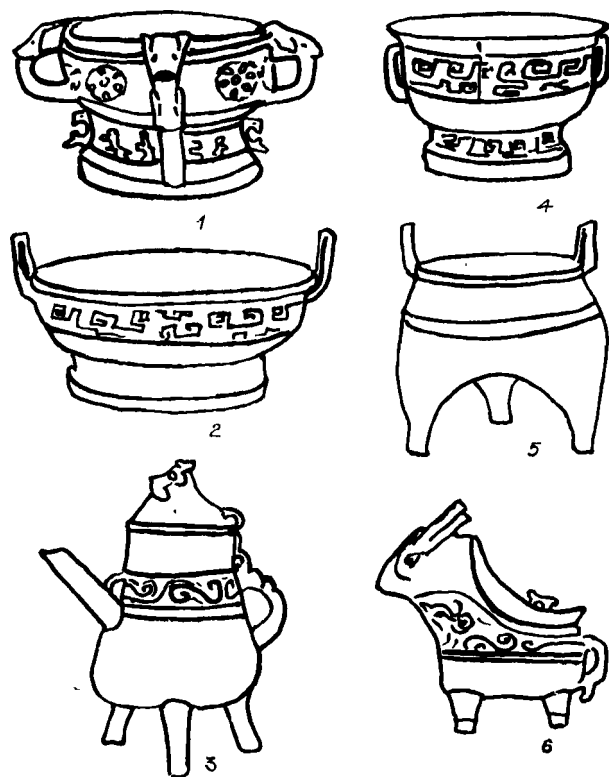

Рис. 32. Бронзовые ритуальные сосуды из Яньдуньшань (по «Археологии Шан и Чжоу»).

крытия..., 1984, с. 262]. Чжоуские администраторы вынуждены были приспособляться к местным условиям. Как считает Ли Сюэцин [1985а], переселение Цзэ с севера на юг, заложило основы государства У, где правителями были чжоусцы, а подданными — племена цзиньских маней.

В 1982 г. в 3 км от Яньдуньшань раскопали новую могилу, близкую к первой по хронологии и по культурному содержанию. Под пятиметровым земляным курганом выявлена утрамбованная прямоугольная платформа высотой 0,6 м, выложенная по контуру камнями. В центральной части поверх слоя золы, перекрытого циновками, лежали остатки скелета и богатый погребальный инвентарь. В его состав входили ритуальные бронзовые сосуды, керамика, фарфор, наконечники копий и стрел, колесничное снаряжение [Сяо Мэнлун, 1984а]. Тщательный анализ бронзовых изделий позволил выделить в их составе две группы: 1) импорт из Центральной равнины, к которому отнесен только сосуд *гуй* на подставке; 2) местное производство, включающее все остальные находки. Данное деление наиболее убедительно прослеживается по составу металла: у чжоусцев главной добавкой к меди было олово, а у южных народов — свинец. Древние литейщики Юга частично копировали шан-чжоуские образцы, видоизменяя при этом узор. На отдельных бронзовых вещах воспроизведен орнамент штампованной керамики. Многие ритуальные сосуды и виды оружия никогда не встречались в Чжоуюани. Замена традиционного чжоуского инвентаря на «варварский» в таких важнейших сферах, как военное дело и ритуал, свидетельствует о том, что правитель-бо искал поддержки проживавших на его землях племен мань-и [Сяо Мэнлун, 1984б].

В 1976 г. в Цзянсу был обнаружен клад из 26 бронзовых сосудов, датированных концом эпохи поздней бронзы. Большинство их восходит к чжоуским и даже, по мнению Лю Сина, Цзи Чанси [1980], к иньским образцам, но в местном прочтении — как по форме, так и по орнаменту. То же можно сказать о поздних бронзах, случайно найденных в окрестностях г. Нанкина и связанных, очевидно, с культурой государства У [Вэй Чжэньцзинь, 1980]. Ли Сюэцин [1980а, с. 361] полагает, что сильное влияние на бронзолитейное производство в нижнем течении Янцзы оказано культурой Центральной равнины в период династии Шан, после чего местные народы в контакте с племенами среднего течения реки выработали свой стиль в производстве бронзовых изделий, который отчетливо проявился в конце Чуньцю. Хуан Сюаньпэй и Сунь Вэйчан [1983] также утверждают, что основой для развития протоуской культуры хушу были достижения шанско-чжоуской цивилизации.

Между тем наличие шанского «первотолчка» в развитии южных культур отнюдь не очевидно. Действительно, за последние годы к югу от Янцзы удалось обнаружить несколько памятников шанской эпохи, которые иногда приписывают и шанской культуре (см., например, [Гао Далунь, 1985]). Реальная ситуация здесь, на наш взгляд, гораздо сложнее. Наиболее крупный памятник шанского времени в Учэнь (см. [Кучера, 1977, с. 112]), давший название особой учэньской культуре, содержит отдельные элементы шанского облика, что позволяет говорить о контактах, быть может даже о каком-то влиянии со стороны Шан. Но основные компоненты, в том числе бронзовые изделия, существенно отличаются от шанских¹⁷. При этом специфические по облику бронзы изготовлены на достаточно высоком технологическом уровне и богато украшены, т. е. о начальных стадиях говорить не приходится [Ли Юйлин, 1980; Варенов, 1983а, с. 118]. Они восходят к более глубинным истокам местного либо внешнего (нешанского) происхождения.

Сравнительно большая партия бронзовых сосудов чжоуского типа обнаружена в пров. Аньхой. Прототипами найденных вещей были сосуды Центральной равнины, которые подверглись переработке в духе местных традиций [Бронзовые изделия позднего периода..., 1972; Ян Дэбяо, Чжан Цзиньго, 1982]. Подобное сосуществование чжоуских и каких-то иных («местных») черт в едином комплексе (а иногда и на одной вещи) прослеживается и для более позднего времени. Их распространение на ранних этапах Чуньцю связывается с деятельностью в юго-западной части Аньхой небольших самостоятельных государств: «группы Шу», Вань, Чао, Тун [Сюй Вэнь, 1983]. Следует отметить значительное количество бронзовых колоколов, найденных в провинциях Хунань, Чжэцзян, Цзянси, Фуцзянь, Гуанси. Возможно, это как-то связано с ритуальной практикой южных народов. Гао Чжисин

[1984, с. 64—65] считает, что колокола созданы южскими племенами, которые восприняли определенные знания от иньцев и затем в свою очередь оказали воздействие на чжоусцев.

Можно назвать еще немало памятников, где обнаружены бронзовые изделия, в облике которых воплотились как центральнокитайские влияния, так и специфические для южных районов черты [Чжуан Цзиньдин, Линь Хуадун, 1977; Люй Жунфан, 1978; Юй Юэжэнь, 1978; Цзян Тинюй, Лань Жисюэ, 1984; Лю Син, 1985]. Нам представляется, что указанное своеобразие вряд ли можно отнести лишь на счет «местной» специфики. Очевидно, на территории Юго-Восточного Китая произошло столкновение и взаимодействие двух основных традиций бронзового века на востоке Азии. О достоинствах иньско-чжоуской цивилизации бассейна Хуанхэ мы немало говорили в предыдущих разделах. Теперь же следует подчеркнуть, что не менее оригинальной по характеру и богатой по содержанию была цивилизация, созданная народами Юго-Восточной Азии. Бронзолитейное производство возникло там еще в III тыс. до н. э. и является одним из древнейших в мире. Эти традиции, через ряд промежуточных и пока не очень определенных этапов, привели к возникновению обширной донгшонской культурной общности [Solheim, 1971; Чеснов, 1976, с. 26—30; Археология зарубежной Азии, 1986, с. 213—232]. Даже беглое сравнение убедительно показывает, как много общего между у-южскими и индокитайскими материалами, но для реконструкции этнокультурной ситуации потребуется тщательный специальный анализ.

Чуский противовес. Много неясного и в проблеме происхождения государства Чу — главного «центра силы» в бассейне Янцзы на протяжении всей династии Чжоу, культура которого, по справедливому замечанию Лю Шаоцина [1982, с. 70], «...являлась вершиной экономического и культурного развития народов мяо и мань». В результате исследований последних десятилетий удалось установить, что ее истоки восходят к местным неолитическим культурам [Итс, 1972, с. 164—167; Гао Индинь, 1982; Кучера, 1984]. Однако до сих пор не выяснен вопрос о происхождении чуской бронзы. Для многих китайских археологов само собой разумеется, что бронзолитейное производство вместе с другими элементами цивилизации было принесено в район Цзин-Чу одной из ветвей хуася, хотя при этом отмечают самобытность культуры Чу и ее влияние на Центральную равнину в период Чжаньго [Хуан Юньфу, 1982; У Шичжи, 1982].

Сведения о ранних контактах чусцев и чжоусцев содержатся в эпиграфических (например, на гадательных панцирях из Фэнчу) и письменных памятниках. В «Ши цзин» упоминается даже о захвате «царства Цзин-Чу» шанским У-дином, однако это сообщение не подтверждается другими источниками [Кучера, 1985, с. 45]¹⁸. Во вся-

¹⁷ По авторитетному свидетельству Тан Ланя [1975], основу населения Учэня составляли южные племена мяо и юэ.

¹⁸ Некоторые новые возможности для интерпретации открывает гипотеза Ван Хуя [1985, с. 29] о том, что до начала Западного Чжоу включительно название «Цзин-Чу» относилось к одному из районов Гуаньчжуна в пределах внутренних чжоуских земель.

ком случае, совершенно достоверно зафиксирован поход против этого царства, предпринятый Чжао-ваном, о чем свидетельствуют как летописи, так и надписи на бронзовых сосудах. Чжоусцам удалось нанести поражение Чу и захватить немало добычи. Но попытка нового похода на юг через три года окончилась неудачей, причем сам Чжао-ван утонул во время переправы [Лу Ляньчэн, 1984].

Совокупность сведений представляет Чу как самобытное образование, сложившееся не позже середины X в. до н. э., однако археологические памятники более раннего периода пока не обнаружены [Chang, 1977, p. 440]. В настоящее время раскопано свыше 4 тыс. чуских могил, все они относятся к Восточному Чжоу (составляя, между прочим, более 70% всех известных погребальных памятников того периода) [Археологические открытия..., 1984, с. 304].

По мнению Гао Инцзиня (1982), центром формирования раннего Чу была долина рек Цзюйшуй и Чжаншуй. Но и там лишь немногие памятники можно датировать поздним периодом Западного Чжоу. Например, в Ваньчэп был найден великолепный набор из 17 ритуальных сосудов [Ли Цзянь, 1963]. Го Можо [1963] датировал эти бронзы периодом от начала Чжоу до правления И-вана (т. е. до IX в. до н. э.). На основе надписей на сосудах он определил место их изготовления: удел Байи на территории пров. Хэнань — и предположил, что на юг они попали в качестве трофеев.

Большинство найденных в Северном Хэбэе остатков относится к эпохе поздней бронзы, близко к изделиям Центральной равнины и не содержит раннечуских элементов [30 лет работы..., 1979, с. 312]. Таковы западночжоуские могилы в Лутайшань, давшие еще один набор ритуальных бронзовых сосудов. На основании надписей на них захоронения датированы периодом правления от Чэн-вана до Чжао-вана. Особо выделена могила М 30, которая принадлежала одному из потомков (по материнской линии) чжоуского тай-ши (историографа, главы канцелярии), скорее всего Би-гуну. Возможно, в этом районе существовало удельное государство Чжун, которое использовалось в качестве опорной базы Чжао-ваном во время похода против Чу [Чжан Ячу, 1984; Лю Ции, 1984]¹⁹. Можно сказать, что данное открытие косвенно связано с Чу, но не является чуским памятником.

Таким образом, корни чуского стиля в бронзолитейном производстве пока проследить не удается, хотя чуская керамика постепенно удревняется [Лу Дэпэй, 1984]. Между горизонтом цюйцзялин — «хубэйский луншань» и культурой Чу остается лакуна. Вместе с тем косвенные свидетельства, в частности длительная неолитическая традиция, ее высокий уровень, не уступавший яншао-луншаньской последовательности Чжунъюани, специфические особенности культуры Чу на развитом этапе, политическая самостоятельность чусцев и их ярко выраженное самосознание, противопоставление хуася, неоднократно от-

мечавшееся в письменных источниках, приводят к выводу о том, что взаимодействие культур бронзового века Северного и Южного Китая было далеко не однозначным.

В свою очередь, Чу выступало в качестве мощного и агрессивного центра по отношению к другим южным народам, постепенно объединяя их под своей властью. Оно поглотило около 50 различных государств [Хуан Чунцю, 1984, с. 36]. Процесс освоения территорий, соответствующих нынешним провинциям Хунань и Цзянси, был довольно долгим и трудным. С чуской культурой успешно соперничали местные культурные традиции, созданные племенами байпу и боюэ [Чжан Чжунъи, Пэн Цинъе, 1984].

Можно заключить, что расширение границ чжоуской державы не носило характера триумфального шествия. Постепенное развитие политической экспансии и культурного влияния чжоусцев, которому противостояли самобытные культуры аборигенных племен, не входивших в состав хуася, — характерная черта событий не только на южных, но и на западных и северных границах. Рассматриваемые ниже памятники Западного Чжоу следует считать передовыми рубежами чжоуской культуры и государственности, за пределами которых обитали неподвластные чжоуским ванам народы.

Байцаопо. Могильник расположен в уезде Линтай в восточной части пров. Ганьсу. Хотя он подвергся значительным природным разрушениям и грабительским раскопкам, материал оказался обильным [Чу Шибинь, 1977]. Выделяются богатством могилы М 1 и М 2, что говорит о высоком социальном положении покойных. Если взять в качестве примера наиболее сохранившуюся могилу М 2, то она представляла собой грунтовую яму (3,35 × 2,00 × 6,50 м) с уступом из утрамбованной земли. Покойник был помещен в деревянный гроб и внешний саркофаг, покрытые красным лаком. Под гробом — остатки тростниковой циновки, перекрывавшей овальный яокэн с принесенной в жертву собакой. Голова покойного ориентирована на север (точнее, на северо-северо-запад). В северном же углу могилы — следы сожженного жертвенника. Богатейший погребальный инвентарь разделен на четыре слоя прокладками из циновки, в его составе бронзовые ритуальные сосуды: *дин*, *ян*, *гуй*, *цзюнь*, *чжи*, *ю*, *хэ*, *цзюэ* (рис. 33). Сохранение в инвентаре ийских традиций свидетельствует о ранней дате больших могил Байцаопо. Она определяется временем правления Чэн-вана или Кан-вана.

В могилах найдены богатый набор вооружения: 58 различного типа клевцов, два трезубца, четыре кинжала с бронзовыми накладками на ножны, 227 наконечников стрел, две секиры, шесть панцирных блях и два умбона для щитов. На некоторых из них имеется изображение тигра, в целом не характерное для древнекитайских клевцов. Оно внезапно появляется в начале Западного Чжоу и вскоре исчезает. Многие экземпляры оружия полностью или частично покрыты тонким слоем олова, что предохраняло их от ржавчины. Непосредственно с вооружением связана находка чэма кэна, так как боевые колесницы играли важ-

¹⁹ К сожалению, у нас не было возможности ознакомиться с публикацией материала могильника в «Цзяньхэ Каогу» [1982, № 2].

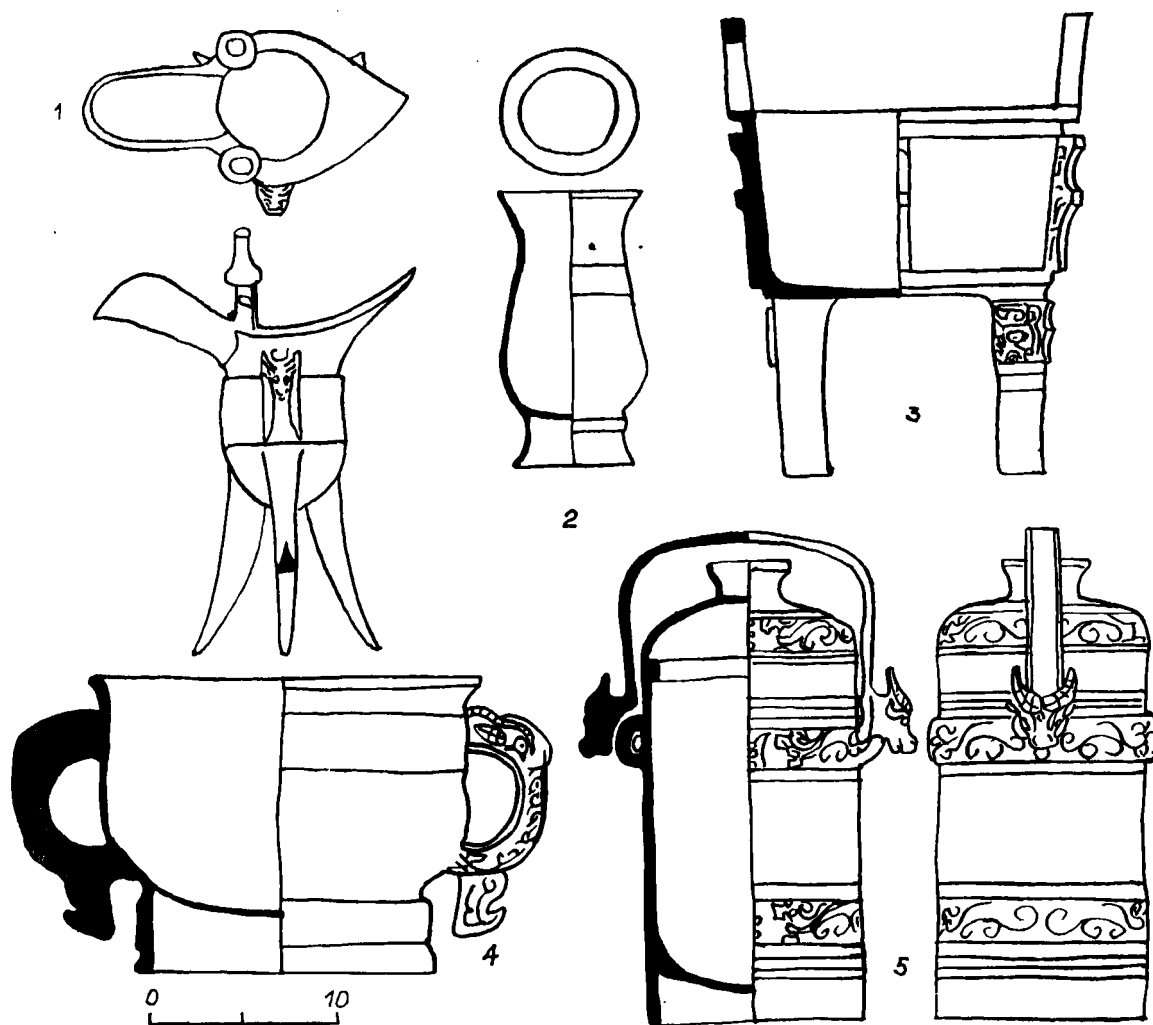

Рис. 33. Бронзовые ритуальные сосуды из Байцаопо (по Чу Шибипо).

пую роль в сражениях. Колесница из Байцаопо помещалась в яму в разобранном виде. Судя по сохранившимся частям, она не отличалась по конструкции от общего для большинства древнекитайских колесниц типа. В колесничном инвентаре отмечается сочетание пньского и чжоуского стилей. С одной стороны, непосредственно от Инь заимствовано «изделие в форме лука» — пряжка-держатель для поводьев [Варенов, 1984а]. С другой стороны, в чэ-ма кэне и в могиле № 2 обнаружены наборы бубенцов-луаней, крепившихся к ярму-перекладнице, которые изготавливались в Чжоу [Ду Нэйсун, 1980, с. 68].

Появление на западных границах хорошо вооруженных людей в период, когда чжоусцы вели здесь ожесточенные сражения с племенем гуйфан²⁰, — факт знаменательный. Надписи на сосудах дают основание предположить, что в первой могиле был захоронен «хэский бо», а во второй — «луаньский бо». По справедливому замечанию Чжан Чаншоу, большое количество оружия в могилах связано с теми задачами, которые выполняли покойные при жизни [Археологические открытия..., 1984, с. 257]. В западночжоуское время титул «бо» давался, как правило, предводителям военных отрядов, которые за

службу получали земли в удел. Хэ и Луань были именно такими уделами, предназначенными для прикрытия крайнего запада чжоуского государства от набегов степных племен. Хэский бо принадлежал к иньскому аристократическому роду Хэй и, очевидно, был представителем тех «лучших из иньских служилых людей», которые в «Ши цзине» восхвалялись за переход на службу к чжоуским ванам [Шицзин, 1958, с. 330]. Этим объясняется сравнительно большой удельный вес шанских образов в изготовлении бронзовых сосудов и надписей на них.

Всего за период 1967—1973 гг. в уезде Линтай раскопано 15 западночжоуских могил, а в 1973 г. в уезде Пинляп еще пять могил той же эпохи (материал не опубликован) [30 лет работы..., 1979, с. 144]. За последние 10 лет позднешанские и западночжоуские бронзы обнаружены также в округе Цинъян (уезды Хэшуй, Хуансянь, Чжэньпин, Нинсянь, Цинъян и Чжэньтяоань). В каждом из уездов выявлено от одной до трех могил, в погребальный инвентарь которых входили каменные орудия, раковины и изделия из них, керамика, а также бронзовые ритуальные сосуды и клевцы. Чжоуские бронзы датированы от первых этапов Западного Чжоу до начала Восточного Чжоу включительно. Всего же в пределах округа открыто, но пока не раскопано 31 местонахождение с чжоускими остатками [Сюй Цзюйчэн,

²⁰ Сведения содержатся в надписях на сосудах «Дай дин» и «Сяо юй дин».

1983]. Недавно в у. Цинъян раскопано еще одно западночжоуское захоронение с набором ритуальных сосудов и оружия из бронзы. И в устройстве могилы (паличие яокапа со скелетом собаки), и в ритуальных бронзах (сосуды *гу*, *цзюэ*, *дин*) прослеживаются значительные позднешанские черты. По свидетельству исследователей, могила находилась в пределах долговременного памятника (толщина культурного слоя — до 2 м), оставленного носителями культуры сыва и чжоусцами [Сюй Цзюйчэнь и др., 1985]. Все памятники расположены в Восточной Ганьсу.

К постоянному времени рубеж наибольшего продвижения чжоусцев на северо-запад отмечен чэ-ма кэном и могилой в Супьцзячжуан (южная часть Нинся-Хуэйского автономного района, близ г. Гуюань). По аналогиям для бронзовых сосудов, оружия и колесничного снаряжения они датированы самыми ранними этапами Западного Чжоу [Хань Кунлэй и др., 1983]. Перечисленные памятники являются остатками форпостов чжоуского государства, за пределами которых начиналась зона независимых степных племен.

Люлихэ. Если обратиться к северным рубежам Чжоу, то прежде всего привлекает внимание большой могильник близ Люлихэ в юго-западной части Пекинского округа. Систематические раскопки начались здесь с 1972 г., однако из нескольких сотен погребений нам известен лишь опубликованный материал семи могил и одного чэ-ма кэна [Жертвенное сопогребение..., 1974]. Захоронения осуществлялись в прямоугольных ямах с вертикальными стенками, в деревянных гробах, иногда в сочетании с внешним саркофагом.

Главная особенность погребального обряда заключается в том, что в шести из них погребены принесенные в жертву люди (в четырех могилах — по одному, в двух — по два человека), которые размещались: между гробом и саркофагом; с южной стороны уступа, сооруженного по всему периметру могилы; на крышке гроба. Сопогребенные не имели сопровождающего инвентаря, не считая бусин и раковин. Однако в могилах № 51 и 22 рядом со скелетами принесенных в жертву мальчиков лежало бронзовое оружие. Возможно, они при жизни были телохранителями своих хозяев, и, очевидно, та же роль предназначалась им в загробном мире [Археология Шан и Чжоу, 1979, с. 217]. Наличие сопогребенных подростков является отличительной чертой и некоторых других погребений этого могильника.

Из инвентаря наибольший интерес представляют лощеная керамика с вырезанными на поверхности изображениями животных (что свидетельствует, очевидно, о местных влияниях), а также ритуальные бронзовые сосуды с надписями, позволяющими определить возраст памятника. По форме, орнаментации и стилю надписей паходки в Люлихэ соответствуют времени Чэн-вана²¹. В надписи на бронзовом сосуде *цзунь*

(М 52:11), на бляшке из могилы № 52, на сосудах из погребений № 53 и 251 упоминается «яньский хоу». Текст на сосуде «Цзинь дин» из могилы № 253 содержит рассказ о том, как яньский хоу послал своего подчиненного Цзиня в Цзунчжоу (т. е. в Фэн-Хао) преподнести дары Тай-бао [Фэн Чжэнь, 1977, с. 53; Археологические открытия..., 1984, с. 266]²². Большинство исследователей считают, что под именем Тай-бао известен сподвижник У-вана Чжао-гун Ши. После победы над иньцами он получил удел к северо-востоку от чжоуского домена²³. Судя по знакам-тамгам на бронзовых сосудах, под его контролем попали некоторые шанские племена, которые были переселены в пределы нового государства [Си Цзинь, 1975; Чэн Чансинь, 1983]. Однако Чжао-гун продолжал выполнять важные обязанности в столице, поэтому первым фактическим правителем удела был Чжи, получивший титул яньского хоу и бывший сыном [Янь Вэнь, 1975, с. 278] или внуком [Фэн Чжэнь, 1977, с. 54] Тай-бао. Он правил не раньше времени Чжао-вана, следовательно, титул на бронзах из Люлихэ относился или к самому Чжи, или к Чжао-бо, которого отдельные исследователи считают сыном Тай-бао и отцом Чжи.

Не исключено, что в недалеком будущем удастся уточнить проблему этих соотношений. Дело в том, что в состав памятника входят большие по размерам могилы с двумя (северным и южным) «могильными коридорами», общая длина которых 30 м. По конструкции они сходны с могилами вэйских правителей в Синьдунь, поэтому Чжан Чаншоу считает их мавзолеями яньских хоу [Археологические открытия..., 1984, с. 260]. Новый материал могут дать раскопки «яньской столицы» — крупного западночжоуского городища, открытого рядом с могильником. Уже раскопан большой участок (около 850 м) оборонительной стены, сооруженной методом *ханту*.

Янь непосредственно граничило с «варварским» миром. Поэтому значительное место среди инвентаря могильника занимали снаряжение боевых колесниц и оружие. Судя по единственному чэ-ма кэпу, найденная колесница сравнительно больших размеров (рис. 34). Ширина колеи у нее 2,44 м, диаметр колес с 24 спицами — 1,4 м, размер обода — 7×7 см. Длина оси — 3,08 м, диаметр — 8 см, длина втулки — 40 см (ср. [Комиссаров, 1980, табл.]). Дышло и кузов (ширина по оси — 1,50 м) сохранились плохо. Из оружия наибольший интерес представляют три кинжала (один — из могилы № 52, два — из № 53). Интересно отметить, что в могиле № 52 обнаружены бронзовые накладки на ножны, сходные с аналогичной находкой из Байцаопо, что еще раз подтверждает дату могилы.

Байфу. Другой важный памятник начала Чжоу в районе Пекина — могильник Байфу. К настоящему времени опубликован материал трех могил. Все они были устроены в прямо-

²¹ Янь Вэнь [1975, с. 275] предлагает более подробную датировку: могила № 50 и 54 — время Чэн-вана, могила № 52 — время Кан-вана, а могила № 53 — возможно, рубеж правлений Кан-вана и Чжао-вана.

²² Сведения о «командировках» в столицу есть еще на трех сосудах из этой могилы.

²³ Хигути Такаюсу полагал, что Тай-бао получил удел на территории Шаньдуня и только яньский хоу Чжи перенес столицу в район Хэбэя [Takayasu, 1962, p. 33—34].

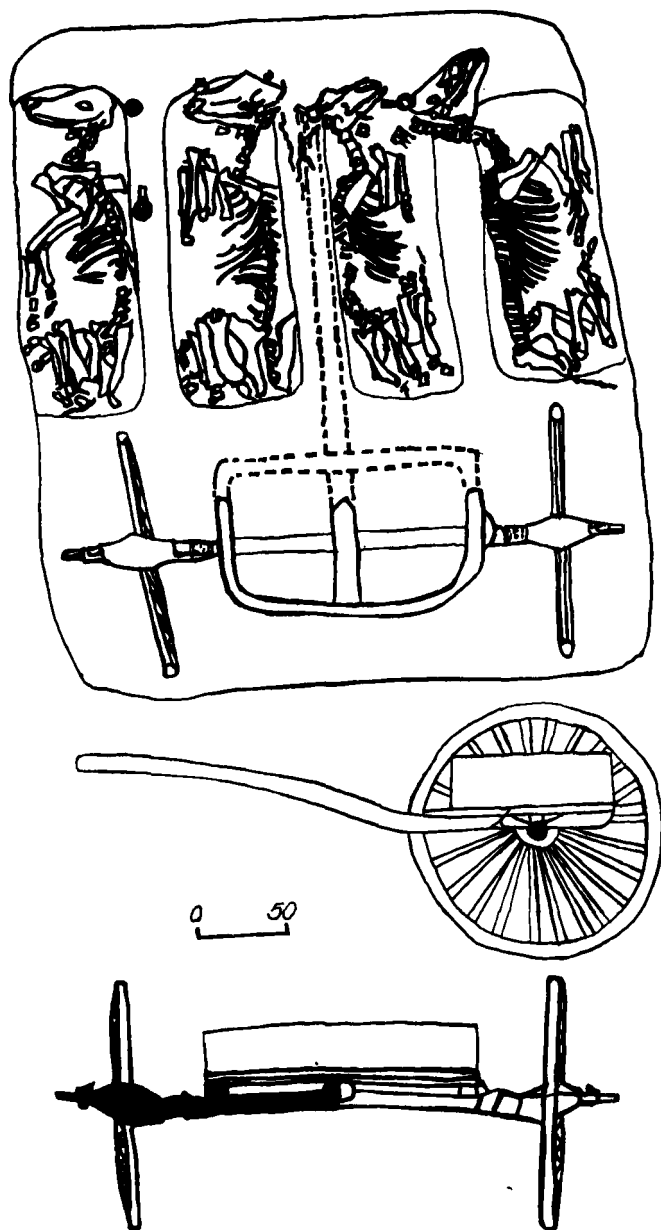

Рис. 34. Чэ-ма кэи из Люлихэ и реконструкция пайдеп-пой в нем колесницы.

угольных ямах с вертикальными стенками, с яоэнами в центре. В могиле М 2 удалось проследить конструкцию саркофага. Сначала на дно ямы ставились две поперечные балки, которые застилались 11 плахами (длиной более 300 и шириной около 20 см). На полученное таким образом дно по четырем сторонам устанавливались обтесанные бревна (насколько можно судить, без связки друг с другом), и сверху все сооружение закрывалось досками. Гроб и погребальный инвентарь располагались внутри камеры.

По аналогиям найденных вещей с изделиями Центральной равнины позднего периода Шан и раннего Западного Чжоу они датированы временем правления первых чжоуских ванов. Датировка по типологии сосудов и орудий в целом не противоречит данным радиокарбона. Анализ (BK 75052), проведенный в лаборатории исторического факультета Пекинского университета дал дату 3070 ± 90 лет до н. д. [Доклад о первых ра-

ботах..., 1976, с. 83]²⁴, а анализ (WB 77-5), выполненный в лаборатории НИИ по охране памятников культуры, — 2895 ± 100 лет до н. д. [Определение радиоуглеродных дат..., 1978, с. 72]²⁵. Недавно Чжап Чаншоу попытался отвергнуть эти датировки, как слишком ранние, и, сравнив три керамических сосуда *ли* с находками в Пудунь, отнес их к среднему периоду Западного Чжоу [Археологические открытия..., 1984, с. 261]. Однако предложенная дата противоречит всему остальному комплексу находок и потому не может быть принята.

Основываясь на географическом расположении памятника и значительном сходстве его с яньским могильником в Люлихэ, авторы публикации отнесли могилы Байфу к остаткам государства Янь. Как и на других яньских памятниках, комплекс вооружения и колесничного снаряжения в Байфу отличается заметным своеобразием. Особый интерес в этом плане представляет могила М 2, где захоронена женщина. Могилы женщин-воительниц (рис. 35) — исключительно редкое явление для культуры бронзового века Китая²⁶. Всего в двух могилах найдены 31 келье, девять трезубцев *цзи*, семь кинжалов, три наконечника копья, втульчатый и танговый боевые топоры, ножевидная секира, длинный нож, два шлема, бляшки [Важные археологические результаты..., 1976]. Для многих предметов вооружения и сбруи из Байфу характерны ярко выраженные «северные» черты, что свидетельствует о привлечении на воинскую службу к яньским правителям (в качестве союзников или наемников) представителей других племен. Им могли быть известные по надписям на гадательных костях и бронзовых сосудах племени гуифан, туфан и гунфан (см., например, [Главные итоги..., 1984, с. 4]). Древнекитайские государства неоднократно вели с ними войны в период позднего Шан — раннего Чжоу. Возможно, именно с этими народами связаны оригинальные археологические памятники (главным образом могилы и подъемные находки), выявленные в северо-западной части Шаньси, северных районах Шаньси и Хэбэя, на всей территории Ордоса. Для них характерно наличие кинжалов и ножей карасукского облика с бубенчикообразными или зооморфными навершиями, втульчатых топоров, сравнительно больших ложек, которые могли использоваться в качестве украшений либо псалей [Ян Шаошунь, 1981; Янь Цзиньшоу, 1985]. Нередко в едином комплексе с ними находят иньские ритуальные сосуды, что свидетельствует о довольно прочных контактах между северными племенами и жителями Центральной равнины [Археологические открытия..., 1984, с. 241]. Как

²⁴ Более ранняя дата не противоречит предложенному отнесению памятника к началу Западного Чжоу, так как использование стандартного отклонения обеспечивает возможность совпадения радиоуглеродной и исторической хронологии (см. [Кучера, 1977, с. 146]).

²⁵ Калибровка удревняет дату до 3035 ± 130 лет до н. д. К сожалению, не указано, из каких могил взяты пробы. Быть может, разница в датах отражает действительное отличие в возрасте. Во всяком случае, инвентарь могил несколько различается, и не исключено, что это объясняется хронологическими причинами.

²⁶ Наиболее известный пример — могила Фу Хао [Кучера, 1979].

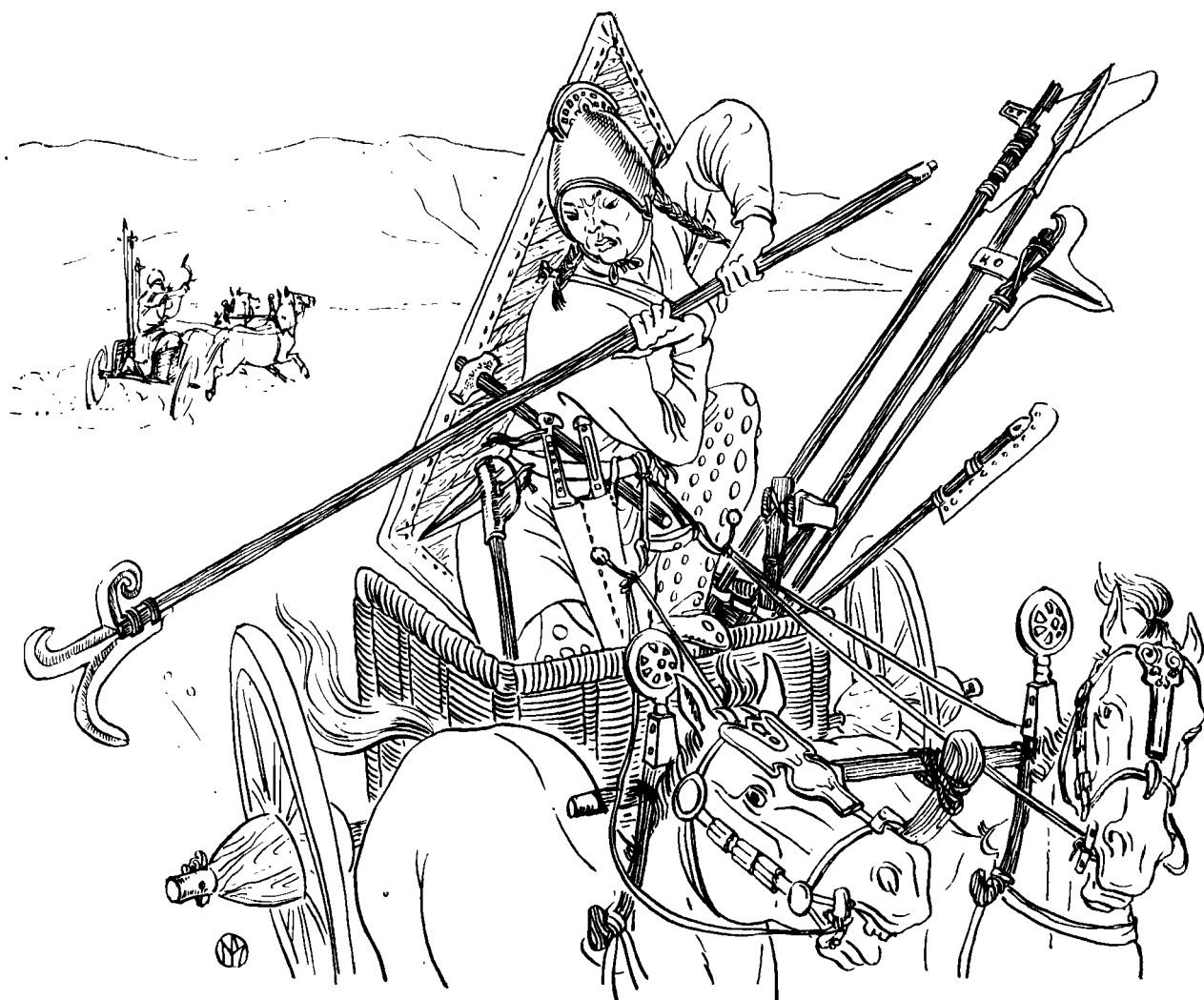

Рис. 35. «Амазонка» из Байфу. Реконструкция выполнена М. В. Гореликом по материалам могилы М 2.

свидетельствуют раскопки в Байфу, указанная ситуация сохранялась и в раннечжоуское время. Аналогии многим северным бронзам ведут в Монголию, Сибирь и далее на запад [Jettmar, 1985, p. 149].

Таким образом, Северный Китай того времени следует считать своеобразной контактной зоной, где шло взаимное проникновение и смешение различных культурных элементов. Наблюдения над бронзами Байфу подтверждают вывод об особом положении Янь, которое, как и ряд других уделов, входило в политическую систему древнекитайских государств, но значительно отличалось от них в этническом плане и вплоть до Чжаньго не включалось в сферу хуся [Крюков, Софронов, Чебоксаров, 1978, с. 279—283]. Древнекитайская культурная традиция явилась важным, но не единственным компонентом в становлении культуры народов этого региона.

Кацзо. Влияние хуся на Северный Китай ограничивалось не только этническими факторами, но и различиями в природно-экономических условиях между этим регионом и Центральной равниной [Деопик, 1978, с. 94]. Наиболее северным районом массовых находок древнекитайской бронзы является уезд Кацзо в юго-западной части Ляонина. В 1973 г. около д. Байдун нашли

два клада, каждый из шести вещей. Первый клад составляли позднейшие бронзы, во втором четыре бронзовых сосуда относились к самому началу Западного Чжоу [Бронзовые изделия эпохи Инь-Чжоу, найденные в Байдунцунь..., 1974; Кучера, 1977, с. 141—142; Ли Чжэньши, 1981]. Чжоуская (в этническом, а не хронологическом плане) принадлежность сосуда *лэй* вызывает сомнение у авторов публикации. Они считают, что по стилю эта находка одновременна или чуть древнее, чем бронзовые *лэй* из Чжувацзе, датированные концом Шан — началом Чжоу [Ван Цзяю, 1961; Фэн Ханьцзи, 1981]²⁷. По еще Сюй Чжуншуню [1962] отнес эти изделия к иньскому кругу²⁸. По его мнению, сосуды *лэй* в качестве трофеев были принесены пускими воинами, которые участвовали в битве при Муе и получили долю при разделе иньской ритуальной утвари. Вещи, сходные с находками в Чжувацзе и, оче-

²⁷ В 1980 г. в 25 м от первого клада нашли еще один, аналогичный по содержанию (в том числе четыре сосуда *лэй*). Фань Гуйцэ и Ху Чанъюй [1981] датировали клад рубежом Чуньцзо и Чжаньго, однако дату вещей, входящих в его состав, оставили без изменения.

²⁸ В 1983 г. аналогичный сосуд *лэй* был найден в составе прекрасного позднейшего комплекса в пров. Шаньдун [Цзя Сюэцун, 1985, с. 3].

видно, имеющие то же происхождение, дважды находили близ Чэнду [30 лет работы..., 1979, с. 351]. Несомненно западночжоуским из второго клада в Байдун является лишь сосуд *гуй* на массивной подставке, так как подобная форма не известна в Инь [Жун Гэн, Чжап Вэйчи, 1958, с. 35—37; Ду Найсун, 1980, с. 24—26]. Следовательно, время клада можно определить ранним периодом Западного Чжоу²⁹.

Еще один клад из 22 бронзовых вещей обнаружен около Шаньваньцзы, в 7 км от Байдун. В его составе также находятся позднешанские и западночжоуские вещи. Большинство из них имеет следы долгого употребления. Клад относится к началу Западного Чжоу, а иньские вещи были, очевидно, захвачены чжоусцами в качестве трофеев [Бронзовые изделия эпохи Инь-Чжоу, найденные в Шаньваньцзы..., 1977].

Другое объяснение наличия иньских вещей в западночжоуских кладах связано с анализом иероглифов на сосудах. На некоторых из них написаны названия шанских племен и родов, которые упоминаются также на сосудах из могильника в Люлихэ³⁰. В связи с этим возникло предположение, что представители этих родов после поражения династии Шан-Инь изъявили покорность и переселились на север, создав основу для образования государства Янь [30 лет работы..., 1979, с. 89—90]. В доказательство того, что Западный Ляонин входил в пределы Янь, приводится сосуд «Инь хоу юй», найденный в составе клада в Мачапгоу на расстоянии 4 км от Шаньваньцзы [Ли Тицзянь, 1955]³¹. Более того, на одном из сосудов из первого клада упоминается некто бо Цзюй, имя которого встречалось в надписи на бронзовом треножнике *ли* из могилы № 251 в Люлихэ. Он, очевидно, был яньским чиновником.

Описанные находки отмечают начальные этапы проникновения хуся в юго-западные окраины Дунбэя. Поэтому вызывает удивление точка зрения Чжап Сиина [1986, с. 171], который попытался объединить в единый комплекс ритуальные сосуды из Кацзо со специфическими бронзовыми кинжалами и зеркалами, получившими распространение в культуре верхнего слоя Сяцзянь, хотя их разделяют полтора-два столетия. Необходимо особо подчеркнуть, что почти все, за единственным исключением³², находки в Кацзо представляют собой клады бронзовых изделий, причем относящихся к очень узкому промежутку времени. Недавно в уезде Исянь, чуть дальше

на северо-восток от Кацзо, нашли еще пять бронзовых сосудов рубежа Шан-Чжоу, — судя по обстоятельствам находки, тоже клад [Сунь Сысянь, Шао Фуюй, 1982]. Но клад — специфический памятник, его образованием связано, как правило, не с нормальным функционированием общества, а с какой-то экстремальной ситуацией. Судя по составу кладов в Ляоси, их образование — не результат какого-то длительного процесса, а практически единовременный акт. Можно согласиться с китайскими археологами, что вдоль по р. Далинхэ осуществлялись контакты между культурами Чжунъюань и Севера [Археология Шан и Чжоу, 1979, с. 157]. Но в условиях немаловажных этнокультурных различий они не всегда были успешными. Говорить же о прочных связях с местными племенами на базе имеющихся материалов не приходится. К тому же нельзя исключить, что бронзы попали в этот район в более позднее время [An Zhimin a. o., 1984, p. 45].

То же относится и к самой северной из известных ныне находок чжоуских бронз в Гиринс. Здесь в 1974 г. в истоках р. Холинь (аймак Чжалуте) нашли сосуды *гуй* и *у* позднего Западного Чжоу или раннего Чуньцю. Они отлиты в государстве Син и, следовательно, датируются временем до его разгрома в 635 г. до н. э. В Гирин эти сосуды попали не непосредственно, а через северных ди, которые захватили их как военные трофеи [Ли Дяньфу, 1980] либо получили в качестве подарков [Чжап Байчжун, 1982].

Обзор основных публикаций по археологии в китайских изданиях последних десятилетий позволяет сделать некоторые выводы. За это время китайские археологи открыли множество памятников всего этапа Западного Чжоу и начального периода Чуньцю и ввели в научный оборот новые особой ценности данные по культурному и социальному развитию чжоуского общества. Заметно расширяют наши знания по истории раннего Китая надписи на сосудах. Они хорошо коррелируют с письменными источниками, что подтверждает высокую надежность и точность сообщений древнекитайских исторических сочинений. На базе накопленных материалов по надписям на металле Тан Лань [1976, с. 34—25] предположил даже вносить исправления в классические комментарии, поскольку благодаря археологии о далеком прошлом можно иногда сказать больше, чем знали ученые династии Хань.

Материалы раскопок и публикаций подтвердили правомерность выделения эпохи поздней бронзы в качестве существенного этапа развития древнекитайской цивилизации. Можно выявить значительное отличие памятников Западного Чжоу от находок иньской эпохи (развитой бронзы) и большей части периода Восточного Чжоу (раннего железа). В ходе исследований последних лет выявлены богатые комплексы, датированные первыми десятилетиями чжоуского великодержавия. Среди найденного на этих памятниках инвентаря много вещей иньского облика. Возможно, это военные трофеи³³ или свиде-

²⁹ Сравнительно недавно еще три *ай*, близких к вышеуказанным, обнаружены в районе г. Баоцзи в западночжоуских могилах [Лу Линьчэн, Ху Чжуншэн, 1983, с. 62]. Эти находки вносят коррективы в проблему взаимоотношений ранних Шу и Чжоу, однако не имеют значения для Кацзо ввиду явно вторичного характера памятника.

³⁰ В районе Пекина нашли еще одну могилу с очень ранними по облику бронзовыми сосудами и с аналогичной надписью «я ци хоу» [Чэн Чансинь, 1983].

³¹ Хранится в фондах Ляонинского музея [Аннотация к экспозиции..., б. г., с. 7—8].

³² Имеются в виду стоянка и могильник в Вэйшаньцзы [Западночжоуские стоянка и могильник..., 1977]. По данным радиокарбонного анализа, этот памятник образовался в чуть более поздний период и представлял собой форпост Янь на путях торгового обмена. Отмечается сходство инвентаря с находками в Байфу, что позволяет говорить о его «сменном» характере.

³³ Иногда новые владельцы затирали шанскую надпись и наносили свою (как на сосуде «Бо гуй») или вырезали новую надпись, не обращая внимания на прежнюю (на сосуде «Э дин»), [Чжоу Вэнь, 1972, с. 9—10].

тельство перехода части иньской аристократии на службу к чжоуским ванам. Но уже в самые ранние западночжоуские комплексы входит ряд вещей, не встречающихся на иньских памятниках [Бронзовые изделия Шан и Чжоу..., 1979, с. 4—6]. Столь же определенная, хотя и более плавная граница разделяет эпохи поздней бронзы и раннего железа³⁴.

В территориальном плане необходимо отметить экспансию молодого и агрессивного чжоуского государства. Как справедливо указал М. В. Крюков, «XI—VIII века до н. э.— период непрерывных контактов с соседними племенами, чаще всего выражавшихся в форме военных столкновений и походов» [История народов..., 1986, с. 18]. Власть вана к началу Восточного Чжоу распространялась на значительную часть современной территории Китая. Однако на окраинах влияние хуася заметно ослабело. Здесь обрзовывались различные «смешанные» культуры, причем через их посредство изобретения других

народов могли проникать в так называемую нуклеарную зону. В пределах «Срединных государств» существовало определенное единство, однако постепенно в его рамках начали складываться локальные варианты. Именно в эпоху поздней бронзы формируются такие самобытные образования, как чуская [Юй Вэйчао, 1980; Гао Чжиси, Сюн Чуаньсинь, 1980], циньская [Ли Сюэцин, 1980б; Хань Вэй, 1986], у-юэская [Цзи Чжунцин, 1982; Ван Вэньцин, 1982; Чжан Чао, 1984] и некоторые другие культуры. Они достигли наибольшего развития в периоды Чуньцю и Чжаньго.

Проблема локальных культур в рамках чжоуской макрокультуры достаточно сложна. При их выделении необходимо учитывать как политические границы между государствами, так и этнические различия. Здесь же только подчеркнем, что сама постановка данной проблемы в археологии КНР свидетельствует о достигнутом ею высоком уровне развития.

ГЛАВА III

ОРУЖИЕ КИТАЯ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ

При описании и классификации предметов вооружения, обнаруженных на территории, которую занимали чжоуские государства в эпоху поздней бронзы, применялись основные оружейно-ведческие понятия, разработанные Ю. С. Худяковым [1979, 1980]. Среди находок были выделены следующие категории оружия: клевцы вместе с трезубцами *цзи*; копья; кинжалы и мечи; лук и стрелы; доспехи. Основное внимание уделялось внешнему виду изделий, их хронологическому и географическому распространению. Что касается количественных показателей, то они занимали в изложении подчиненное положение. Такой подход к материалам объясняется спецификой источниковедческой базы исследования.

КЛЕВЦЫ

Чжоуские клевцы *гэ* во многом продолжали развитие иньских оружейных традиций, но в этот период возник и развился также ряд новых форм. *Гэ* — древковое оружие ближнего боя ударного действия. Его металлическая часть подразделялась на боек *юэ*, обух *нэй*, бородку *ху* (часто с прорезью (прорезьями) *чуань*); боек отделялся от обуха бортиком *лань*, верхний и нижний концы которого выступали в виде зубчиков *чи* [Варенов, 1981, с. 103; Хаяси, 1972, с. 3—9].

Трудно сказать, какую часть от уже найденного чжоуского оружия составляют клевцы *гэ*,

поскольку попытка подсчитать их количество сравнима с безнадежной попыткой объять необъятное. Ясно, однако, что клевцы — наиболее характерный вид вооружения чжоуского воина (рис. 36—43). Подтвердить это заключение могут сведения о находках в некоторых чжоуских могильниках и в отдельных могилах. Так, в могильнике Чжанцзяпо клевцов было около 84,2% от всего найденного бронзового оружия ближнего боя¹. В могильниках Хэцзяцунь, Байфу, Байцао-по они вместе с *цзи* составили соответственно 66,6, 69 и 92,3%². В могильниках Шанцуньлинь и Чэнцзяо (период Чуньцю) *гэ* и *цзи* насчитывалось 54,8 и 50%³. В то же время во многих могильниках (таких, как Лисцунь, Шахуцяо, Иньшаньпин, Цайпо, Юйтайшань), датированных периодом с конца Чуньцю до конца Чжаньго, *гэ* и *цзи* уступали первое место мечам и копьям. Это скорее всего связано с изменениями в структуре и тактике древнекитайской армии, в первую очередь с постепенным вытеснением боевых колесниц конницей.

Как основной вид оружия, клевцы *гэ* постепенно усвершенствовались. Выступ-черен и бородка *ху* с несколькими отверстиями служили у боевых бронзовых клевцов для более прочного закрепления на рукояти. Одновременно обух, который сначала предназначался только для крепления

¹ Подсчитано по: [Отчет о раскопках в Фэнси, 1962, с. 117—119].

² Подсчитано по: [Дай Инсинь, 1976, с. 34—37; Важные археологические результаты..., 1976, с. 250—254; Чу Шибинь, 1977, с. 110].

³ Подсчитано по: [Линь Шоуцзинь, 1959, с. 19—20; Ван Цзунго, Цзоу Хоубэнь, Ю Чжэньяо, 1965, с. 108—109; Восточночжоуская могила № 2..., 1974, с. 118—119].

³⁴ У. Уотсон ориентировочно датирует переход к новым формам бронзовых изделий и орнаменту на них 600 г. до н. э. [Watson, 1971, p. 14]. На наш взгляд, начало этого перехода относится к более раннему времени.

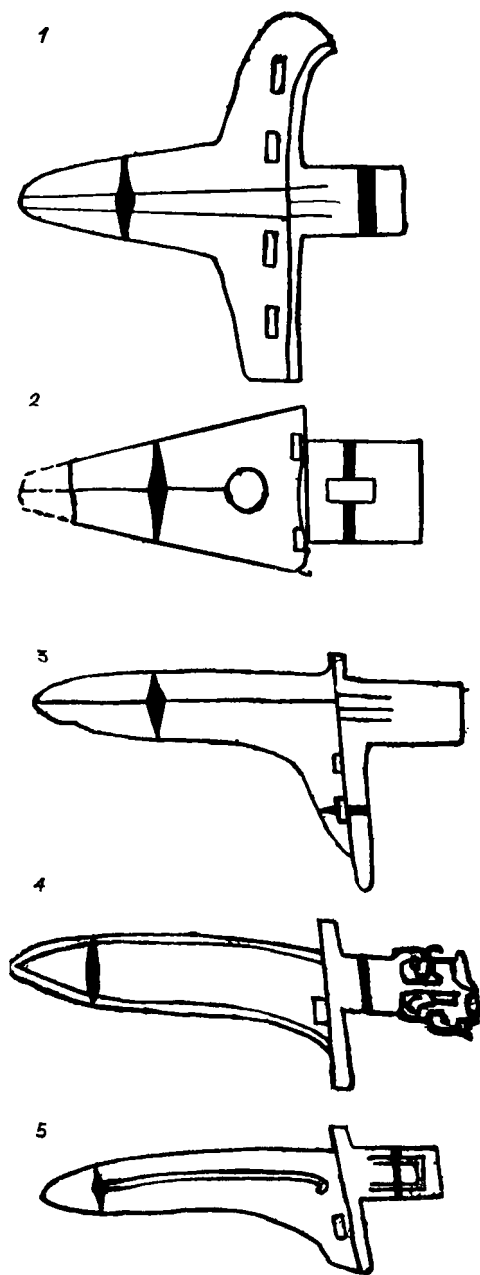

Рис. 36. Клевцы *гэ* и трезубец *цзи*, найденные в уезде Фэнсян (по Цао Линьтаню, Шап Чжичэжу).

клевец к рукояти, приобретал значение вспомогательной части оружия. Он, очевидно, служил для нанесения удара в тех случаях, когда бойком нельзя было произвести пужного действия (допустим, при ударе по металлическому шлему противника) [Караев, 1959, с. 131].

Основная функция клевица ударная. Но часто края его бойка (особенно нижний) затачивались на острие. С развитием нового элемента — бородки *ху* — ее край также нередко превращался в лезвие. Начиная с периода Восточного Чжоу обух довольно часто затачивался с трех сторон. Иногда верхний угол обуха вытягивался и изгибался, образуя заточенный крюк. Таким оружием можно было наносить рубящие и режущие удары, в том числе разрезать относительно толкие и мягкие ремни доспехов противника [Кожин, 1977а, с. 35].

С самого начала чжоуской эпохи возник и развивался на основе *гэ* новый вид оружия — трезубец *цзи*. При этом термин «трезубец» в значительной степени условен. Он фиксирует тот факт, что удар по неприятелю можно было наносить любой из трех выступающих частей оружия: бойком, острием или обухом. Однако впоследствии количество и расположение зубцов менялось.

Долгое время представление о внешнем облике *цзи* оставалось довольно туманным. Большую роль в разрешении этой оружейведческой проблемы сыграли статьи Го Можо и Го Баоцзюня, опубликованные в 30-х гг., и сравнительно недавняя заметка Го Дэвэя. Авторы показали, что термином *цзи* в древности называли очень разные по внешнему облику виды оружия.

В период Западного Чжоу были распространены так называемые «крестовидные *цзи*» (рис. 44), верхняя часть которых заканчивалась либо небольшим крючком, либо (гораздо реже) острием⁴. Однако подобный вид оружия ударно-колющего действия не получил широкого распространения. В период Восточного Чжоу *цзи*, как правило, составное, образованное креплением на одну рукоять клевица *гэ* и наконечника копья *мао*. Ма Чэньюань [1982, с. 49] считает, что заточенный обух у поздних клевицов сам по себе свидетельствует об их использовании в качестве составной части *цзи*, даже, если острие к моменту обнаружения уже утрачено. *Цзи* этого типа найдены в провинциях Хэнань, Шаньси, Хубэй, Хунань, Цзянсу и Хэбэй. Значительно реже встречаются *цзи*, в которых клевец и наконечник копья соединены воедино. Иногда к нижней части рукояти *гэ* или *цзи* крепился заточенный крюк.

Го Дэвэй [1984], изучив находки из цзэнских и чуских могил восточночжоуского периода и сравнив их с нарративными источниками, убедительно показал, что термином *цзи* в древности называли еще один вид древкового оружия — без острия, но с дополнительными бойками. В верхней части рукояти монтировался клевец обычной формы, только боек и обух у него были длиннее и уже, чем у средних экземпляров. Под ним на расстоянии нескольких сантиметров друг от друга, крепились еще один-два клевица специфической формы — с более коротким бойком и без обуха. Древко, как правило, в два с лишним раза превышало по длине рукоять *гэ*.

Таким образом, развитие клевица *гэ* и производного от него оружия *цзи* на протяжении всего периода Чжоу вело к тому, что количество выступающих рабочих частей увеличивалось и все они приобретали самостоятельное боевое значение [Го Баоцзюнь, 1961, с. 113—114]. В период Чжаньго именно этот вид оружия получил наибольшее распространение. Выражение «вооруженный трезубцем» становится своего рода синонимом слова «солдат» [Го Баоцзюнь, 1963, с. 179; Крюков, Хуан Шунь, 1978, с. 218].

⁴ Один экземпляр *цзи* (из юйских могил близ г. Баоцзи) имел в верхней части и острие, и крюк. В уезде Фуфэн найден также образец «двустороннего *цзи*» со втульчатым креплением. Эти находки свидетельствуют о том, что чжоуские оружейники прорабатывали различные формы развития *цзи* (см. рис. 9, 14, 15).

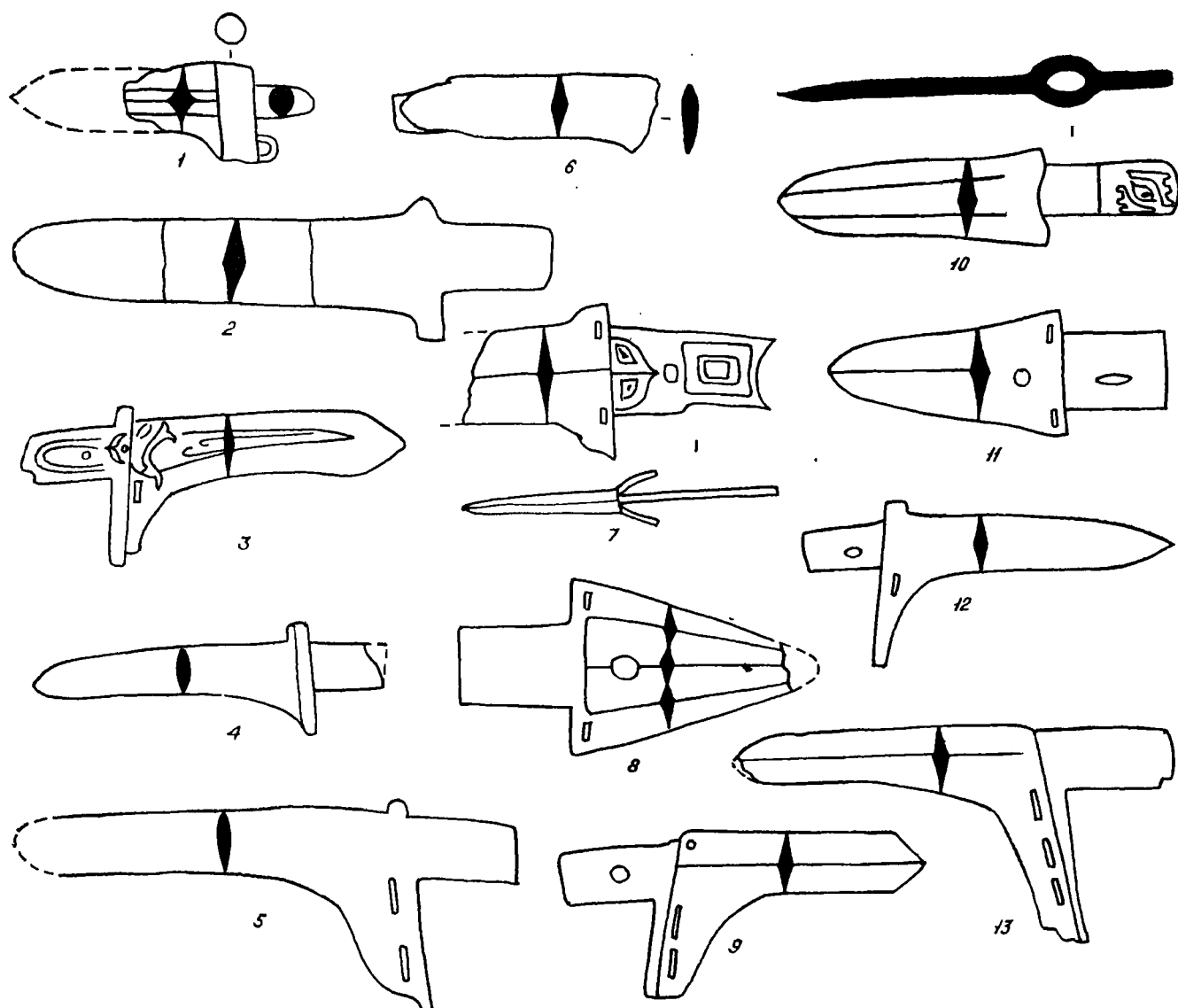

Рис. 37. Бронзовые клевцы, найденные в уезде Фуфэн (по Ло Сичжану).

Рассматривая применение клевцов в целом, необходимо отметить их роль: а) в колесничном бою; б) в рукопашной схватке пехотинцев друг с другом; в) в качестве абордажного оружия в сражениях на воде; г) как средства «противоколесничной обороны». Указание на различное применение *гэ* содержится в сделанных на них надписях. Если одни названы «колесничными *гэ*», то другие — «пехотными *гэ*» [Тун Эпъчжэнь, 1979, с. 454; Чжап Чжэньцзэ, 1973, с. 246]. Китайские исследователи полагают, что это оружие различалось только по длине рукоятей [Ян Хун, 1980, с. 88—91; Тун Эпъчжэнь, 1979, с. 454]. Археологические данные подтверждают существование такого различия⁵. Оружие на более длин-

⁵ Длина рукоятей определялась различными способами. Иногда деревянные рукояти, часто завернутые в бамбуковое лыко или матерью, сохранялись благодаря лаковому покрытию. В других случаях длина определялась по расстоянию между *гэ* и втоком, который надевался на нижний конец рукояти. Если у ранних клевцов сечение древка имело круглую форму, то у поздних образцов оно часто было яйцевидным в сечении, ориентированным большой осью по направлению боя. По мнению Го Баоцзюня [1963, с. 178], это улучшало условия обращения с ударным оружием.

ных (свыше 3 м)⁶ рукоятях найдено пока только на поздних памятниках в окрестностях Чанша и в могиле цзэнского хоу И. Длина других рукоятей существенно меньше: 95—170 см, т. е. самые длинные из них не превышали среднего роста человека. Именно таким оружием сражаются пехотинцы в батальных сценах, изображенных на чжоуских бронзовых сосудах [Го Баоцзюнь, 1959, ил. 40, 47, 48; Ян Цзунжун, 1957, ил. 18, 20; Записки о раскопках могилы № 10..., 1976, ил. 2]. Рисунки наглядно доказывают факт использования клевцов *гэ* в рукопашном бою. На названных сосудах изображалось также использование *гэ* и *цзи* в сражениях на воде. Это основное оружие воинов, стоящих на палубе боевых лодок, которое могло служить и в качестве абордажных крючьев, и для нанесения ударов по противнику (рис. 45—47). Хотя все иконографические материалы относятся к периоду Чжаньго, изображенные клевцы по форме не отличаются от более ранних. Поэтому их можно использо-

⁶ В «Као гун цзи» длина рукоятей *гэ* указана примерно равной 1,5 м, а *цзи* — около 3,5 м. Поэтому Го Дэвэй [1984] все длинные рукояти относит к *цзи*.

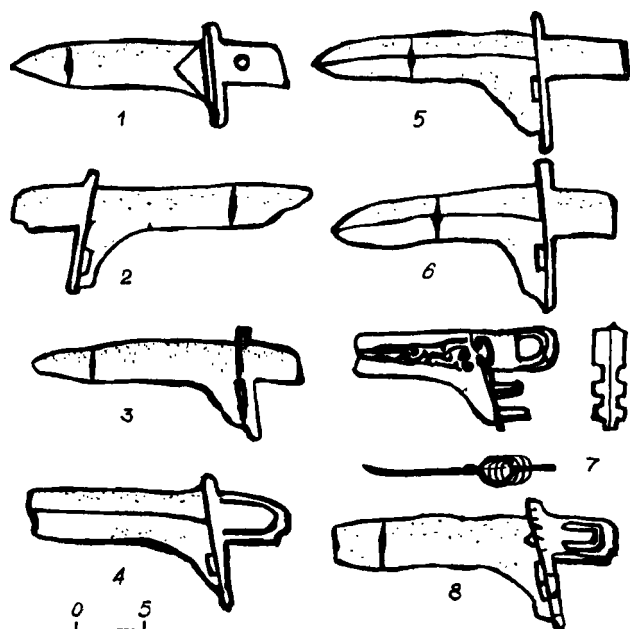

Рис. 38. Бронзовые клевцы из Наньпо (по Лу Лянь-чэу, Инь Шэньцзю).

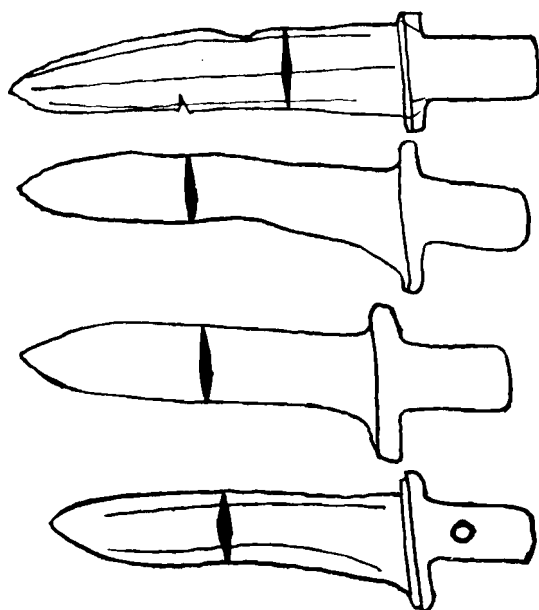

Рис. 39. Клевцы из Байцао (по Чу Шибиню).

вать как источник по истории военного дела эпохи поздней бронзы. Что касается средств «противоколесничной обороны», то П. М. Кожин [1977а, с. 37] уже отмечал возможность использования секир и алебард с пожевидными лезвиями для перерезания постромок упряжных коней колесниц. Развитые формы *гэ* и *цзи* с их многочисленными лезвиями, да еще снабженные дополнительными крюками на обухе и на нижнем конце рукояти, также могли использоваться для этой цели.

В одной из статей Ю. М. Бутин [1978, с. 146] высказал сомнение в том, что «древнекитайские *гэ*, или, по-русски, клевцы, применялись для проламывания черепа раненых и пленных солдат противника, а также для рукопашного боя». Вслед за корейским исследователем Юн Му Беном он считает их исключительно abordажным оружием колесничих. Такой вывод о функцио-

нальном назначении *гэ* не соответствует фактическим данным: разнообразию форм; широкому (много большему, чем колесничное снаряжение) распространению; наконец, иконографии. Клевцы как особая категория оружия использовались многими народами древности. Помимо вышеуказанных чжоуских сосудов, их боевое применение именно «для проламывания черепа» противника доказывают и некоторые изображения центральноазиатских писаний [Кубарев, 1979, с. 66; Novgorodova, 1980, S. 80].

Касаясь вопроса о применении *гэ* и *цзи*, необходимо отметить их ритуальное, и прежде всего погребальное, предназначение. Погребальные вещи в деле не применялись, а изготавливались специально для похорон. Они отличались, как правило, меньшими размерами и весом и отливались из менее прочной бронзы. Иногда погребальные *гэ* и *цзи* вообще изготавливались не из бронзы,

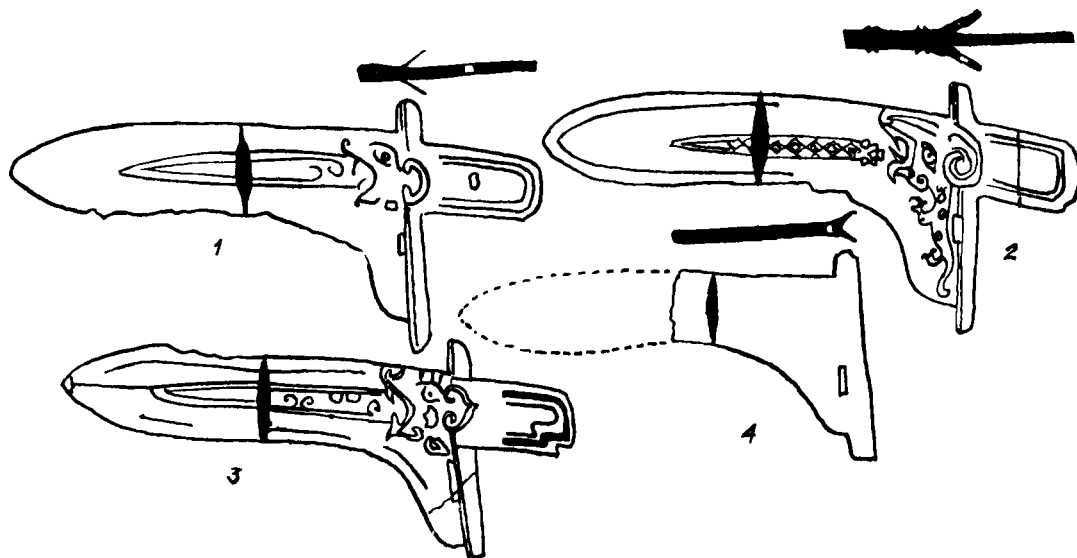

Рис. 40. Клевцы с изображением тигра из Байцао (по Чу Шибиню).

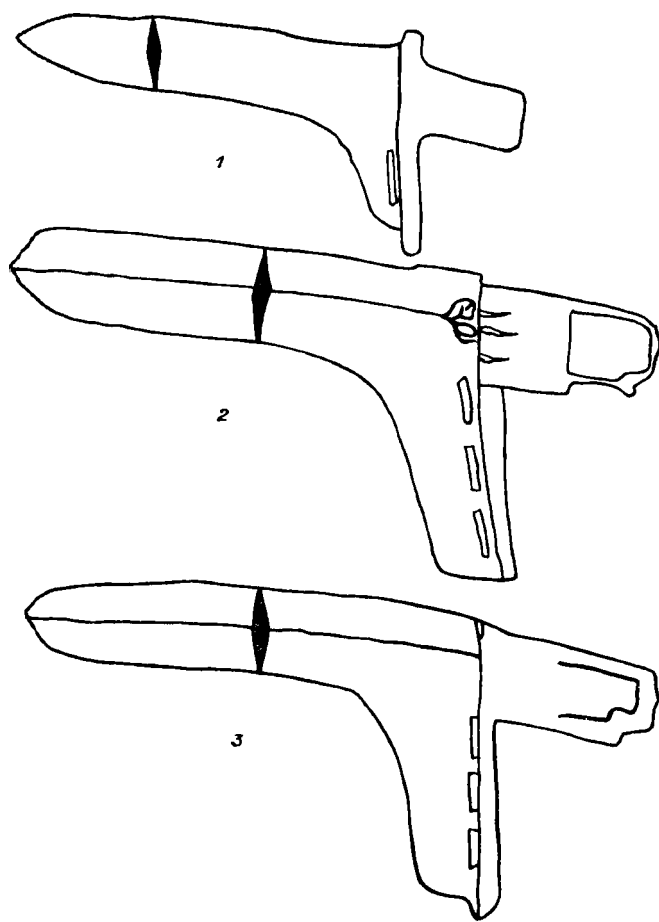

Рис. 41. Клеветы с длинной бородкой из Байцаопо (по Чу Шибиню).

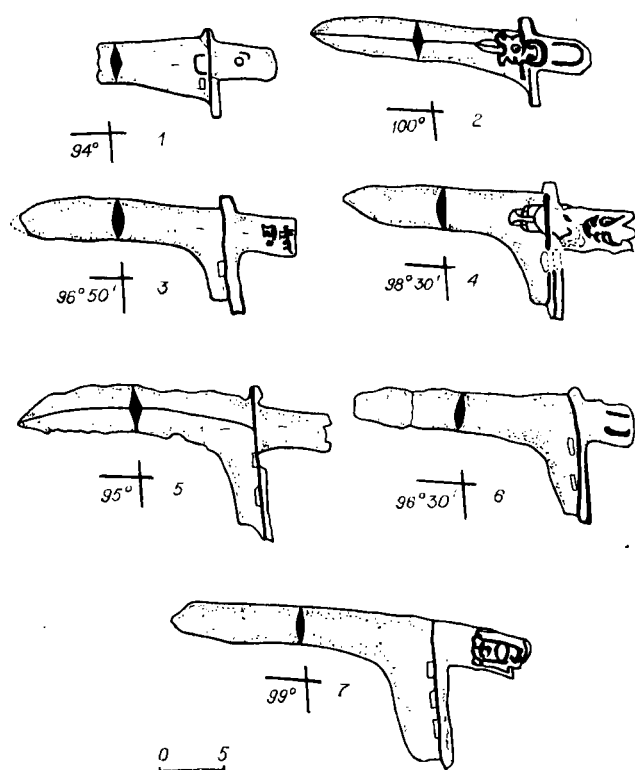

Рис. 42. Бронзовые клеветы из Синьдунь (по Го Баоцзюню).

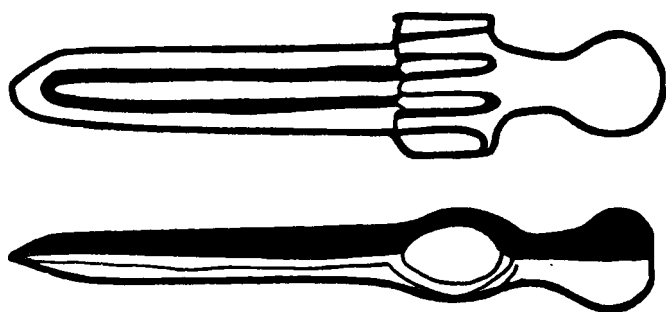

Рис. 43. Втульчатый клевет из Байцаопо (по Чу Шибиню).

а из свинца или даже из дерева. Широко изготовлялось также церемониальное оружие, которое отличалось богатством орнаментации и наличием соответствующих надписей. Иногда церемониальные клеветы выделялись более древним и редким для чжоуского времени способом крепления к рукояти — с помощью втулки или проуха [Чжунчжоу..., 1959, рис. X, 11; Го Баоцзюнь, ил. XXIV, 3, 4]. Однако в целом церемониальные клеветы по конструктивным особенностям мало чем отличались от боевых и вполне могли применяться в качестве оружия.

Все клеветы можно подразделить на группы и типы (рис. 48). Втульчатые и проушные клеветы по способу крепления к рукояти объединяются в одну группу. Она крайне немногочисленна и не характерна для собственно чжоуской традиции. В то же время в скифскую эпоху подобное оружие часто использовалось к северу и западу от Китая [Збруева, 1952, с. 104—107; Ілліньска, 1961; Членова, 1967, с. 25—28; Маннай-оол, 1970, с. 49—50; Литвинский, 1968, с. 70—77; Мартынов, 1979, с. 49—52; Вадецкая, 1986, с. 88—90]. Как убедительно показала Н. Л. Чле-

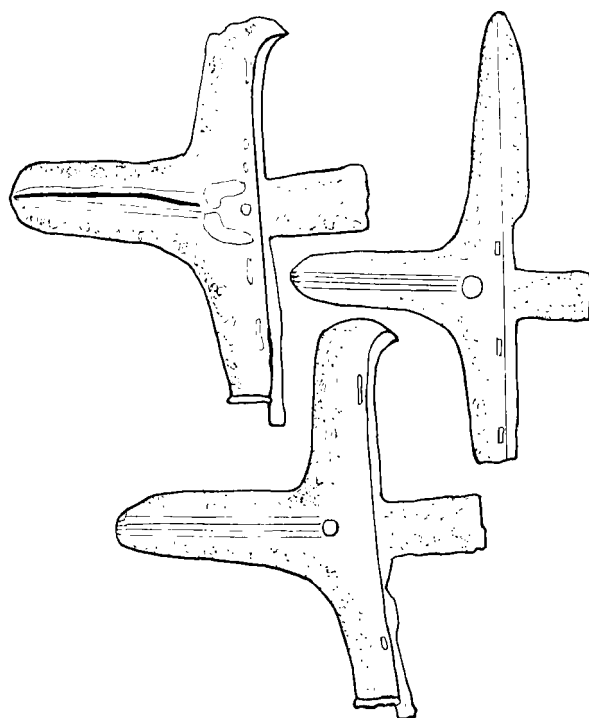

Рис. 44. Трезубцы цзи из Синьдунь (по Го Баоцзюню).

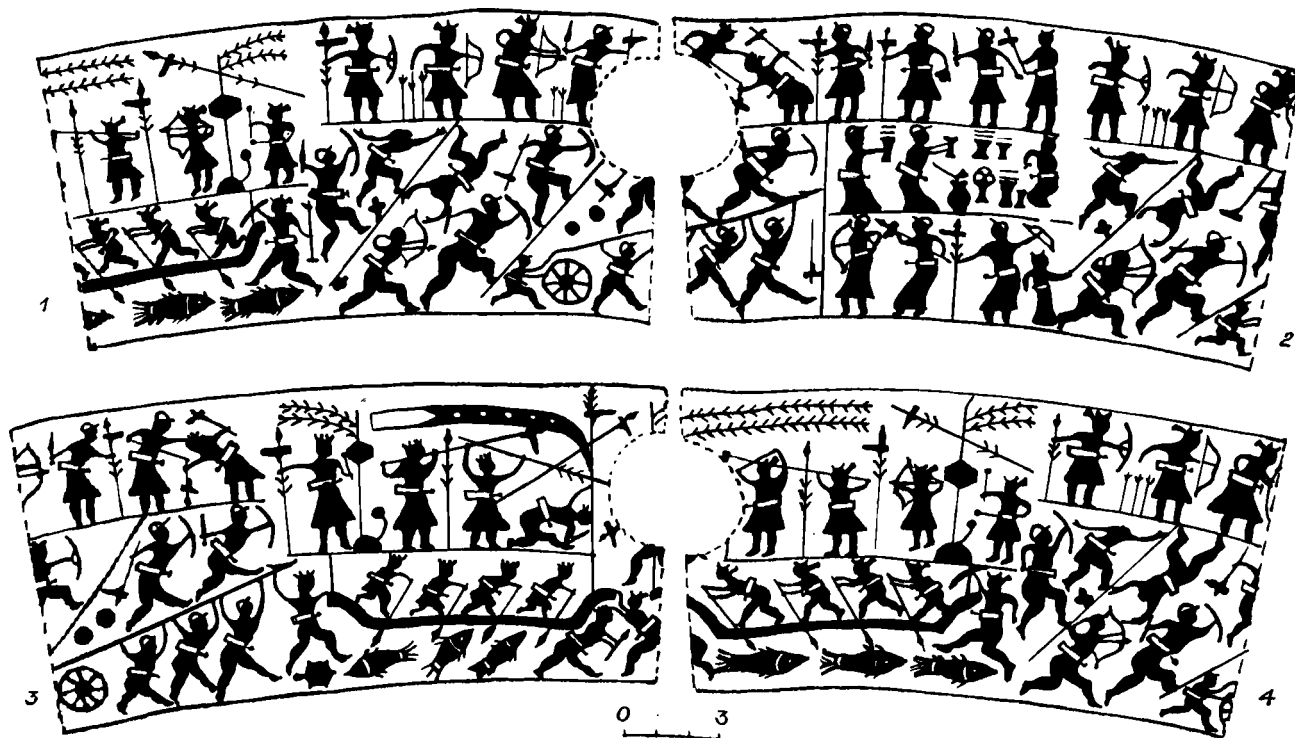

Рис. 45. Батальные сцены на сосуде из Шаньбяочжэнь (по Го Баоцзюю).

нова [1967, с. 28—30], сибирские втульчатые чешапы VII—VI вв. до н. э. происходят от карасукских образцов. В настоящее время их известно шесть экземпляров, в том числе два — из Томского могильника [Комарова, 1952, с. 35—37], а остальные — из случайных находок. Несколько клевцов архаичного облика найдено на территории Ордоса и Северного Китая [Loehr, 1956, р. 14—16]. Изображения их нередко встречаются на оленних камнях монголо-забайкальского типа, нижняя граница появления которых относится к началу I тыс. до н. э. [Волков, 1981, с. 106—107, табл. 108].

Таким образом, можно предположить, что дан-

ная группа если не возникла, то во всяком случае сформировалась на территории Центральной Азии, а затем, постепенно видоизменяясь, распространилась в западном направлении среди близких культур скифского круга. На востоке такое продвижение было остановлено появлением местной формы плоского черешкового клевца. Географическое распространение подтверждает теорию не китайского происхождения втульчатых и большинства проушных клевцов [Loehr, 1956, р. 26].

На западночжоуских памятниках найдено всего несколько экземпляров унаследованных от Инь клевцов, которые имеют боек в форме вытя-

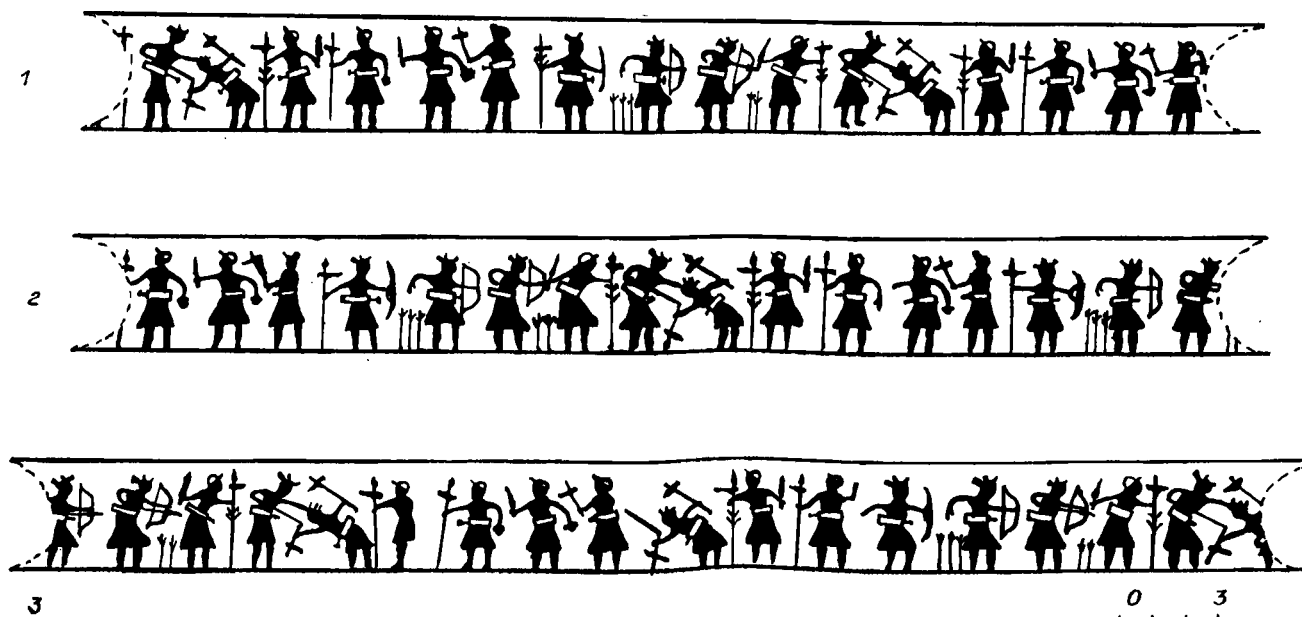

Рис. 46. Батальные сцены на сосуде из Шаньбяочжэнь (по Го Баоцзюю).

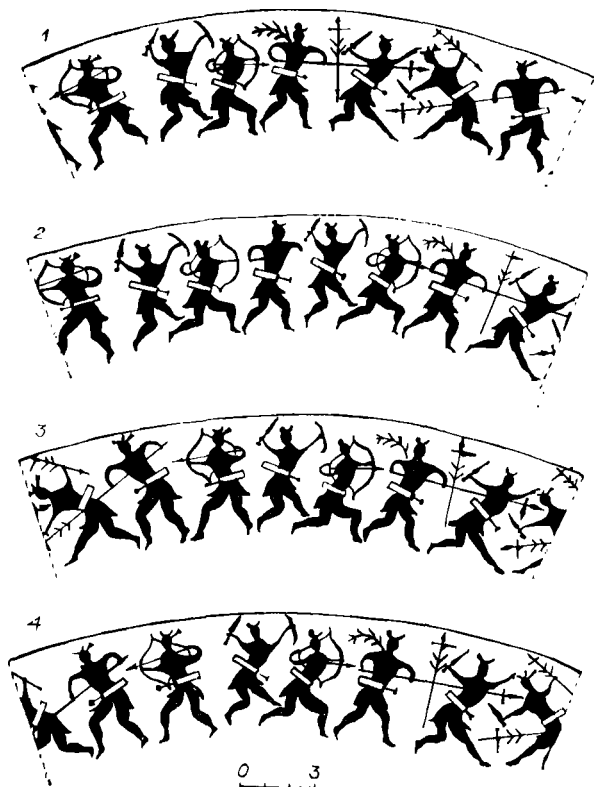

Рис. 47. Батальные сцены на сосуде из Шаньбяочжэнь (по Го Баоцзюню).

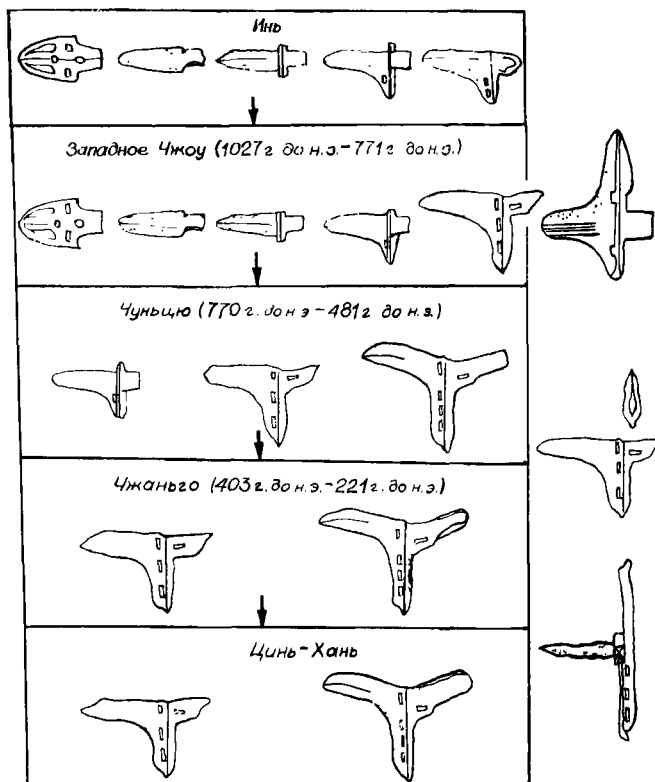

Рис. 48. Схема развития клевцов го и трезубцев цзи.

пругого прямоугольника с округлым острием, овальный проух, небольшой прямоугольный обух. Они обнаружены в могильниках Байцаопо [Чу Шибинь, 1977, с. 110, рис. X, 2], Хэцзяцунь [Дай Инсинь, 1976, с. 36, рис. VIII, 3] и Наньцунь [Лу Лянчэн, Инь Шэньинь, 1982, с. 51, рис. 3, 7]. Последний экземпляр отличается некоторым своеобразием. Помимо проуха, для закрепления древка служили еще два кольца, расположенные перпендикулярно бортику (см. рис. 38, 7). Судя по малочисленности находок, которые датированы временем не позднее раннего периода Западного Чжоу, это явно исчезающий тип оружия⁷. Еще более редки клевцы со втулкой. Такой клевец, длина которого 21 см, был найден в могиле № 1 в Байцаопо. Его боек имеет форму стержня с ребром, ширина которого 3 см и толщина 2 см; короткая втулка — овальной формы (размеры $3 \times 2,1$ см); обух — в виде массивного шара на коротком стержне. Вес этого клевца 529 г [Чу Шибинь, 1977, с. 112, ил. XI, 4]. По форме он резко отличается от других видов чжоуского оружия, найденного в комплексе с ним (см. рис. 43).

Сходный экземпляр обнаружен также в одной из юйских могил в Баоцзи. Стержень-бойк у него более широкий и округлый, короткий обух не имеет противовеса, на втулке намечены три ребра. Общая длина его — 17,7 см, размеры овальной втулки — $2 \times 2,8$ см [Лу Лянчэн, Ху Чжизэн, 1983б, с. 51, рис. 4, 10]. Другие втульчатые клевцы обнаружены на северо-востоке Китая. Они представляют собой оружие местных пле-

мен, культура которых значительно отличалась от культуры Центральной равнины. Связь этих изделий с южносибирскими клевцами карасукского времени очевидна [Loehr, 1949, p. 136]. Это подтверждают и находки последних лет. Так, бронзовый втульчатый клевец, обнаруженный в западночжоуской могиле Байфу [Важные археологические результаты..., 1976, с. 250, ил. III, 1], по форме почти полностью соответствует клевцу, найденному в Забайкалье [Диков, 1958, табл. XXI, 1]. Те же экземпляры из Суйюани и Ордоса, которые С. В. Киселев [1949, с. 85, табл. XII, 8] принимал за промежуточные звенья между классическими древнекитайскими го и втульчатыми клевцами степей, следует, очевидно, рассматривать как результат взаимного влияния в контактной зоне двух различных традиций [Членова, 1967, с. 35]. Отдельные экземпляры такого оружия находят также в пределах «коренных» чжоуских земель [Раскопки западночжоуского могильника..., 1980, с. 476, рис. 20, 6].

Большинство чжоуских клевцов относится к группе плоских черешковых клевцов чисто китайского происхождения [Loehr, 1949, p. 141]. По форме главной рабочей части — бойка, а также по изменениям формы и взаимного расположения обуха и бородки выделены пять основных типов чжоуских черешковых клевцов. При разработке типологии учтены сведения более чем о 800 опубликованных изделиях.

I. У го треугольной формы боек часто с ребром и круглым отверстием, расположенным ближе к довольно массивному прямоугольному обуху. Рядом с бортиком, отделяющим боек от обуха, размещались два отверстия, которые служили для привязывания рукояти. Иногда I тип выде-

⁷ Для периода Восточного Чжоу известен лишь один пример такого архаичного способа крепления, причем в сочетании с наиболее развитым типом клевца [У Миншэн, 1983, с. 110—111].

Таблица 3

Параметр	Тип клевцов				
	I	II	III	IV	V
Общая длина	17,5—26,5	18,9—23,5—32,8	20,5—23—26,9	13—22—33,2	26—38,2
Длина бойка	13—19,2	14,8—18—25	13—16—19,3	9,3—15—23,2	11,4—21,8
Длина обуха	5,6—7,5	5,0—8,2	4,2—6,5—8,5	3,4—8—12	9—16,4
Длина бородки	—	—	6,5—7—8,5	5,2—17	8,3—15
Длина бортика	7,5—9,5	7,2—7,8	7,2—11,5	9—11,4	16,1—17,5
Ширина бойка (у бортика)	7,3	3,6—4,5	3,1—4,7	1,9—2,5—4,5	1,5—4,5
Ширина обуха	3,8	3—5	2,5—2,8—3,4	2,3—3—7,5	2—5,7
Толщина бойка	—	—	0,3—0,64	0,35—0,7—1,0	0,5—1,5
Вес	250	168	170—275	120—510	115—175
Длина рукояти	—	—	—	95—150—170	115—140

Примечание. При составлении табл. 3 и 4 использованы цифры, опубликованные китайскими археологами. Две крайние цифры обозначают минимальную и максимальную величины параметра, центральная цифра (если таковая имеется) — наиболее распространенную усредненную величину. Наличие одной цифры означает, что в публикациях приведено только одно значение параметра. Размеры приводятся в сантиметрах, вес — в граммах.

ляют в особый вид оружия — *куй*. У отдельных экземпляров нижнее лезвие у бортика изгибалось, образуя небольшой выступ-крючок для привязывания к древку. *Гэ* первого типа найдены в провинциях Шэньси, Шаньси, Хэнань, Ганьсу в составе комплексов, датированных от раннего Чжоу до середины Западного Чжоу (см. рис. 36, 2; 37, 8, 10, 11).

II. Боек у *гэ* прямоугольной формы с треугольным или округлым острием. Место перехода от бойка к прямоугольному обуху оформлено с двух сторон выступами-зубчиками; обух, как правило, отделен от бойка тонким бортиком. Изредка в нижней части основания бойка бывает проделано одно отверстие. Клевцы этого типа найдены на чжоуских памятниках в провинциях Шэньси, Хэнань, Ганьсу, Чжэцзян, а также около Пекина. Их дата — от начала до середины периода Западного Чжоу (см. рис. 36, 4; 37, 2; 38, 1; 39; 42, 1, 2).

III. У *гэ* появляется новый элемент — бородка *ху*, которая плавным изгибом оформляет переход от бойка к нижнему зубчику. В этот тип оружия включены как клевцы с едва намеченной бородкой без отверстия, так и клевцы с короткой бородкой и одним-двумя отверстиями. Судя по их нахождению в составе единых комплексов, указание различия не было существенным. Подобные клевцы найдены в провинциях Шэньси, Шаньси, Хэнань, Ганьсу, Шаньдун, Цзянсу, Хубэй, в Нинся-Хуэйском автономном округе и окрестностях Пекина. Они датируются китайскими археологами от раннего Чжоу до конца Чуньцю включительно. При этом первый подтип распространен гораздо меньше — как количественно, так и территориально (см. рис. 36, 3, 5; 37, 3, 4, 12; 38, 2—6, 8; 40, 41, 1; 42, 3, 4).

IV. Наиболее широко распространены клевцы именно этого типа с развитой бородкой *ху*⁸, в которой проделывались два, три или даже четыре отверстия. Можно выделить два подтипа таких клевцов: 1) с прямым бойком; 2) с дугообразно изогнутым бойком, несколько расширяющимся у острия. У одного из вариантов первого подтипа острию бойка придавали форму равнобедренного

треугольника. Отмеченная особенность — четкий датирующий признак для периода конца Западного Чжоу — начала Чуньцю. Клевцы типа IV найдены в провинциях Ганьсу, Шэньси, Шаньси, Хэнань, Хубэй, Ляонин, Хубэй, Аньхуй, Цзянсу, Шаньдун, Хунань, Цзянси, Гуандун, в Гуанси-Чжуанском автономном районе, Внутренней Монголии, в районах Пекина и Тяньцзиня. Оружие первого подтипа появляется в конце династии Инь, используется в боях на протяжении всего периода династии Чжоу и переходит в оружейный комплекс Цинь-Хань. Второй подтип, насколько можно судить по имеющимся данным, появляется в период Восточного Чжоу, однако не вытесняет первый подтип полностью, а сосуществует с ним (см. рис. 37, 9, 13; 41, 2, 3; 42, 5—7).

V. Самый развитый тип относится к раннему железному веку и отличается длинной бородкой (до пяти отверстий) и вытянутым длинным обухом, заметно вздернутым вверх, края которого, как правило, заточены на острие. Боек у клевцов этого типа поднят вверх и дугообразно изогнут, около острия он расширяется. Подобные клевцы найдены в провинциях Шаньси, Хубэй, Хунань, Цзянсу, а также близ Пекина и Тяньцзиня. Они датируются временем от конца периода Чуньцю до конца периода Чжаньго.

Таким образом, развитие черешковых клевцов происходило от первого типа к пятому. Оно осуществлялось довольно плавно, между различными типами существовали различные переходные и промежуточные формы. Основные размеры изделий приведены в табл. 3.

Находки последних лет призывают к осторожности относительно установления хронологической последовательности развития чжоуских клевцов *гэ*⁹. Теперь можно лишь утверждать, что этот вид оружия развивался по пути увеличения общего количества более совершенных форм — с постепенно удлиняющейся бородкой *ху* и увеличивающимся числом отверстий вдоль бортика. Однако сами эти формы возникли достаточно рано. Даже самый поздний, по классификации Ли Цзи, тип *гэ* с длинной *ху* и четырьмя отверстиями вдоль бортика найден в западночжоуской могиле № 7 в Байцаопо [Чу Шибинь, 1977, с. 112,

⁸ В качестве условного «рубца» взято отношение длины бородки к общей длине клевца по горизонтали как 1:3.

⁹ Таких, как классическая схема Ли Цзи [1931, с. 471]. См. также [Li Chi, 1962, p. 57].

рис. XI, 2] и, возможно, появился уже в иньское время. Клевец, очень похожий на экземпляр из Байцаопо, обнаружен при раскопках чэ-ма кэна № 698 в иньской столице. Следует, однако, учитывать, что он лежал в районе нарушающего чэ-ма кэн грабительского лаза, и, таким образом, может относиться к более позднему времени [Яп Баочэн, Ян Сичжан, 1979, с. 91]. Во всяком случае, клевцы с бородкой *ху* средних размеров с двумя-тремя отверстиями, которые Ли Цзи относил к периоду Восточного Чжоу, не только широко представлены среди недавних западножюуских находок, но обнаружены также и на памятниках иньского времени в Чэнгу¹⁰ [Тап Цзиньюй и др., 1980].

Черешковые клевцы ранних типов (I—III) распространены в основном на Центральной равнине¹¹. Более поздние типы (IV—V) встречаются юго-восточнее и севернее долины Хуанхэ. Они входят в комплекс вооружения населения древних царств Чу, У, Юэ, Янь и некоторых других, «полуварварских» или полностью «варварских» по этническому составу. В то же время этот специфический для собственно Китая вид оружия не встречается в северо-восточных провинциях Хэйлунцзян и Гирин, а также на западе — в Синьцзяне, Тибете, Цинхае и на большей части пров. Ганьсу. Также сравнительно редко классические *гэ* и *цзи* попадают при раскопках памятников, открытых на побережье Южного Китая.

Для большинства чжоуских клевцов характерно исключительное единообразие в рамках выделенных типов. Различаясь по размерам, они вместе с тем удивительно сходны по формам на всей территории от Ляонина до Хуанани. Следует лишь отметить несколько большую топкость и орнаментальность чуских образцов. Клевцы *гэ* послужили прототипом для изготовления подобного же вида оружия у народов сопредельных с Китаем территорий.

В заключение следует упомянуть о клевцах из камня, в том числе из нефрита. Они довольно часто встречаются на памятниках эпохи поздней бронзы: Баймасы [Фу Юнхуи, 1959, с. 188], Кэсинчжуан и Чжанцзяпо [Отчет о раскопках в Фэнси, 1962, с. 13, 126], Байфу [Важные археологические результаты..., 1976, с. 258, ил. IV, 3]. Жудэячжуан [Краткий отчет о раскопках западножюуских могил..., 1976, с. 43], Байцаопо [Чу Шибинь, 1977, с. 12, ил. XVI, 6, 7], Люцзядяньцзы [Ло Сюйчжан, 1984, с. 7]. По форме такие *гэ* сходны с бронзовыми без бородки *ху* (II тип). Большое количество каменных *гэ* обнаружено также при раскопках могильника княжества Го в Шандуньине [Линь Шоуцзинь, 1959, с. 20, ил. XXI, 8—10; XXX, 4]. Наряду с обычными, здесь выявлены также очень простые формы без выделенного обуха и подшлифовки краев бойка. По сути дела, эти изделия не являются клевцами, а представляют собой переходную форму к

скипетру *гуй* и малому скипетру *чжан*. Нефритовый клевец переходной формы найден также в могиле раннего Чуньцю около Сунцунь. По внешнему виду он почти не отличается от обнаруженного в той же могиле скипетра *гуй*, однако края его сохраняют подшлифовку лезвия, а в области обуха просверлено небольшое отверстие. Длина клевца — 35,8 см, а скипетра — 46 см [У Чжэньфэн, Шан Чжичжу, 1975, с. 58]. Приведенные сведения позволяют поддержать идею В. Виллетса, который считал, что *гуй* произошел не от наконечника копья (так считал Б. Лауфер), а от бойка клевца, причем в качестве первоосновы он выбрал составные нефритово-бронзовые клевцы иньского времени [Willets, 1968, S. 73].

Скипетры *гуй* и *чжан* появились уже в иньское время и широко использовались в ритуалах Чжоу. Упоминание о них часто встречается в древнекитайских сочинениях¹². Так, в комментариях к «Ли цзи» сказано: «*Гуй* и *чжан* — это драгоценности из нефрита». В словаре «Шовэнь» указывается: «(Предмет) с острым верхом — это *гуй*, а его половина — это *чжан*». Правда, в том же словаре отмечается, что *гуй* мог быть и с округлым верхом: «*Гуй* — это нефритовый скипетр. Верх его круглый, а нижняя (часть) — квадратная». Однако толкование к словарю поясняет, что при изготовлении *гуй* верх не обязательно делали округлым. «Поскольку сказано, что низ квадратный, поэтому и говорят, что верх круглый, так как круглый верх и квадратный низ — это закон неба и земли». О заостренной форме *гуй* упоминается также в толкованиях «Ли цзи», где ее сравнивают с первыми весенними ростками. Согласно этому сочинению, *гуй* использовался в ритуале, связанном с Востоком, а *чжан* — с Югом. Подобные скипетры широко представлены среди находок, относящихся к периоду Восточного Чжоу и более позднему времени, тогда как каменные клевцы среди них встречаются крайне редко¹³.

Таким образом, каменные клевцы не оружие. Они использовались в основном в ритуальных целях, в том числе в качестве погребального инвентаря. В конце Западного Чжоу они утратили внешнее сходство с бронзовыми боевыми клевцами и полностью слились с вещами ритуального назначения: скипетрами *гуй* и *чжан*.

КОПЬЯ

Среди копий эпохи поздней бронзы невозможно выделить достаточно многочисленные и устойчивые типы. Уже на самых ранних этапах Чжоу количество копий резко уменьшается по сравнению с оружейным комплексом Инь. Так, в богатых могилах хэского и луаньского бо в

¹⁰ Этническая принадлежность данных памятников нуждается в специальном изучении, однако с отнесением их к позднеиньскому времени можно согласиться.

¹¹ Исключением является распространение клевцов, близких к I типу, в районах древних царств Ба и Шу, о чем подробнее будет сказано ниже.

¹² Цитаты из древнекитайских сочинений приводятся по словарю Морохаси [1966, с. 126; 1967, с. 966]. Упомянутые ритуальные вещи ценились чрезвычайно высоко. Так, например, в папирусе на сосуде «Вэй хэ», изготовленном в период правления Гул-вана (927—908 гг. до н. э.), сообщается об обмене скипетра *чжан*, дававшего право на аудиенцию у вана, на 1000 му земли [Линь Гапцунь, 1976, с. 45—49].

¹³ Пример такого исключения — два нефритовых клевца из Хоума [Ли Юйминь, 1973, с. 189—190, рис. 1].

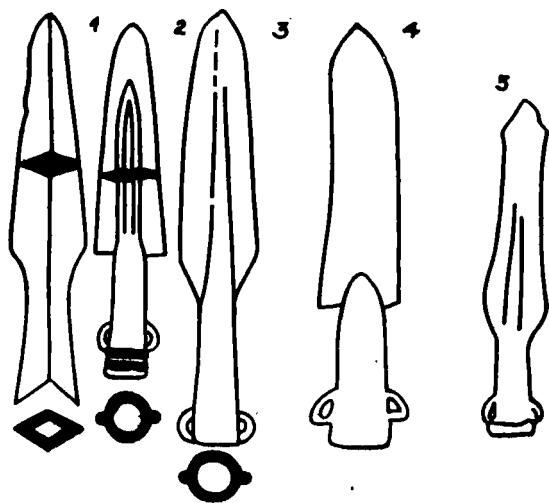

Рис. 49. Западножюуские наконечники копий.

Байцапо среди 65 экз. бронзового оружия ближнего боя не найдено ни одного копья [Чу Шибинь, 1977, с. 110—115]. Всего три наконечника оказалось в погребениях ранних западно-жюуских могильников Байфу близ Пекина (рис. 49, 1—3) [Важные археологические результаты..., 1976, с. 250—254]. Два образца этого оружия известны также по опубликованным материалам из Люлихэ. Они относятся ко времени правления первых жюуских ванов (рис. 49, 5) [Жертвенные сопогребения..., 1974, с. 315, рис. 13]. По одному экземпляру бронзовых наконечников копий с лавролистным пером обнаружено в могиле № 5 Хэцзяцунь (рис. 50, 1) [Дай Инсинь, 1976, с. 36, рис. 9, 1; Сюй Ситай, 1980, с. 10], могиле № 1 Таоцзяхэ (рис. 50, 4) [У Цисян, 1976, с. 41, рис. 2, 4] и могиле № 1 Чжююаньгоу [Западно-жюуские могилы в Чжююаньгоу..., 1978, с. 291,

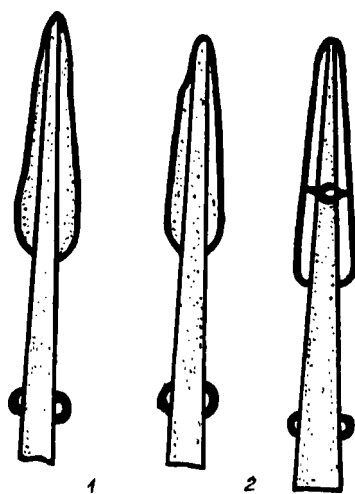

Рис. 51. Наконечники копий из уездов Баоцзи и Фэнсян.

рис. 6, 6]. Все они относятся к периоду не позднее правления Кан-вана. Еще два копья (вместе с шестью клевцами и одним кинжалом) нашли в могиле № 4, также па юйском кладбище в Чжююаньгоу. Они имеют «иволистную», по терминологии китайских археологов, форму и два ушка [Краткий отчет о раскопках западножюуского могильника в Чжююаньгоу..., 1983, с. 7]. (рис. 51, 1). Очень близкий по очертаниям наконечник известен среди случайных сборов в уезде Фэнсян [Цао Минтан, Шан Чжижу, 1984, с. 61] (рис. 51, 2).

Один наконечник, сходный с обнаруженным в могиле № 53 Люлихэ, лежал в вэйской могиле в Панцунь (рис. 49, 4), датирован ранним периодом Западного Чжоу [Чжоу Дао, Чжао Синьлай, 1980, с. 37, рис. 13]. На более позднем кладбище Синьцунь государства Вэй найдено более 90 клевцов и трезубцев, но всего лишь два копья (не считая 11 копьевидных наверший для ярма-перекладины колесницы) [Го Баоцзунь, 1964, с. 38—44].

Мало копий обнаружено в западножюуских могильниках Кэсинчжуан и Чжанцзяпо (р-н Фэнси), которые являются эталонными памятниками того времени. В материалах раскопок 1955—1957 гг. их найдено только два, тогда как клевцов 22—16 [Отчет о раскопках в Фэнси, 1962, с. 119, ил. XX, 8, 11]. В ходе исследований 1967 г. обнаружено три копья (рис. 50, 3) и 13 клевцов [Раскопки западножюуского могильника в Чжанцзяпо..., 1980, с. 475—476, ил. XI, 1].

Один обломанный с конца бронзовый наконечник (рис. 50, 2) найден в западножюуской могиле в Юнцзиндун [Цзе Сигун, 1957, с. 42, рис. 8], а остатки еще двух — на стоянке Цзиньнэнь [Ван Цзинь, 1960, с. 39, ил. XI, 8]. Возможно, что к тому же периоду относится копье из Шуйгуаньин [Ван Цзяю, Цзян Дяньчао, 1958, с. 27—28, рис. 4]. Два экземпляра опубликовал также Ло Сичжан [1985, с. 96] в сводке по оружию уезда Фуфэн (см. рис. 9, 9, 10). На фоне столь немногочисленных находок копий обращает на себя внимание обилие их в могиле, раскопанной в 1963 г. около Маванцунь. В ней помимо девяти бронзовых клевцов находились также 10 наконечников копий, одинаковых по фор-

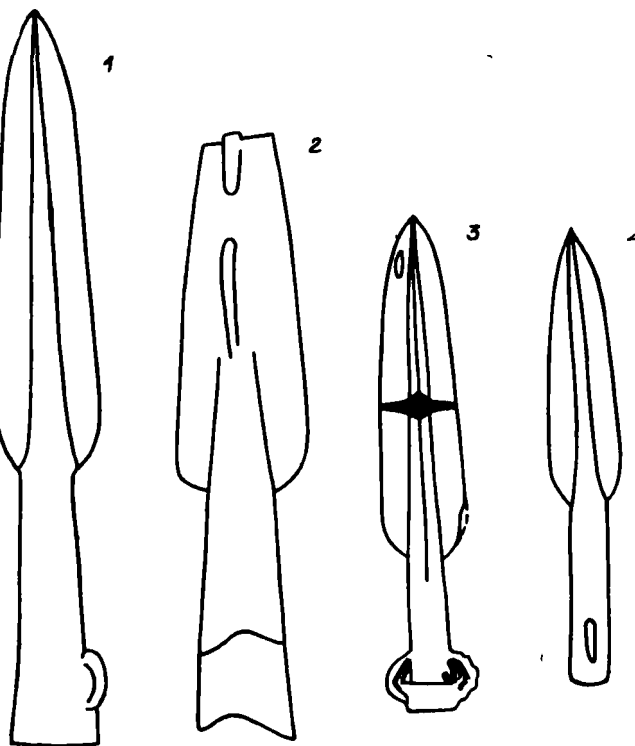

Рис. 50. Западножюуские наконечники копий.

Таблица 4 *

Общая длина	Длина пера	Длина втулки	Наибольшая ширина пера	Наибольшая толщина пера	Размер втулки	Длина древка
<i>Период Западного Чжоу</i>						
16,4—18—32	11—23	9—9,5	3,5—8	—	2×2,3—2,5	—
<i>Период Чуньцю</i>						
10—25—30	9,3—23,5	5,5—17	2,7—4,1—6,5	1,5—2,2	1,5—2,7×2,9	160—360
<i>Период Чжаньго **</i>						
9,8—20—30	5—12—19	3—7,5—14,5	1,8—2,5—5	0,6—1,5—2	1,1—2—3,6	96—190—285

* См. примечание к табл. 3.

** Сведения по периоду Чжаньго приведены для сравнения.

мам и размерам. Для копий характерны жилка в центральной части пера и овальная в сечении втулка с двумя ушками по бокам. По найденному вместе с оружием набору ритуальных сосудов *цзюэ*, *гу* и *чжи* могила датирована ранним периодом Западного Чжоу [Лян Синпэн, Фэн Сяотан, 1963]¹⁴.

Основная масса упомянутых находок в общем однотипна. У копий лавролистное, гораздо реже — пламевидное или удлинненно-треугольное перо, круглая в сечении втулка, ближе к окончанию которой часто располагалось с двух сторон по одному ушку. Основные размеры изделий представлены в табл. 4.

Некоторые изделия уникальны для данного периода. Так, у копья 220 : 7 из Чжанцзяпо соединение пера и втулки оформлено в виде небольших шипов. Экземпляр 2 : 43 из Байфу выделяется в западночжоуской серии по форме втулки. Она ромбическая в сечении, с треугольным вырезом в основании. Вырез в основании втулки, по более округлый становится позже существенным признаком у восточночжоуских разновидностей копий [Loehr, 1956, p. 44].

Большинство западночжоуских копий сходно по типу с подобными же находками на памятниках поздней бронзы времени (см. [Варенов, 1983а]). Они, очевидно, связаны с ними генетически. Уменьшение количества копий в комплексах вооружения в самом начале династии Чжоу связано, возможно, с появлением специфически чжоуского вида оружия — *цзи*, которое, как отмечал Го Можо [1954, с. 181], совмещало в себе функции колющего, ударного, «цепляющего» и режущего оружия¹⁵.

Начиная с конца Западного Чжоу — начала Чуньцю удельный вес копий в системе вооружения увеличивается. Так, на обширном кладбище, относящемся к государству Го, в Шанцуньлине найдены 15 бронзовых копий (против 23 клевцов и четырех мечей). Они встречены в девяти могилах — в семи по одному экземпляру, в одной —

два, а в могиле да-цзы Юаня (№ 1052) — шесть (столько же, сколько и других видов оружия ближнего боя — четыре клевца и два меча). Во всех могилах обнаружено также снаряжение для колесниц и лошадей [Линь Шоудзинь, 1959, с. 20—22, 75].

Большинство шанцуньлинских наконечников в целом сходно с западночжоускими копьями с лавролистным пером. Отличие заключается в том, что вместо ушек у первых появляются отверстия во втулке (рис. 52). Однако для наконечников с ромбовидным в сечении стержнем можно наметить и более далекие аналогии с копьями сейминско-турбинского типа. Эти изделия, помимо Волго-Камского района, довольно широко представлены на памятниках бронзового века Западной Сибири [Бадер, 1964, с. 60—65; 1970, с. 100; Матющенко, 1973, с. 26; 1975, с. 130—131; Савинов, 1975, с. 100; Халиков, 1980, с. 42—43; Уманский, Демин, 1983; Моло-

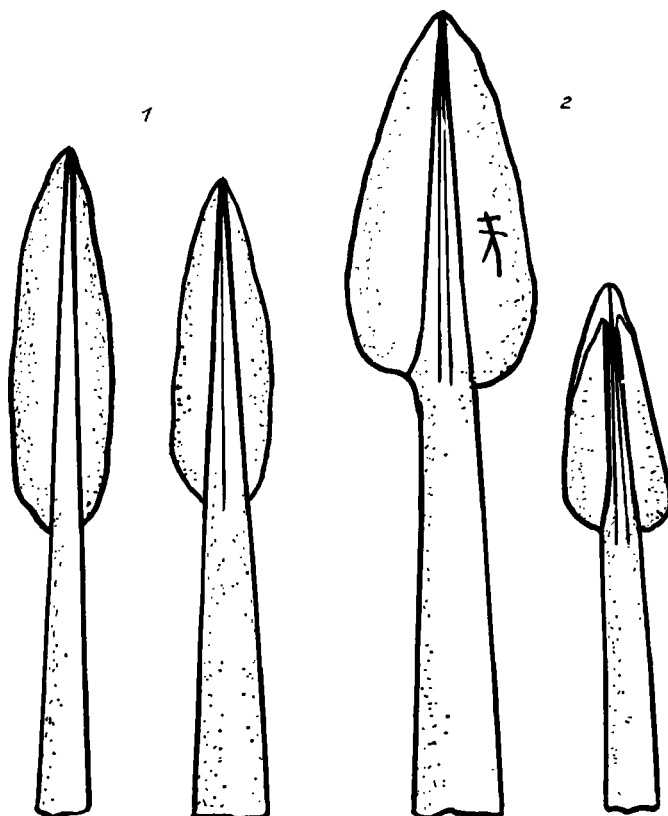

Рис. 52. Наконечники копий из Шанцуньлина.

¹⁴ Рисунки копий в публикации не приводятся.¹⁵ Как указывалось выше, первоначально составляющие это оружие клевец и острие отливались вместе в виде «крестовидного цзи», а начиная с эпохи Восточного Чжоу его стали монтировать из двух отдельных единиц оружия на одном древке. При изготовлении острия восточночжоуские *цзи* могли как копировать в уменьшенном варианте форму боевых копий, так и принимать своеобразный облик.

дин, 1985, с. 59—60]. Как показал Б. Г. Тихонов [1960, с. 24—29], наконечники копий с ромбическим стержнем (сейминские, по терминологии О. Н. Бадера) происходят от «вильчатых» копий (турбинского облика). Он отмечал, что «развитие наконечников копий шло путем изменения формы пера, потери утолщающегося валика, кольцевого орнамента и ушка на втулке» [Там же, с. 29], хотя период такого развития был незначительным. В свою очередь, сейминские образцы послужили основой для местных серий — например, ананьинских копий I группы в Прикамье [Збруева, 1952, с. 93—95] или наконечников, найденных в Осинкинском могильнике на Северном Алтае [Савинов, 1975, с. 94—95].

Именно к последним находкам близки указанные копия из Шанцуньлина. Определенное сходство во внешнем облике не может служить прямым доказательством их принадлежности к одной группе, поскольку оно прослеживается только в самых общих очертаниях. Однако в пределах Китая известна находка копья чжоуского времени [Киселев, 1960, рис. 8, 26], которое, по мнению Н. Л. Членовой [1972, с. 137], представляет собой «точнейшую аналогию» сейминским (или, точнее, турбинским) вильчатым копьям из Ростовкинского могильника, имеющим одно ушко в нижней части втулки с опоясывающим орнаментом и с небольшим крюком на тулье [Там же, табл. 70, 1, 13]¹⁶. В принципе можно считать шанцуньлинские наконечники поздними вариантами такой формы копий. В качестве дополнительного аргумента приведем тот факт, что в могиле № 1705 Шанцуньлина вместе с наконечником копья второго типа был обнаружен бронзовый крюк. Возможно, совместное использование их в качестве оружия соответствует поздним вариантам копий с багром, которые встречались в сейминско-турбинской традиции. Подобная аналогия с находками за пределами Китая подтверждает справедливость мнения о контактах государства Го с северными культурами. Кроме того, китайские находки позволяют определить верхнюю границу распространения данного вида копий.

Значительное количество наконечников, сходных по общим пропорциям с шанцуньлинскими, найдено в чуском могильнике. Сясы в Южной Хэнане. Всего обнаружены 22 бронзовых копья (против 20 клевцов, двух мечей, двух секир и одного кинжала), из них 16 экз. — в самой богатой (несмотря на двукратное ограбление) могиле № 2. Некоторые из них имеют одно ушко в средней части втулки и прорезной узор на пере с обеих сторон стержня (рис. 54, 8). По надписям на бронзе из могилы № 2 китайские археологи установили, что там был захоронен сын чуского вана У, известный также как линъи Цыгэн. О его деятельности упоминается в летописи «Цзочжуань», где приведена и дата смерти — 552 г. до н. э. Другие могилы относятся примерно к тому же времени. Следовательно, найденный в них инвентарь можно датировать первой

половиной VI в. до н. э. [Ю Чжанцзянь, Чжао Шигап, 1980, с. 14, 18, 19].

Один экземпляр копья с пламевидным пером, длинной втулкой и ушком на тулье (рис. 53, 3) найден в составеклада бронзового оружия эпохи Чуньцю. Большинство других относится к типу «бутылковидных» наконечников, которые встречаются и в более позднее время. Боковые стороны лезвия у них дугообразно изогнуты, острие выделено в виде равнобедренного треугольника, в основании втулки прослеживается глубокий округлый вырез (рис. 53, 1, 2, 5). На некоторых изделиях отмечены следы использования в бою. Следовательно, они не относятся к вотивному оружию. Общее количество копий (23) почти в четыре раза превышает число клевцов 22 (6) [Бронзовое оружие периода Чуньцю..., 1966, ил. II, 1, 4, 6].

Копья периода Чуньцю найдены также в провинциях Шаньси, Ганьсу, Хэнань, Шаньдун, Цзянсу, Хубэй и Хунань. Среди них богатой орнаментацией выделяется наконечник из Шанма, который, очевидно, использовался в ритуальных целях [Ван Кэлинь, 1963, с. 242, ил. IV, 4] (рис. 54, 3).

Не представляется возможным выделить ранний этап в развитии чуньцюских копий, т. е. соотносить их с археологической периодизацией. Хотя количество их заметно увеличивается, однако вплоть до конца Чуньцю клевцы занимали более важное место среди оружия ближнего боя. Так, в могиле цайского хоу в уезде Шоусянь, датированной временем не позднее середины V в. до н. э., вместе с восемью наконечниками копий найдены 13 клевцов 22. Среди копий внимание привлекают наконечники с трехгранным пером и очень короткой втулкой, украшенной орнаментом [Археологические остатки..., 1956, с. 11] (рис. 54, 7). Они могли использоваться в качестве колющего наконечника боевых шестов *шу* (своеобразной булавы на очень длинной рукояти, верхний конец которой иногда снабжался также острием). Об этом можно судить на примере подобных же находок в могиле цзэнского хоу И [Краткий отчет о раскопках могилы цзэнского хоу..., 1979, с. 9, ил. IX, 2; Чжан Цзянь, 1980, с. 22].

Очевидно, потребность в длинном колющем оружии была достаточно велика, в связи с этим в качестве наконечников копий использовали также кинжалы. Они привязывались к деревянной

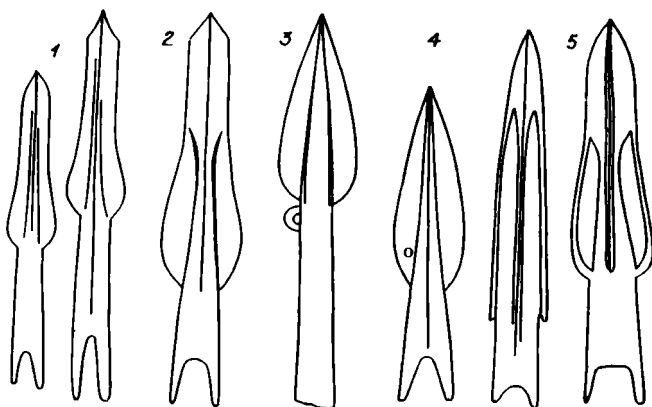

Рис. 53. Наконечники копий из Гаочунь.

¹⁶ Мы не касаемся здесь достаточно сложной проблемы аналогий между сейминскими и иньскими копьями.

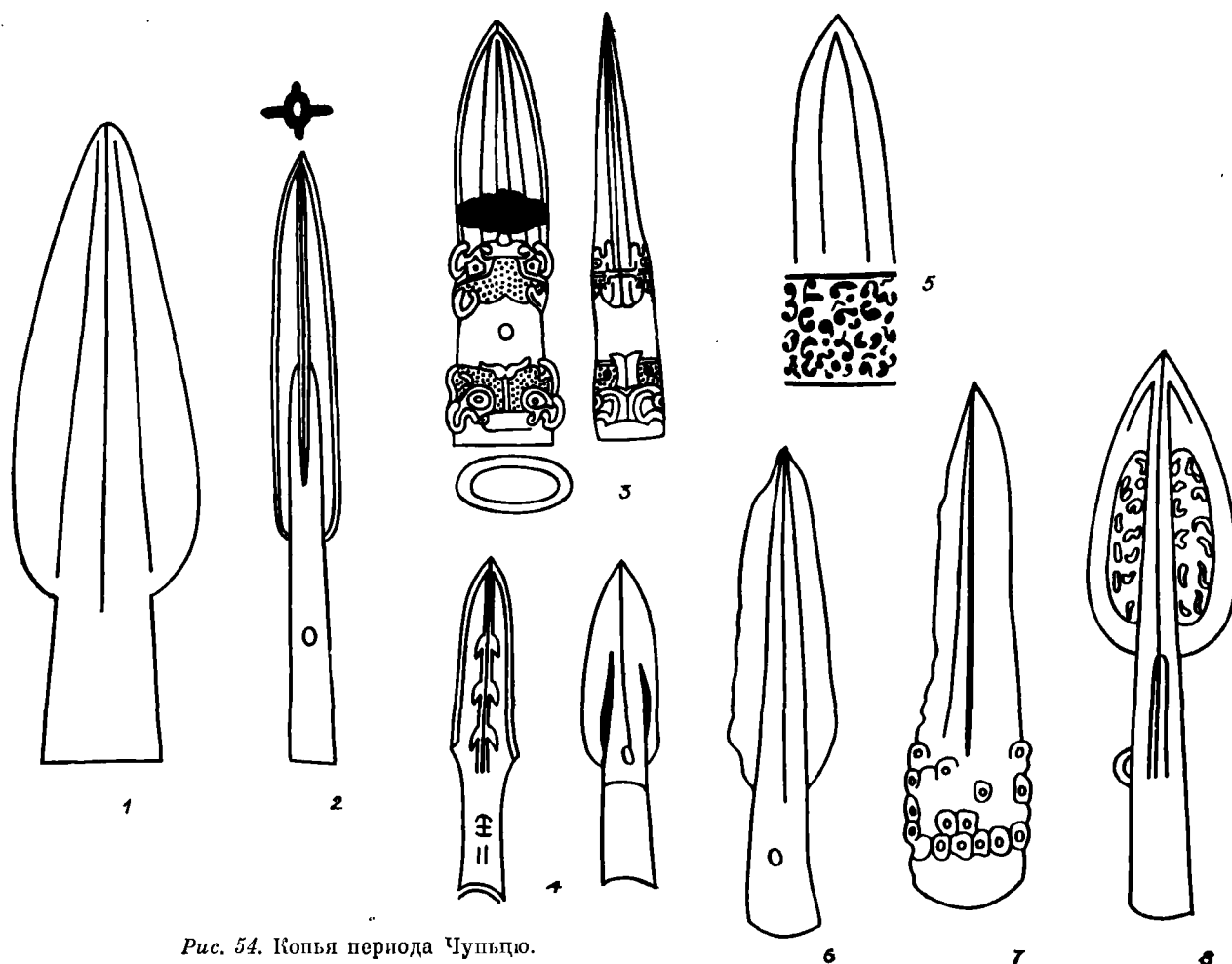

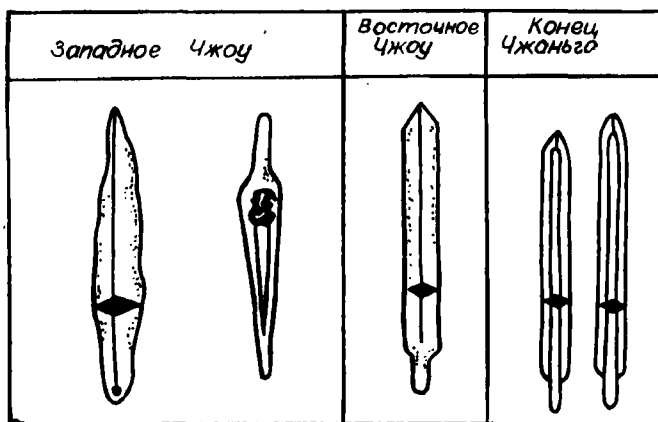
Рис. 54. Копья периода Чу-пью.

рукояти, поэтому для удобства крепления их черен постепенно удлинялся. Это оружие в письменных памятниках называлось *пи*. Впервые данный термин с кинжаловидными копьями отождествил Хаяси Минао [1972, с. 120]. Его догадка была блестяще подтверждена раскопками мавзолея Цинь Шихуана и некоторых восточножоуских могил. Первое упоминание о *пи* в источниках относится к 635 г. до н. э., археологические данные соответствуют периодам Чуньцю и Чжаньго и вплоть до Западной Хань. Судя по концентрации находок, место изобретения *пи* — государства У и Юэ [Фэн Чжоу, 1983; Ван Сюэли, 1975] (рис. 55).

Многие из копий Чуньцю использовались и в период Чжаньго, когда они распространились очень широко. Поскольку между Чуньцю и Чжаньго нет резкой разницы в материальной культуре, то часто трудно установить, к какому именно периоду — концу Чуньцю или к началу Чжаньго — относится определенный вид изделия. Памятники с копьями рубежа двух этих периодов раскопаны в провинциях Шаньси, Шэньси, Цзянсу, Аньхой, Чжэцзян и Хунань. В то же время нельзя согласиться с предполагаемой датировкой наконечников из восточножоуских могил в Хэжэнь [У Шанцзин, 1977, с. 301, рис. 3], поскольку один из них по пропорциям и украшению в виде маски зверя на центральном стержне сходен с известным наконечником из коллекции

Хосокавы (по надписи он датирован в пределах IV в. до н. э. — 376 г.) [Loehr, 1956, p. 46].

В период Чжаньго основной центр распространения бронзовых копий стал перемещаться на юг. Все известные наконечники Чжаньго отличаются исключительным разнообразием форм и размеров, что затрудняет типологический анализ. Большинство наконечников (листовидные, удлиненно-округло-треугольные, пламевидные, «бутылковидные») изготовлялось и раньше. Однако встречаются и очень своеобразные экземпляры оружия, очевидно изготовленные под влиянием местных

Рис. 55. Схема развития оружия *пи* (по Ван Сюэли).

традиций¹⁷. В конце периода наметилась некоторая тенденция к универсализации. Наконечник (особенно втулка) укорачивается, лезвия становятся более прямыми [Ван Сюэли, 1983, с. 70].

Подводя итог, можно констатировать, что практически все изученные чжоуские копья втульчатые. Исключение составляют одно сравнительно позднее копье из района Хуанцай [Чжоу Шикун, 1966, с. 5, рис. 14, 9], а также дротик из Пошанькоу [Ин Хуаньчжан, 1960, с. 86, рис. 9]¹⁸. Попытка типологического анализа чжоуских копий не позволила выделить в их составе сколько-нибудь устойчивые типы. Поэтому детальная классификация, на наш взгляд, в данном случае смысла не имела. Можно лишь отметить во все периоды развития абсолютное преобладание ромбического и двухлопастного сечений. Однако эти группы сочетаются с самыми различными формами пера, причем индивидуальные особенности наконечников часто нельзя свести к простым геометрическим фигурам. Еще больше вариативное разнообразие вещей (наличие и количество ушек, отверстий, различных украшений и т. д.). Все это объясняется не только поиском наиболее оптимального очертания изделия, но и влиянием на хуася со стороны не китайских народов в области производства оружия.

В то же время в многообразии форм проявляется в определенной мере функциональное различие чжоуских копий. Лезвия па длинных рукоятках применялись в сражениях на колесницах [Ян Хун, 1980, с. 88—90], и потому не случайно многие наконечники в составе погребального инвентаря встречаются вместе со снаряжением для колесниц и лошадей. Не исключено, что часть небольших по размерам наконечников использовалась в качестве дротиков. Это заключение подтверждается тем, что в могиле цайского хуа два небольших наконечника (13 см) обнаружены в сочетании с коротким древком, длина которого (около 35 см) определялась по расстоянию между наконечником и подтоком [Археологические остатки..., 1956, с. 11]. О способах применения чжоуских копий позволяет судить иконография: на бронзовых сосудах изображалось использование копья при охоте на каких-то фантастических зверей [Хань Вэй, Цао Минтань, 1981, с. 16, ил. VI, 4], в колесничном бою [Ян Хун, 1980, с. 88, рис. 71], при штурме и обороне крепости, а также в битвах на воде¹⁹.

До сих пор среди разнообразных по форме наконечников копий эпохи поздней бронзы не обнаружены пики — специфический тип с узким пе-

ром, предназначенный специально для пробивания доспеха противника. Они появились, скорее всего, в более поздний период — в связи с развитием и распространением защитных панцирей. Эта ситуация своеобразно отразилась в строках одной из «Девяти элегий», созданной китайским поэтом древности, уроженцем Чу, Цюй Юанем (340—278 гг. до н. э.):

В руках наших узкие копья,
На всех посорожьи латы

[Антология..., 1957, с. 165].

Можно предположить, что аналогично были экипированы противники чусцев, и, таким образом, стихотворение четко зафиксировало взаимную зависимость наступательного и оборонительного оружия.

Развитие чжоуских копий показало эффективность этого вида оружия. Первоначально чжоусцы ограниченно использовали их, предпочитая применять другие виды древкового оружия типа клевцов или *цзи* (так, например, у викингов копье уступало по важности боевому топору [Кирпичников, 1966, вып. 2, с. 6]). Однако в ходе непрерывных войн в период Чуньцю и особенно в период Чжапью изготовление копий резко возросло количественно. Улучшалось также и их качество. Копья становятся значительной и неотъемлемой частью оружейного комплекса древнего Китая.

КИНЖАЛЫ И МЕЧИ

Кинжалы и мечи относятся к сравнительно редким предметам вооружения эпохи поздней бронзы. До последнего времени они практически не были известны археологам. Так, в капитальной сводке Хаяси Минао опубликован только один кинжал из Чжанцзяпо, четыре — из Шаньцуньлинь и один из Чжунчжоулу [Хаяси, 1972, с. 215—217]. В результате исследований 70-х — начала 80-х гг. количество найденных кинжалов значительно увеличилось. В Хэцзяцунь обнаружено 3 экз., в Байцаопо — 4, в Чжунаньгоу — 11, в Жунцзяжуан — 2, в Люлихэ — 2, в Байфу — 7 и 1 в окрестностях Лояна²⁰. Девять кинжалов найдены в пределах пров. Шаньдун [Ли Буди, 1980; Ло Сюйчжан, 1984]. На юге найдены: в Туньси два коротких меча, в Хэннань — два меча, в Чансин — один кинжал [Ли Бодянь, 1982а, с. 46]. Известен биметаллический кинжал из Цзинцзяжуан [Комиссаров, Соловьев, 1983]. Таким образом, вместе с вышеперечисленными образцами найдено немногим более 50 экз. изделий, что не идет ни в какое сравнение с количеством древкового оружия того же времени. Авторы «Археологии Шан и Чжоу» [1979, с. 174] объясняют это тем, что кинжалы и мечи были, как указывается в «Цзо чжуань», пехотным оружием, тогда как в первой половине Чжоу военные действия в основном велись на колесницах. Необходимо, однако, заметить, что увеличение количества находок за последнее время дает основание ожи-

¹⁷ Подробнее о чжаньгоских копьях см.: [Комиссаров, 1983а, с. 131—132].

¹⁸ В опубликованном сравнительно недавно отчете о раскопках в Фэнси 1961—1962 гг. говорится, что в одной из могил (№ 401) найдены 10 одинаковых наконечников копий с иволистным пером, которое переходит в ромбический черешок. Ни рисунков, ни фотографий, ни рассуждений по этому поводу в отчете нет [Чжао Юнфу, 1984, с. 788]. Нам не встречались какие-либо подробности и в других изданиях по Фэнси. Поэтому до подтверждения этого сообщения, до уточнения формы находок (что означает, например, «черешок ромбической формы?»), данная публикация не учитывается при составлении общей картины развития чжоуских копий.

¹⁹ Сосуды из Шаньбяочжэнь, Байхуатан и из собрания музея Гугун (см. рис. 45).

²⁰ Подсчет сделан в работе: [Лу Ляньчэн, Ху Чжишэн, 1983б, с. 61].

Таблица 5

Тип/отдельные находки	Общая длина	Длина клинка	Ширина клинка	Толщина клинка	Длина рукоятки	Ширина перекрестья
Карасукского типа	45—25	—	—	—	—	—
«Типа Чжанцзяпо»	27—17,5	—	—	—	—	—
«Типа Ба-Шу»	36—25,5	—	—	—	—	—
Байцапо	24,3	18	—	—	6,3	—
Цуньлици (I тип)	24	19	5,2	—	5	—
Цуньлици (II тип)	32,5	22,5	3,7	—	10	—
Сигоцунань	22,5—	13—	—	—	9,5	—
Шанцуньли	39,1—29,7	—	—	—	—	—
Чжувчжоуля	28,5	—	4	1,4	—	—
Люцзяньцунь	29	27,8	3,3	—	1,2+	—
Чансин	21,6	13,5	—	—	8,1	4,8
Хэннань	45,8	—	—	—	—	—
Цанцзячжуан	17,5+	9+	—	—	8,5	—

Примечание. Крайние цифры характеризуют различие в размерах кинжалов. Знак «+» после цифры означает, что определенная часть изделия сохранилась не полностью. Размеры приводятся в сантиметрах.

дать новых массовых открытий этого вида вооружения.

Сведения о перечисленных кинжалах приводятся в табл. 5.

Если обратиться к классификации кинжалов, то необходимо выделить 8 экз., найденных на Севере. Они относятся к классическим образцам кинжалов карасукского облика. Вопросы происхождения и развития этого вида оружия привлекали внимание многих исследователей [Киселев, 1949, с. 72—74; Диков, 1958, с. 50; Членова, 1967, с. 14—20; Волков, 1967, с. 22—24; Новгородова, 1970, с. 105—118; Гришин, 1971, с. 16—17; Членова, 1972, с. 132; Тереножкин, 1975, с. 17—18, 30—31]. В 1976 г. вышла из печати монография Н. Л. Членовой, которая обобщила основные материалы, разработала типологию и на основе ее — территориальные группы и хронологическую последовательность развития карасукских кинжалов. Специальный параграф в издании посвящен кинжалам Ордоса и Северного Китая, подразделенным на две группы. Для первой из них характерны клинки больших и средних размеров, как правило с жилкой по центру, асимметрически изогнутой рукой с навершием в виде бубенцов или головок животных, иногда в виде грибовидной шляпки. Датирована эта группа X—VI вв. до н. э. Для второй группы ордоских и северокитайских кинжалов характерны узкие шипы, которые иногда превращаются в деталь украшения или исчезают. У кинжалов обычно длинные узкие клинки с параллельными сторонами, но появляются также клинки листовидной формы. У большинства клинков имеется жилка по центру, а у некоторых — широкое плоское утолщение посередине. Навершия их разнообразны: бубенчикообразные, грибовидные, в виде зооморфных головок или стоящих животных. Н. Л. Членова полагает, что кинжалы этой группы датируются, вероятно, VI—V вв. до н. э.

Сравнивая эти кинжалы с находками на территории Монголии, Забайкалья, Якутии, Н. Л. Членова [1976, с. 72] выделила восточносибирско-ордосскую группу. Центр их возможного распространения — Монголия. По ее мнению, «на территорию Китая (в границах государств Инь и

Чжоу) карасукские кинжалы почти не проникают» [Там же].

Соглашаясь в основном с выводами Н. Л. Членовой, необходимо на основании последних находок в Китае внести некоторые исправления в предложенную ею схему. В частности, в раскопанной в Байфу могиле МЗ, датированной началом Западного Чжоу, найдены в одном комплексе четыре кинжала второй группы (рис. 56, 3—5) и один кинжал первой²¹. Эти находки не только подтверждают сосуществование обеих групп и отодвигают их раннюю дату к XI в. до н. э., но и служат датирующей параллелью для карасукских кинжалов Сибири, поскольку по типам они напоминают отдельные изделия Минусинской котловины, Алтая, Прибайкалья [Там же, табл. I, 3—6; IV, 3; VII, 8]. Их следует учитывать и при разработке хронологии оленных камней, поскольку на них кинжалы карасукского типа изображались особенно часто [Волков, 1981, с. 102—105, табл. 107].

Хотелось бы также обратить внимание на один любопытный исторический факт. В повествовании о победе чжоусцев над Инь у Сыма Цяня сказано, что У-ван пронзил тело Чжоу-синя «легким

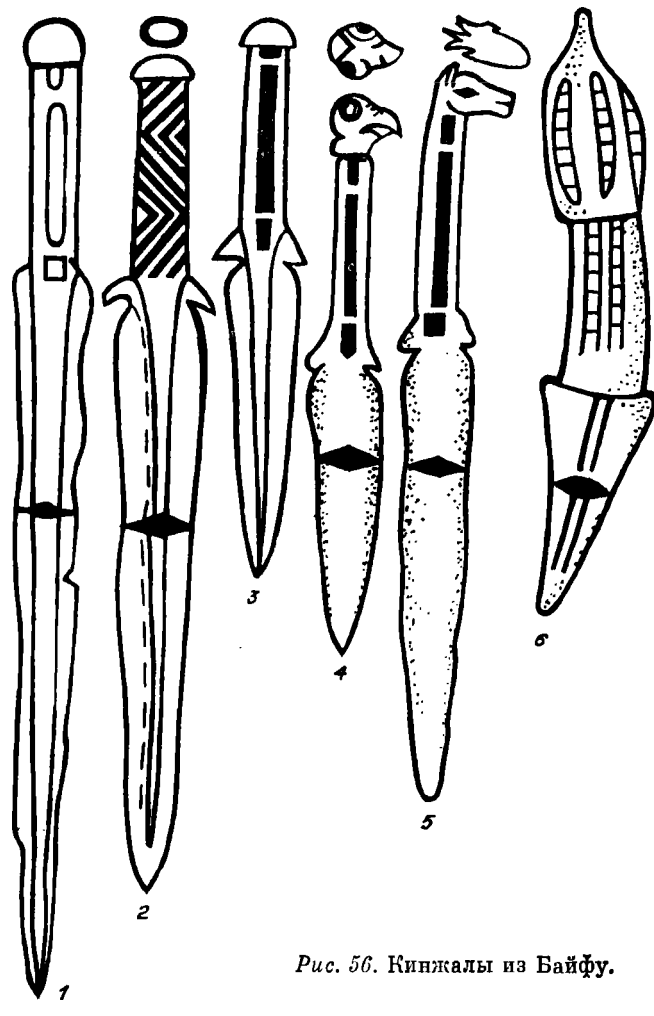

Рис. 56. Кинжалы из Байфу.

²¹ Последний был, очевидно, обломан и вторично заточен, поэтому клинок его непропорционально мал (рис. 56, 6).

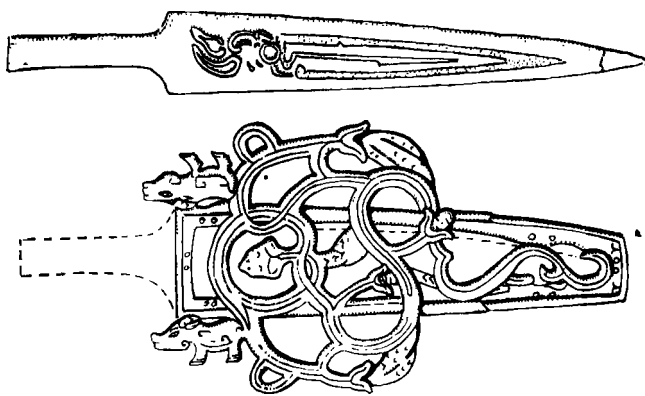

Рис. 57. Бронзовый кинжал с накладками на ножны из Байцаопо.

клинком» (цзин люй). Большинство исследователей считают, что под этим термином подразумевался кинжал северного типа. Использование северного (карасукского?) кинжала верховным чжоуским правителем свидетельствует о том, сколь высоко ценили чжоусцы боевые качества этого оружия.

Вторая большая группа чжоуских кинжалов характеризуется ромбическим в сечении клинком листовидной формы без перекрестья, плавно переходящим в рукоять в виде плоского шипа без напершия, в которой иногда проделаны отверстия (см. рис. 11, 1). По месту первоначальной находки их можно назвать кинжалами «типа Чжан-цзяпо». Помимо Фэнси [Отчет о раскопках в Фэнси, 1962, с. 118, ил. 70, 3] они найдены в Хэцзяцунь [Дай Инсинь, 1976, с. 36], Люлихэ [Жертвенные сопогребения..., 1974, с. 316], Чжюаньгоу [Западночжоуские могилы в Чжюаньгоу..., 1978, с. 290] и, возможно, в Лояне [Археология Шан и Чжоу, 1979, с. 170]²², т. е. фактически во всех основных ареалах распространения чжоуской культуры. Простейшие в изготовлении и по форме они могли быть местным изобретением. Однако особенности кинжалов, найденных в Байцаопо, дают возможность предложить иную интерпретацию. В целом они близки по очертаниям к описанным выше кинжалам [Чу Шибинь, 1977, с. 114—115]. Об этом же свидетельствуют и находки бронзовых ажурных накладок на ножны в Байцаопо и Люлихэ. В то же время основание клинка не плавно переходит в рукоять, а составляет с ней прямой угол, а на самом клинке нанесен рисунок «в виде цакады» (см. рис. 57).

Эти особенности сближают кинжалы Байцаопо с еще одним типом кинжалов, обнаруженных недавно вблизи Баоцзи. Клинок у них заостренно-листовидный (по определению китайских археологов, иволистный), линзовидный или ромбический в сечении. Переход клинка в рукоять-черен с одним-двумя отверстиями заметно выделен, но не столь сильно, как на кинжалах из Байцаопо. Клинок часто украшался рисунком [Лу Ляньчэн,

Ху Чжишэн, 19836, с. 53—54, рис. 1, 11, 12]. М. Лёр относил оружие этого типа, известного лишь по коллекциям, к числу древнейшего в Китае [Loehr, 1956, p. 76]. Затем в ходе полевых исследований удалось установить, что такие кинжалы встречаются в основном в районе древних государств Ба и Шу. По ним кинжалы и получили название [Туп Энъчжэн, 1977, с. 36—40].

Последние публикации заметно корректируют эти представления. Как считают Лу Ляньчэн и Ху Чжишэн [19836, с. 62], кинжалы подобного типа появились в районе Баоцзи в средний период Западного Чжоу. В более позднее время они появились в Сычуани, где постепенно и превратились в классические кинжалы так называемого ба-шуского типа. Следует заметить, что этот тип кинжала близок по внешнему облику к изделиям предшествующего этапа. Вероятно, между ними существовали генетические связи.

Кинжалы трех описанных типов входят в состав сходных наборов оружия, основу которых составляют танговые клевцы. В отдельных случаях разные типы встречаются в составе одного комплекса. Так, в Люлихэ в могиле М 53 найдены бронзовые накладки, аналогичные байцаопским, но с другими по типу кинжалами. Один из них по пропорциям относится к «типу Чжан-цзяпо», но отличается лучше выделенным черепом с двумя зубчиками, другой выполнен в северной традиции. Насколько можно судить по схематичному рисунку в публикации, у клинка кинжала параллельные лезвия. Длина его вместе с рукоятью составляет 31 см. «Шипы» у перекрестья опущены книзу «в форме полумесяца», что позволяет предварительно отнести этот кинжал к карасукскому типу [Жертвенные сопогребения..., 1974, с. 315]. Такая находка подтверждает сосуществование и взаимодействие различных этнических традиций в чжоуской культуре.

Отнюдь не все кинжалы укладываются в выделенные серии. Большинство специфических по типу изделий обнаружено при раскопках западночжоуского могильника Цуньлици [Ли Будин, 1980]. Четыре кинжала подразделяются на два типа, каждый из которых найден только в одной могиле. Первый из них отличается ромбическим в сечении клинком, постепенно сужающимся к острию. Узкое перекрестье сливается с верхней частью клинка. Рукоять изготовлена в виде круглого стержня. Напершие, очевидно, грибовидное. Второй кинжал имеет плоский листовидный клинок с цилиндрической жилкой посередине, которая переходит в черен-рукоять. Кроме того, обнаружены остатки каменных шлифованных кинжалов, 4 экз. которых удалось восстановить. Некоторые из них находились в одной могиле (М 7) с плоскими кинжалами. У камешного клинка параллельные лезвия, острие выделено в форме равнобедренного треугольника, вместо рукояти прослеживается короткий выступ. Обломки изделия лежали на крышке внешнего гроба — как и каменные клевцы в Шанцуньли. Их погребальное назначение не вызывает сомнения, однако неясно, какой тип чжоуских кинжалов они копировали. Датируется этот могильник средним пе-

²² Судя по публикации в музейном путеводителе, у кинжала действительно листовидный клинок, однако рукоять заметно выделяется. Она по форме напоминает горлышко бутылки. Посередине с двух сторон выделяется по одному заостренному выступу [Лоянский музей, с. 10, ил.].

Рис. 58. Циньский кинжал из Сигуоцунянь.

риодом Западного Чжоу, по возможна и более поздняя дата.

Еще один оригинальный кинжал найден в циньской могиле в Сигуоцунянь. Лезвия его ромбического в сечении клинка почти параллельны; полая рукоять, украшенная условными изображениями четырех человеческих лиц, увенчана небольшой шляпкой. Аналогии ему не известны. Дата комплекса — начало Чуньцю [Лу Ляньчэн, Яп Маньцзан, 1980] (рис. 58).

Четыре кинжала из Шанцуньлин и один из Чжунчжоулу обычно рассматривают вместе, хотя на первый взгляд они существенно различаются. Шанцуньлинские отличаются более длинным клинком. Рукояти их увенчаны дисковидными навершиями (см. рис. 11, 4). У пятого кинжала съемная рукоятка и ножны из слоновой кости, украшенные тонкой резьбой [Линь Шоуцзинь, 1959, с. 19—20, ил. 25, 1, 44, 6; Чжунчжоулу..., 1959, с. 97, ил. 66]. Общей для этих кинжалов конца Западного Чжоу и начала Чуньцю является важная конструктивная особенность: цилиндрическая жилка по центру клинка, позволяющая сопоставлять их с дунбэйскими кинжалами.

В свое время Линь Шоуцзинь [1963, с. 51—52] доказывал значительную древность, а значит, и независимость образцов клинкового оружия из Центральной равнины. Однако публикации 70-х гг. позволили обосновать удревнение памятников Северо-Востока с профилированными кинжалами. Поэтому в настоящее время более оправданной представляется точка зрения Ли Боцяня [1982а, с. 45, 47], который усматривает существование связей между кинжалами двух упомянутых регионов. Вопрос о характере этих связей он оставляет пока открытым. Сам Ли Боцянь склоняется к признанию приоритета Дунбэя. Но трудно обосновать выводы, опираясь на одну только деталь. Правда, для находок Шанцуньлинского кладбища характерны элементы, по которым они сближаются с соответствующими изделиями, обнаруженными при раскопках памятников культуры верхнего слоя Сяцзядянь. Для последних также характерны самые ранние формы дунбэйских кинжалов.

Пять кинжалов из могилы № 1 в Люцзядяньцзы близки к экземпляру из Чжунчжоулу по общим пропорциям. Клинок у них также иволистный, короткий черен образован продолжением центрального ребра. Однако сечение последнего не круглой, а ромбической формы. В верхней части клипка по обе стороны от ребра проделано по маленькому отверстию для крепления рукояти. Одна съемная рукоять найдена вместе с кинжалом. Она изготовлена из золота в виде восьмигранной полой внутри трубки с дисковидным навершием и маленькой петелькой посередине. Гарда с выступающим перекрестием оформлена узором в виде «звериной морды» [Лю Сюйчжан, 1984, с. 5—7]. Такое украшение использовалось только для парадных выходов, обычно же у кинжалов были простые деревянные ручки (рис. 59).

В оформлении гарды парадной рукояти прослеживается определенное сходство с оформлением этого элемента у двух «суйюаньских» кинжалов из коллекций, опубликованных Эгами и Мицуно [1935, табл. II, G 42, 43]. Петелька посередине рукояти известна на одном из карасукоидных кинжалов [Там же, табл. II, A 3]. Все это, на наш взгляд, усиливает точку зрения о северном происхождении кинжалов конца Западного Чжоу — начала Чуньцю.

«Южные» мечи и кинжалы относятся к первой половине Чуньцю. Они замыкают разнородный набор короткого оружия эпохи поздней бронзы, намечая переход к мечам так называемого восточножоуского типа. Сведения о них скудны. Так, находки в Туньси в отчете о раскопках только перечисляются [Ху Вэнь, 1965]. Лишь по публикациям Ли Боцяня можно составить представление о двух коротких мечах с клинками языковидной формы и с жилкой посередине. Подтреугольной формы перекрестие отлито вместе с клинком. Края его немного выступают вверх и загибаются в сторону рукояти, сделанной в виде круглого стержня с навершием и кольцом, которое располагается ближе к перекрестью (см. рис. 11, 3). По хорошо датированным изделиям из могил кинжалы датируются средним периодом Западного Чжоу. В 1963 г. еще два сходных меча обнаружены в составе богатого погребального комплекса периода Чуньцю [Чжоу Шижун, Хэ Цзэцзюнь, 1978, с. 297—298]. В описании отмечены лишь плоский без ребра клинок, кольца на круглой рукояти, изображение звериной морды на перекрестье одного из мечей. Ли Боцянь от-

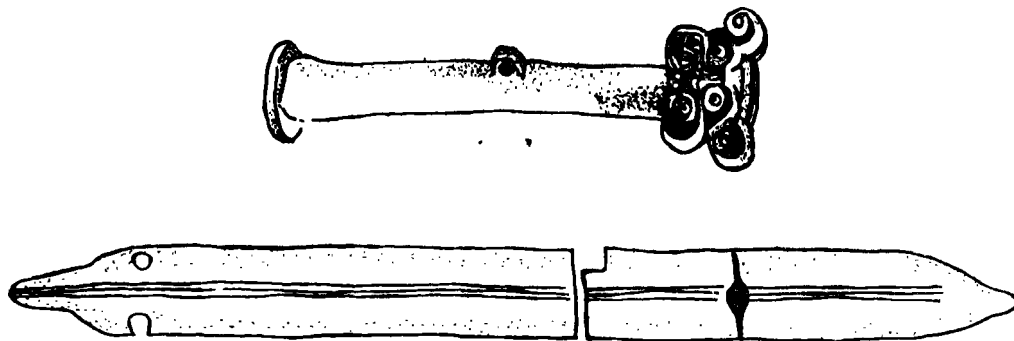

Рис. 59. Кинжал и золотая рукоять из Люцзядяньцзы (даны не в масштабе).

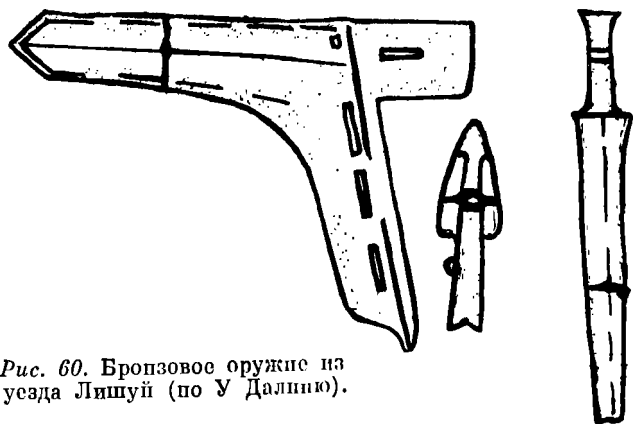

Рис. 60. Бронзовое оружие из уезда Лишуй (по У Далиню).

метил значительную близость этого оружия к восточножоуским образцам (типа D). Кинжал из Чансин, по его мнению, характеризует более поздний тип изделия (С). Для него примечательны треугольный клинок, отлитое заодно с ним перекрестье с прямым основанием и выступающими вверх концами, полая в верхней части рукоять с навершием и кольцом посередине (рис. 11, 2) [Ся Синнань, 1979, с. 94]. В целом Ли Боцянь [1982а, с. 46—47] считает, что мечи и кинжалы изготовлены в традициях культур У и Юэ, и полагает, что они стали образцами для восточножоуских мечей периода Чжапъго на всей территории Китая.

Недавно в южной части Цзянсу обнаружен еще один короткий меч, который, по мнению У Далиня [1986], отличается «примитивными» чертами. У него клинок в форме вытянутого треугольника со слегка намеченным ребром, плоское, слабо выделенное перекрестье, сплошная рукоять и круглое навершие, украшенное шариком зеленого стекла. Длина клинка 25,9 см (копеец обломан), ширина — 3,2 см, длина рукояти 8,4 см. Он происходит не из закрытого комплекса, и предложенная датировка — ранний период Западного Чжоу — вызывает большие сомнения (рис. 60). Однако отдельные экземпляры восточножоуских мечей (причем уже в их классической форме) находят на памятниках периода Чуньцю, в составе единых комплексов с явно юэскими видами и типами оружия (см., например, [Цао Цзиньань, Чжоу Шэньван, 1984]). В пользу южного происхождения восточножоуских мечей свидетельствует также древняя фольклорная традиция. Э. Верпер приводит легенду о том, что кинжал изобрел в VI в. до н. э. Чжуань Чжу (уроженец У), который пытался убить с его помощью ляоского правителя [Werner, 1932, p. 11].

В заключение следует обратить внимание на большой (41 см) нож из могилы М 2 в Байфу [Важные археологические результаты..., 1976, с. 251]. Он входил в состав единого комплекса различных предметов вооружения и использовался именно как оружие, для чего и был специально изготовлен. Этот нож близок к ножу карасукского периода из района оз. Караколь, который, по мнению Л. Р. Кызласова [1979, с. 29], «мог использоваться вместо меча». Подобная аналогия подтверждает северо-западное направление связей Байфу.

ЛУК И СТРЕЛЫ

Стрельба из лука играла важную роль как в боевых операциях, так и в ритуалах чжоуского Китая. Вместе с искусством управления колесницей овладение приемами стрельбы из лука считалось признаком «благородного мужа». О применении лука в бою и на охоте неоднократно упоминается в песнях «Ши цзина». Многочисленные сведения о дарениях лука и стрел в надписях на бронзовых сосудах [Хаяси, 1972, с. 285—286]. Однако в течение долгого времени археологи не могли обнаружить остатки луков периода Западного Чжоу — Чуньцю. Лишь недавно первая находка была сделана при раскопках могилы хуанского правителя Мэна, относящейся к заключительному этапу поздней бронзы. Предельно краткое описание не дает представления о его конструкции. Сказано, что он изготовлен из бамбука и в четырех местах перевязан шелковыми нитями. Длина киби — 160,8 см, ширина — 3,2 см, толщина в центральной части — 2 см. Лук был найден согнутым (очевидно, его поместили в могилу с натянутой тетивой), а после извлечения из земли распрямился [Оу Таньшэн, 1984, с. 316]. Такова упругость материала, который не утратил этого свойства и через 2,5 тысячи лет!

Это пока единственная находка на многие сотни изученных памятников эпохи поздней бронзы. Крайне немногочисленны также аутентичные иконографические материалы. Аналогичную ситуацию Е. В. Черненко отмечает для евразийских степей раннего железного века. По его сведениям, крайне редкие находки луков характерны для Скифии и далее на восток, что, возможно, связано с культовым отношением к этому оружию [Черненко, 1981, с. 17].

В иньских надписях лук практически всегда сигмовидный [Хаяси, 1972, с. 284]. Аналогичный лук с загнутыми краями изображен на сосуде *дин*, найденном в уезде Цишань и датированном средним периодом Западного Чжоу [Чжоу Линхуй, 1984, с. 11, рис. 4, 5]. Такой же он в руках воинов и охотников, изображенных на бронзовых сосудах конца Чуньцю — Чжаньго [Ян Цзунжун, 1957, ил. 18—20, 22, 24, 25]. Таким образом, на протяжении бронзового — раннего железного веков, включая и эпоху поздней бронзы, преобладал именно сигмовидный лук [Rausing, 1967, p. 113—114]. Однако подобная форма могла быть только у сложного лука [Медведев, 1964; Литвинский, 1966]. По-видимому, большая часть их была близка лукам из чуских могил.

В качестве образца можно описать лук из чжаньгоской могилы района Чанша (№ 405) [Отчет о раскопках в Чанша, 1957, с. 59—60, ил. XXVII]. Его центральная часть собрана из четырех бамбуковых пластин. К этой части присоединялись два плеча (рис. 61). На бамбук наклеивали тонкий слой клейкого вещества и сверху обматывали нитями, которые затем покрывались черным лаком. Общая длина киби — 140, наибольшая ширина — 4,5, толщина — 5 см. С двух сторон прикреплялись концевые накладки из рога длиной 5 см. Тетива из шелковых нитей, с петлями на обоих концах. Ее длина — 80 см, толщина — 0,7 см. В «Юэ цзюэ шу» сохра-

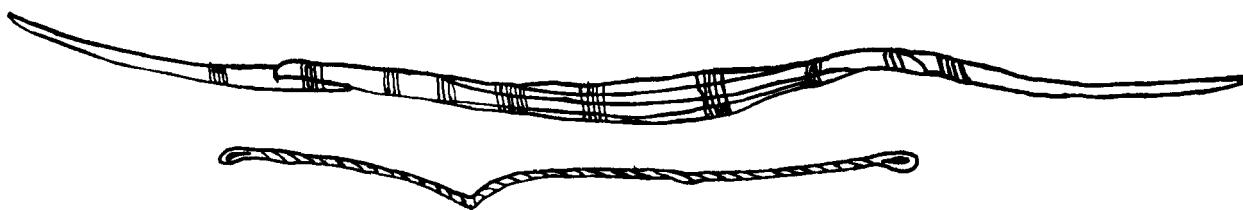

Рис. 61. Лук из чуской могилы в Чанша.

пились сведения об изготовлении тетивы из конопли (см. [Морохаси, 1966, с. 678; Werner, 1932, р. 22]). Открытие концевых пакладок позволяет понять термин «роговой лук», который иногда встречается в древнекитайских эпиграфических и письменных источниках [Морохаси, 1966, с. 677; Дорофеева, 1984, с. 108, 111]. В «Ши цзине» в раздел «Малые оды» включена даже особая песня под таким названием. Однако накладки на другие части кибити не найдены. Очевидно, их роль выполняли бамбуковые пластинки.

В тех же чуских могилах Чанша найдены другие «модели» лука. Один экземпляр изготовлен из двух соединенных бамбуковых пластин. Место соединения обвязано шелковыми нитями, сверху покрытыми полосами шелка. Поверх всего нанесен черный лак. Обнаружены также остатки луков, изготовленных из дерева [Вэнь Даои, 1959, с. 54—55, ил. XIV, 1]. Сообщения о подобных паходках на чуских памятниках публиковались в последние годы. В частности, в Лючэнцзяо найдены три бамбуковых лука длиной 125—130 см. Они составлены из трех пластин, две из которых соединялись между собой сравнительно тонкими концами, а третья налагалась на место соединения сверху, после чего конструкция обвязывалась шелковыми нитями и покрывалась лаком [Могила № 1..., 1972, с. 66]. Очевидно, похожие по конструкции луки найдены в Таньсингуань (длина 90 см). В одной могиле с ними лежали простые луки из дерева (длина 80 см), на их концах были проделаны отверстия для тетивы [Чуская могила № 1..., 1982, с. 87]. Среди инвентаря большого чуского могильника в Юйтайшань найдены 25 бамбуковых луков — простых и сложных. У последних жесткость рукояти была усилена дополнительными бамбуковыми пластинами. Кибить одного хорошо сохранившегося экземпляра была обернута тканью из конопляного волокна, обвязана такими же нитями и покрыта сверху черным лаком; ее длина — 111 см [Чуские могилы..., 1984, с. 85]. О находке бамбукового лука длиной 85 см упоминается в сообщении о раскопках в Эган [Краткий отчет о раскопках могилы № 53..., 1978, с. 259], простой деревянный лук обнаружен в погребальном комплексе из Чжэньчжупо [Цай Сянцзи, Чжан Цзэдун, 1981]. Найденные чуские вещи дают общее представление о конструкции древнекитайского лука. Различия в размерах обусловлены, возможно, разницей в социальном статусе их владельцев; во всяком случае, такая зависимость отмечена в «Чжоу ли» [Werner, 1932, р. 16].

Следует отметить, что в «Као гун цзи» изготовлению луков уделено довольно много внимания. Согласно описанию, использовалось шесть видов сырья: дерево обеспечивало дальность, рог —

быстроту (полета стрелы), сухожилия — глубину (очевидно, при поражении цели), кость — соединение, шелковые нити — крепость, а лак защищал от инея и росы. Однако остатки такого лука пока не найдены. В том же сочинении упомянуты семь сортов древесины, из которых изготовлялась кибить. Первой названа кудрания (род тутового дерева), а последним — бамбук [Го Баоцзюнь, 1963, с. 76—79, 89]. Работа (разумеется, в идеальном варианте) велась в строго определенной последовательности, с учетом сезонов: зимой заготавливали дерево, весной размягчали рог, летом готовили сухожилия и лишь осенью завершали всю работу [Werner, 1932, р. 16].

В оде «Царская охота» упоминаются приемы стрельбы из лука: «Костяное кольцо налокотнику ровно под стать» [Шицзин, с. 228]. В комментарии говорится, что кольцо надевалось на большой палец правой руки для лучшего натягивания тетивы, а палокотник для упора надевался на левую руку [Там же, с. 567]. Такой «наперсток» из нефрита был найден в западночжоуской могиле М 25 в Бэйляо: кольцо диаметром 2,6 см, снабженное небольшим щитком и четырьмя маленькими отверстиями по краю для привязывания к запястью [Лю Сичжан, 1985, с. 99, рис. 3, 3—4]. Один нефритовый и три костяных «наперстка» обнаружены в восточночжоуских могилах в Чжунчжоулу [Чжунчжоулу в Лояне, 1959, с. 115, 124, ил. XXII, 4; XXX, 10]. Наличие такого приспособления дает основание полагать, что чжоусцам была известна стрельба «монгольским» способом (см. [Черненко, 1981, с. 122; Rausing, 1967, р. 28]). На чжоуских памятниках не найдено каких-либо остатков налучий. Возможно, луки просто заворачивались в шкуры животных, как о том упоминается в «Ши цзин». Там же (также и в «Чжоу ли») говорится о бамбуковой раме, к которой привязывали лук без тетивы с тем, чтобы сохранить его правильную форму [Werner, 1932, р. 18, 22—23].

Практически во всех древних культурах наконечники стрел относятся к наиболее массовому виду оружия. Эта закономерность характерна и для Чжоу, однако по частоте встречаемости на отдельных памятниках они явно уступают клевцам. Стрелы не были необходимым элементом погребальных комплексов и не всегда встречаются даже в богатых оружием могилах. Так, в Байфу не найдено ни одного наконечника, несмотря на то что в могиле М 2 обнаружены два изделия *си* — одно из нефрита, а другое из зуба [Важные археологические результаты..., 1976, с. 228, 238]. Иероглиф, которым они традиционно обозначаются, переводится как «шило для развязывания узлов». Однако еще Ши Чжанжу предположил, что эти вещи использовались в Шан-Инь в ка-

честве концевых накладок на лук (см. [Хаяси, 1972, с. 282—283]). Всего 11 экз. бронзовых наконечников найдено в Чжанцзяпо при раскопках 1955—1957 гг. (против 16 клевцов) [Отчет о раскопках в Фэнси, 1962, с. 118—119] и соответственно девять против 13 в раскопе 1967 г. [Раскопки западночжоуского могильника..., 1980, с. 475—477]. В то же время в Байцаопо, где значительными оставались шанские традиции, обнаружено 130 стрел в М 1 и 97 — в М 2 [Чу Шибинь, 1977, с. 115]. Количество наконечников заметно увеличивается на более поздних памятниках. Так, в Шанцуньлине найдено 322 экз. [Линь Шоуцзинь, 1959, с. 20], причем почти во всех обильных оружьем могилах. А уже только в одной гробнице цзэнского хоу И, относящейся к концу периода Чуньцю, найдено более 3 тыс. стрел [Valuable Relics..., 1984, р. 19]. Абсолютное большинство наконечников стрел принадлежит к одной группе, унаследованной от шанского времени [Хаяси, 1972, с. 354—358].

По способу крепления к древку наконечники черешковые, по форме сечения пера — двухлопастные (рис. 62). Для всех этих наконечников характерна треугольная форма пера с выделенными острыми или подрезанными шипами, а также ребром по центру, которое заканчивается упором. Различаются наконечники прежде всего по степени выраженности шипов. Если у шанских и раннечжоуских образцов они часто образуются за счет вогнутого основания, то на более поздних памятниках типа Шанцуньлин в изобилии находят наконечники, в плечиках которых проделаны глубокие, до половины длины всего пера, вырезы. На поздних этапах в лопастях стрел иногда проделывались отверстия. Ма Чэнъюань [1982, с. 54] отметил у основной группы тенденцию к постепенному сужению лопастей и увеличению длины черешка (рис. 63). Размеры наконечников в рамках этой группы довольно сильно варьируют. Общая длина их изменяется в пределах 7,1—4,1 см, расстояние между шипами — 3,3—1,7 см, толщина пера — 0,6—0,7 см, вес — 7,5—10,5 г.

Наряду с этой основной группой наконечников, в составе различных комплексов отмечаются отдельные специфические типы изделий, однако вплоть до конца поздней бронзы они не получают дальнейшего развития. Почти все наконечники, отличающиеся от наконечников основной группы, известны в одном экземпляре и найдены на од-

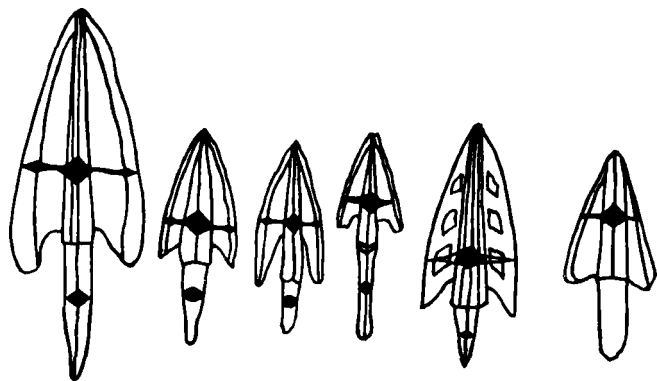
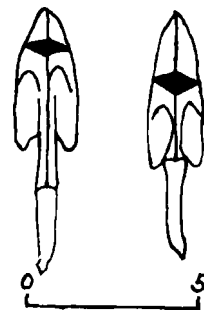

Рис. 62. Западночжоуские бронзовые наконечники стрел.

Рис. 63. Наконечники стрел начального периода Чуньцю.

ном памятнике. Так, на стоянке Маоцзяцзуй вместе с двухлопастными найден трехгранный наконечник, перо которого асимметрично-ромбическое и сильно сужается книзу, переходя в длинный черешок [Чжан Юньпэн, 1962, с. 5]. Небольшой

четырёхгранный наконечник с пером удлинённо-треугольной формы и коротким черешком найден в Чжанцзяпо [Хэ Хапьянь, Тан Цзиньюй, 1964, с. 445, ил. IV, 19]. При раскопках жилищ в Фэнчуцунь обнаружен один наконечник, сходный по форме с наконечниками основной группы. Но он прикреплялся к древку с помощью расширяющейся втулки [Краткий отчет о раскопках западночжоуских строений..., 1979, с. 33]. Втульчатое крепление относится к числу редких элементов. В этой связи интересно отметить, что среди чжоуских копий, напротив, редко встречаются черешковые. Возможно, это свидетельствует об объединении в чжоуском комплексе двух различных производственных традиций. Втульчатые стрелы в большом количестве встречаются на памятниках раннего железного века окраин чжоуского Китая [Два погребения бронзового века..., 1975]. Очевидно, именно в этих районах прежде всего сказывалось влияние мира евразийских степей.

Единичные образцы наконечников, как правило, не имеют связей ни между собой, ни с более поздними изделиями. Только в Шанцуньлине, где также преобладали двухлопастные стрелы (317 экз., или 98,5%), обнаружены две типологически новые группы наконечников. Первая представлена четырьмя трехлопастными черешковыми стрелами. Очевидно, они местного происхождения. Примечательно, что в это время сходные по форме наконечники начинают распространяться на обширных пространствах Евразии, в том числе и в областях, близких к Китаю [Смирнов, 1961, с. 64—65]. Вторая группа представлена всего одной стрелой, перо которой оканчивается конической головкой. Вероятно, такая стрела представляет собой своего рода копию наконечников из кости и рога. Однако сами костяные стрелы в состав оружейных комплексов поздней бронзы практически не входят. Нам известна только одна могила в Фэнси (М 102), где в едином наборе нашли четыре бронзовых и два костяных (а также два изготовленных из раковин) наконечника стрел [Дай Инсинь, 1986, с. 199, 201—202]. Обнаруженные же на поселениях костяные и роговые наконечники заметно различаются по форме. Среди них встречаются трехгранные с треугольным пером, в виде круглого заостренного стержня и ромбические с плоским черешком (рис. 64). Возможно, различия в материале изготовления обуславливались спецификой применения стрел (бронзовые в основном в бою, а костяные — на охоте) [Отчет о раскопках в Фэнси, 1962, с. 91]. В «Чжань го цз» сохранилось упоминание об использовании для стрельбы по птицам стрел с кремневыми наконечниками [Ва-

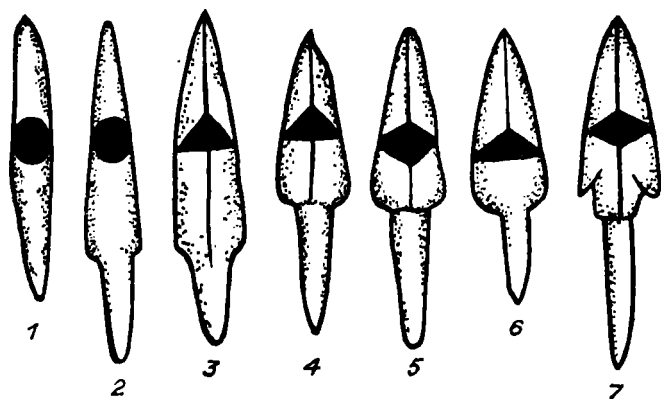

Рис. 64. Костяные наконечники стрел периода Западного Чжоу, найденные в уезде Фуфэн (по Лю Сичжану).

сильев, 1968, с. 220]. Среди чжоуских остатков такие наконечники не обнаружены.

В Байцаопо найдены остатки древков, на которые пасаживали наконечники. Они изготавливались из тростника диаметром 0,7—0,8 см. Черешок предварительно завертывали в ткань, затем вставляли в отверстие тростинки и обматывали поверху нитями, после чего древко покрывали черным лаком [Чу Шибинь, 1977, с. 115]²⁴. Сходным образом наконечники крепились и на бамбуковые древки. Длина их 68,4—75,5, диаметр 0,6 см. В нижней части древка иногда делался вырез для упора стрелы при наложении ее на тетиву. Для того же служили найденные в Шаньцуньлинь бронзовые короткие трубки с четырьмя небольшими выступами с внешней стороны закрытого конца [Линь Шоуцзинь, 1959, с. 20, ил. 46, 4]. В поздних чуских могилах сохранились также стрелы из деревянных стержней. Их длина 70 см [Вэнь Даои, 1959, с. 55]. Оперение их не сохранилось, оно известно лишь по рисункам на бронзовых сосудах.

Количество стрел в одном комплекте различно. В надписях на одних сосудах счет ведется по «пучкам» [Крюков, Хуан Шуин, 1978, с. 84, 94]²⁵, на других — сотнями [Хаяси, 1972, с. 383]²⁶. В могилах встречается различное количество стрел — от нескольких экземпляров до 130. Очевидно, стандартного боекомплекта не было, но он редко превышал 100 экз. На сосуде из Шанбяочжэнь лучники изображены без колчанов. Они ведут стрельбу, воткнув запасные стрелы в землю (см. рис. 46) [Го Баоцзюнь, 1959, с. 20—21]. Однако это не означает, что контейнеры для стрел не существовали. О том, что они были, свидетельствуют данные эпиграфики. В надписях на сосудах «Мао гун дин» и «Пань шэн дин» упоминаются колчаны из рыбьей кожи (см. [Хуан Шэн-

чжэн, 1983, с. 49]). В «Ши цзин» неоднократно говорится о колчанах из тюленьей кожи, которая, очевидно, ценилась за особую прочность [Шицзин, с. 209, 225; Hirth, 1969, p. 169]. Использование кожи крупных рыб (акул?) и тюленей свидетельствует о контактах чжоусцев с населением прибрежных районов.

Возможно, крепление колчана обнаружено в Люлихэ, где вместе с десятком стрел лежали перламутровые пластинки и раковины, которые нашивались на ремни. Однако восстановить конструкцию не удалось. К тому же китайские археологи предполагают, что это детали уэды [Жертвенное сопребение..., 1974, с. 311]. В Чанша найден колчан из дерева периода Чжаньго. Он трапециевидной формы, слегка расширяется к приемнику. Стенки составлены из тонких деревянных пластинок и покрыты лаком [Вэнь Даои, с. 55, ил. XIV, 2]. Другой чуский колчан из двух половинок бамбукового ствола длиной 81 см круглый в поперечном сечении (диаметр 3,3—3,4 см). Сверху на бамбук нанесен черный лак, расписанный красной и желтой красками. В колчане находились восемь стрел [Могила № 1..., 1972, с. 66, ил. VII, 4, 5].

Завершая краткий обзор, можно констатировать, что для реконструкции дистанционного вооружения эпохи поздней бронзы пришлось неоднократно обращаться к материалам конца Чуньцю — Чжаньго. Следует, однако, учитывать, что они могут в определенной степени отличаться от ранних, хотя основная линия развития описанного подраздела наступательного оружия, вероятно, отражена в них достаточно полно.

ЗАЩИТНОЕ ВООРУЖЕНИЕ

Развитие наступательного оружия в эпоху поздней бронзы вызвало появление ряда новых элементов защитного снаряжения, не известных в иньское время. Многочисленные упоминания об этом сохранились в «Ши цзин» и «Шан шу», а также в специальных военных трактатах. К наиболее важным находкам относятся следующие.

Шлемы. Известные к настоящему времени образцы боевых наголовий найдены в северных районах Китая. Наиболее ранние экземпляры обнаружены в Байфу [Важные археологические результаты..., 1976, с. 248—249], причем один шлем из могилы М 2 удалось восстановить полностью. Форма его горшковидная, высота 23 см. У шлема сделаны вырез для лица спереди и трапециевидная выемка на затылке. Нижний край выделен тонким выступающим бортиком. Через вершину проходит небольшой гребень со сквозной дужкой посередине. Высота гребня — 3 см, длина — 18 см. На внешней поверхности шлема отсутствуют украшения и не заметны литейные швы.

Шлем из могилы М 3 сильно разрушен. Но он тоже по форме не отличался от шлема из М 2. Высота его составляла 23 см. Гребень на макушке отсутствовал. Оба шлема (рис. 65) обнаружены в составе оригинальных оружейных комплексов, в которых сочетались элементы культуры Центральной равнины и степных районов севера.

²⁴ Возможно, существовало определенное соответствие между цветом черешка стрелы и кибики лука. Во всяком случае, в письменных и эпиграфических источниках неоднократно упоминались в качестве объектов дарения красный лук с красными стрелами и черный лук с черными стрелами, причем красный лук (и соответственно стрелы) был более редким и, очевидно, более важным подарком чем черный.

²⁵ Надписи на сосудах «Бу Ци гуй» и «Эхоу дин».

²⁶ Надписи на сосудах «Сяо юй дин» и «Ихоу Ши гуй». Вариант прочтения последней надписи см.: [Лю Цзи, 1982, с. 44].

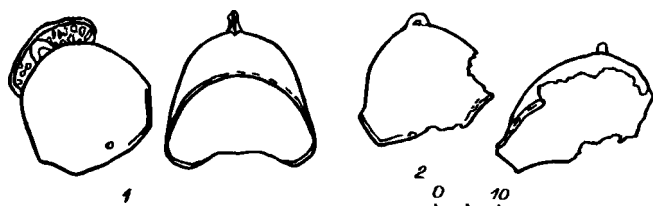

Рис. 65. Бронзовые шлемы из Байфу.

Как по внешнему облику, так и по технологии производства бронзовые каски из Байфу заметно отличаются от куполовидных иньских шлемов [Варенов, 1984б]. В то же время они близки к более поздним находкам на территории пров. Ляонин. Среди них обращает на себя внимание шлем, найденный в окрестностях Чифэна. Он отличается более массивным отогнутым бортиком по краю (рис. 66, 4). Кроме того, в районе Уцзиньтан в могиле периода Восточного Чжоу тоже найден небольшой шлем (высота его — 19 см) (рис. 66, 3).

Два почти одинаковых шлема обнаружены в Наньшаньгэп (уезд Нинчэн). У наголовья из богатой могилы № 101 затылочный вырез намного выше, чем у описанных ранее образцов. Край шлема оформлен широкой полосой, украшенной впереди круглыми выступами. На вершине прикреплена квадратная дужка, а сбоку — по две скобки, общая высота 23,8 см. На хорошо выполненной цветной фотографии этого шлема, опубликованной в одном из альбомов, видны отпечатки на внешней поверхности узких ремней из кожи или полос ткани [Памятники материальной культуры..., 1972, ил. 67]. Один ремень проходил через переднюю скобку, петлю на вершине и заднюю скобку на другой стороне, другой ремень — в обратном порядке. Концы ремней, пропущенных через передние обоймы, очевидно, затягивались под подбородком; при помощи задних завязок шлем мог крепиться к панцирю. Кроме того, еще два ремня проходили поперек первой пары: от лицевой части через макушку (обходя петлю с двух сторон) к затылочной. Возможно, эти следы как-то связаны с креплением гребня, изготовленного из органических материалов и потому не сохранившегося.

Шлем, найденный в Мэйлихэ (рис. 66, 2), почти аналогичен шлемам из Наньшаньгэна. Несколько различаются лишь детали оформления: на кайме

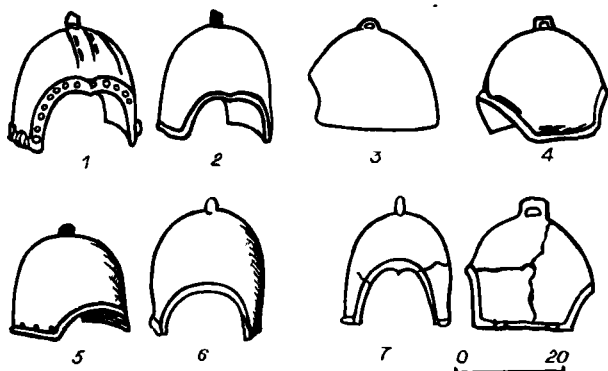

Рис. 66. Бронзовые шлемы из северных и северо-восточных районов Китая.

нет круглых выступов, а по сторонам находятся не две, а одна скобка. Общая высота шлема 24 см [Ян Хун, 1980, с. 10—11]²⁷. К ним относится и шлем из Шилишань (рис. 66, 7), высота которого 22 см [Цзинь Фэнъя, 1983в, с. 685—686]. Все шлемы найдены на памятниках, относящихся к различным этапам культуры верхнего слоя Сяцзяня²⁸. Даже в зоне наибольшей концентрации их количество значительно уступает находкам других категорий оружия. Сходная ситуация отмечена для бронзового века других регионов и объясняется тем, что металлические шлемы служили не только защитой от ударов, но и символизировали высокое общественное положение их владельцев [Hencken, 1971].

Традиция использования бронзовых боевых наголовий в начале эпохи Чжоу не получила дальнейшего развития, насколько можно судить по материалам собственно чжоуских памятников²⁹. В последующие периоды шлемы производились из других материалов. В тексте «Цзо чжуань» неоднократно говорится о кожаных шлемах для охоты, а в словаре «Шовэнь» зафиксировано боевое наголовье из кожи [Го Баоцзюнь, 1963, с. 128—129]. В песне «О походе воеводы Инь Цзифу на гуннов» также упоминаются кожаные шлемы и латы [Шинцзин, 1959, с. 223]. Кожаные шлемы найдены пока при раскопках только одного памятника — в могиле цзэнского хоу И. В исключительном по богатству погребении обнаружено разнообразное оружие, в том числе около 12 кожаных доспехов. Причем восемь из них — со шлемами. Судя по хорошо сохранившимся образцам, все шлемы изготавливались из 18 фигурных пластин, покрытых лаком, среди которых выделяются гребень, боковины, обод, начелье, нащечники и затылочная часть. Возможно, более ранние наголовья имели сходную конструкцию.

Панцири. Как неоднократно отмечали специалисты, защитное вооружение в чжоуское время делалось в основном из кожи [Laufer, 1914, p. 174; Ян Хун, 1980, с. 7]. О том же свидетельствуют

²⁷ Рисунок, приведенный в книге Ян Хуна (рис. 66, 1), нуждается в соответствующем уточнении. Дело в том, что у шлема из могилы № 101, судя по фотографии, нет выступа над переносицей в середине начелья [Могила с каменным ящиком..., 1973, ил. V, 1], а у предыдущей находки он есть и есть, то лишь слегка намечается [Ли Иу, 1959, ил. 1, 6]. Несомненный выступ есть только у экземпляра из Мэйлихэ [Собрание находок..., 1963, с. 32, рис. 31].

²⁸ Несомненно, к тому же кругу относится образец из коллекции Дэвида Вейля. Край у того шлема также оформлен выступающей полосой, сбоку — по две скобки, петля на макушке фигурно оформлена в виде стоящего животного [Эгам, Мицуно, 1935, с. 63]. О находке еще двух плохо сохранившихся шлемов упоминается в описании могильника Вэйинцзы. Сообщается лишь, что по краю у них выступает округлое ребро; фотография или рисунок не приводятся [Западночжоуская стоянка и могильник..., 1977, с. 307].

²⁹ Шлем из Синьцунь (рис. 66, 6), датированный временем правления Чэн-вапа [White, 1956, p. 164—166], получен в результате грабительских раскопок, вне культурного контекста. Вряд ли это непосредственно чжоуская вещь. Характерно, что в эпитафийке упоминание металлических шлемов, причем в довольно больших количествах (30 единиц), встречается при описании трофеев, захваченных у северных сяньюнь [Ли Сюэцин, 1983, с. 58—61].

письменные источники. «Носорожьи латы» неоднократно упоминаются в «Ши цзине» и «Чу цы», в целом ряде более поздних сочинений. Процесс изготовления кожаных панцирей описан в диске сочинении «Као гун цзи», где отмечена их особая популярность в царстве Янь [Needham, 1965, р. 12, 17]. Особая группа ремесленников изготовляла доспехи из кожи носорогов и быков [Laufer, 1914, р. 175—176; Го Баодзюнь, 1963, с. 79—80]. Об этом говорил У-цзы в беседе с вэйским князем: «Сейчас Вы круглый год приказываете выделывать кожи, покрываете их киноварью и лаком, раскрашиваете их красной и сипей краской, разрисовываете их слопами и едипорогами» [Конрад, 1977, с. 317]. Сюнь-цзы сравнивал прочность этих лат с металлом и камнем; в «Цао чжуань» отмечалось, что пластины кожного доспеха достаточно прочны для того, чтобы отразить сильный удар (см. [Werner, 1932, р. 4]). Как считает Сунь Цзи [1982, с. 82], массовое производство кожаных панцирей и соответственно получение сырья для них в значительной степени способствовали быстрому истреблению носорогов в северных районах Китая.

Доспехи из кожи эпохи поздней бронзы пока не обнаружены, поэтому представление о них можно получить, лишь обратившись к памятникам последующего периода. Сравнительно немного кожаных пластин, сохранившихся в основном благодаря лаковому покрытию, найдено на относительно поздних памятниках пров. Хубэй [У Миншэн, Дай Ядун, 1957, с. 96; Могила № 1..., 1972, с. 66—67; Краткий отчет о раскопках чуских могил..., 1973, с. 160; Краткий отчет о раскопках могилы № 1..., 1973, с. 9]. Они преимущественно прямоугольной формы и снабжены небольшими отверстиями по краям и в углах. Их соединение осуществлялось по принципу ламеллярного панциря тонкими кожаными ремешками. Не исключено, что отдельные пластины могли просто нашиваться на матерчатую основу.

Этапным в изучении защитного вооружения Чжоу стало открытие могилы цзэнского хоу И, датированной по эпиграфике 433 г. до н. э. или чуть более поздним периодом [Краткий отчет о раскопках могилы цзэнского хоу..., 1979, с. 13]. Согласно предложенной китайскими археологами реконструкции, сам доспех подразделялся на четыре части: рубашку, воротник, рукава и подол [Исследование и реконструкция..., 1979; Dien, 1979—80]. Судя по хорошо сохранившемуся доспеху № 3, рубашка составлялась из 20 крупных пластин, которые защищали грудь, плечи и отчасти ребра. Сверху к ней привязывались пластины, защищавшие плечи, а к ним, в свою очередь, присоединялись рукава, которые набирались из узких пластин изогнутой формы. Подол состоял из четырех ярусов по 14 пластин в каждом. Сначала они накладывались друг на друга слева направо, а затем закреплялись сверху вниз. Другие доспехи конструировались по тому же образцу. При восстановлении их внешнего вида принимались, очевидно, во внимание изображения доспехов на деревянных и керамических фигурах латников, найденных в окрестностях Чанша (хранятся в музее г. Киото) [Хаяси, 1972, с. 412—413]. Возможно, в комплекс с пластинчатым панцирем

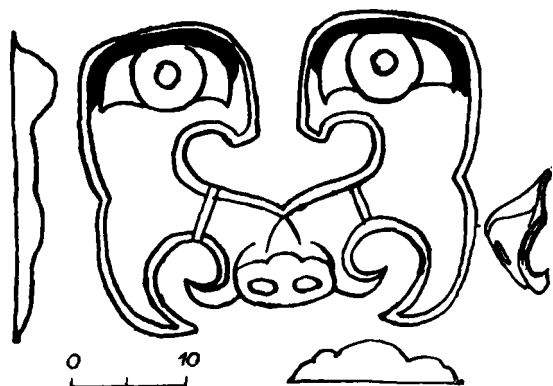

Рис. 67. Бронзовый нагрудник из Сиань.

входили также кожаные перчатки [Краткий отчет о раскопках могилы № 1..., с. 11]. Кожаный ламеллярный доспех был крепким, легким и сравнительно простым в изготовлении, поэтому он успешно конкурировал с металлическим и вплоть до средневековья широко использовался в самом Китае и на его окраинах [Robinson, 1967, р. 126—138]⁸⁰.

В одном из комментариев к «Чжоу ли» говорилось о том, что раньше (до Чжоу) доспех делили из кожи и называли «цзя», а ныне (при Чжоу) его делают из металла и называют «кай» [Werner, 1932, р. 3]. Однако, скорее всего, здесь имел место перенос на чжоускую эпоху более поздней ситуации. Во всяком случае, металлических деталей доспеха пока обнаружено немного. Наиболее эффектен бронзовый нагрудник (рис. 67), найденный в западночжоуском могильнике в Сиань [Краткий отчет о разведках..., 1977, с. 68]. Он монтировался из трех частей. Общий их размер — 37×28 см. Нагрудник при общем восприятии его выглядит зооморфным по облику. Значительные размеры и единичность находки свидетельствуют об индивидуальном (сделанном по специальному заказу?) характере снаряжения. Рядом с нагрудником в могиле лежали две бронзовые бляхи, которые по мнению китайских археологов, защищали спину воина. Согласно реконструкции М. В. Горелика, бляхи крепились на грудь, а бронзовая составная пластина защищала спину воина.

Ло Сичжан [1985, с. 99—100] упоминает о костяных и роговых панцирных пластинах из двух западночжоуских могил в уезде Фуфэн. Они были найдены в разрозненном состоянии. Большой фрагмент пластинчатого панциря из кости обнаружен лишь в Шаньцуньлине [Линь Шоуцзинь, 1959, с. 28]. Он состоял из двух-трех рядов прямоугольных пластин с шестью отверстиями по углам и в центральной части, что свидетельствует о его ламеллярном характере. Размеры пластин — 9,5 ÷ 10,2 × 1,8 ÷ 2,8 см. Близкая по виду роговая пластина и два обломка таких же пластин най-

⁸⁰ Китайские ученые не только реконструировали сам доспех, но и воссоздали технологию его изготовления. Освоив все этапы производства — моделирование пластин, их лакировку и набор, они создали несколько прекрасных новоделов [Бай Жунцзинь, Ван Чжэньцзянь, Дин Люлун, 1984].

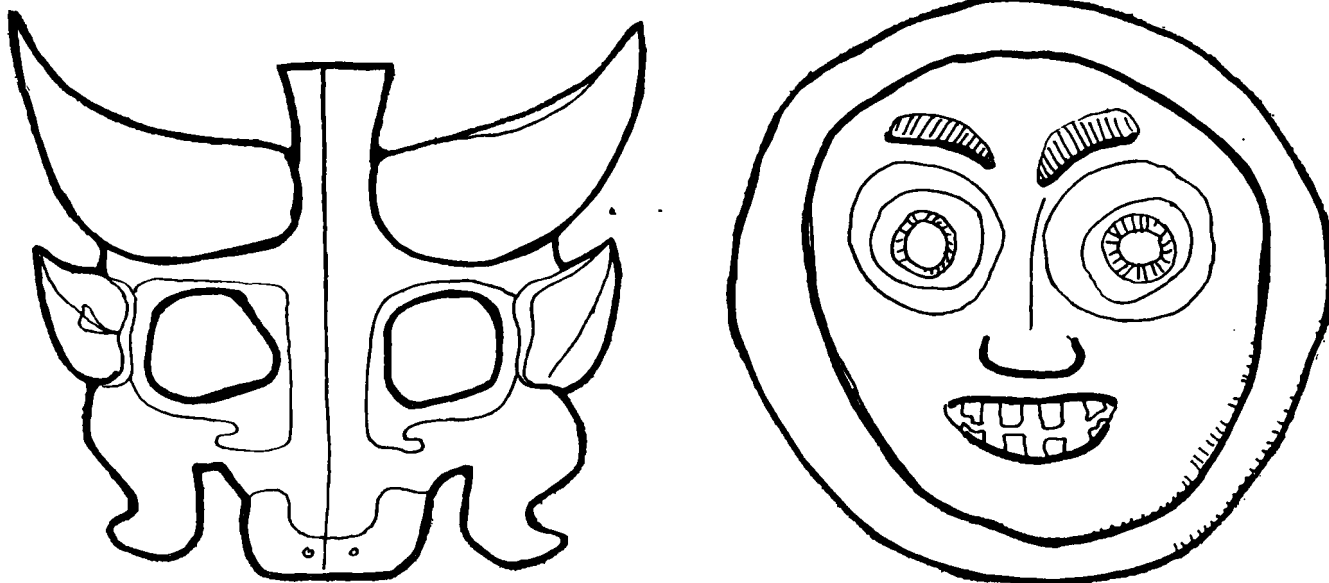

Рис. 68. Бронзовые украшения для щитов.

дены на поселении в Чжанцзяно [Отчет о раскопках в Фэньси, 1962, с. 112, ил. XIV, 5].

Щиты. Письменные источники неоднократно упоминают о различных щитах, сделанных из бамбука, дерева и кожи и покрытых сверху лаком [Werner, 1932, 39—40]. Наиболее ранние формы щитов выявлены на западночжоуских памятниках как раз по остаткам лакового покрытия. Так, при изучении фрагментов щита, обнаруженного в могиле № 1 в Хэцзяцунь, удалось восстановить, что он был четырехугольной формы (размеры остатков его — 45×55 см). Покрывавший щит лак образовывал трехцветный (черный, коричневый, красный) узор³¹. В той же могиле обнаружены остатки еще двух лаковых покрытий. В центре одного из них лежала полусферическая бронзовая бляха — умбо, около другого — пять таких же блях. Возможно, одна из них располагалась в центре щита, а остальные — по углам. Основа, на которую наносился лак, не сохранилась [Дай Инсинь, 1976, с. 37, рис. 3]. Остатки 10 щитов подобного же типа с округлым выпуклым умбом из бронзы найдены в могильниках предчжоуской культуры и самого раннего этапа Западного Чжоу в Сипунь [Хань Вэй, У Чжэньфэн, 1982, с. 25]. Были и более крупные щиты, подобные найденному в одной из юйских могил в Баоцзи. Они ступенчатой формы, шириной в верхней части 50 см, в нижней — 70 см, высотой 110 см, с умбом [Лу Ляньчэн, Ху Чжишэн, 1983б, с. 54]. К умбонам щитов можно отнести аналогичные крупные бронзовые бляхи с других памятников [Важные археологические результаты..., 1976, с. 254—255; Чу Шибинь, 1977, с. 115; Раскопки западночжоуского могильника..., 1980, с. 447]. Некоторым из них придавалась антропоморфная или зооморфная форма (рис. 68). Сзади размещались дужки для крепления [Дай Инсинь, 1976, с. 37]. Наиболее оригинальное оформление

щита обнаружено в Люлихэ (могила № 52). Оно состояло из семи различных блях, которые вместе составляли детали морды фантастического животного (рис. 69). По краям блях сохранились следы красного и черного лака [Жертвенное сопребение..., 1974, с. 315—316]. При раскопках западночжоуских памятников, расположенных на территории Северного Китая, остатков щитов найдено немного, и они, как правило, фрагментарны. Объясняется это, возможно, тем, что в северных районах лаковые изделия вообще сохраняются плохо [Археология Шан и Чжоу, 1979, с. 173].

Цельнометаллические щиты в пределах чжоуского Китая пока не найдены. О том, что они использовались, свидетельствует надпись на сосуде

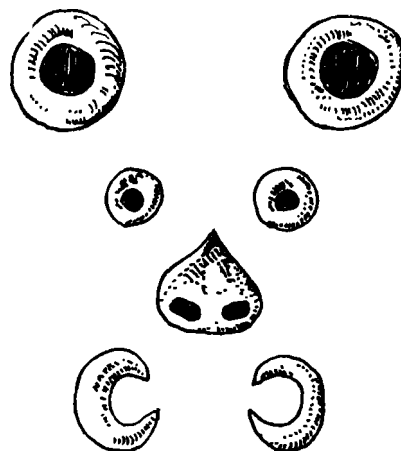

Рис. 69. Украшения для щита из Люлихэ.

«Сяо Юй дин» [Го Баоцзюнь, 1961, с. 117]³². Для более позднего времени известны деревянные и кожаные щиты, покрытые сверху лаком. Наибольшее число их найдено в чжуских могилах [Отчет

³¹ Трехцветный черпо-бело-красный щит найден также в раннечжоуской могиле в Наньпо [Лу Ляньчэн, Иль Шэпиц, 1982, с. 49].

³² Возможно, однако, что имелись в виду металлические детали щита [Хаяси, 1972, с. 390].

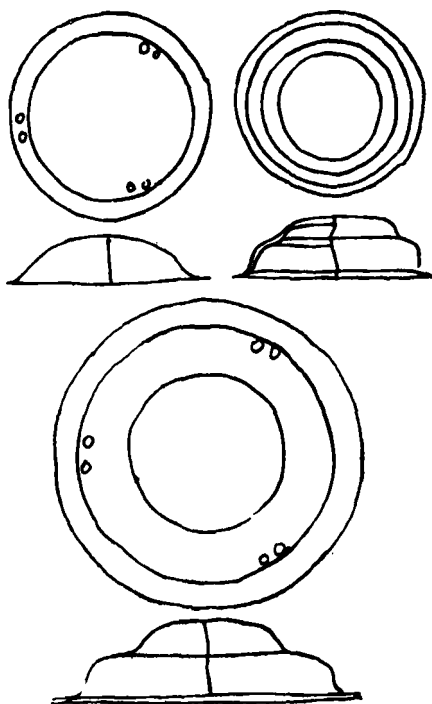

Рис. 70. Бронзовые защитные бляшки.

о раскопках в Чапша, 1957, с. 57—58; Вэнь Даои, 1959, с. 55; Могила № 1..., 1972, с. 67; Краткий отчет о раскопках могилы № 1..., 1979, с. 9; Чуская могила № 1..., 1982, с. 87; Чуские могилы..., 1984, с. 85].

Защитные бляшки. К ним относится часть металлических бляшек, обнаруженных на памятниках периода поздней бронзы. Они могли крепиться на кожаную или матерчатую основу, усиливая, таким образом, защитную функцию одежды (рис. 70). По результатам анализа материалов могильника Синьдунь такое предположение выдвинул Го Баоцзюнь. Он считал, что на один боевой костюм нашивалось пять—семь бляшек [Го Баоцзюнь, 1961, с. 117]³². Подтверждается такое заключение наличием отпечатков текстильного узора на тыльной стороне некоторых бляшек [Хань Вэй, У Чжэньфан, 1982, с. 25]. Ян Хун [1980, с. 12], впрочем, считает их слишком тонкими для эффективной защиты.

Оборонительный доспех в виде нашитых на матерчатую или кожаную рубаху бляшек, пуговиц и дисков широко использовался в древности многими народами [Есаян, 1966, с. 100, 103; Черненко, 1968, с. 124—126]. Известна и более развитая форма подобных панцирей, представлявшая собой кожаный фартук с завязками, на который крепилось множество пуговиц и несколько крупных дисков [Есаян, 1986, с. 42—43]. Поэтому предположение об их применении в Китае кажется вполне оправданным. В пользу этого свидетельствует и большое количество «панцирных бляшек», встреченных на отдельных памятниках. Так, в Шаньдуньлине в могилах № 1705, 1602, 1721, 1706 их найдено соответственно 66, 18, 18 и 12 экз.

³² Он полагал также, что наиболее крупные бляхи могли служить в качестве щитов.

[Линь Шоуцзинь, 1959, с. 65, 55, 67, 66]. В могиле № 1 в Яоцзяхэ обнаружены 90 бляшек [У Цисян, 1976, с. 44]. На других западножюуских памятниках их значительно меньше. Все они близкой формы — полусферические, с дужкой на «спинке», часто с выделенными полями, в которых проделано от двух до шести отверстий. Различаются бляшки деталями оформления и размерами. Со второй половины периода Чуньцю, очевидно в связи с распространением кожного доспеха, этот вид защитного вооружения исчез или стал простым украшением³⁴.

Небольшие бляшки нашивались на обувь и служили для защиты ног. Так, у погребенного в могиле М 2 в Байфу кости голени были покрыты 125 бронзовыми бляшками. Диаметр их — 2,1—3,3 см. Для той же цели использовались, возможно, бляшки, обнаруженные в М 3. Их найдено 145 экз. Диаметр бляшек — 1,85—2,4 см. Следует, однако, заметить, что они располагались в беспорядке по всей могиле [Важные археологические результаты..., 1976, с. 254]. Определенное типологическое сходство прослеживается также в раннежюуском обычае нашивать на обувь раковины, который выявлен в Люлихэ³⁵ и, возможно, в Байцаопо³⁶.

Конский доспех. По мнению Го Баоцзюня [1961, с. 117], одни и те же бляшки, нашитые на ткань или кожу, могли служить для защиты как человека, так и лошади. Во всяком случае, о подобных металлических доспехах дважды встречается упоминание в песнях «Ши цзина» [Ян Хун, 1980, с. 12]. Археологическое подтверждение этому пока не найдено. В определенной степени роль защитного снаряжения могли играть бронзовые украшения (начельник, налобник), а также детали сбруи, как это было в некоторых других районах [Мурзин, Черненко, 1980].

О «четверке лошадей в латах» упоминается в циньских надписях на «каменных барабанах» [Дорофеева, 1984, с. 109]. Возможно, в них подразумевался не металлический, а кожаный конский доспех. На эту мысль наводят находки в могиле цзэнского хоу И. При раскопках здесь обнаружены две маски для морды лошади, выполненные из кожи и покрытые с двух сторон черным лаком; тисненый узор на них окрашен в красный цвет (рис. 71). Кроме того, в могиле найдено несколько кожаных пластин, которые из-за больших размеров и специфической формы отнесены к конскому доспеху. Для его полной реконструкции материала пока недостаточно, но все же удалось выделить широкие полосы в виде полукольца, составлявшие нагрудник [Исследования и реконструкция..., 1959, с. 548]. Очевидно, целая конструкция строилась по ламинарному принципу и была близка изображению на керамической фигурке периода Чжаньго [Хаяси, 1972,

³⁴ Пример — оправленные в золото бронзовые бляшки из могилы № 60 в Люлигэ [Го Баоцзюнь, 1959, с. 59].

³⁵ В могиле № 54 [Жертвенное сопогребение..., 1974, с. 312, рис. 6].

³⁶ В могиле М 2 вблизи костей голени погребенного лежало множество раковин, однако в отчете отмечено, что на них нет следов привязывания [Чу Шибинь, 1972, с. 121, рис. 5].

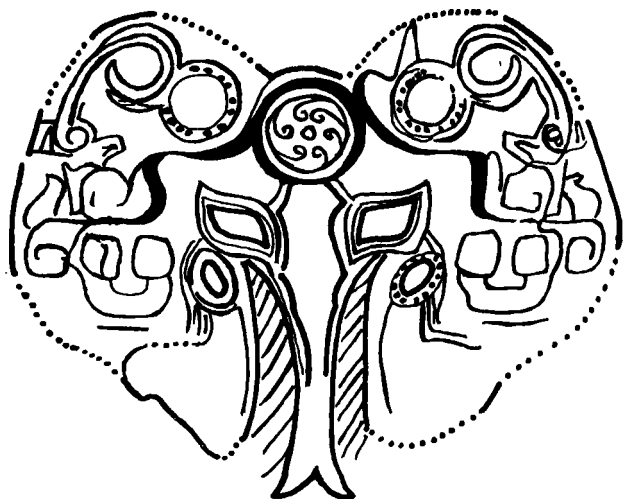

Рис. 71. Кожаная маска для коня из могилы цзэнского хоу И.

с. 413, рис. 482], причем довольно развитая форма наводит на мысль о ее зарождении в рамках предшествующего периода. Кожаный доспех для лошади использовался многими народами древности [Литвинский, 1972, с. 130; Robinson, 1967, р. 153]. Однако найденная в могиле цзэнского хоу И шлем-маска для коня относится к уникальным изделиям.

В целом необходимо отметить значительную пестроту и разрозненность сведений по китайскому доспеху эпохи поздней бронзы. К тому же некоторые виды этого раздела вооружения пока не обнаружены и о них можно судить лишь по немногочисленным упоминаниям в письменных источниках или по более поздним находкам. Поэтому в настоящее время трудно проследить во времени единую линию развития чжоуского защитного вооружения. На основе накопленных материалов можно все же выделить довольно компактные территории и установить периоды распространения кожаных лат и бронзовых шлемов. Первые сосредоточены в пров. Хубэй, на землях бывшего царства Чу и близкого ему (по территории и культуре) государства Цзэн. Хотя для южных государств отмечена значительная специфика, в том числе этнокультурного плана, однако пока преждевременно относить кожаный доспех к специфическим чертам культуры южных государств в период Чуньцю — Чжаньго. На памятниках поздней бронзы доспехи могли просто не сохраниться. Однако это не означает, что они не использовались вовсе. Такому выводу противоречат свидетельства письменных источников.

Что касается бронзовых шлемов, то они найдены на северных рубежах конгломерата чжоуских государств, а дальнейшее развитие получают уже за его пределами в культуре верхнего слоя Сяцзядянь. Наиболее близкие аналогии — шлемы так пазываемого «кубанского» типа [Мелюкова, 1964, с. 76; Черненко, 1968, с. 76—82]. Их сходство с «суйюаньскими бронзами» отмечалось в литературе [Кузьмина, 1958, с. 122]. Отдельные экземпляры «кубанских» шлемов найдены не только на территории европейской части СССР, но также в Иране [Горелик, 1982], Средней Азии

[Кузьмина, 1958] и на Алтае [Грязнов, 1947]³⁷.

Вместе с тем разрыв во времени и пространстве между двумя районами, где встречаются такие шлемы, настолько велик, что о каких-либо генетических связях при решении вопроса происхождения говорить не приходится (хотя полностью исключить возможность каких-то влияний тоже нельзя). Сходство можно объяснить архаичностью изделий в рамках независимых традиций. Для шлемов «кубанского» типа Е. Е. Кузьмина выделила начальный этап их самостоятельного происхождения от колпаков, характерных для скифо-сакских народов. Возможно, северокитайские образцы также представляют собой воспроизведение в бронзе головных уборов местных племен. Прообразом их могли служить колпаки и грибовидные шляпы воинов, подобные тем, что изображены на писаницах МНР и северных районов Внутренней Монголии. Наиболее ранние образцы датируются карасукским временем [Гай Шапльиц, 1980, с. 5; Новгородова, 1981, с. 28—29; Окладников, Худяков, 1981, с. 23—29; Новгородова, 1984, с. 79—83]. Головные уборы являлись важным и характерным атрибутом в изображении вооруженных людей на писаницах, следовательно, они входили в состав боевого снаряжения монгольских воинов бронзового века и в качестве такового могли подвергаться дальнейшему усовершенствованию.

Поскольку это положение, высказанное в специальной статье [Комиссаров, 1984, с. 55], вызвало критику со стороны А. В. Варенова [1984б, с. 46], то очевидно, следует пояснить его подробнее. Здесь подразумевается прежде всего возможность происхождения бронзовых шлемов от головных уборов племен, населявших в древности монгольские степи. Поэтому и сказано: «прообраз», а не употреблен классифицирующий термин «прототип». Вопрос же об установлении прямых связей развития между шапками воинов на писаницах и северокитайскими шлемами требует специального исследования с привлечением новых археологических материалов.

И еще один аспект. Свое несогласие с предложенной нами точкой зрения А. В. Варенов аргументирует следующим образом: 1) многие шлемы найдены в сяцзядяньских комплексах; 2) в тех же комплексах обнаружены рисунки, выполненные в сходном стиле с изображениями на оленных камнях; 3) «петроглифы с батальными сценами и орнамент на оленных камнях резко отличаются стилистически и, очевидно, принадлежат разновременным культурам»; 4) для доказательства происхождения шлемов из шляп необходимо доказать генетическую преемственность этих двух культур [Там же]. По этому поводу хотелось бы

³⁷ Необходимо отметить еще один круг аналогий — бронзовые фигурки воинов, найденные в Лчапепе и Лори-берде, датированные XIV—IX вв. до н. э. и имеющие продолжение в более поздних фигурках из Арцваника [Есаян, 1986, с. 18—24]. Шлемы, изображенные на головах этих фигурок, подчас поразительно сходны с северокитайскими. Объяснить отмеченное сходство какими-либо контактами не представляется пока возможным, хотя поиск в данном направлении может оказаться перспективным. В этом случае излагаемую далее гипотезу придется существенно уточнить.

заметить, что между различными культурами кроме генетических существуют и иные связи. Конкретно же по поводу петроглифов Монголии следует сказать, что и наиболее характерные для оленных камней изображения оленя («в летящем галопе», с клювовидной мордой) встречаются в составе единых композиций с рисунками колесниц и фигур в грибовидных шляпах [Волков, 1981, с. 113; Новгородова, 1984, с. 72—73]. Так что расхождение между ними, которое действительно существует, не стоит абсолютизировать.

Еще одной дискуссионной находкой является костяной панцирь из Шанцуньлина. Возможно, он относится к импортным изделиям, поскольку прямых аналогий ему нет. Вообще говоря, кость и рог — один из самых естественных и распространенных материалов для изготовления пластин. Однако в Китае они встречаются крайне редко. Подобные панцири не упоминаются и в письменных источниках Древнего Китая. В то же время костяные пластины во множестве встречаются в степях Евразии и на Дальнем Востоке. С неолита они известны в Корее, а в период Шанцуньлина костяные латы [Александров, Арутюнов, Бродянский, 1982, с. 10] широко использовались племенами бронзового века Приморья и посетителями несколько более поздней польцевской культуры Приамурья [Деревянко А. П., 1976, с. 121—122]. О возможности контактов с этими территориями свидетельствуют панцирные костяные пластины в Сяцзянине, расположенном на полпути между Дальним Востоком и Центральной равниной [Отчет о пробных раскопках..., 1974, с. 133, ил. XIII, 12, 13].

В заключение раздела — несколько слов еще об одном классе доспеха, деревянном, который также мог быть на вооружении у древних китайцев. О том, что азиатские народы использовали дерево для изготовления защитного оружия (шлемов) писал еще Геродот [1972, с. 335]. В позднечуской могиле в Тяньшэньгуань китайские археологи обнаружили большой фрагмент пластинчатого панциря типа безрукавки с невысоким воротом. Составляющие его деревянные пластинки были обернуты кожей и покрыты лаком [Чуская могила № 1..., 1982, с. 87, рис. 13, 5—11]. Вполне возможно, что такой легкодоступный и удобный для обработки материал употреблялся для целей защиты от наступательного оружия и в более ранний период.

Итак, чжоуская эпоха вошла в историю Китая как непрерывная череда вооруженных столкновений и конфликтов, которые, возникая из противоречий общественного развития, в свою очередь, оказывали на него значительное влияние. Особенно это характерно для периода Чжаньго. По справедливому замечанию К. В. Васильева [1968], «на протяжении V—III вв. до н. э. война и производство для войны занимали главенствующее положение в общественно-политической и экономической жизни сражающихся царств» (с. 187).

Значительная часть всех ремесленников, перечисленных в «Као гун цзи», была занята производством оружия (см. [Го Баоцзюнь, 1963, с. 12—20, 47—49, 76—82, 88—89; Needham, 1965, р. 11—17]). Из числа металлургов к ним относи-

лись литейщики «высшего сплава», т. е. твердой бронзы с высоким содержанием олова. Клевцы и трезубцы отливались из сплава с 20%-ным содержанием этого металла, для оружия с большими лезвиями эта доля достигала 25%, а для накопечников стрел — 28,57%. Производством мечей занимались специальные мастера. Среди кожевников на войну работали специалисты по изготовлению панцирей и особых футляров для хранения оружия, а также кожаного верха боевых барабанов. Столяры делали луки, стрелы и древки для клевцов, копий, боевых шестов, а также колесничных *цзи*. Мастера по дереву и железу делали боевые колесницы (отдельно — колеса, кузова, перила и оси). Это описание относится к эпохе раннего железа. Однако, судя по богатству и разнообразию находок вооружения времени поздней бронзы, становление столь развитого производства можно уверенно отнести к предшествующему этапу развития культуры. Кроме того, очень быстро приспособили для военных пужд лак — первую в мире пластмассу, изобретенную древними китайцами. «Лаком покрывались оружие и предметы воинского снаряжения для предохранения металла от коррозии, а дерева и тканей от губительного воздействия влаги» [Александров, Оськина, 1984, с. 43].

Таким образом, обитатели Китая эпохи поздней бронзы обладали основными видами вооружения, пригодного как для колесничного, так и для пешего боя. Недаром в сочинении «Сыма фа» отмечается: «...оборонялись боевыми шестами и копьями, помогали клевцами и трезубцами» (цит. по: [Морохаси, 1967, с. 4]). В «Као гун цзи» уточнялось также, что оружие на длинных древках использовалось для обороны (очевидно, на стенах городов и крепостей), а на коротких — для наступления. Значительно меньше по сравнению с древковым оружием найдено мечей и кинжалов, причем в большинстве они связаны с этносами, отличными от хуа. Поскольку в Китае долгое время не было своей традиции изготовления кинжалов, то на его территорию проникали различные формы этих изделий, причем иногда из очень отдаленных областей [Погребова, Членова, 1970]. Только во второй половине Чуньцю в государствах У и Юэ на основе местных прототипов был создан длинный меч, который использовал другие чжоуские государства. Он оказал в последующем воздействие на работу ханьских оружейников [Кожанов, 1984]. Роль дистанционного оружия в военном деле была, очевидно, значительно большей, чем удастся проследить по археологическим источникам. На протяжении многих веков применялись наконечники стрел в основном одной группы — черешковые двухлопастные. Металлический доспех в Китае в позднюю бронзу не получил достаточного развития. Латы в основном изготавливались из кожи.

Заметно постепенное возрастание социально-репрезентативной роли оружия, что проявилось в распространении парадного вооружения. В начале чжоуской эпохи бронзовое оружие само по себе отмечало сравнительно высокое социальное положение и потому не нуждалось в дополнительных украшениях. Не случайно поэтому, что в тот период их выявлено немного. Со временем

из числа воинов выделилась привилегированная группа, которая обладала богатым набором оружия, оформленного особым способом. Начиная со среднего, а особенно с позднего периода Чжуньцзя появились много втичек, поясных пряжек, колесничного снаряжения и прежде всего мечей, укра-

шенных драгоценными металлами, полудрагоценными и поделочными камнями [Чжоу Наньцзюань, 1982]. Чаще стали встречаться расписные лаковые щиты и попоны. Все это — свидетельство определенных изменений в структуре общества [Е Сюань, 1983].

ГЛАВА IV

КОМПЛЕКС ВООРУЖЕНИЯ НА ОКРАИНАХ ЧЖОУ

Для древнего Китая характерны оживленные контакты с так называемой «варварской» периферией [Крюков, Софронов, Чебоксаров, 1978, с. 174—193; Фань Вэньлап, 1958, с. 100—103]. Культурные достижения различных народов, а часто и сами носители этих достижений активно проникали в районы, населенные хуася, и оказывали на их развитие существенное влияние. В старых китайских летописях и словарях содержатся многочисленные упоминания о «варварских» племенах, проживавших в пределах и на границах со «Срединными царствами». Это «девять и», «восемь мао», «пять ди», «пять ху», и многие другие¹. Для большинства указан географический ареал их расселения. Поэтому одной из наиболее важных и интересных задач чжоуской археологии должна стать, с одной стороны, «привязка» племенных названий к конкретным археологическим объектам, а с другой — сопоставление с последующими этническими образованиями.

Комплекс вооружения есть один из разделов чжоуской культуры, в котором взаимные контакты отражались с наибольшей силой. Письменные источники сохранили сведения о подлинной революции в военном деле позднего Чжоу, когда чжаоский Улин-ван организовал в своей армии кавалерийские отряды по образцу «варварских» и снабдил воинов соответствующим снаряжением и одеждой [Цзинь Шэнхэ, 1982]. Археология позволяет фиксировать подобные, хотя, быть может, не столь масштабные, воздействия и в более раннее время. В свою очередь, культуры отличных от хуася племен подвергались мощному воздействию со стороны чжоусцев. Однако многие народы сумели сохранить при этом свою самобытность, творчески перерабатывая древнекитайские образцы. Поэтому изучение оружия способствует выявлению этнокультурной специфики окраин чжоуского Китая, наглядно иллюстрирует соотношение общего и особенного в развитии этих районов по сравнению с конгломератом древнекитайских государств.

В качестве примера далее рассматриваются оружейные комплексы культуры верхнего слоя Сяцзядянь и культуры Ба-Шу. Они избраны для анализа потому, что характеризуются относитель-

ной полнотой материалов, а также благодаря вниманию, которое уделялось связанным с ними проблемам в китайских публикациях 70—80-х гг.

КОМПЛЕКС ВООРУЖЕНИЯ КУЛЬТУРЫ ВЕРХНЕГО СЛОЯ СЯЦЗЯДЯНЬ

Памятники культуры верхнего слоя Сяцзядянь выявлены на северо-востоке Китая в провинциях Хэбэй и Ляонин, а также в прилегающих районах Внутренней Монголии. Они отличаются значительным своеобразием, что нашло отражение и в образцах вооружения. Материалы эти остаются малоизвестными в советской археологической литературе, поэтому следует вначале дать общий очерк культуры².

Эта культура получила свое название по одному из наиболее представительных памятников, открытых в окрестностях Чифэнь. Ее определение не очень удачно, ибо не менее широко известна культура нижнего слоя того же памятника, и это обстоятельство создает ложное представление о прямых генетических связях той и другой культур. Хотя между ними прослеживается определенное сходство как в керамике, так и в каменном инвентаре, они разделены значительным промежутком времени. Нижний слой Сяцзядянь датируется периодом XX—XIV вв. до н. э., тогда как верхний слой гораздо моложе. Косвенно подтверждает раннюю дату нижнего слоя, а также тесные связи культуры открытие в могиле близ г. Таншаня височного кольца, близкого андроповскому [Ларичев, 1961, с. 16].

Корни культуры нижнего слоя Сяцзядянь восходят к местному неолиту. В период новокаменного века в бассейне р. Ляохэ существовала довольно развитая общность, объединявшая три культуры: нижнего слоя Синьлэ, фухэ и хуншань. На позднем этапе развития последней культуры (памятники типа сяохэнянь) намечается переход к эпохе палеометалла [Алкин, 1985]. Керамика этого типа имеет значительное сходство с нижесяцзядяньской, что позволяет говорить о генетических связях между двумя культурами.

² В основном по: [30 лет работы..., 1979, с. 39—40, 70—71, 89—91; Археология Шан и Чжоу, 1979, с. 117—136, 218—227; Археологические открытия..., 1984, с. 340—350].

¹ Сводка этих названий, выполненная по современным словарям, опубликована в статье Э. В. Никогосова [1982].

В то же время налицо значительный качественный скачок. Сяцзядяньцы жили в сравнительно больших поселках, обнесенных каменной стеной или рвом; многочисленный остеологический материал свидетельствует о развитом скотоводстве (помимо традиционных собаки и свиньи, встречаются также овцы и крупный рогатый скот); собрано немало земледельческих орудий из камня [Алкин, 1986].

Культура нижнего слоя Сяцзядянь уже характеризуется самостоятельным бронзолитейным производством. До последнего времени удавалось обнаружить лишь небольшие изделия из бронзы — ножи, наконечники стрел, бусины. Однако в 1981 г. в окрестностях Тоубицзи были найдены бронзовые ритуальные сосуды — одип двухъярусный *ян* и два треножника *дин*. Найденные вместе с ними керамика и бусы позволили отнести памятник к культуре нижнего слоя Сяцзядянь в пределах ее широкой датировки. По мнению Су Хэ [1983], форма этих сосудов близка к форме керамических, а узоры на них сопоставимы с росписями на глиняной посуде. И в то же время они по облику близки бронзам иньских памятников, которые датируются более поздним периодом (XIII—XII вв. до н. э.). Если это действительно так, то налицо самостоятельная традиция изготовления ритуальной бронзы, более древняя, чем шанская. Следует отметить также, что именно на памятниках нижнего Сяцзядянь обнаружены наиболее ранние каменные *цзин* — ритуальные музыкальные инструменты, получившие широкое распространение при династиях Шан и Чжоу (см. Цзянь Няньсы, 1983, с. 976, 981).

В ходе раскопок в Западном Ляонине был выявлен тип *фэнси*, стратиграфически предшествующий культуре верхнего слоя Сяцзядянь, что как будто позволяет надеяться на открытие переходного между культурами звена [30 лет работы..., 1979, с. 90]. Недавно выделенная новая керамическая традиция — «тип *вэйинцзы*» — мало что дает для выяснения вопроса о происхождении культуры верхнего слоя Сяцзядянь, поскольку речь идет в основном об уже известных памятниках. Следует, однако, учитывать мнение, что керамика типа *вэйинцзы* представляет собой переходную культуру от нижнего к верхнему слою Сяцзядянь [Записки о группе керамических изделий..., 1982]. На поздних этапах носители культуры продвинулись к югу, оставленная ими керамика обнаружена в северной части Хэбэя и на территории Пекинского округа. В китайской литературе выдвинуто предположение об их участии в складывании государства Янь [Археологические открытия..., 1984, с. 343, 344].

Если обратиться теперь к культуре верхнего слоя Сяцзядянь, то для нее примечательны долговременные поселения с округлыми в плане землянками и полуземлянками, а также наземными жилищами. При раскопках одной из построек выявлен фундамент — яма, заполненная утрамбованная земля и покрытая сверху слоем обмазки из глины, перемешанной с травой. Крыша жилища опиралась на стены и на центральный опорный столб [Отчет о пробных раскопках..., 1974, с. 128—139]. Основу хозяйства составляли зерновое земледелие, а также разведение свиней,

собак, крупного рогатого скота и лошадей. Кроме того, судя по находкам в Линьси, были хорошо развиты добыча медной руды и ее обработка [У Цзянчан, 1983].

Памятники верхнего слоя Сяцзядянь выделяются своеобразной керамикой, в том числе триподами на заостренных ножках, с выделенным прямым венчиком. Большая часть сосудов — грубой ручной выделки, в тесто добавлялось много песка, температура обжига низкая, черепок темно-красного или бурого цвета, без орнамента. В числе специфических бронзовых изделий некоторые типы сосудов, кельты с «веерообразным» лезвием, зеркала и зеркаловидные украшения, бляхи, изображающие животных и птиц (рис. 72). Весьма характерна — и это будет показано ниже — большая часть предметов вооружения, найденных в погребениях (шлемы, кинжалы, наконечники копий). Некоторые из этих категорий восходят к более ранним бронзовым изделиям северных народов [У Энь, 1985; Wu En, 1986]. В качестве культовых памятников использовались (быть может, и сооружались) мегалиты. Для искусства примечательны украшения, выполненные в традициях так называемого «звериного стиля».

В составе инвентаря прослеживается ряд элементов, сходных с одновременными находками на сопредельных территориях, что позволяет ставить вопрос о «смешанном» характере по крайней мере некоторых сяцзядяньских памятников [Бродянский, 1979; Комиссаров, 1982, с. 36—37; Тянь Гуапцзинь, 1983, с. 18—19]. Однако «примеси» эти (некоторые виды оружия, ритуальной утвари и украшений), указывающие на направление культурных связей, отнюдь не механического свойства. Наоборот, они свидетельствуют о самобытном характере культуры верхнего слоя Сяцзядянь, которая сумела усвоить и переработать на собственной основе достижения других племен и народов.

Археологические параллели для верхнего слоя Сяцзядянь, помимо очевидного западночжоуского субстрата, прослеживаются среди позднебронзовых — раннескифских культур Центральной Азии. Прежде всего следует отметить дворцовские памятники Восточного Забайкалья, которые И. И. Кириллов включает в состав «карасукских по облику культур». С культурой верхнего слоя Сяцзядянь ее сближают длинные бронзовые ножи с упором для пальцев на рукояти, многоярусные бляшки, привески в виде ложечек или фигурок птиц (из рода орлов?) с распластанными крыльями [Кириллов, 1979а, с. 50—52; 1981, с. 34—35; Кириллов И. И., Кириллов О. И., 1985]. Такие же изделия отмечаются в коллекциях случайных находок Ордоса и Монголии. Важность их заключается в том, что они как бы объединяют воедино Дунбэй и Забайкалье [Киселев, 1947; История Монгольской..., 1983, с. 91—92; Andersson, 1932]. Это единство подчеркивается также тем, что изображения хищных птиц из рода орлов в отмеченной характерной позе (с распластанными крыльями) широко представлены на писаницах, обнаруженных в центральных и восточных аймаках МНР, в Бурятии и Читинской области [Кириллов, 1979б; Окладников, Запорожская, 1970].

Определенное сходство в способе захоронения и в инвентаре прослеживается между верхним

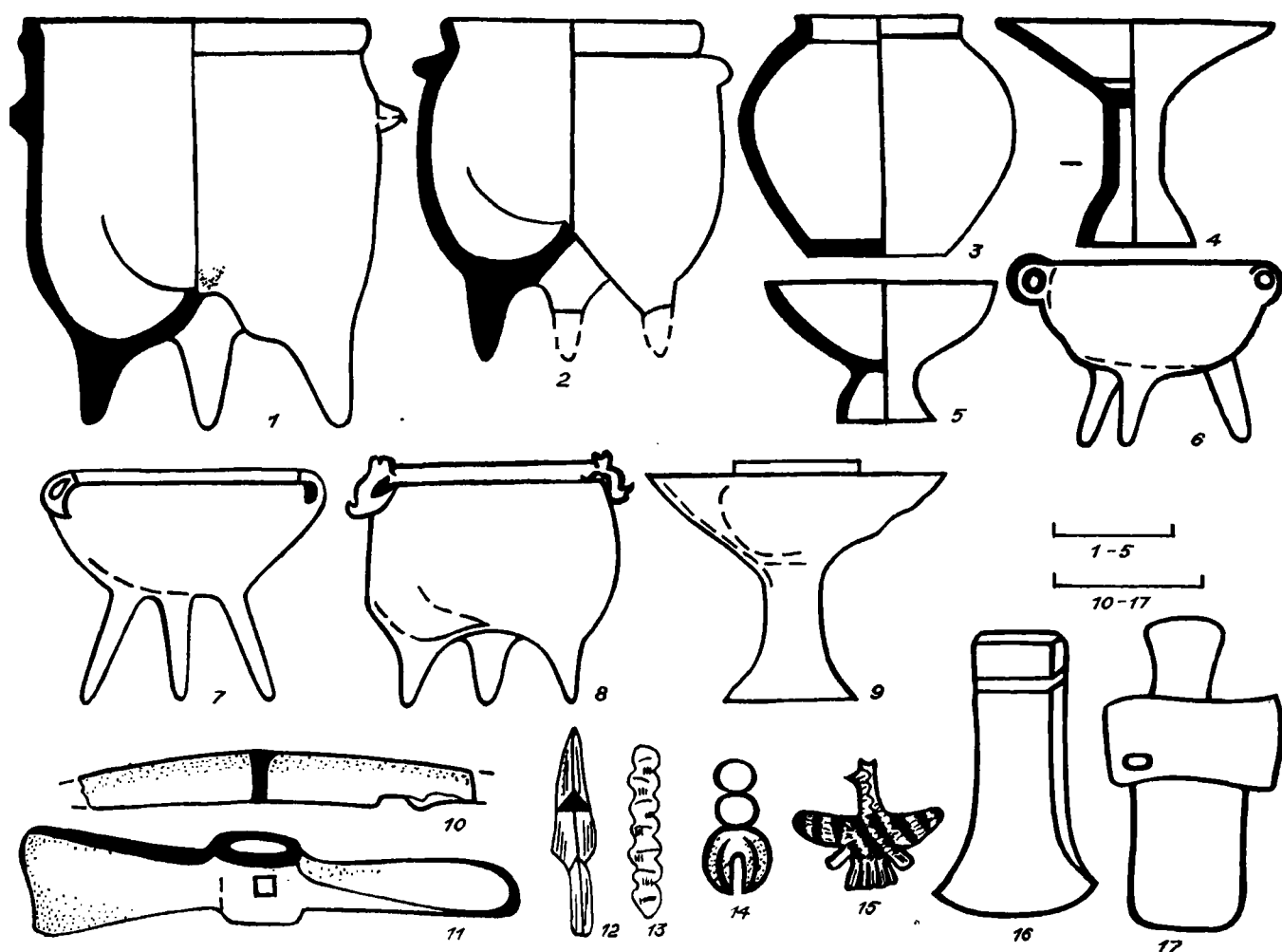

Рис. 72. Инвентарь культуры верхнего слоя Сяцзянь (по «Успехам археологии...»).

Сяцзянь и культурой плиточных могил Восточного Забайкалья и Монголии³. Это относится к таким важным элементам, как триподы типа *ли*, некоторые формы ножей (особенно с ритмически повторяющимися фигурами людей или животных на рукояти), полусферические и ярусные бронзовые бляшки [Гришин, 1975, с. 46 и далее; 1981, с. 107—195; Волков, 1967, с. 34—55; Novgorodova, 1980, S. 100—104]. В настоящее время «реальное соотношение дворцовой культуры и культуры плиточных могил, проблема их генетической связи остаются открытыми» [Коновалов, Кириллов, 1983, с. 19]. Думается, что сходство каждой из этих культур с культурой верхнего слоя Сяцзянь свидетельствует об определенной близости их между собой.

Для определения связей культуры на поздних ее этапах значительный интерес представляет погребение с двумя узкими кинжалами, «крылатым» копьем, зеркалом и некоторыми другими вещами, обнаруженными у сопки Известковой (Голубиной) в Приморье [Окладников, Шавкунов, 1960]. Согласно последней интерпретации, данный памятник относится к кроуновской культуре [Бродян-

ский, Дьяков, 1984, с. 24—26]. Таким образом, даже краткое перечисление ближайших аналогий свидетельствует о сравнительно длительном и сложном развитии культуры верхнего слоя Сяцзянь.

Что касается проблемы хронологии, то нижнюю границу определяют радиоуглеродные даты «комбината» по добыче и выплавке меди в Линьси — 2900—2700 лет до н. д. [У Цзячан, 1983]. Еще одна дата получена по анализу костей человека для могильника Цзяньцзыгоу во Внутренней Монголии: 2300 ± 85 лет от н. д. (2370 ± 85 по уточненному периоду полураспада). Образец кости взят из могилы № 64, которая представлена в краткой справке как классическое погребение культуры верхнего слоя Сяцзянь.

По вопросам этнической принадлежности высказываются различные точки зрения. Наиболее приемлем взгляд Цзинь Фэнъи, который считает, что культура оставлена племенами дунху. Он обратил внимание на то, что в «Ши цзи. Сюань лежунь» о дунху сообщается при изложении событий, относящихся к периоду не только Чжаньго, но и Чуньцю. Позволю себе процитировать отрывок, на который ссылается китайский исследователь, в переводе В. С. Таскина [1968, с. 36]: «В то время Цинь и Цзинь были сильными царствами. [После того как] правитель Цинь, Вэнь-гун, прогнал жунди, последние, поселившись

³ Ср. подход Д. Д. Нямсва [1986], который без серьезных археологических аргументов настаивает на полном различии плиточников и носителей «культуры каменных ящиков Маньчжурии».

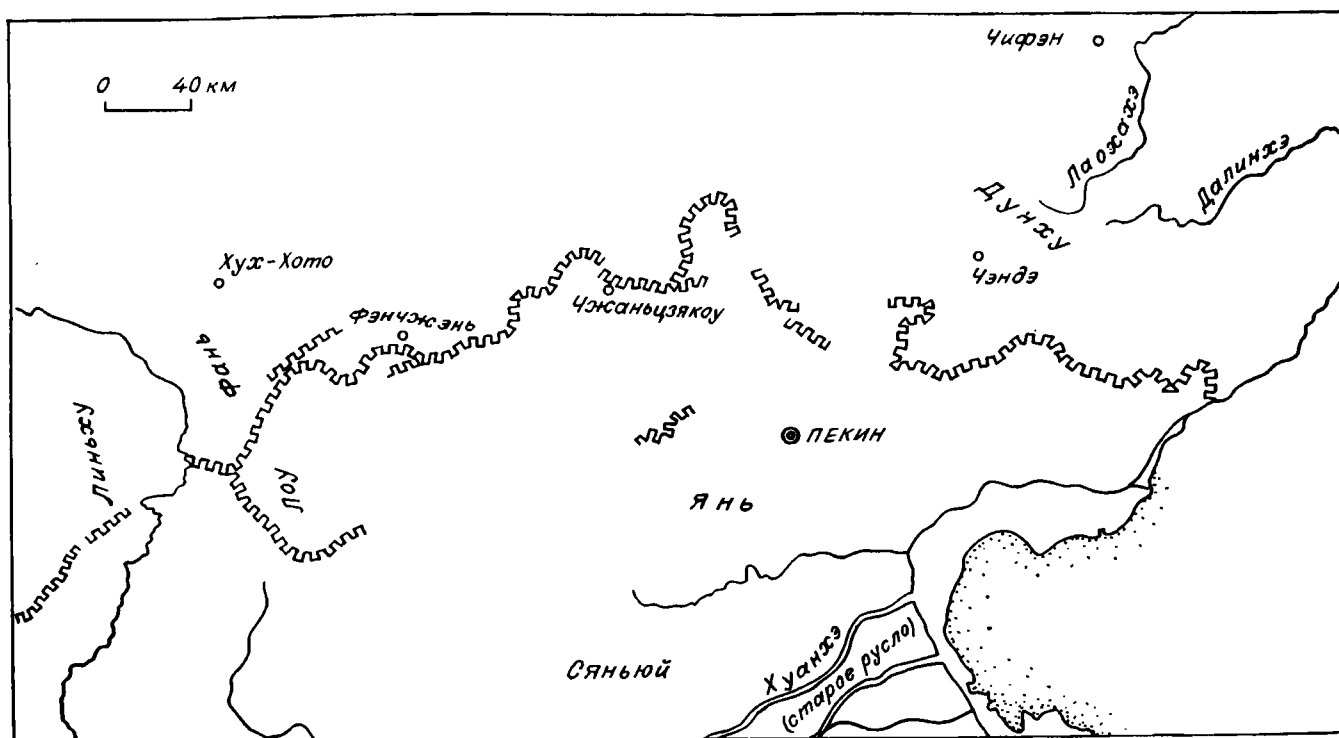

Рис. 73. Карта-схема северных границ государства Янь.

к северу от Хуан-хэ между реками Иньшуй и Лошуй, стали называться чиди и байди. Правитель Цинь, Му-гун, привлёк Ююя, [благодаря советам которого] восемь владений западных жунов признали над собой власть Цинь... На севере от Цинь жили жуны, [называвшиеся] линьху и лоуфань, а на севере от царства Янь жили дунху и шаньжуны. Через сто с лишним лет после этого Дао-гун, правитель царства Цинь, послал Вэйцзяна заключить мир с жунди...

Циньский Вэй-гун правил в 636-628 гг. до н. э., циньский Му-гун — в 659—621 гг., а циньский Дао-гун — с 572 по 558 г. до н. э. [Сыма Цянь, 1984, с. 120, 134, 138, 142, 170, 178]. Логично предположить, что и сведения о дунху, помещённые между упоминаниями о деятельности этих правителей, относятся к периоду второй половины VII — первой половины VI в. до н. э.

Далее Сыма Цянь сообщает о том, как яньский полководец Цинь Кай «внезапно напал на дунху, нанес им поражение и вынудил отойти более чем на 1000 ли... [Царство] Янь также построило длинную стену от Цзяояна до Сянпина и образовало для защиты от ху округа Шангу, Юйянь, Юбэйпин, Ляоси и Ляодун» (см. [Таскин, 1968, с. 37]). Согласно комментариям, эти округа охватывали северную часть Хэбэя, юго-западную часть Ляонина и юго-восток Внутренней Монголии (в современном административном делении). В. С. Таскин считает, что ху, против которых были построены стены, — что сюнну, занявшие место дунху после отступления последних от северных границ Янь. Однако в любом случае очевидно, что до поражения эту территорию занимали именно племена дунху. Остатки яньской степи были обследованы в своё время ещё Туи Чжучэнем. Она начиналась от Душикоу на западе, проходила через уезды Вэйчан, Чифэн, Лохань, Паймань, Фусин — вплоть до границы пров. Цзялинь на востоке. Эта степь,

таким образом, пересекала бассейны рек Шара-Мурэн, Сяолиньхэ и Далиньхэ, район наибольшей концентрации сяцзяньских памятников [Цзинь Фэнъян, 1983а, с. 49—50]. Так гипотеза дунхуской принадлежности культуры верхнего слоя Сяцзяня получает надёжное историко-географическое подтверждение [Исторический атлас, 1982, карта 41—42] (рис. 73). Важность такого вывода трудно переоценить, поскольку от дунху связи прослеживаются к ухуаням и сяньби, которых считают предками монгольских народов [Викторова, 1980; Таскин, 1984].

Цзинь Фэнъян [1983а, с. 50] приводит ещё ряд соображений в пользу выдвинутой концепции. Во-первых, использование в Сяцзяня собак для жертвоприношений и их изображения на бронзах совпадают со сведениями «Хоу Хань шу» о культовом отношении к собаке у ухуаней. Во-вторых, у них же источник отмечает почитание солнца и восточного направления, чему соответствует ориентация большей части погребённых в сяцзяньских могилах головой на восток. Разумеется, отмеченные черты духовной жизни распространены очень широко во всем мире и потому не могут использоваться в качестве прямых подтверждений выдвинутой гипотезы. Столь же общий характер имеет антропологическое заключение, сделанное на основе анализа скелетных остатков из погребений и изображений на бронзовых изделиях. Носители культуры верхнего слоя Сяцзяня были определены как классические монголоиды, однако к данному расовому типу относятся не только монгольские, но и многие тюркские народы. Более конкретным является замечание о форме причёски, которая может быть существенным этноразличительным признаком. На упомянутых фигурках и рисунках у людей — бритые головы, что отличается от причёски как древних китайцев, укладывавших волосы на затылке с помощью шпи-

лек, так и сюнну, носивших косу, но зато полностью соответствует обычаю ухуапей, считавших, «что бритье головы приносит облегчение и удобство» [Таскин, 1984, с. 64]. В совокупности указанные выше моменты служат дополнительными, хотя и косвенными доказательствами в пользу дунхуской теории, которую в настоящее время разделяет большинство китайских археологов.

С. С. Миняев [1985, 1986], проанализировав особенности погребальных сооружений и обряда, высказал мнение о «протосюннуской» принадлежности культуры верхнего слоя Сяцзядянь. К выдвинутой им проблеме ранних сюнну мы еще вернемся. Здесь же следует отметить, что его гипотеза противоречит разобранной выше письменной традиции. Сходство же между погребениями рядовых сюнну и могилами верхнесяцзядяньских (дунхуских) племен, действительно немалое⁴, можно объяснить их принадлежностью к одному культурно-хозяйственному типу и взаимными контактами. Не исключено также, что отдельные дунхуские группы приняли непосредственное участие в формировании сюннуского племенного союза.

Обратимся теперь к анализу конкретных памятников. К числу наиболее богатых оружием сяцзядяньских памятников относится раскопанная в 1963 г. могила № 101 у д. Наньшаньгэнь (уезд Нинчэн, сейм Чжаоуда, пров. Ляонин) [Могила с каменным ящиком..., 1973]. Могила трапецевидной формы. Ее длина 3,8 м, ширина одной стороны 2,23, а другой — 1,8 м, глубина 2,4 м. Стенки ее, дно и верхняя часть были выложены небольшими каменными плитками. Судя по остаткам трухи, покойник лежал в деревянном гробу. Погребальный инвентарь составляют ритуальные сосуды, оружие, орудия труда из бронзы, три золотых кольца, два каменных топора и различные изделия из кости. Среди бронзовых сосудов оказались изделия специфических форм, не известные на других памятниках. Однако сосуды *гуй*, *у*, *дин* (I и II типы) входят в круг обычной западно-чжоуской ритуальной утвари. Они аналогичны находкам на памятниках VIII—VII вв. до н. э.

Столь же смелая по характеру комплекс вооружения. Кинжалы, шлем, накопечники стрел, накладки на ножи специфичны, а три клеца несомненно чжоуские. Один из них (M101:15) по форме напоминает *гэ* из Шанцуньлина. Сходен с шанцуньлинским образцом и кельт (M101:46). Это также подтверждает датировку могилы концом поздней бронзы (рубеж Западного Чжоу — Чуньцю). Кинжалы подразделяются на две большие группы. Один из них «скрипковидной» формы, четыре других близки к карасукским «выемчато-эфесовым». Еще два кинжала сочетают различные традиции. У одного — «скрипковидный» клинок и рукоять в форме пары лежащих друг против друга тигров (см. рис. 7, 2). Точные аналогии такой рукояти не известны, однако традиция украшать кинжалы изображениями животных примечательна для искусства кочевников северных степей.

Клинок другого кинжала — с параллельными лезвиями и цилиндрической жилкой по центру, что характерно для кинжалов карасукского облика, равно как и для поздних образцов дунбэйской группы. Рукоять как бы надвинута на клинок и украшена терриоморфным узором («куй-лун вэнь»), распространенным на чжоуских бронзах Центральной равнины. Из трех наконечников копий один профилированный. Втулка приблизительно на середине пера переходит в ребро, которое доходит до острия. Второе копьё с удлинено-листовидным пером, у третьего клинок близок к пламевидной форме. Втулка его несколько расширяется книзу, а с одной стороны приделано ушко. Из прочих вещей можно отметить обломок зеркала, различные бубенцы и две небольшие ажурные бляшки со стилизованными изображениями козлов. Вещи этого типа обычно относили к более позднему времени.

В 1958 г. в районе Наньшаньгэнь исследовалась могила со сходным инвентарем [Ли Юю, 1959]. Ее длина более 2 м, ширина 1,5 м, дно и стены выложены булыжником. Внутри при раскопках была найдена коллекция из 71 бронзового изделия. Из оружия обнаружен бронзовый шлем, три клеца *гэ*, в том числе один черешковый и два проушных, наконечник копья — втульчатый, с профилированным лезвием. Типологически различны два кинжала. У одного из них лезвие дунбэйского типа, рукоять словно падает на черен кинжала, нижняя часть ее сильно расширяется; другой экземпляр отличается листовидным клинком и короткими высоко посаженными шинами (описание см.: [Членова, 1976, с. 63]). Однако у обоих кинжалов рукояти увенчаны фигурками животных, что подчеркивает их единство. Найдены также три черешковых накопечника стрелы, четыре кельта (в том числе один с «луновидным» лезвием), четыре пожа, два подтока и одни бронзовые ножи длиной 35,5 см. Необходимо отметить своеобразные украшения в виде соединенных лирообразных предметов с зооморфными головками. В могиле лежали также прямоугольные и круглые бляшки. Многие изделия оказались украшенными изображениями трех-четырёх стоящих животных. Н. Л. Членова [Там же, с. 64] предлагает датировать этот комплекс временем около VI в. до н. э. Однако, судя по инвентарю, эта могила по дате близка к погребению № 101.

Важные результаты получены в Наньшаньгэнь в 1961 г. [Лю Гуаньминь, Сюй Гуанцзи, 1975]. При раскопках 14 хозяйственных ям найдено 1774 фрагмента керамики. По ней памятник соотносится с культурой верхнего слоя Сяцзядянь. В слое залегали также несколько костяных наконечников стрел с треугольным или ромбическим в сечении пером и, как правило, уплощенным черенком. Последняя деталь — характерная особенность наконечников этой культуры. В девяти могилах обнаружены бронзовые ножи, ярусные бляшки, ложечковидные и лапчатые подвески. К числу важнейших находок относится бронзовое кольцо из могилы № 3, украшенное бронзовыми литыми фигурками двух всадников и одного животного (быка?). Не исключено, что это одно из наиболее ранних свидетельств использования коня для верховой езды на территории Китая.

⁴ Хотя есть и существенные отличия, например ориентация погребенных у первых в основном головой на север, а у последних — на восток.

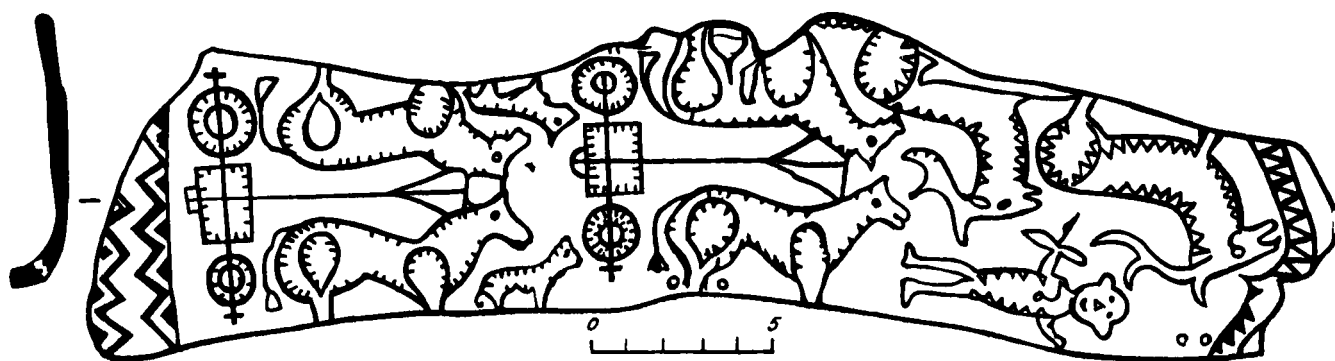

Рис. 74. Костяная пластина из могилы № 102 в Наньшаньгань.

К тому же этапу относится наньшаньганьская могила № 102 [Ань Чжиминь, Чжэн Найю, 1981]. Она расположена в 120 см от № 101 и представляет собой захоронение в грунтовой яме (размеры $2,8 \times 1,15 \times 0,9$ м), стены которой обложены крупными булыжниками, перекрытой сверху небольшими камешными плитками. Деревянный гроб полностью сгнил. Вместе с костяком обнаружены бронзовые ножи, кельты, части сбруи (удила, обоймы, бляшки), одно зеркало и ряд других предметов. Они относятся к той же культурной традиции, а по времени близки к изделиям могилы № 101. Из оружия найдены только черепковые наконечники стрел: три бронзовых трехлопастных и три костяных трехгранных. Однако наиболее эффектная находка комплекса — костяная пластинка с резным рисунком, изображающим человека с луком в руке (рис. 74). Кибить оружия выгнута в середине, что свидетельствует о сложном луке. Размеры лука составляют около 42% от высоты тела человека (т. е. возможная длина натянутой тетивы варьирует от 65 до 75 см). На пластине изображены две легкие колесницы-биги, которые использовали те, кому принадлежала культура верхнего слоя Сяцзянянь. Как считает А. В. Варенов [1983б], «выгравированные лошади стилистически близки к изображениям на оленьих камнях, например — из Дарив-сомона» (с. 4).

Наньшаньгань относится к числу наиболее изученных сяцзядяньских памятников. Определенные аналогии с ним прослеживаются и в других материалах, обнаруженных в районе Чифэна и прежде всего на самом Сяцзядяне [Отчет о пробных раскопках..., 1974]. Здесь найдено около 7 тыс. фрагментов керамики, около 20 шлифованных каменных орудий, а также обломки двух каменных литейных форм — для кельта-топора, украшенного линейным треугольным орнаментом, и для ярусной бляшки. Открытие литейных форм подтверждает мысль о местном производстве бронзовых изделий. В могилах обнаружены многочисленные ярусные бляшки, которые нашивались на головной убор и воротник (китайским археологам удалось восстановить их расположение), лапчатые подвески, несколько костяных и два бронзовых наконечника стрел. Один из них с характерным трехлопастным пером, тогда как у другого двум лопастям придана редкая округлая форма.

Ряд несомненных сяцзядяньских комплексов обнаружен на территории соседнего уезда Цзяньпин [Цзинь Фэнъи, 1983в]. В 1977 г. одну могилу раскопали на городище Шуйцюань. Она пред-

ставляла собой прямоугольную яму с вертикальными стенками (размеры $1,93 \times 0,8 \times 0,83$ м), без каких-либо дополнительных конструкций (во всяком случае, о них ничего не сообщается). Судя по останкам, костяк лежал в деревянном гробу головой на восток. В 1978 г. рядом открыли еще одну могилу, сходную с первой как по способу погребения, так и по инвентарю. Почти одинаковы между собой кинжалы без выделенного перекрестья с волнистыми лезвиями и втульчатými рукоятями, переходящими в цилиндрическую жилку; ножи с тремя выступами-упорами и остатками деревянных накладок на ручках; зеркаловидные украшения (рис. 75). Следует отме-

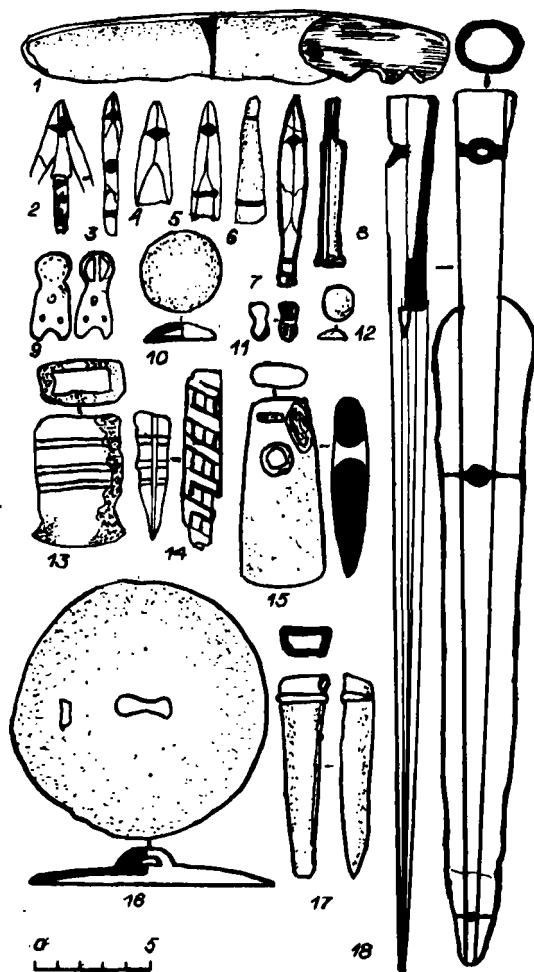

Рис. 75. Верхнесяцзядяньский комплекс из Шуйцюань (по Цзинь Фэнъи).

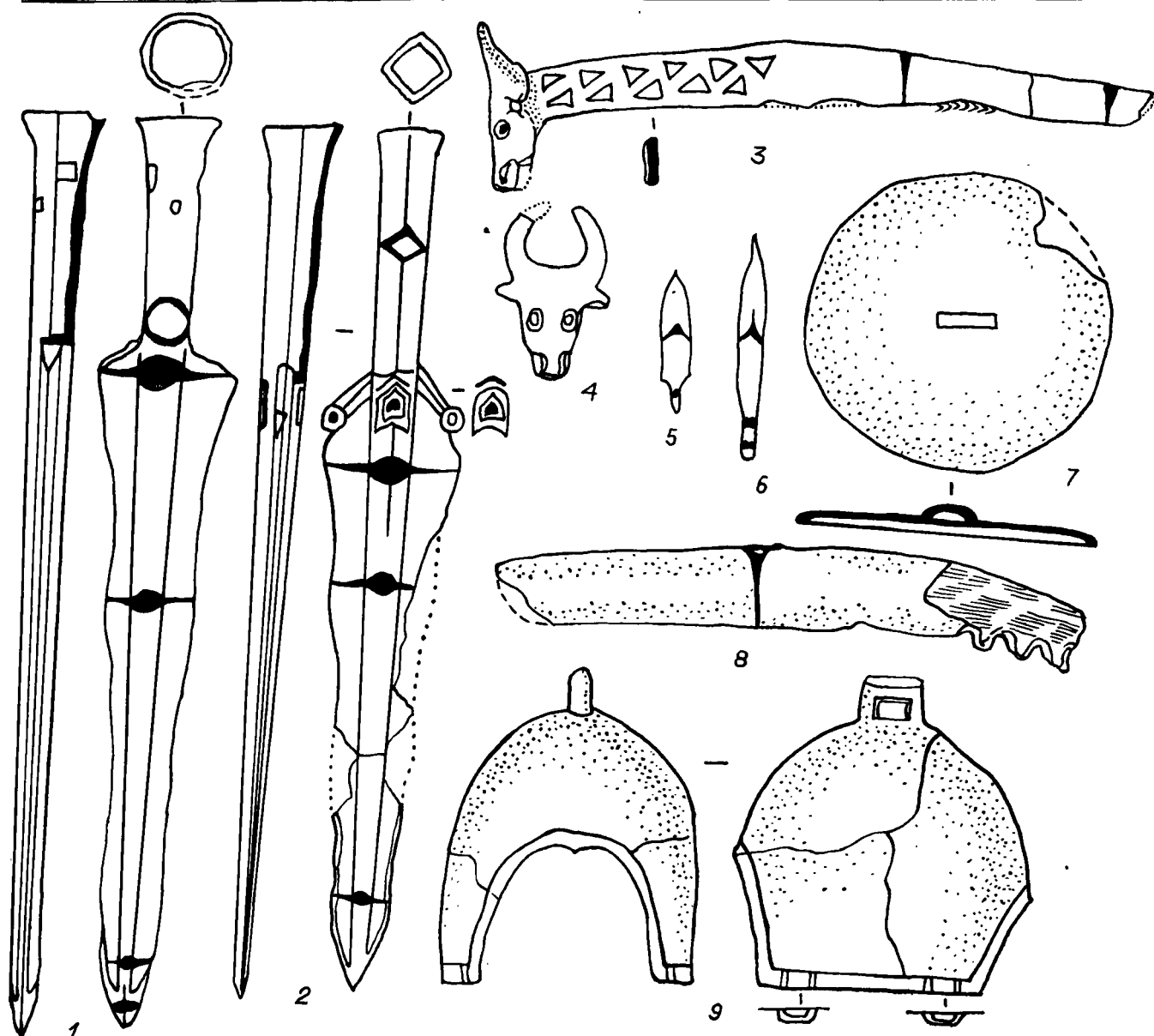

Рис. 76. Верхнесяцзяньский комплекс из Шилишань (по Цзинь Фэнъя).

тить также совместное нахождение в могиле № 7701 одного бронзового и четырех костяных наконечников стрел.

Значительный интерес представляет могила № 741 в Шилишань. Прямоугольная яма (размеры $2,3 \times 0,7$ м) была выложена в один слой камнями на высоту 0,5 м, для дна и перекрытия использовались каменные плиты. Бронзовый погребальный инвентарь состоял из кинжала, ножа и шлема (рис. 76). Вместе с восемью бронзовыми трехлопастными наконечниками стрел в единый комплекс входили 20 трехгранных наконечников из кости, а также около 100 бусин из белого камня, рассыпанных вокруг черепа.

Кроме того, в разрушенной могиле близ коммуны Шаогоинцзы вместе с бронзовым шилом, костяным пряслицем, мелкими украшениями найден кинжал карасукского облика с утолщением вдоль центральной линии клинка и со щелью в рукояти (рис. 77). Аналогии ему можно найти среди кинжалов Ордоса (см., например, [Членова, 1976, табл. 10, 2]); более отдаленные аналогии прослеживаются и дальше на запад [Там же, табл. 1, 2,

7—9]. Комплекс этот датируется значительно более ранним временем, чем предыдущие памятники.

Цзинь Фэнъя [1983в] опубликовал также серии случайных находок бронзовых изделий — кинжалов, ножей, кельтов (рис. 78, 79), сделанных на территории уезда Цзяньпин в последние годы. Судя по итоговым замечаниям его статьи, он все эти вещи связывает с культурой верхнего слоя Сяцзянь, хотя до этого сам же отмечает их хронологические и культурные особенности. Для некоторых из них (нож с кнопкой на конце рукояти; обломок рукояти с изображениями распластавшихся в полете птиц и навершием — фигуркой стоящей лошади) можно указать близкие аналогии из Восточной Монголии, относящиеся к периоду плиточных могил [Волков, 1967, с. 49—50, рис. 13, 2—5].

Вопросы периодизации культуры верхнего слоя Сяцзянь (дунху) находятся в процессе разработки. Наиболее интересную концепцию предложил Цзинь Фэнъя [1982, с. 388—402]. Он сторонник расширительного толкования культуры

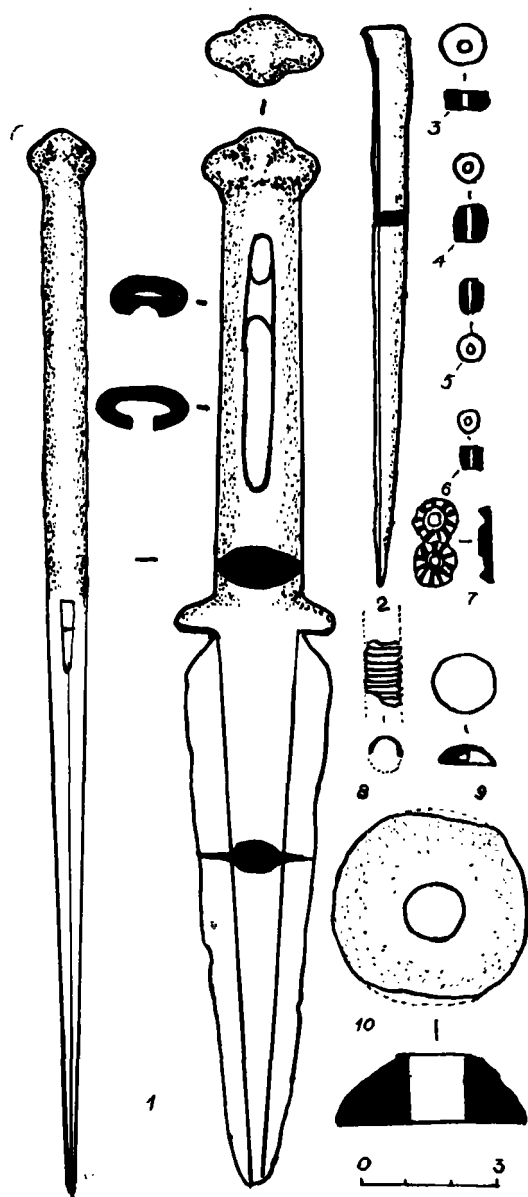

Рис. 77. Находки из Шаогуинцзы (по Цзинь Фэн'янь).

Сяцзядянь и поэтому относит практически все памятники Ляоси и района Шэньяня к единой традиции, выделяя в ней ряд последовательных этапов. По его мнению, Сяцзядянь развивалась в этих районах с середины Западного Чжоу и до позднего Чжаньго.

Гипотеза Цзинь Фэн'янь привлекает своей масштабностью, однако нуждается в более детальном обосновании. Так, таблицы характерных вещей различных периодов, составленные Цзинь Фэн'янь, показывают, что различий между ними не меньше, чем сходства. В связи с этим возникает ряд вопросов: 1) чем вызваны различия — хронологическими, территориальными особенностями или же принадлежностью к разным традициям; 2) чем вызвано сходство — общим происхождением, генетическими связями или же тесными контактами? Дать однозначный ответ на эти вопросы пока не удается. К тому же Цзинь Фэн'янь нередко обращается к неопубликованным материалам, что затрудняет оценку его выводов. Поэтому до подтверждения гипотезы соответствующими материа-

лами последующее рассмотрение набора оружия ограничивается в основном наньшаньгэньскими памятниками. Материалы других стоянок и могильников принимаются во внимание в качестве дополнительных.

Среди наступательного вооружения ближнего боя важное место занимают кинжалы, которые, как показано выше, относятся к двум группам. Точные аналогии находкам в Наньшаньгэнь известны из случайных сборов в районе Ордоса, что определяет направление связей культуры дунху [Andersson, 1932, pl. VI, 3; VII, 2; IX, 3]. О том же свидетельствуют изображения решетчатых ножен, расширяющихся в нижней части, выявленные на оленных камнях Монголии [Волков, 1981, с. 105, табл. 107, 16, 33] и близкие по форме находкам из сяцзядяньских могил.

К уже сказанному по типологии кинжалов необходимо сделать небольшое, но важное дополнение. Такая существенная особенность клинка, как центральная жилка, на основании которой дунбэйские кинжалы сближали с находками из Шаньцуньлинь и Чжунчжоулу, не всегда имела круглое сечение. У двух втульчатых кинжалов из раннего (предположительно среднего периода Западного Чжоу) комплекса из Дапаоцзы оно ромбическое (рис. 80) [Цзя Хун'энь, 1984]. Не исключено, что такое различие имело хронологическое значение.

Соединение различных традиций характерно и для копий, среди которых выделяются экземпляры с профилированным пером. Цзинь Фэн'янь, повернув их пером вниз, предложил считать все такие изделия кинжалами, которые выделил в особый тип А. Эту точку зрения разделяет большинство его коллег. В качестве аргумента в пользу такого соотношения высказано соображение о том, что клинок оружия слишком велик для копья и больше подходит для кинжала. Такое предположение вполне основательно, поскольку на определенном этапе развития клинки почти с одинаковой легкостью могут применяться и как кинжалы, и как наконечники копий. Примером тому — изложенная выше ситуация с оружием *пи*. Важным доводом в пользу «кинжальной» гипотезы является положение втульчатых клинков в некоторых могилах: под правой (реже — левой) рукой и острием вниз [Цзинь Фэн'янь, 1983в, с. 681, 684, 685].

Кроме того, в пров. Хэбэй обнаружен большой кинжал (длиной 50,2 см), который происходит от дунбэйских образцов, обладает четко оформленной поллой рукоятью и выделенным перекрестьем. У еще трех близких по форме кинжалов с территории той же провинции рукоять сплошная (см. рис. 12, 6—9) [Чжэн Шаоцзун, 1984, с. 37—39]. Можно предположить также, что существовала промежуточная стадия между копьем и втульчатым кинжалом, когда клинок насаживался на короткую рукоять и использовался по принципу зулусского ассегай [Риттер, 1977, с. 42—55]. Однако окончательно решать вопрос надо конкретно в каждом отдельном случае. Так, вызывает сомнение принадлежность к кинжалам изделия из могилы № 101. Клинок его действительно велик (40,8 см), но вместе с ним найдено несомненное копье, близкое по длине (34,3 см) [Могила с каменным ящиком..., 1973,

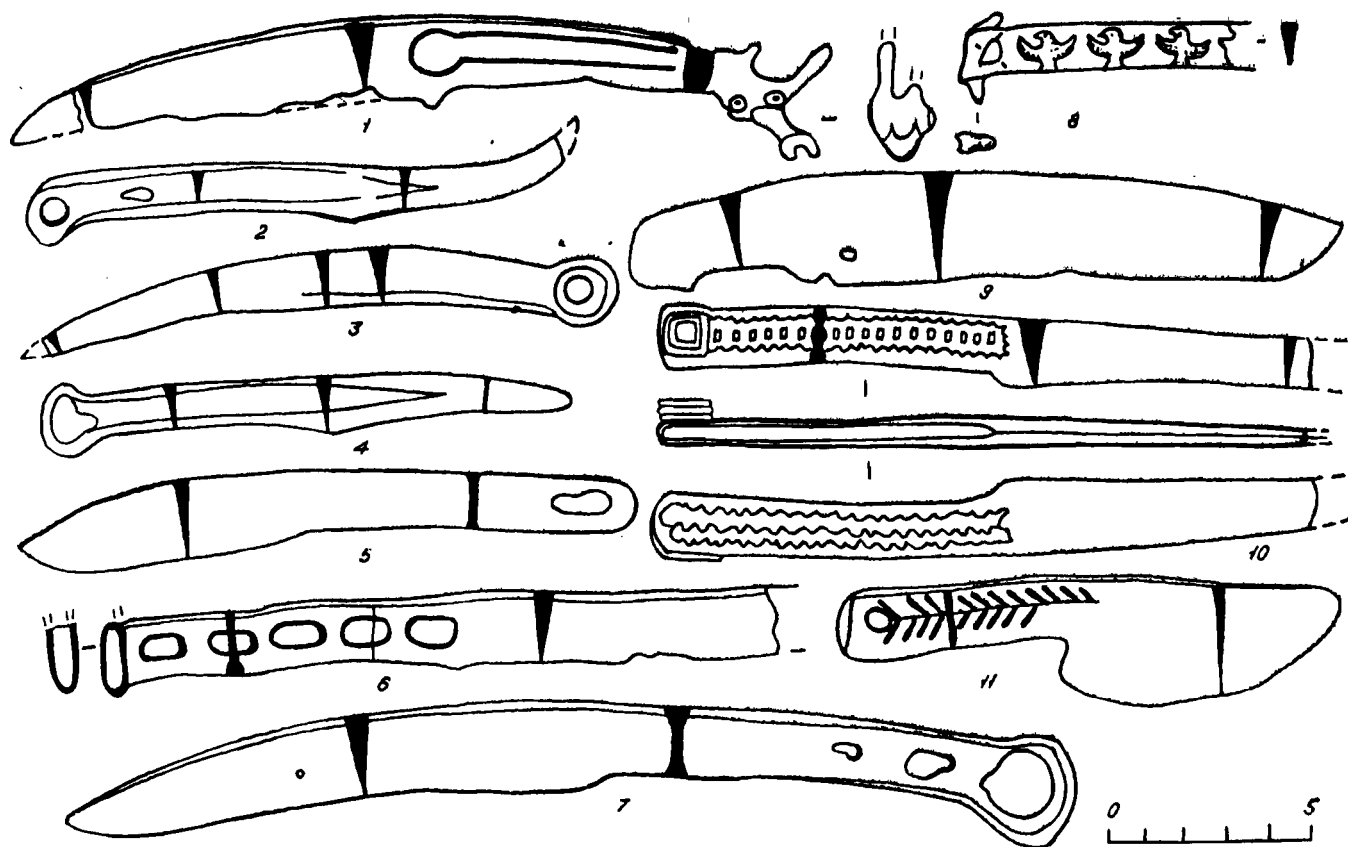

Рис. 78. Бронзовые пойки, найденные в уезде Цзяньпин (по Цзинь Фан'янь).

с. 32]. Наличие в комплексе копий с длинным пером объясняется, возможно, тем, что они использовались для поражения лошадей в колесничной запряжке.

Для второго наконечника характерно ушко-кольцо в нижней части насада. Отмеченная деталь позволяет установить соответствия с каменными формами для отливки копий, найденными в Баошаньляо. Вместе с ними обнаружены формы для кельта и ножа с упорами для пальцев на рукояти [Ларичев, 1961, с. 16, 17, 19; рис. 15]. Это подтверждает самостоятельность и самобытность (поскольку составные каменные формы не были в тот период известны чжоусцам) сяцзядяньского бронзолитейного производства.

В ходе раскопок в Наньшаньгань найдено копье, украшенное у основания nera выступами с шариками на концах. Н. Л. Членова [1976, с. 64, 68] предложила использовать эту находку для датировки двух мечей: из Маньчжурии и из Якутии. Небольшой меч (длиной 49,8 см), найденный в пос. Укулаан на правом берегу Алдана, опубликован А. П. Окладниковым [1959], который привлек в качестве аналогии ему меч из Дунбэя. Последний представляет собой случайную находку, сделанную в уезде Шаньжи провинции Хэйлунцзян (около 173 км к юго-востоку от Харбина). По форме этот меч действительно почти двойник якутской находки и близок по длине (41 см, острие обломано). Китайские археологи считают его изделием «северных народов» периода конца Чжао — начала Хань (около II в. до н. э.). Обоснования даты в публикации не приводятся [Ли Хунцин, 1956]. На основе отмеченной аналогии можно предварительно датировать мечи

первой половиной Восточного Чжоу. Проникновение дунхуского типа оружия в Якутию носило, очевидно, случайный характер. Вместе с тем оно подтверждает саму возможность столь отдаленных контактов.

Клецов на сяцзядяньских памятниках обнаружено сравнительно немного. Некоторые из них чисто чжоуские по форме. Они отражают контакты между дунху и хуася [Ли Ю, 1959, с. 276, ил. I, 7; Могила с каменным ящиком..., 1973, с. 32—33, ил. VII]. В то же время это не просто импортные вещи. Они изготовлены местными оружейниками. Встречаются и чисто местные формы. К ним относится втульчатый клевец из фондов Нинчэнского музея [Лю Гуаньминь, Сюй Гуанцзи, 1975, с. 138, рис. 20, 4], проушной клевец, найденный в Сибодзы [Цзи Синь, 1979, с. 230, ил. V, 4], и экземпляр, который сочетает обе традиции. Во время раскопок 1958 г. в Наньшаньгань обнаружен проушной клевец с длинным прямоугольным обухом и бородкой *ху* с двумя отверстиями. С двух сторон обух был украшен изображениями четырех животных, стоящих друг над другом (характерная черта сяцзядяньского искусства) [Ли Ю, 1959, с. 276, рис. 4].

Наличие дистанционного оружия подтверждается как иконографией, так и находками наконечников стрел, в основном черешковых трехлопастных. Два наконечника, сходных с наньшаньганьскими, хранятся в фондах ГМИНВ (инв. № 47/15 I, 47/16 I). Они переданы музею китайским художником Ван Хуном, который нашел их в 1934 г. в Бадалин (район Великой Китайской стены). В Наньшаньгань обнаружены также втульчатые стрелы, шесть из них в могиле № 101. Перо у

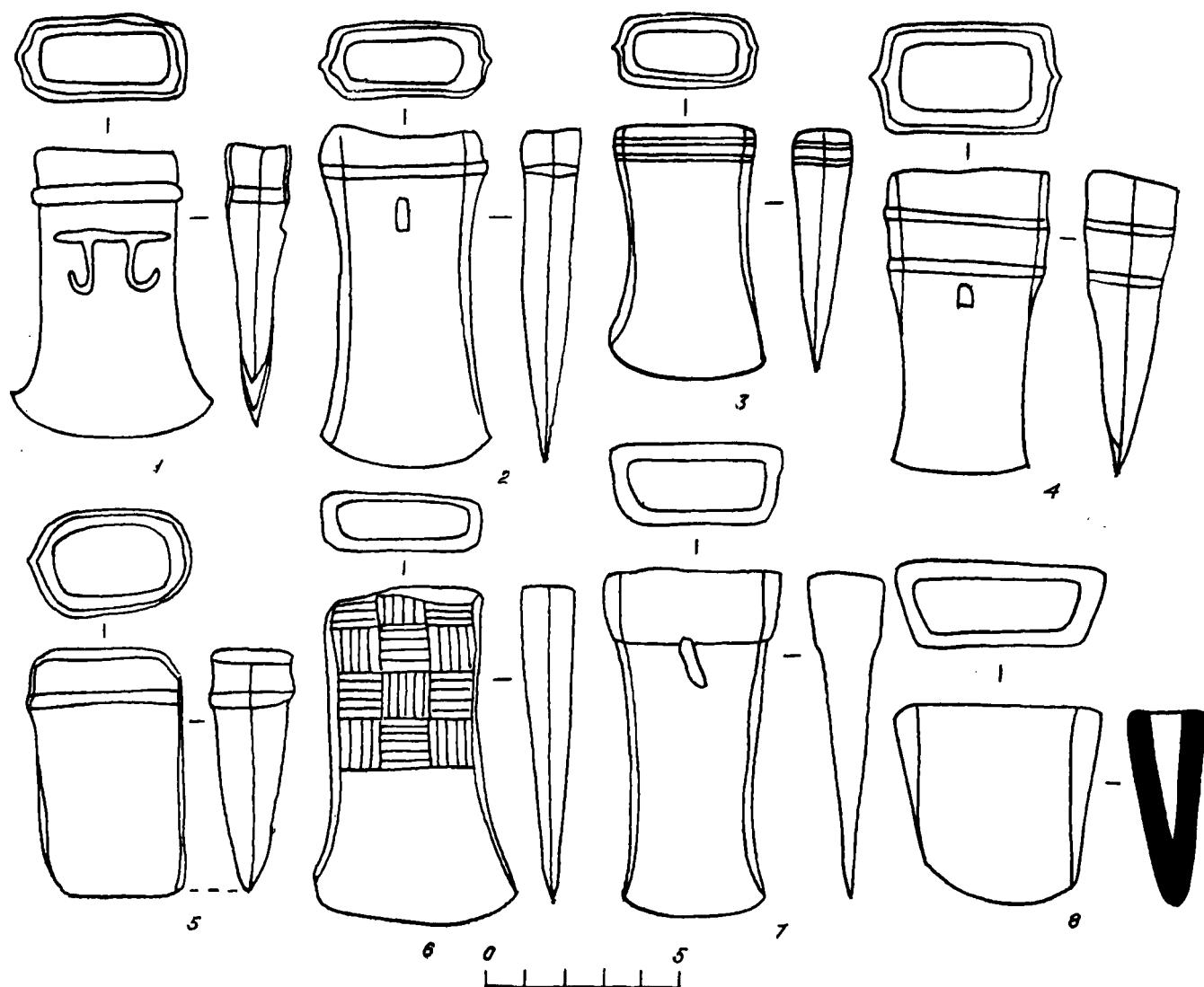

Рис. 79. Бронзовые кельты, найденные в уезде Цзяньпин (по Цзинь Фэньти).

таких стрел правильное, треугольное, с внутренней втулкой, в которой иногда сохраняются остатки тростникового древка [Могила с каменным ящиком..., 1973, с. 32]. На более поздних памятниках вроде Чжэньцзявацзы преобладают трехлопастные наконечники, широко распространенные в евразийских степях. Набор таких стрел найден в могиле № 6512 вместе с остатками лука, усиленного боковыми накладками из кости [Два погребения..., 1975].

Как показал А. В. Варенов, сяцзядяньские шлемы составляют естественную часть общей эволюционной схемы развития бронзовых касок чжоуского времени (от Байфу до Мэйлихэ и Цилишань). Он особо выделил непременною деталь шлемов — валик или бортик по краю, который как бы отводил в сторону рубящий удар. Это позволило высказать предположение, что подобные шлемы «возникли в среде, где было в ходу рубящее оружие, например типа карасукских мечей, встречаемых в Забайкалье...» [Варенов, 1984б, с. 47]. Постоянными контактами (в том числе вооруженными) с племенами, которые использовали в сражениях мечи (а также боевые топоры на коротких ручках), можно объяснить открытие одного цельнометаллического щита (могила

№ 101). Диаметр его 27,8—28,3 см. Он почти круглый. В центре прослеживаются утолщение и квадратная прорезь. По периметру щита равномерно располагаются 75 отверстий. На поверхности сохранились следы кожного покрытия [Могила с каменным ящиком..., 1973, с. 33, ил. V, 2]. Китайские археологи полагают, что такой щит — специфическое изделие местных народов [Археология Шан и Чжоу, 1979, с. 221]. Его могли использовать при фехтовании.

Комплекс вооружения культуры верхнего слоя Сяцзядянь в целом отличается значительным своеобразием. Самая специфическая группа изделий — профилированные кинжалы. Клинки с волнистыми лезвиями известны достаточно хорошо в традициях разных народов. Наиболее яркий пример — малайские крисы. Изгибы лезвия увеличивают длину клинка, которым можно нанести протягивающий удар, оставляющий длинные разрезы [Krieger, 1926, p. 64]. Одновременно крисы исполняли различные ритуальные функции, каждому изгибу их клинка придавалось магическое значение [Чукина, 1985]. Все это в определенной степени можно отнести и к дунбэйским кинжалам. Однако в отличие от крисов они развиваются в сторону выпрямления лезвий. Узкими кин-

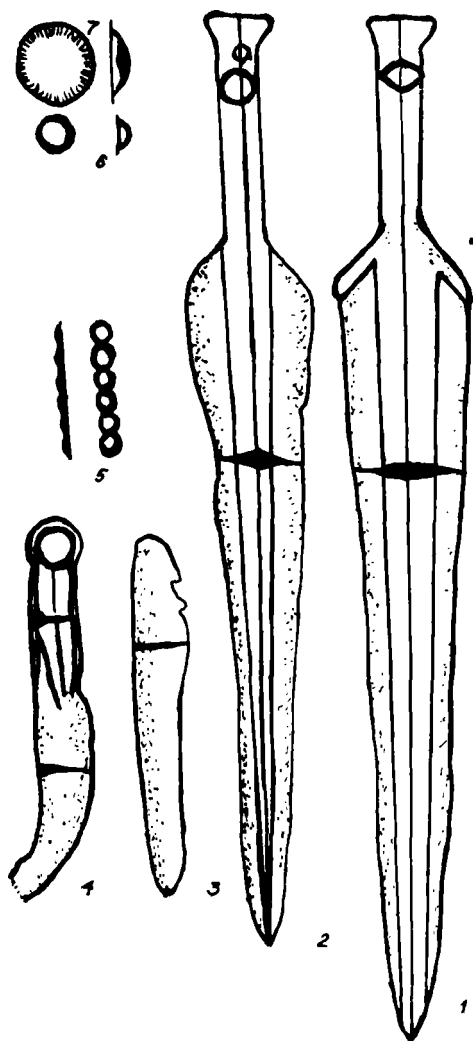

Рис. 80. Комплекс бронзовых изделий из Дапаоцзы (по Цзя Хунъюню).

жалами с граненной «пикой» можно было наносить очень эффективный короткий колющий удар⁵.

Следовательно, отмеченная эволюция дунбэйских кинжалов исключает какие-либо функциональные обоснования для распространения на обширной территории столь оригинальной формы оружия. На наш взгляд, подобную специфику следует определить как этнокультурную по характеру. Существо споров по поводу хронологии и принадлежности дунбэйских кинжалов подробно изложено в I главе. Однако остается нерешенным вопрос относительно причин столь широкого распространения дунбэйских и производных от них кинжалов в различных культурах, которые соответствуют разным этносам. Ведь кинжалы Ляодуна и Корейского полуострова изготавливали протокорейцы емэк [Воробьев, 1961; Бунин, 1982; Kim Won-Jong, 1983]. В то же время усвоившие

этот же вид оружия дунху были предками монголов [Викторова, 1980, с. 18]. Гириная культура ситунаньшань, где также обнаружены кинжалы [Лю Цзинвэнь, 1984, с. 39], принадлежала сущеням тунгусо-маньчжурского этноса [Ларичев, 1980]⁶. Многочисленные кинжалы, производные от корейских, найдены на территории Японии [Воробьев, 1958]. Очевидно, такое широкое распространение специфического вида оружия объясняется не только территориальной близостью перечисленных народов, но и принадлежностью их к алтайской семье, в условиях сохранения определенной общности материальной и духовной культуры у носителей языков тунгусо-маньчжурской, корее-японской и монгольской групп⁷. Еще одним археологическим свидетельством этого единства является тесная связь указанных кинжалов с зеркалами и зеркаловидными украшениями, которые можно включить в единую типологическую схему [Чжан Сиин, 1986]; прослеживается сходство и среди других элементов (копья, кельты, «елочный» орнамент) [Цзинь Фэнъи, 1982; 1983а, сводные табл.]. Следует вместе с тем учитывать, что речь идет о сравнительно позднем этапе взаимоотношений. Однако сам факт сохранения существенных элементов общности в эпоху поздней бронзы — раннего железа может стать одним из оснований для локализации центра формирования алтайской языковой семьи на территории Маньчжурии и прилегающих областей⁸.

ОРУЖИЕ НАРОДОВ БА-ШУ

Народы ба-шу играли важную роль в истории чжоуского Китая. Упоминания о них встречаются в иньской эпиграфике, о нападении на Шу свидетельствует надпись на гадательном панцире № 68 из Фэнчу, а участие племен шу в битве при Муе отмечено в «Шу цзине» и соответственно у Сыма Цяня [1972, с. 185]. Однако в целом письменные памятники содержат скудные сведения об этих народах. Поэтому исследователи, опирающиеся в основном на нарративные источники, вынуждены часто оперировать предположениями, без достаточного обоснования их фактическими материалами [Познер, 1981].

Намного более обильные и содержательные факты по ба-шу приносят теперь археологические исследования. Успехи, достигнутые в этой области до начала 70-х гг., отражены в монографии Р. Ф. Итса [1972, с. 167—174], которому удалось показать как значительное сходство, так и определенные различия в материальной культуре Ба и Шу, выявить их связь с местной неолитической подосновой, а также вклад в становление культуры Дянь и других представителей «синань-и».

⁵ О Дунбэе как о «древнейшем центре формирования пратунгусов» см. монографию А. П. Деревянко [1976, с. 273—274].

⁷ Тюркская языковая группа выделялась значительно раньше остальных [Баскаков, 1981].

⁸ Об этом свидетельствуют также данные о существовании особого монголо-маньчжуро-корейского очага древнего земледелия, выделенного В. С. Стариковым [1973, с. 26—27] по археологическим, этнографическим и лингвистическим данным.

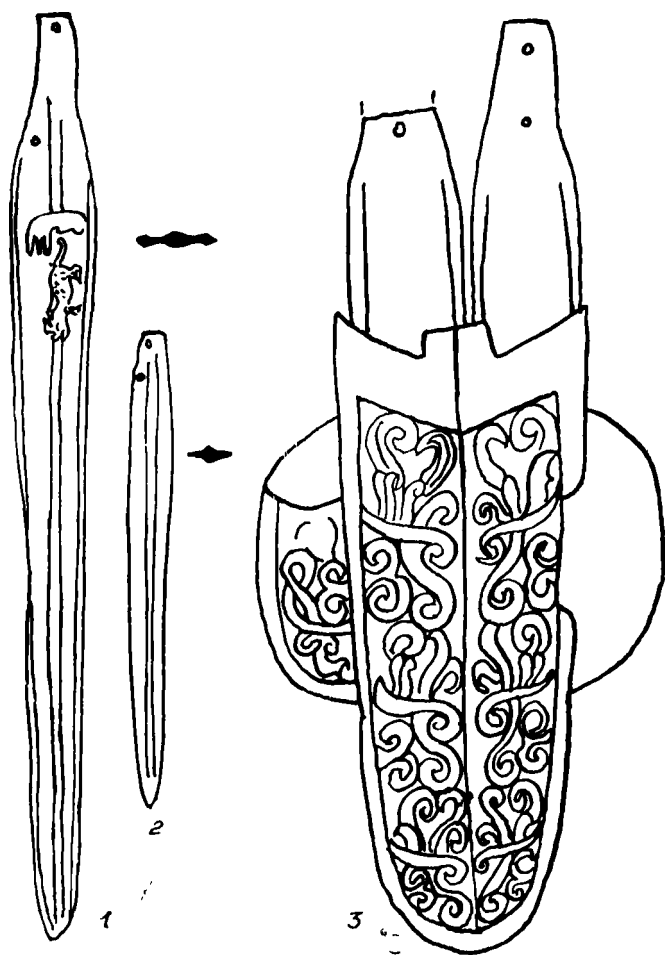

Рис. 81. Бронзовые кинжалы ба-шу (по Тун Эньчжэню).

В последние годы китайские археологи провели новые исследования, которые в ряде случаев позволяют уточнить сложившиеся ранее представления. Ряд важных выводов обосновывается материалами вооружения. Анализируя кинжалы, Тун Эньчжэнь [1977] выделил два типа: AI и AII (рис. 81). Для AI характерны плоская рукоять без эфеса с проделанными в ней двумя отверстиями, а также клинок с ребром по центру, с обеих сторон которого прослеживаются сравнительно широкие доли. На клинке часто изображался узор. Тип AII в основном сходен с предшествующим, но клинок у него, не очень четко отделенный от рукояти, более узкий, массивный, лишенный кровостоков и узоров. Первый тип кинжалов в основном обнаружен при раскопках памятников древнего Ба, а второй — Шу. Местные племена могли использовать кинжалы не только в рукопашной схватке, но и как метательное оружие [Сун Тайминь, 1985, с. 32].

В статье «Исследование бронзовых клевцов...» Тун Эньчжэнь [1979] столь же подробно охарактеризовал клевцы Юго-Запада, в частности Ба и Шу, — группа А. В составе ее выделены пять типов. AI — клевец с сильно вытянутым треугольным бойком и широким бортиком (рис. 82, 1). AII подразделяется на два подтипа, и для него в целом характерен широкий массивный боек. Однако у AIIa он округлый, треугольный (рис. 82, 2), а у AIIb — пятиугольный, причем все углы выделены специально (рис. 82, 3). У бойка клевцов

типа AII лезвия плавно выгибаются к основанию, выступы довольно далеко выходят за ширину обуха и в каждом из них проделано отверстие (рис. 82, 4). Тип AIV близок к предшествующему, и лишь нижний выступ у него удлинен больше, чем верхний. Он превращается в бородку ху (рис. 82, 5). Тип AV близок к AIV, но верхнего выступа у него нет (рис. 82, 6). Территориальное рассредоточение этих типов клевцов коррелирует с зоной распространения кинжалов. Так, тип AIIb встречается только в баских районах, а AIIa и AIV — только в районах шу.

Новые оружейные находки проанализировал Лю Ин [1983], который опирался на типологические разработки Фэн Ханьци. Из 69 найденных клевцов абсолютное большинство относится к местным типам, только 10 из них (менее 15%) — несомненно чжоуского происхождения. Специфические формы коний, кинжалов и секир, а также узоров и знаков на оружии помогают определить область распространения народов ба и шу. В то же время при значительном сходстве этих родственных культур между ними существовало и немалое различие, в том числе в области вооружения. Главным оружием у басцев были кинжал и секира, тогда как у шусцев — клевец и копье. Государство и культура ба подверглись значительному воздействию со стороны Чу, шусцы сохраняли определенные контакты с Центральной равниной [Ван Цзяю, Лю Папэнь, 1983].

Тун Эньчжэнь считает, что прототипы кинжалов и клевцов ба-шу найдены на раннечжоуских памятниках Шэньси. Он объясняет их появление в Сычуани миграцией племен ди, которые обитали в Южной Гапэсу. Действительно, в настоящее время, в особенности после открытий Чжунаньгоу и Чэнгу⁹, выявлены значительные совпадения в культуре этих районов. Ли Боцянь [1983] установил наличие в комплексах находок конца Шан — начала Чжоу из Чэнгу трех компонентов. Один из них составляют классические шанские изделия — бронзовые сосуды, вислообушные га и двухлопастные стрелы. К другому относятся большинство клевцов и секиры с дугобразным лезвием и прямым обухом, которые копируют в основе шанские образцы, но вместе с тем отличаются своеобразными чертами. Третий компонент связан с весьма специфическими изделиями вроде секир с круглым лезвием и квадратной втулкой и горшков с прямым устьем и парой ушек. Сравнявая находки в Чэнгу с материалами памятников раннего Шу (Шуйгаупин, Чжувацзе), Ли Боцянь пришел к выводу, что между ними прослеживается не просто сходство, но определенное культурное единство. Поскольку памятники Чэнгу несколько древнее сычуаньских, то, следовательно, первоначальный центр формирования культуры Шу (или, по крайней мере, один из ее истоков) располагался в верхнем течении р. Ханьшуй и лишь к периоду Западного Чжоу переместился в долину Чэнду. То же самое подтверждает упо-

⁹ В сравнительно недавнем обстоятельном обзоре бронзы из Чэнгу были интерпретированы как остатки удельного государства иньского времени, созданного одним из цянских племен [Тан Цзяньюй, Ван Шоучжи, Го Чанцзян, 1980].

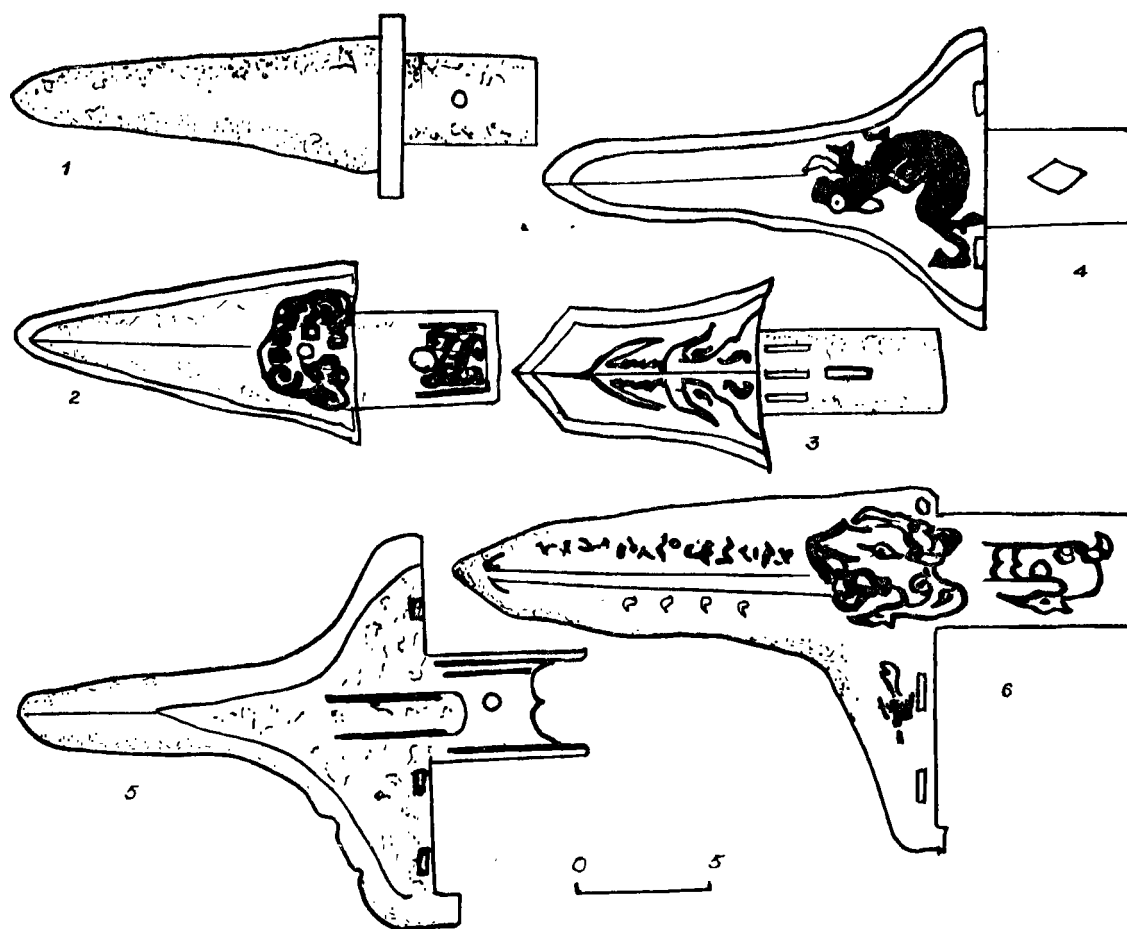

Рис. 82. Основные типы клевцов юго-запада (по Тун Эпьянэну).

минание Шу на шанских гадательных костях. Ли Бодянь отличает это передвижение от миграций ди-цзян, с которыми в Сычуани и появляются каменные топоры и тесла, а также расписная керамика типа мацзяяо.

Заметный вклад в решение этой проблемы внесло исследование Лу Ляньчэна и Ху Чжишэна [1983а]. Материалы могил в районе Баоцзи, по их мнению, представляют культуру государства Юй. Памятники в Жудзячжуан и Чжюаньгоу достаточно подробно описаны во II главе. Эпиграфические материалы позволили авторам выдвинуть гипотезу о том, что Юй было объединением племен ди времени конца Шан. В начале чжоуской эпохи центр этого государства постепенно сместился к югу, а к середине Западного Чжоу памятники его в районе Гуанчжуна фиксировать не удастся. Проанализировав типы оружия (рис. 83), Лу Ляньчэн и Ху Чжишэн пришли к выводу, что большинство клевцов как в Шу, так и на памятниках района Баоцзи восходит к прототипам из Чангу. То же касается и копий. Кинжалы появляются в Сычуани как следствие связей с культурой, представленной памятниками типа Чжюаньгоу (удела Юй). Таким образом, центр ранней культуры Шу размещался в бассейне рек Лунцзянь и Ханьшуй. Перемещение комплекса вооружения на юг связывается с миграцией ди, которые связаны с цзянами (культура сыва), но отличаются от них [Лу Ляньчэн, Ху Чжишэн, 1983б]. Очевидно, изначальный центр

шу находился севернее тех мест, где эти племена расселились позже, и их родство с ди и цзянами убедительно доказывается апализмом керамики (рис. 84).

В интересной статье Линь Сяна [1985] также показано, что племена шу были одной из ветвей дисцев, которые существенно отличались от цяннов. Различные группы раннешуских (от Эрлитоу до начала Чжоу) памятников — в долине Чэнду, в верховьях р. Миньцзян и в Гуанчжуне — он считает остатками небольших государств, созданных различными кланами Шу. Северные группы их вступали в контакты с населением долины Хуанхэ. Однако было бы ошибкой абсолютизировать влияние с данной стороны (ср., например, [Сун Чжиминь, 1983], ибо культура шу в Гуанчжуне отличалась зачаточной самобытностью и на равных участвовала в процессе культурного обмена. Лишь после циньского завоевания Ба и Шу постепенно утрачивают специфические черты, в том числе и в вооружении [Тун Чжучэн, 1985, с. 135]. Некоторая часть их населения переселяется дальше на юг, сохраняя политическую и культурную самостоятельность и организуя местные племена на борьбу с Цинь [Ван Юпэн, 1984].

В письменных источниках сохранились сведения о том, что в Ба-Шу для перевозки войск использовали большие лодки, которые вмещали по 50 пехотинцев вместе со снаряжением и припасами (см. [Ян Куань, 1956, с. 15]). Согласно комментарию к ним, это были двойные лодки, т. е. лодки с

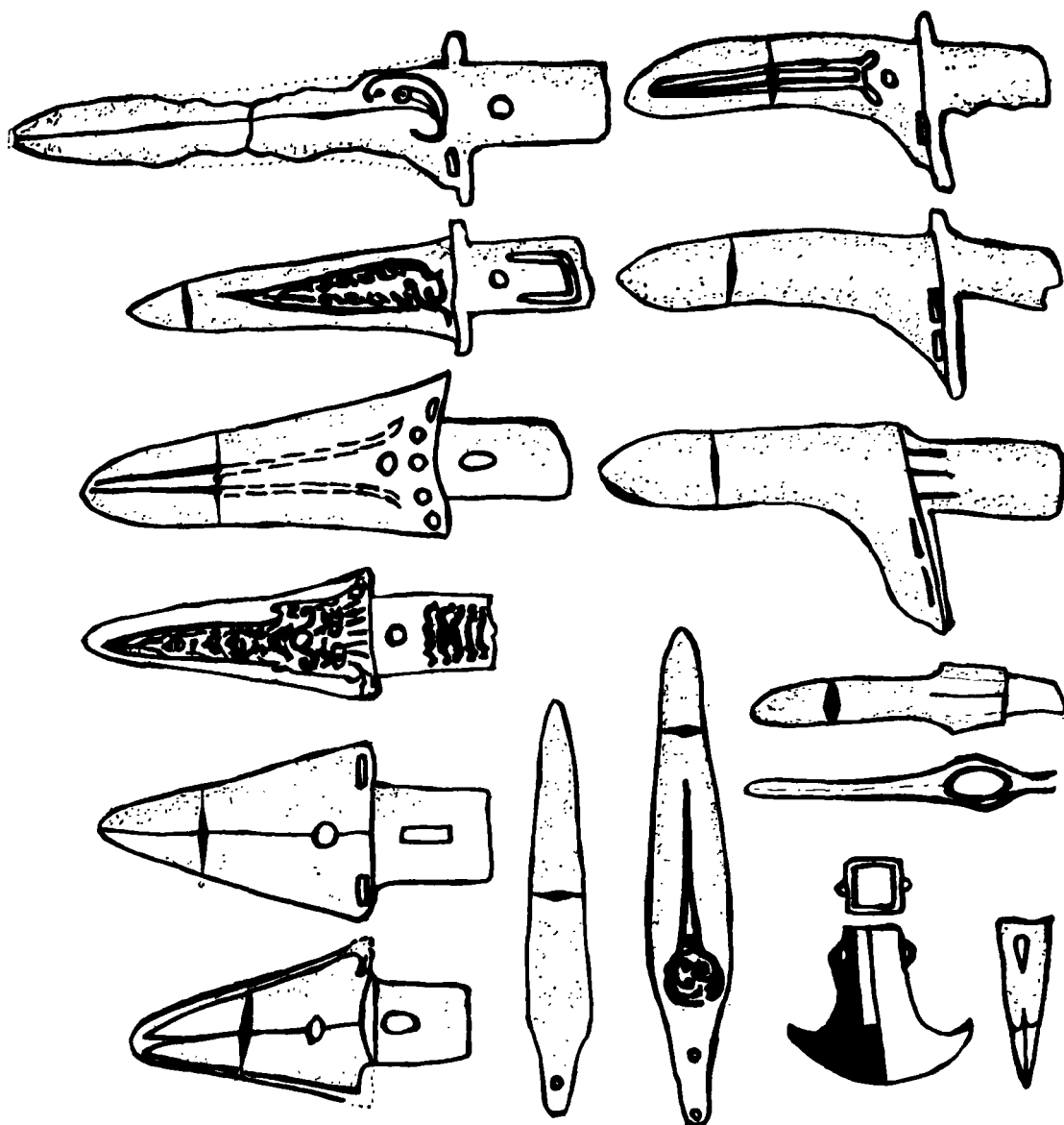

Рис. 83. Оружие из юйских могил (по Лу Ляньчэну, Ху Чжишэну).

двумя корпусами либо с аутригером, что характерно для тихоокеанского островного мира¹⁰.

Заслуживают внимания ранние памятники других племен «юго-западных варваров». Воздействие на них Ба и Шу, в особенности в области вооружения, несомненно. Однако они поддерживали контакты и с другими культурными областями. Особый интерес представляют взаимоотношения Юго-Запада с народами Северо-Востока. Наличие таких связей отмечал в свое время Чжэн Дэкунь, однако речь у него шла о сравнительно поздних памятниках [Chêng, 1963, p. 175—181; Ларичев, 1959б, с. 69—70]. Указанные контакты были затем достаточно хорошо отработаны на материалах периода Чжаньго — начала Хань [Тун Эньчжэн, 1980].

Ныне китайские археологи открыли более древние памятники, в которых прослеживаются особенности культур севера. Так, в могильнике Нагу,

датированном не позднее среднего периода Чуньцю, в конструкции погребальных камер наблюдается определенное сходство с могилами культуры верхнего слоя Сяцзядянь. Что касается инвентаря, то найденный в одной из могил кинжал с очковидным навершием оказался сходным с подобного рода изделиями из Фаньцзяюцзы и Бэйсиньбао [Чжан Синьнин, 1983а]. Такие аналогии прослеживаются и по материалам более поздних памятников, причем изделия из бронзы оказываются сходными с изделиями дунху, а керамика — близкой к сосудам культуры Цицзя [Чжан Синьнин, 1983б; Ван Хань, 1983]. Имеются аналогии с керамикой других ганьсуских культур той эпохи: сыва и цзяюэ [Чжао Дяньцзэн, 1983].

Следует обратить внимание на еще одну весьма любопытную параллель в культурах севера и юга. В одной из могил Наньшаньгань был найден бронзовый кинжал с изогнутыми лезвиями — тип С1, по Цзинь Фэнъи [1983а, с. 39]. Рукоять оформлена в виде фигурки двуполого существа (см. рис. 7, 1), подобного тому, что описал Платон в диалоге «Пир». Очевидно, великий философ Древ-

¹⁰ Об этом подробно см.: Беллвуд П. Покорение человеком Тихого океана/Пер. с англ.— М.: Наука, 1986.— С. 324—326.

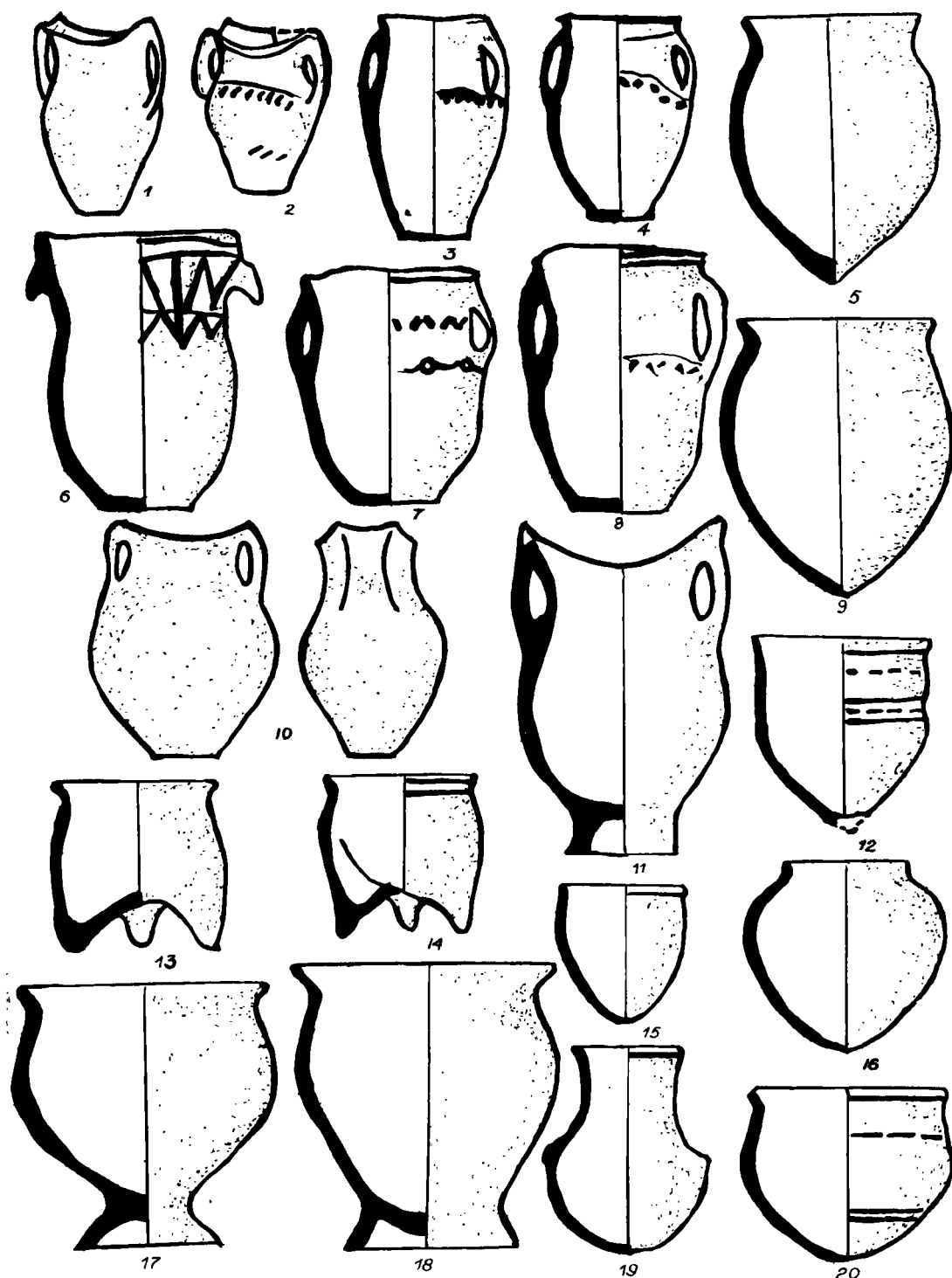

Рис. 84. Керамика юйских могильников (3—11, 13—15, 18), культуры сыва (1, 2) и раннего шу (12, 16, 17, 19, 20) (по Лу Линьцэну, Ху Чжинэну).

ней Греции зафиксировал в своем произведении миф, имевший всеобщее распространение. Стилистические аналогии наньшаньгэньской находке просматриваются у донгшонских кинжалов Вьетнама с рукоятями в виде стоящих женских фигурок [Мухлинов, 1977, с. 107—108] и у близких им юэских кинжалов Южного Китая [Гао Чжиси, 1980, с. 50; Сюн Чуаньсинь, 1984, с. 790—791; Археологические открытия..., 1984, с. 362] (рис. 85). Возможно, с этими контактами связано происхождение тибетских ритуальных кинжалов phur-pa с фигурными рукоятями (см. [Huntington, 1975]). В настоящее время трудно определить

направление имевшихся воздействий, можно лишь констатировать их наличие, причем роль промежуточного звена, похоже, выполняли тибетские (цянские) племена.

Таким образом, пров. Ганьсу представляла собой передаточную зону инфильтрации на юг культурных достижений народов центральноазиатского круга, в частности «звериного стиля» в искусстве [Деопик, 1979]¹¹. «Коридор» Ганьсу продолжал

¹¹ Поздние проявления центральноазиатского комплекса у населения Северо-Восточного Тибета отмечал Ю. Н. Перих [1967].

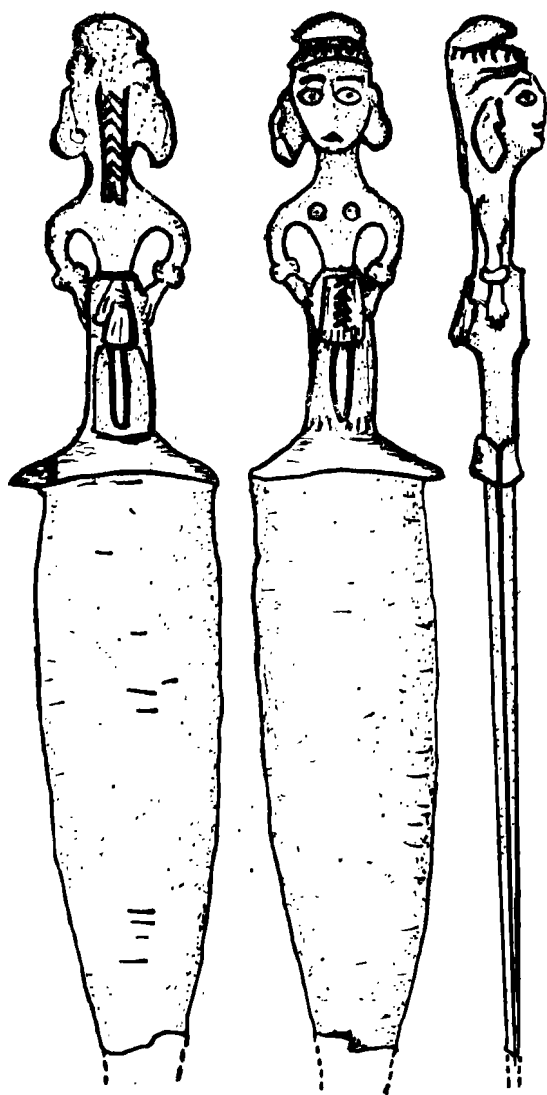

Рис. 85. Юэский кинжал из Шумулин (7/10 натурального размера).

функционировать и в эпоху поздней бронзы — раннего железа. Однако связи осуществлялись тогда не столько по «горизонтали», сколько по «вертикали». В качестве посредника нередко выступали также культуры ба и шу, распространенные на территории Сычуани [Тун Эньчжэп, 1983]. Западный меридиональный путь (в рамках всей восточноазиатской области) продолжал исправно действовать и в последующие исторические периоды [Чеснов, 1976, с. 114—115].

Итак, в эпоху поздней бронзы на окраинах чжоуского конгломерата государств развивались самобытные культуры, которые поддерживали контакты с культурой Центральной равнины. Основные виды оружия создавались народами «варварской периферии» самостоятельно и, закрепленные традицией, оказали влияние на формирование комплексов вооружения последующих периодов. (Особенно ярко такая ситуация просматривается в культуре народов Ба-Шу.) Их своеобразие в деталях прослеживается на протяжении веков, а влияние просматривается в культуре Дянь [Ите, 1974, 1976]. На примере оружия можно будет

проследить также участие некитайских народов в культуро- и даже этногенезе хуася.

Следует особо подчеркнуть, что племена и Северо-Востока, и Юго-Запада создали собственные государственные объединения, которые поддерживали контакты не только с чжоусцами, но и с иными этническими группами, расселявшимися далеко за пределами границ современного Китая. Эти связи играли в культурной истории не меньшее, а часто значительно большее значение, чем взаимоотношения с Чжоу. Ба и шу сыграли значительную роль в происхождении ицзу, а носители культуры верхнего слоя Сяцзядянь (если принять их отождествление с дунху) — в становлении и развитии монгольских народов. Поэтому их тщательное изучение относится к числу важнейших задач исторической этнографии региона.

На фоне достигнутых результатов яснее очерчиваются перспективы изучения оружия других племен и народов, которые населяли территорию Китая в древности. Особое значение в этом плане приобретает исследование памятников ранней эпохи сюнну. Новые связанные с их культурой находки позднего этапа Чжаньго (около III в. до н. э.) сделаны на территории автономного района Внутренняя Монголия (могильники Хулстай, Сигуопань, Алучжайдэн) и пров. Шэньси (пункты Наньиньгоуту, Лицзяпань и др.)¹². Вместе с такими памятниками, как Юйлунтай, Судзигоу и Ваэртугоу, они относятся ко второму этапу памятников сюнну, которые распространены также на территории Монголии и Забайкалья [Древние культуры..., 1985, с. 41—96]. Могильники Таохунбала и Маоцзиньгоу представляют более ранний этап и датируются концом Чуньцю¹³. На возможность такого заключения указывает и дата по куску дерева из Таохунбала — 665 ± 105 лет до н. э. [Отчет о датировании..., 1978]. Выявлены также и некоторые другие комплексы бронзовых изделий «северного» типа, тяготеющих к тем или иным сюннуским памятникам (см., например, [Чжан Сюэ, Тао Цзунъе, 1983]) (рис. 86).

Первый период примечателен обилием бронзовых изделий, а железные, в том числе ножи, встречаются редко. В пределах этого этапа многие наиболее характерные изделия претерпевают значительные изменения. Так, у бронзовых кинжалов через промежуточные типы (кинжал из Фаньцзяоцзы) происходит переход от зооморфного завершения к кольцевому или двукольчатому. Тогда же появляются бронзовые прямоугольные пластины, украшенные сравнительно простыми изображениями животных.

На памятниках второго этапа открыто много изделий из железа (прежде всего кинжалы и дру-

¹² Публикации памятников см.: [Тянь, Гуанцзинь, 1976, 1977, 1983; Го Сусинь, Тянь Гуанцзинь, 1980; Да Ла, Лян Цзинли, 1980; Тянь Гуанцзинь, Го Сусинь, 1980а, б; Даи Инсинь, Сунь Цзясян, 1983].

¹³ С. С. Миняев [1979] также считает, что племена, оставившие погребения в Таохунбала (и некоторые другие ранние памятники), вошли в сюннуский союз, но оставляет открытым вопрос об их этнической принадлежности.

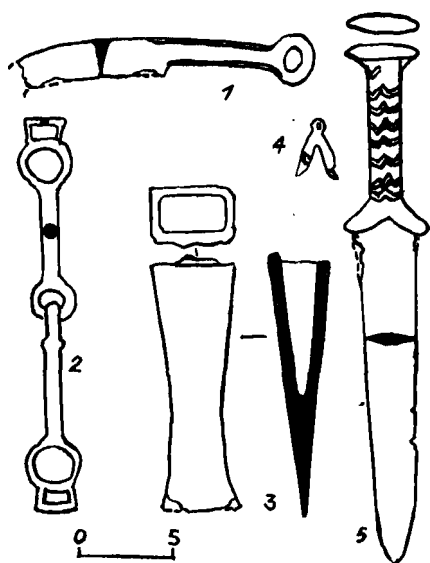

Рис. 86. Комплекс из Нихэцзы, близ Чжанцзякоу (по Чжан Сюэу, Тао Цзунь).

гое оружие, а также псаии и удила). Клевцы «в виде клюва журавля», которые раньше делались из бронзы, теперь изготавливаются из железа. Широкое распространение получают прямоугольные пластины, наверх с фигурками животных, ожерелья. Все это изготовлялось не только из бронзы, но также из золота и серебра, часто украшалось разнообразными узорами (фигуры животных, сцены борьбы зверей и терзания травоядных хищниками). Помимо реалистических изображений появляются орнаментальные мотивы, ландшафтный фон и фигуры людей [У Энь, 1983]. Некоторые украшения изготовлялись по образцам китайскими ремесленниками — подобно тому, как греческие мастера производили по заказам и для обмена «скифские» украшения.

В настоящее время остро ставится вопрос о глубоких корнях культуры сюнну. Содержащиеся в «Ши цзи» сведения позволяют в общем плане предполагать, что «в глубине веков на севере от китайцев жили какие-то сюннуские племена...» [Таскип, 1979, с. 36]. В настоящее время не вызывает сомнения и положение о том, что большинство сюннуских бронз, изделия из кости, рога, минералов, некоторые формы керамики, а также ряд особенностей погребальных конструкций восходят к предшествующей культуре скифского времени [Миняев, 1982, с. 15—16]. Однако конкретные пути и этапы этой трансформации пока не выявлены. Один из ведущих специалистов по данной проблеме Тянь Гуанцзинь [1983] считает, что «районы распространения различных периодов ордосской культуры бронзового века в основном соответствуют районам обитания (племен) гуйфан, сяньюнь и белых ди» (с. 19), которых он относит к предкам сюнну.

Таким образом, протосюннская и раннесюннская традиция оказывается, по его мнению, одним из наиболее ранних этнокультурных образований центральноазиатской степной зоны. Он считает «ордосскую культуру бронзового века» более древней, чем «скифская» и карасукская

культуры Сибири, датируя период ее формирования поздним Шан (XIII в. до н. э.). Сама попытка такой глубокой ретроспекции интересна и может оказаться весьма плодотворной. Однако зафиксированная в письменных и эпиграфических источниках последовательность этнических названий не подкрепляется столь же стройной археологической последовательностью. Тянь Гуанцзинь выделяет из состава иньско-чжоуских памятников Северного Китая ряд элементов (прежде всего кинжалы и украшения в «зверином стиле»), которые связывает с «ордосской» (= прото- и раннесюннской) культурой. Но выделенные предметы достаточно разнообразны и не составляют единой культурной традиции. Для ранних этапов развития необходимо выявить эталонные памятники на уровне уже открытых могильников и поселений, относящихся к поздним сюнну.

Крайняя точка зрения Тянь Гуанцзиня вызвала столь же крайнюю реакцию. Ему возразил Сюн Цуньжуй [1983], который наиболее ранние сведения о сюнну отнес к 311 г. до н. э. (см. также [Линь Гань, 1984]). Считая, что название «ху» не обязательно связывать с сюнну, поскольку этот термин может обозначать кочевые народы Севера вообще, он без какой-либо аргументации подверг сомнению выводы Ван Говэя о том, что «встречающиеся в источниках племенные названия гуйфан, хуньи, сюньюй, сяньюнь, жун, ди и ху обозначали один и тот же народ, вошедший позднее в историю под именем сюнну» [Таскип, 1968, с. 37].

Последние открытия китайских археологов позволяют несколько уточнить это заключение. Речь идет прежде всего о племенах сяньюй (иначе — белых ди), которые впервые упоминаются в китайских источниках в связи с событиями второй половины VII в. до н. э. В 414 г. до н. э. они основали собственное государство Чжуншань (первоначально оно именовалось Сяньюй), расположенное в южной части современной провинции Хэбэй, и вплоть до 296 г. до н. э. принимали активное участие в политической жизни Древнего Китая. В 318 г. до н. э. чжуншаньский правитель принял титул вана, его войска участвовали в боевых действиях против крупнейших царств того времени: Янь, Ци, Чжао. Такова общепринятая точка зрения. Однако некоторые ученые считают, что только Сяньюй было диским владением. Государство Чжуншань, по их мнению, позднее основали на том же месте выходцы из чжоуского домена. Впрочем, представители обеих концепций считают, что в границах Чжуншань совместно проживали представители двух народов: белых ди (сяньюй) и хуася.

Археологические исследования последних десятилетий позволили дополнить нарративные источники данными материальной культуры¹⁴. Особенно удачными были раскопки 1974—1978 гг. в уез-

¹⁴ Чжуншаньские материалы излагаются по: [Лю Лайчэп, 1979; Лю Лайчэп, Ли Сюодун, 1979; Хуан Шанчжан, 1979; Археологические открытия..., 1984, с. 295—298; Выставка культуры..., 1984; An Zhimin, Zhang Chanshou, Xu Pingfang, 1984, p. 59—61; Shi Shuzhi, 1984].

де Пиншань, где выявлено 30 могил (в том числе два склепа правителей-ванов) и около 19 тыс. предметов погребального инвентаря. Находки были сделаны в пределах или вблизи древних стен чжуншаньской столицы. Материал этот привлёк внимание ученых, поскольку, по справедливому замечанию Д. Гудрича, государство Чжуншань представляет собой центр для обсуждения этнических характеристик древности [Goodrich, 1983/1984a].

Погребальный обряд и инвентарь могильников Чжуншань и других государств Центральной равнины того времени в основных чертах совпадали. Набор бронзовых сосудов большей частью традиционный: треножники *дин* и *ли*, чайники *хэ*, фляги *ху* и т. д. Найдено много иероглифических надписей, не отличающихся от эпиграфики других чжаньгоских государств. В обширных текстах китайские исследователи выявили цитаты и реминисценции из «Ши цзина», некоторых других классических сочинений. В то же время в материальной культуре достаточно велик удельный вес региональных особенностей. К ним относятся, например, великолепные образцы черной лощеной керамики с прорезным и штампованным узором.

Некоторые отличительные черты чжуншаньского комплекса можно связать с центральноазиатскими влияниями. В погребальном обряде это сооружение камер для саркофага из необработанных галек, а также использование огня. В инвентаре остатками кочевого быта являются многочисленные детали палаток, разборные канделябры, котелки. Мотивы искусства «звериного стиля» прослеживаются в скульптурных изображениях орла в полете, хищника семейства кошачьих, терзающего лань. Как считают археологи, именно представителей белых ди (сяньюй) изображают нефритовые фигурки, найденные в 1974 г., — три женщины и ребенок в длиннополых подпоясанных кафтанах с косами на голове.

В чжуншаньских могилах, раскопанных ранее в других местах, также обнаружено сочетание разнотнических компонентов, причем изделия «северного» облика (бронзовые котлы, фляги, кинжалы, бляшки) занимают в них большую часть, чем в инвентаре Пиншань [Ли Сюэцин, 1979].

Археологические данные позволяют, на наш взгляд, говорить о дисковой основе Чжуншань, которая подверглась мощному воздействию культуры хуася. Особенно сильно оно затронуло высшую знать. Однако целый ряд существенных элементов кочевнической культуры сохранялся вплоть до окончательного разгрома государства. Влияние самобытного чжуншаньского комплекса прослеживается в отдельных элементах материальной культуры соседней державы Вэй. Местные традиции частично сохраняются и в последующую, ханьскую, эпоху.

Таким образом, история государства Чжуншань в значительной степени иллюстрирует тезис, выдвинутый П. М. Кожным [1982б], о том, что

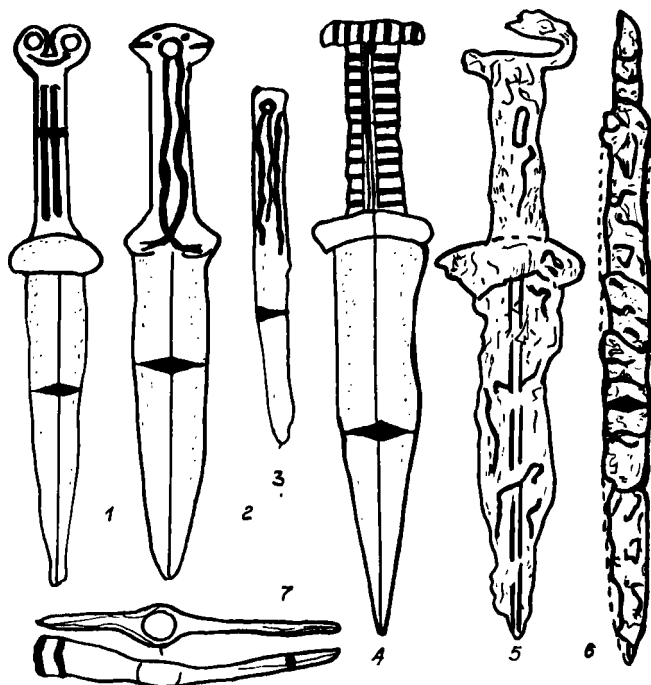

Рис. 87. Сюннуское оружие (по Тянь Гуанцзиню).

«варвары» не только являлись источником постоянной военной опасности, но «были также и средой, в которой китайское население черпало богатейший производственный опыт и могло вступать с ними в длительные культурные контакты, завершавшиеся полной взаимной нивелировкой культуры, образованием новых княжеств, где «варварская» культура мирно уживалась с китайской» (с. 438).

Значительную сложность представляет вопрос об этнолингвистической принадлежности белых ди (сяньюй). Вряд ли можно связать их непосредственно со скифами (см. [Крюков, Софронов, Чебоксаров, 1978, с. 183—184])¹⁵. На основе имеющихся материалов пока возможно лишь предварительно отнести белых ди к широкой общности центральноазиатских племен, вошедших впоследствии в состав племенного союза сюнну.

Окончательную ясность в решение этой проблемы могут внести лишь археологические исследования, в том числе и тщательные оружейно-ведческие изыскания (рис. 87). Надежной основой для такого движения к истокам сюннуского союза могут послужить накопленные и частично обобщенные данные по оружию сюнну (хуннов) поздней эпохи их владычества в Центральной Азии и Южной Сибири [Худяков, 1986, с. 25—89].

¹⁵ М. В. Крюков уточнил свою точку зрения. Он отнес белых ди к «скифскому миру», т. е. к «обширной этнокультурной общности ранних кочевников, сложившейся в начале I тыс. до н. э. в степях Евразии и распространившейся затем как в западном, так и в восточном направлениях» [История народов..., 1986, с. 20]. Такое решение проблемы представляется более верным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя общие итоги исследования, можно констатировать, что эпоха поздней бронзы — важный и своеобразный этап в развитии древнекитайской цивилизации. Для этого времени характерны большие, строго распланированные поселения городского типа с ремесленными кварталами и надежными оборонительными сооружениями (Фэн-Хао). Появляются также сложные храмовые комплексы (Фэнчунь) и обширные «государственные» кладбища (яньское в Люлихэ, вэйское в Синьдунь, гоское в Шандуньлин). Из всего этого пока относительно детально изучены лишь могильники, раскопки которых позволили получить основную массу материала времени Западного Чжоу. Вскрыты захоронения представителей всех слоев общества, а находки отличаются исключительным богатством и разнообразием.

Культура Чжоу к концу бронзового века в значительной мере расширилась территориально. На востоке чжоусцы вышли на побережье океана, на севере освоили современную пров. Хэбэй и, может быть, юг Ляоси, на западе сохранили свое господство в пределах Восточной Ганьсу, а на юге их граница пролегла через Хунань — Цзянси — Чжэцзян. За пределами очерченных границ прослеживаются отдельные элементы чжоуской культуры.

Рубеж между Шан-Инь и Чжоу определял не только политическую, но и этнокультурную сферы. Несомненно, что шанская цивилизация оказала огромное влияние на формирование чжоусцев, но уже на самых ранних чжоуских памятниках появляется целый ряд своеобразных изделий, тогда как количество типично шанских вещей заметно уменьшается [Ду Найдун, 1982]. Важно отметить, что для начала новой эпохи характерно появление многих специфических видов оружия [Ли Сюэцин, 1985, с. 53]. Отличие нового комплекса от предшествующего ему по времени и вместе с тем его культурное единство на протяжении последующих столетий позволяют выделить эпоху поздней бронзы в особый этап. Конец его связан с распространением изделий из железа.

Вопрос о начале железного века в Китае относится к числу дискуссионных¹. Прослеживается тенденция значительно удревять его начало — вплоть до XII—XI вв. до н. э. Одним из аргументов в споре служат находки бронзовых предметов вооружения с железными лезвиями, которые датируются концом Шан — началом Западного Чжоу (секиры и кевец из Синьдунь, Тайси и Пингу)². Однако специальные исследования показали, что в этих случаях использовалось железо метеоритов. Поэтому представляется оправданным предположение о ритуальном характере такого оружия. Недаром А. В. Александров выделил стадию применения метеоритного железа. В рамках этого этапа в Китае, как и в других регионах Азии, осуществлялось первое знакомство с желе-

зом [Александров, Арутюнов, Бродянский, 1982, с. 23—24; У Далинь, 1983, с. 14].

Изделия из металлургического железа появились в Китае значительно позже — лишь в VI в. до н. э. [Александров, 1979б, с. 13]. Они сравнительно немногочисленны, однако в их составе — предметы основного производства [Кучера, 1977, с. 98; Александров, 1979а, с. 29—31]. Довольно развитое железоделательное производство того времени (например, появление стали) позволяет ставить вопрос о его более раннем зарождении [Yin Weizhang, 1984, p. 101].

Правильно определить начало железного века позволяют находки биметаллических изделий. В целом можно согласиться с мнением, что «биметаллизм — в основе своей явление раннее, совпадающее с появлением и распространением железа» [Соловьев, 1981, с. 61]. Самая ранняя находка изделия из двух металлов сделана в Цзинцзячжуан (пров. Ганьсу), где в 1977 г. был обнаружен небольшой могильник раннего периода эпохи Чуньцю. При раскопках в могиле М 1 удалось обнаружить биметаллический кинжал, а вместе с ним типично чуньцюские кевцы гз. У кинжала бронзовая литая рукоять с эфесом была соединена с сильно корродированным и обломанным железным клинком [Лю Дачжэнь, Чжу Цзяньтан, 1981]. Еще один короткий меч с бронзовой рукоятью и стальным клинком был выявлен в позднечжуской могиле № 65 в Янцзяшань. Там же найдены и другие изделия из железа [Чэнь Вэймин, 1978, с. 44]. В восточночжоуское время происходят также значительные изменения в наборе бронзовых изделий и способах их украшения. В рамках чжоуской материальной культуры складывались локальные варианты ее (чжуский, циньский и т. п.), обладавшие значительной спецификой.

По мнению Чжан Гуанчжи, с началом периода Восточного Чжоу произошел резкий скачок в экономическом развитии общества — на базе развитой черной металлургии увеличился размах ирригационных работ, начали строиться многочисленные укрепленные города, в которых интенсивно развивались ремесло и торговля, усиливались контакты с соседними землями [Chang, 1977, p. 386]. Особо следует подчеркнуть, что в области материальной культуры накопление новых качеств происходило довольно плавно. В первой половине Чуньцю заметно менялась и политическая ситуация в стране, что было связано с усиливающимся самовластием удельных правителей³. На протяжении VII—V вв. до н. э. не прекращалась борьба между чжухоу за «гегемонию». Если первоначально она разворачивалась под лозунгом «уважения к вану», то с конца VII в. началось полное отрицание его власти [Крюков, Софронов, Чебоксаров, 1978, с. 169]. На VIII—VII вв. до н. э., по мнению специалистов, приходится также завершение процесса сложения древнекитайской этнической общности (хуася) [История народов...,

¹ Обзор дан в работах: [Кучера, 1977, с. 95—105; Александров, Арутюнов, Бродянский, 1982, с. 18—20].

² Интересно отметить, что о «черной секире», сделанной из бронзы, но с железным лезвием, упоминается в «Шан шу» (см. [Werner, 1932, p. 6]).

³ Л. С. Васильев [1983] связывает это с утверждением феодальной структуры.

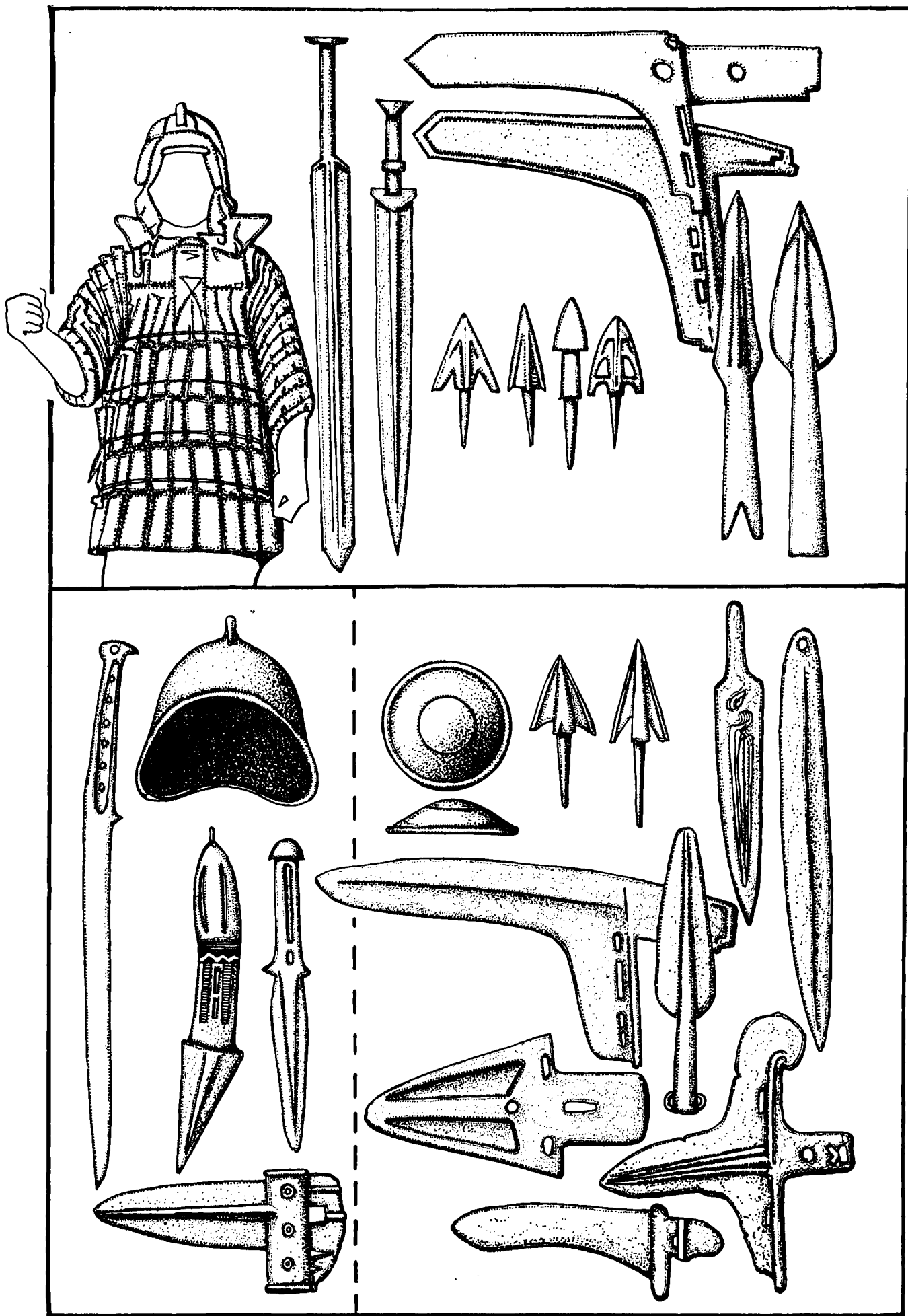

Рис. 88. Комплекс вооружения эпохи поздней бронзы Китая (в нижней части рисунка — начальный этап, в верхней — заключительный этап; пунктирной линией отделено оружие «северных» народов). Художник А. И. Соловьев.

1986, с. 20]. Отсюда следует, что средний период Чуньцю представляет собой важный рубеж в истории Древнего Китая. С него начинается новая эпоха — ранний железный век.

Однако вступление в новый исторический период отнюдь не означало полного вытеснения бронзы железом. В Китае долгое время из того же материала производили орудия труда, тогда как оружие оставалось в основном бронзовым. Ситуация эта хорошо описана в литературе [Needham, 1958; Watson, 1960, p. 145; Деревянко, 1973, с. 243—244]. В «Го юй» отмечается: «Из прекрасного металла выплавляют мечи и трезубцы, пробуют с собаками и лошадьми. Из плохого металла выплавляют мотыги, лопаты, топоры, тупки, которые применяют на плодородной земле». Исследователи справедливо считают, что «прекрасный металл» — бронза, а «плохой металл» — железо. Это подтверждается археологией [Юй И, 1959]⁴. В Древнем Китае металлические изделия не выковывали, а отливали. Такой способ не позволял изготавливать из железа орудия с острыми краями и концами. Поэтому, пока литье было единственным способом обработки нового металла, оружие изготовлялось в основном из бронзы. Массовое распространение железного оружия началось в конце периода Чжаньго [Ли Чжэнгуан, 1956; Отчет о раскопках могилы № 44..., 1975; Ян Му, 1975]⁵.

Наиболее характерным в комплексе вооружения эпохи поздней бронзы (рис. 88) является то обстоятельство, что большая часть в его составе приходится на древковое оружие (клевцы и копья). Судя по находкам на отдельных памятниках, клевцы составляют 45,5—92,3% всего оружия ближнего боя. В меньшем количестве встречаются копья, прежде всего фехтовальные с широким пером, а также метательные копья — более легкие и с укороченным древком. Специфически чжоуской категорией оружия является трезубец *цзи*. Наконечники стрел обнаружены в изобилии, причем их количество со временем увеличивается. Бронзовые наконечники в основном черепчатые, реже трехлопастные, костяные наконечники ромбические или круглые в сечении. Письменные источники и надписи на бронзовых сосудах подтверждают большое значение стрельбы из лука в Древнем Китае.

Среди наконечников стрел очень мало бронзово-бойных. В составе наконечников копий нет пик. Это объясняется тем, что металлический доспех в эпоху поздней бронзы едва только начинал развиваться. При раскопках найдено несколько ран-

нечжоуских племей-касок, а также различные бронзовые бляхи, которые нашивались на одежду или на кожаный доспех.

Из оружия ближнего боя известны также бронзовые кинжалы различных форм. В конце эпохи начали появляться более длинные экземпляры. Впоследствии они стали одним из главных видов вооружения. На памятниках чжоуской периферии обнаружено много втульчатых боевых топоров. Бронзовые секеры применялись в качестве ритуального и церемониального оружия и, быть может, в первую очередь — как символы военной власти [Ду Пайсун, 1983; Чэнь Сюй, Ян Сипинь, 1984]. Боевое использование топоров-кельтов возможно, но вряд ли они специально изготавливались как предметы вооружения.

Преобладание древкового оружия многие китайские археологи связывают с тем, что основные сражения в эпоху Чжоу велись на колесницах. Постепенно они, однако, утратили боевое значение, уступив место соответствующим образом вооруженной и обученной пехоте. Способы ее построения отражены в военных трактатах периода Чжапэнго. Тогда же началось массовое распространение кавалерии, хотя редкое использование вооруженных всадников бывало и раньше. Создавались также, прежде всего в южных государствах, специальные эскадры из боевых лодок [Ян Хун, 1980, с. 105—109; Сюй Цзюнь, 1982; Скачков, 1879, с. 7]. Значительное развитие получила фортификация, апофеозом чего стало строительство Великой Китайской стены.

Для комплекса вооружения характерны хронологические и территориальные различия. Во времени происходило сравнительно плавное изменение форм клевцов и осуществлялись поиски новых форм наконечников копий. Исчезали характерные для ранних этапов крупные бронзовые детали доспеха и короткие кинжалы. На конечной стадии появились новые типы стрел и длинные кинжалы, переходная к мечам форма. В целом развитие носило поступательный характер, хотя по-прежнему основной, прогрессивной линии наблюдалась стагнация отдельных типов и видов, их превращение в церемониальные и религиозные символы. Изменения в пространстве прослеживаются не столь очевидно. Набор видов вооружения в основных чертах одинаков и на Севере, и на Юге (если отвлечься от прямых заимствований оружия сопредельных народов). Можно отметить лишь несколько бо́льшую тонкость южных клевцов, а также распространение вместе с ними новой «бутылковидной» формы наконечников копий. В законченном виде локальные группы оформились уже в последующий период, когда, прежде всего в районах Цзяннани, стали распространяться мечи восточночжоуского типа, в Чу и Янь появилось железное оружие и развился циньский стиль в производстве вооружения.

Оружие не китайских народов древности отличается значительным своеобразием. В культуре верхнего слоя Сяцзяня зафиксированы заимствования из Центральной равнины, которые составляют лишь отдельные элементы в развитом комплексе. Оружие ба и шу не только сохраняло свою самобытность на протяжении почти тысячи лет, но и, возможно, оказало воздействие на ста-

⁴ Существует иная точка зрения: «прекрасный» и «плохой» металл — это разная по качеству бронза [Ли Сюэпинь, 1959; Хуан Чжаньюэ, 1976].

⁵ Как отметил Хе Цингу [1985, с. 15], даже в периоды Чжаньго и Цинь бронзовое оружие было основным, а железное — вспомогательным, и лишь при династии Хань они поменялись местами.

новление самой чжоуской традиции. Исследование в таком направлении перспективно, поскольку Китай в период поздней бронзы населяли десятки племен и народов, а вооружение обладает важной этноразличительной функцией. Недаром Ф. Энгельс, описывая персидскую армию, специально подчеркивал: «Воины в зависимости от своей национальной принадлежности были вооружены луками, дротиками, копьями, мечами, палицами, кинжалами, пращами и т. п.» [Энгельс Ф. Армия, с. 8]. Оружие в качестве этнографического источника уже удачно использовалось в исследовании по культуре эпохи средневековья [Деревянко Е. И., 1981]. Актуальной становится задача такого же подхода при изучении более ранних культур. Ее решение станет существенным вкладом в изучение этнической истории Восточной Азии.

Можно наметить и другие направления для предстоящих исследований. Речь прежде всего идет о расширении хронологических рамок с целью охвата материалов всего периода Восточного Чжоу. По обилию находок оружия эта эпоха активных военных действий намного превосходит все предшествующие этапы Чжоу. Исключительным по ценности источником для изучения материальной культуры, и в первую очередь вооружения конца Чжаньго — династии Цинь, станут материалы раскопок в окрестностях могилы первого китайского императора [Юань Чжунъи, 1983; Археологические открытия..., 1984, с. 386—389]. Предстоит много сделать в изучении военно-технических средств и сооружений (боевые колесницы, корабли, фортификация), а также тактических построений и стратегических концепций чжоуских полководцев — словом, всего того, что вместе с вооружением образует сложную систему военного дела. Разумеется, в изучении тактики и стратегии основную роль должны сыгратьистики, работающие с нарративными источниками.

Однако привлечение археологических материалов и здесь может оказаться полезным.

Чжоуская эпоха вошла в историю Китая как период нескончаемых кровопролитных столкновений между различными племенами и государствами. Порождаемые социальными условиями войны, в свою очередь, оказывали обратное воздействие на жизнь общества, стимулируя преимущественное развитие военного дела, рост древнего милитаризма. Однако следует особо подчеркнуть, что уже в эпоху «Сражающихся царств» зарождается принципиально новая идеология, направленная на достижение мира в Поднебесной. С осуждением военных действий и приносимых ими разрушений выступал основатель даосизма Лао-цзы. Последовательным и яростным противником войны был древнекитайский философ Мо Ди. Специальный раздел в его учении назывался «Фэй гун» («Против нападений»). Сам Мо Ди был одним из лучших для своего времени знатоков фортификации и военного дела, но применял эти знания только для защиты слабых государств от агрессии сильных соседей. В созданной им школе «моцзя» существовало целое направление, которое в борьбе против агрессий видело свою главную задачу⁶. Эти взгляды противостояли культу оружия, характерному для чжоуской аристократии, и явились замечательной особенностью древнекитайской идеологии.

Поэтому книгу по истории китайского вооружения нам хотелось бы закончить словами конфуцианского мыслителя Мэн-цзы: «Даже богато украшенное оружие является инструментом разрушения, поэтому совершенно мудрому не следует использовать его на деле».

⁶ См.: Титаренко М. Л. Древнекитайский философ Мо Ди, его школа и учение. — М.: Наука, 1985. — С. 96—99.

БИБЛИОГРАФИЯ¹

ПРОИЗВЕДЕНИЯ КЛАССИКОВ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

- Маркс К. Наемный труд и капитал // Маркс К., Энгельс Ф.—Соч.—2-е изд.—Т. 6.—С. 428—459.
- Энгельс Ф. Возможности и перспективы войны Священного союза против Франции в 1852 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.—2-е изд.—Т. 7.—С. 495—524.
- Энгельс Ф. Армия // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.—2-е изд.—Т. 14.—С. 5—50.
- Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.—2-е изд.—Т. 20.—С. 1—338.
- Маркс — Энгельсу. В Райд (25 сентября 1857 г.): Переписка между К. Марксом и Ф. Энгельсом // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.—2-е изд.—Т. 29.—С. 153—155.
- Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм // Полн. собр. соч.—Т. 18.—С. 7—384.
- Ленин В. И. О государстве // Полн. собр. соч.—Т. 39.—С. 64—84.
- Ленин В. И. Письмо И. Ф. Арманд от 6(19) января 1917 г. // Полн. собр. соч.—Т. 49.—С. 368—371.
- К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин о войне и армии: Сб. произведений.—М.: Воениздат, 1982.—512 с.

ЛИТЕРАТУРА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

- Александров А. В. О начальном этапе использования и производства железа в древнем Китае // Десятая науч. конф. «Общество и государство в Китае»: Тез. и докл.—М., 1979а.—Ч. 1.—С. 28—39.
- Александров А. В. Роль железоделательного производства в истории древнекитайского общества (вторая половина I тысячелетия до нашей эры — начало нашей эры): Автореф. дис. ... канд. ист. наук.—М., 1979б.—19 с.
- Александров А. В., Арутюнов С. А., Бродянский Д. Л. Палеометаллы северо-западной части Тихого океана.—Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1982.—103 с., ил.
- Александров А. В., Оськина И. В. Древнекитайское лаковое производство // Пятнадцатая науч. конф. «Общество и государство в Китае»: Тез. и докл.—М., 1984.—Ч. 1.—С. 42—46.
- Алексеев В. М. Судьбы китайской археологии // Изв. Рос. Академии истории материальной культуры.—Л., 1924.—Т. 3.—С. 49—80.
- Алкин С. В. Проблемы неолита Северо-Восточного Китая // Материалы Всесоюз. науч. студенческой конф. «Студент и научно-технический прогресс»: История.—Новосибирск, 1985.—С. 5—8.
- Алкин С. В. О начальном этапе эпохи палеометалла в Северо-Восточном Китае // Четвертичная геология и первобытная археология Южной Сибири: Тез. докл. Всесоюз. конф.—Улан-Уда, 1986.—Ч. 2.—С. 59—61.
- Антология китайской поэзии.—М.: Гос. изд-во худож. лит., 1957.—Т. 1.—423 с.

Археология Зарубежной Азии/Бонгард-Левин Г. М., Деоник Д. В., Деревяшко А. П. и др.—М.: Высш. шк., 1986.—359 с., ил.

Бадер О. Н. Древнейшие металлурги Приуралья.—М.: Наука, 1964.—176 с., ил.

Бадер О. Н. Бассейн Оки в эпоху бронзы.—М.: Наука, 1970.—176 с., ил.

Баскаков Н. А. Алтайская семья языков и ее изучение.—М.: Наука, 1981.—135 с.

Белокобыльский Ю. Г. Бронзовый и ранний железный век Южной Сибири: История идей и исследований. XVIII — первая треть XX в.—Новосибирск: Наука, 1986.—168 с., ил.

Блаватский В. Д. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья.—М.: Изд-во АН СССР, 1954.—164 с., ил.

Большой китайско-русский словарь.—М.: Наука, 1983.—Т. 1. Справочный.—553 с.

Бродянский Д. Л. Дальний Восток и скифо-сибирское культурно-историческое единство // Тез. докл. Всесоюз. археол. конф. «Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства».—Кемерово, 1979.—С. 80—83.

Бродянский Д. Л., Дьяков В. И. Приморье у рубежа веков.—Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1984.—76 с., ил.

Бутин Ю. М. Материальная культура Древнего Чосона // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности. Неолит и эпоха металла.—Новосибирск, 1978.—С. 119—154.

Бутин Ю. М. [Рецензия] // Народы Азии и Африки.—1981.—№ 3.—С. 232—240.—Рец. на кн.: Кочосон мундже ёнгу поппум чип.—Пхеньян, 1977.

Бутин Ю. М. [Рецензия] // СА.—1981.—№ 3.—С. 291—297.—Рец. на кн.: Чосон Когохак Кэё.—Пхеньян, 1977.

Бутин Ю. М. Древний Чосон.—Новосибирск: Наука, 1982.—330 с.

Ваденская Э. Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея.—Л.: Наука, 1986.—179 с., ил.

Варенов А. В. Иньские колесницы // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук.—1980.—№ 1, вып. 1.—С. 112—123.

Варенов А. В. Иньские колесницы // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук.—1981а.—№ 1, вып. 1.—С. 103—107.

Варенов А. В. Некоторые проблемы археологических исследований эпохи Инь в Китае // Двенадцатая науч. конф. «Общество и государство в Китае»: Тез. и докл.—М., 1981б.—Ч. 2.—С. 21—27.

Варенов А. В. Новые данные об организационной структуре китайской армии в эпоху древности // Тринадцатая науч. конф. «Общество и государство в Китае»: Тез. и докл.—М., 1982.—Ч. 1.—С. 20—22.

Варенов А. В. Иньские колесницы // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук.—1983а.—№ 1, вып. 1.—С. 112—123.

Варенов А. В. К интерпретации наскальных изображений колесниц Центральной Азии.—Новосибирск, 1983б.—5 с.—(Препринт).

Варенов А. В. О функциональном предназначении «моделей ярма» эпохи Инь и Чжоу // Новое в археологии Китая: Исследования и проблемы.—Новосибирск, 1984а.—С. 42—51.

Варенов А. В. Иньские племена и проблемы боевого оговья // Изв. СО АН СССР. Сер. истории, филологии и философии.—1984б.—№ 14, вып. 3.—С. 41—47.

¹ К сожалению, некоторые издания по китайской археологии последних лет оказались недоступными для автора, поскольку их нет в библиотеках СССР.

- Варенов А. В. Древнейшие зеркала Китая — свидетельства ранних этнокультурных контактов // Третья Всесоюз. шк. молодых востоковедов (Звенигород, окт. 1984 г.): Тез.— М., 1984в.— Т. 1.— С. 17—19.
- Варенов А. В. Древнейшие зеркала Китая, отражающие этнокультурные контакты // Проблемы древних культур Сибири: Сб. науч. статей.— Новосибирск, 1985.— С. 163—172.
- Варенов А. В. Иньское оружие дистанционного боя // Изв. СО АН СССР. Сер. истории, филологии и философии.— 1986.— № 3, вып. 1.— С. 30—37.
- Васильев К. В. Планы Сражающихся царств.— М.: Наука, 1968.— 255 с.
- Васильев Л. С. Аграрные отношения и община в древнем Китае (XI—VII вв. до н. э.).— М.: Изд-во вост. лит., 1961.— 268 с.
- Васильев Л. С. Проблемы генезиса китайской цивилизации.— М.: Наука, 1976.— 368 с.
- Васильев Л. С. Политическая интрига в царстве Цзинь (VIII—VII вв. до н. э.) // Общество и государство в Китае.— М., 1981.— С. 22—38.
- Васильев Л. С. Проблемы генезиса китайского государства.— М.: Наука, 1983.— 326 с.
- Викторова Л. Л. Монголы: Происхождение народа и истоки культуры.— М.: Наука, 1980.— 224 с.
- В. И. Ленин и военная история.— М.: Воениздат, 1970.— 323 с.
- Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии.— Новосибирск: Наука, 1981.— 199 с., ил.
- Волков В. В. Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии.— Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1967.— 148 с., ил., карт.
- Волков В. В. Оленные камни Монголии.— Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1981.— 254 с., ил., карт.
- Воробьев М. В. [Рецензия] // СА.— 1957.— № 2.— С. 267—269.— Рец. на кн.: Су Бинци. Доуцзитай гондунцой муцзан.— Бэйпин, 1948; Су Бинци. Доуцзитай гондунцой муцзан тупо.— Пекин, 1954.
- Воробьев М. В. Древняя Япония.— М.: Изд-во АН СССР, 1958.— 120 с., ил.
- Воробьев М. В. Древняя Корея.— М.: Изд-во АН СССР, 1961.— 150 с., 42 табл.
- Воробьев М. В., Итс Р. Ф. Работы китайских археологов // СА.— 1954.— Т. 21.— С. 430—458.
- Геродот. История в девяти книгах/Пер. и примеч. Г. А. Страбановского.— Л.: Наука, 1972.— 600 с., карт.
- Го Можо. Эпоха рабовладельческого строя: Пер. с кит.— М.: Иностран. лит., 1956.— 270 с.
- Го Можо. Бронзовый век/Пер. с кит.— М.: Иностран. лит., 1959.— 457 с.
- Горелик М. В. Защитное вооружение персов и мидян Ахеменидского времени // Вестн. древней истории.— 1982.— № 3.— С. 90—105.
- Горелик М. В. Основные этапы развития военного дела кочевников Евразии в древности и средневековье // Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности: Тез. докл. XXIX сессии постоянной междунар. алтаистической конф. (РІАС).— М., 1986.— Ч. 1.— С. 22—23.
- Гришин Ю. С. Металлические изделия Сибири эпохи неолита и бронзы.— М.: Наука, 1971.— 88 с., 18 табл.
- Гришин Ю. С. Бронзовый и ранний железный век Восточного Забайкалья.— М.: Наука, 1975.— 135 с., ил., табл.
- Гришин Ю. С. Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья.— М.: Наука, 1981.— 203 с., ил.
- Грязнов М. П. Памятники майямирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае // Краткие сообщ. Ин-та истории материальн. культуры.— 1947.— Вып. 18.— С. 9—17.
- Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби и раскопки близ с. Большая речка.— М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956.— 163 с., ил., 62 табл.
- Деопик Д. В. Восточная Азия (Китай) // Первобытная периферия классовых обществ до начала великих географических открытий (проблемы исторических контактов).— М., 1978.— С. 91—121.
- Деопик Д. В. Всадническая культура в верховьях Янцзы и восточный вариант «звериного стиля» // Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье.— М., 1979.— С. 62—67.
- Деревянко А. П. Ранний железный век Дальнего Востока.— Новосибирск: НГУ, 1970.— Ч. 1.— 198 с.
- Деревянко А. П. Ранний железный век Дальнего Востока.— Новосибирск: Наука, 1973.— 354 с., ил.
- Деревянко А. П. Приамурье (I тысячелетие до нашей эры).— Новосибирск: Наука, 1976.— 384 с., ил., табл.
- Деревянко Е. И. Племена Приамурья: I тысячелетие нашей эры.— Новосибирск: Наука, 1981.— 333 с.
- Диков Н. Н. Бронзовый век Забайкалья.— Улан-Удэ, 1958.— 105 с., 33 табл.
- Дорофеева В. В. Надписи на «каменных барабанах» — памятник древнекитайской поэзии // Пятнадцатая науч. конф. «Общество и государство в Китае»: Тез. и докл.— М., 1984.— Ч. 1.— С. 104—118.
- Древнекитайская философия: В 2-х т.— М.: Мысль, 1972.— Т. 1.— 363 с.
- Древние культуры Монголии.— Новосибирск: Наука, 1985.— 234 с.
- Евсюков В. В., Комиссаров С. А. Бронзовая модель колесницы эпохи Чуянь в свете сравнительного анализа колесничных мифов // Новое в археологии Китая: Исследования и проблемы.— Новосибирск, 1984.— С. 52—66.
- Есаян С. А. Оружие и военное дело древней Армении (III—I тыс. до н. э.).— Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1966.— 158 с., ил.
- Есаян С. А. Доспех древней Армении.— Ереван: Изд-во Ереван. ун-та, 1986.— 64 с., XXIV табл.
- Збруева А. В. История населения Прикамья в Анапийскую эпоху.— М.: Изд-во АН СССР, 1952.— 326 с., ил.
- Зиниц С. В. Происхождение и структура «И Цзина» // Обществ. науки за рубежом. Сер. 9. Востоковедение и африканистика.— 1986.— № 3.— С. 164—165.— Реф. кн.: Vandermeersch R. The origin of milfoil divination and the primitive form of the I-ching.— Berkeley, 1984.— 16 p.; et al.
- Иванов В. П. Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа.— М.: Наука, 1984.— 87 с., ил.
- Іллінська В. А. Скифські сокири // Археологія.— 1961.— Т. 12.— С. 27—52.
- Исторические памятники Кореи.— Пхеньян: Памятники Кореи, 1980.— (Альбом, б. п.).
- История древнего мира.— М.: Наука, 1982.— Т. 1: Ранняя древность.— 390 с.
- История Китая с древнейших времен до наших дней.— М.: Наука, 1974.— 534 с.
- История Монгольской Народной Республики.— 3-е изд., перераб. и доп.— М.: Наука, 1983.— 661 с.
- История народов Восточной и Центральной Азии.— М.: Наука, 1986.— 580 с.
- Итс Р. Ф. Этническая история юга Восточной Азии.— Л.: Наука, 1972.— 306 с., карт.
- Итс Р. Ф. Царство Дянь и его место в социальной и культурной истории // Историко-филологические исследования: Сб. статей памяти акад. Н. И. Конрада.— М., 1974.— С. 344—357.
- Итс Р. Ф. Золотые мечи и колодки невольников.— М.: Наука, 1976.— 201 с., ил.
- Караев Г. Н. Военное искусство древнего Китая.— М.: Воениздат, 1959.— 216 с., ил.
- Карл Маркс и военная история.— М.: Воениздат, 1969.— 240 с.
- Кириллов И. И. Восточное Забайкалье в древности и средневековье: Учеб. пособие.— Иркутск, 1979а.— 96 с.
- Кириллов И. И. Образ птицы в искусстве племен дворцовской культуры бронзового века Восточного Забайкалья // Тез. докл. Всес. археол. конф. «Проблемы скифско-сибирского культурно-исторического единства».— Кемерово, 1979б.— С. 136—139.
- Кириллов И. И. Восточное Забайкалье в древности: Автореф. дис. ... докт. ист. наук.— Новосибирск, 1981.— 38 с.
- Кириллов И. И., Кириллов О. И. Новые данные о культурно-исторических контактах восточно-забайкальских племен в эпоху бронзы // Древнее Забайкалье и его культурные связи.— Новосибирск, 1985.— С. 22—33.
- Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие.— Вып. 1—3.— М.: Л.: Наука, 1966—1971.— Вып. 1.— 1966.— 176 с., ил.; Вып. 2.— 1966.— 147 с., ил.; Вып. 3.— 1971.— 92 с., ил.
- Киселев С. В. Советская археология Сибири эпохи металла // Вестн. древней истории.— 1938.— № 1.— С. 228—243.
- Киселев С. В. Монголия в древности. // Изв. АН СССР. Сер. истории и филос.— 1947.— Т. 4. № 4.— С. 355—372.
- Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири.— М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949.— 364 с., ил.
- Киселев С. В. Археологический очерк (в статье «Китай») // БСЭ.— 2-е изд.— 1953.— Т. 21.— С. 197—198.
- Киселев С. В. [Рецензия] // СА.— 1958.— № 1.— С. 275—278.— Рец. на кн.: М. П. Грязнов. История древ-

- них племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая речка.— М.; Изд-во АН СССР, 1956.— (Материалы и исследования по археологии СССР: № 48).
- Киселев С. В. Неолит и бронзовый век Китая // СА.— 1960.— № 4.— С. 224—266.
- Киселев С. В. Бронзовый век СССР // Новое в советской археологии.— М., 1965.— С. 17—60.
- Классики марксизма-ленинизма и военная история.— М.: Воениздат, 1983.— 343 с.
- Кожанов С. Т. Ханьские мечи // Пятнадцатая науч. конф. «Общество и государство в Китае»: Тез. и докл.— М., 1984.— Ч. 1.— С. 208—209.
- Кожин П. М. Гобийская квадрига // СА.— 1968.— № 3.— С. 35—42.
- Кожин П. М. К вопросу о происхождении иньских колесниц // Культура народов зарубежной Азии и Океании.— Л., 1969.— С. 29—40.
- Кожин П. М. Археологические обоснования палеодемографических реконструкций.— М.: Наука, 1973.— 23 с.— (IX Междунар. конгресс антропол. и этногр. наук (Чикаго, сент., 1973). Докл. сов. делегации).
- Кожин П. М. Некоторые данные о древних культурных контактах Китая с внутренними районами Евразийского материка // Н. Я. Битурин и его вклад в русское востоковедение: Материалы конф.— М., 1977а.— Ч. 2.— С. 24—41.
- Кожин П. М. Об иньских колесницах // Ранняя этническая история народов Восточной Азии.— М., 1977б.— С. 278—287.
- Кожин П. М. О характере личной собственности в эпоху Инь-Чжоу (по археологическим данным) // Тринадцатая науч. конф. «Общество и государство в Китае»: Тез. и докл.— М., 1982а.— Ч. 1.— С. 15—19.
- Кожин П. М. Археологические исследования в КНР и их значение в современной историко-политической научной проблематике // Традиции Китая и «четыре модернизации».— М., 1982б.— Ч. 2.— С. 419—448.
- Комарова М. Н. Томский могильник, памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири // Материалы и исследования по археологии Сибири.— М., 1952.— Т. 1.— С. 7—50.
- Комиссаров С. А. Чжоуские колесницы (по материалам могильника Шанцуньлинь) // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук.— 1980.— № 1, вып. 1.— С. 156—163.
- Комиссаров С. А. Северокитайские бронзовые кинжалы чжоуского времени и проблема «смешанных» культур // Тринадцатая науч. конф. «Общество и государство в Китае»: Тез. и докл.— М., 1982.— Ч. 2.— С. 34—38.
- Комиссаров С. А. Чжоуские копья // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук.— 1983а.— № 1, вып. 1.— С. 124—134.
- Комиссаров С. А. Выделение периода Западного Чжоу в древней истории Китая по археологическим данным.— Новосибирск, 1983б.— 5 с.— (Препринт).
- Комиссаров С. А. Чжоуское защитное вооружение // Изв. СО АН СССР. Сер. истории, филологии и философии.— 1984.— № 14, вып. 3.— С. 47—56.
- Комиссаров С. А. Археология Западного Чжоу (1027—770 гг. до н. э.) // Древние культуры Китая: Палеолит, неолит и эпоха металла.— Новосибирск, 1985а.— С. 86—111.
- Комиссаров С. А. Шанцуньлинь — опорный памятник конца Западного Чжоу // Дальний Восток и Центральная Азия.— М., 1985б.— С. 3—11.
- Комиссаров С. А., Соловьев А. И. Находка биметаллического кинжала в Восточной Ганьсу.— Новосибирск, 1983.— 5 с.— (Препринт).
- Коновалов П. Б., Кириллов И. И. Состояние и задачи археологии Забайкалья // По следам древних культур Забайкалья.— Новосибирск, 1983.— С. 3—26.
- Конрад Н. И. Израбанные труды. Синология.— М.: Наука, 1977.— 621 с.
- Крюков В. М. Погребальный обряд в архаическом Китае и проблемы формирования ранговой иерархии // Пятнадцатая науч. конф. «Общество и государство в Китае»: Тез. и докл.— М., 1984.— Т. 1.— С. 21—27.
- Крюков М. В. Проблема проточжоуской письменности // Народы Азии и Африки.— 1965.— № 6.— С. 122—127.
- Крюков М. В. Формы социальной организации древних китайцев.— М.: Наука, 1967.— 201 с.
- Крюков М. В., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н. Древние китайцы: Проблемы этногенеза.— М.: Наука, 1978.— 342 с., ил.
- Крюков М. В., Хуан Шуи. Древнекитайский язык.— М.: Наука, 1978.— 512 с.
- Кубарев В. Д. Древние изваяния Алтая: Оленные камни.— Новосибирск: Наука, 1979.— 120 с., ил.
- Кузьмина Е. Е. Бронзовый шлем из Самарканда // СА.— 1958.— № 4.— С. 120—126.
- Кулемзин А. М. История вооружения и военного дела племен тагарской культуры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— Новосибирск, 1973.— 27 с.
- Кучера С. Китайская археология 1965—1974 гг.: Палеолит — эпоха Инь.— М.: Наука, 1977.— 268 с., ил.
- Кучера С. Некоторые вопросы культуры Китая в эпоху Инь (по материалам, найденным в могиле Фу Хао) // Десятая науч. конф. «Общество и государство в Китае»: Тез. и докл.— М., 1979.— Ч. 1.— С. 207—218.
- Кучера С. Некоторые проблемы истории Китая в свете радиоуглеродных датировок // Этническая история народов Восточной и Юго-Восточной Азии в древности и средние века.— М., 1981.— С. 47—130.
- Кучера С. Ранняя история Северо-Западного Китая (Ганьсу) // Информ. бюл./Междунар. ассоциация по изучению культур Центральной Азии.— 1982.— Вып. 3.— С. 42—74.
- Кучера С. Цюйцзялинь и истоки чуской культуры // Пятнадцатая науч. конф. «Общество и государство в Китае»: Тез. и докл.— М., 1984.— Ч. 1.— С. 33—41.
- Кучера С. Проблемы древней истории Китая в археологической науке КНР // Общественные науки в КНР.— М., 1986.— С. 15—70.
- Кызласов Л. Р. Древняя Тува.— М.: Изд-во МГУ, 1979.— 207 с., ил.
- Ларичев В. Е. Древние культуры Северного Китая // Тр. филиала/Дальневосточный филиал Сиб. отд-ния АН СССР. Сер. ист.— 1959а.— Т. 1.— С. 75—95.
- Ларичев В. Е. О происхождении культуры плиточных могил Забайкалья // Археологический сборник.— Улан-Удэ, 1959б.— Т. 1.— С. 63—73, 120—125.
- Ларичев В. Е. Древние культуры Северо-Восточного Китая: Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— Л., 1960.— 23 с.
- Ларичев В. Е. Бронзовый век Северо-Восточного Китая // СА.— 1961.— № 1.— С. 3—25.
- Ларичев В. Е. Азия далекая и таинственная.— Новосибирск: Наука, 1968.— 292 с.
- Ларичев В. Е. Народы Дальнего Востока в древности и средние века и их роль в культурной и политической истории Восточной Азии // Дальний Восток и соседние территории в средние века.— Новосибирск, 1980.— С. 8—38.
- Литвинский Б. А. Сложносоставной лук в древней Средней Азии. (К проблеме эволюции лука на Востоке) // СА.— 1966.— № 4.— С. 51—69.
- Литвинский Б. А. Оружие населения Памира и Ферганы в сакское время (боевые топоры, кинжалы, наконечники стрел) // Материальная культура Таджикистана.— Душанбе, 1968.— Вып. 1.— С. 69—115.
- Литвинский Б. А. Древние кочевники «Крыши Мира».— М.: Наука, 1972.— 270 с., ил.
- Маннай-оол М. Х. Тува в скифское время.— М.: Наука, 1970.— 117 с., ил.
- Мартынов А. И. Лесостепная тагарская культура.— Новосибирск: Наука, 1979.— 208 с., ил.
- Матющенко В. М. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век).— Ч. 2: Самусьская культура.— Томск: Изд-во ТГУ, 1973.— 139 с., 69 ил.
- Матющенко В. И. Могильник у дер. Ростовка // Археология Северной и Центральной Азии.— Новосибирск, 1975.— С. 129—137.
- Медведев А. Ф. Из истории сложного лука // Краткие сообщ. Ин-та археологии.— 1964.— Вып. 102.— С. 3—7.
- Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел).— М.: Наука, 1966.— 182 с., ил.
- Мелюкова А. И. Вооружение скифов.— М.: Наука, 1964.— 91 с., 23 табл.
- Меринг Ф. Очерки по истории войн и военного искусства.— 4-е изд.— М.: Воениздат, 1941.— 339 с.
- Миняев С. С. Культуры скифского времени Центральной Азии и сложение племенного союза сюнну // Тез. докл. Всесоюз. археол. конф. «Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства».— Кемерово, 1979.— С. 74—76.
- Миняев С. С. Бронзовые изделия хунну. (Типология. Производство. Распространение): Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— Л., 1982.— 18 с.

- Миняев С. С. К проблеме происхождения сюнну // Информ. бюл./Междунар. ассоциация по изучению культур Центральной Азии.— 1985.— Вып. 9.— С. 70—78.
- Миняев С. С. Исчезнувшие народы.— Сюнну // Природа.— 1986.— № 4.— С. 42—53.
- Молодин В. И. Бараба в эпоху бронзы.— Новосибирск: Наука, 1985.— 200 с., ил.
- Мурзин В. Ю., Черненко Е. В. О средствах защиты боевого коня в скифское время // Скифия и Кавказ.— Киев, 1980.— С. 155—167.
- Мухлинов А. И. Происхождение и ранние этапы этнической истории вьетнамского народа.— М.: Наука, 1977.— 216 с., ил.
- Никогосов Э. В. Роль словарей в формировании и закреплении этнополитических концепций в КНР // Традиции Китая и «четыре модернизации».— М., 1982.— Ч. 2.— С. 384—418.
- Нимаев Д. Д. Этнический состав древнего населения Центральной Азии (конец I тыс. до н. э.—I-я половина I тыс. н. э.) // Исследования по исторической этнографии монгольских народов.— Улан-Удэ, 1986.— С. 56—70.
- Новгородова Э. А. Центральная Азия и карасукская проблема.— М.: Наука, 1970.— 191 с., ил.
- Новгородова Э. А. О датировке и значении петроглифов, открытых в Северном Китае // Двенадцатая науч. конф. «Общество и государство в Китае»: Тез. и докл.— М., 1981а.— Ч. 2.— С. 28—29.
- Новгородова Э. А. Ранний этап этногенеза народов Монголии (конец III—I тыс. до н. э.) // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н. э.).— М., 1981б.— С. 207—215.
- Окладников А. П. Бронзовый меч из Якутии // СА.— 1959а.— № 3.— С. 133—136.
- Окладников А. П. Далекое прошлое Приморья.— Владивосток: Примор. кн. изд-во, 1959б.— 292 с., ил.
- Окладников А. П. Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока.— М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963.— 355 с., ил., карт.
- Окладников А. П., Васильевский Р. С. Северная Азия на заре истории.— Новосибирск: Наука, 1980.— 160 с., ил.
- Окладников А. П., Деревянко А. П. Далекое прошлое Приморья и Приамурья.— Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1973.— 440 с., ил.
- Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Забайкалья: В 2-х ч.— Л.: Наука, 1970.— Ч. 2.— 263 с., ил.
- Окладников А. П., Худяков Ю. С. Образ воина на писаных Монголии // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии.— Новосибирск, 1981.— С. 21—29.
- Окладников А. П., Шавкунов Э. В. Погребение с бронзовыми кинжалами на р. Майхэ (Приморье) // СА.— 1960.— № 3.— С. 282—288.
- Переломов Л. С. Копфуцианство и легизм в политической истории Китая.— М.: Наука, 1981.— 332 с., ил.
- Переломов Л. С., Гончаров С. Н., Никогосов Э. В. Великоханская сущность концепции «извечного единого многонационального Китая» // Проблемы Дальнего Востока.— 1981.— № 4.— С. 41—55.
- Погребова М. Н., Членова Н. Л. Кавказский кинжал, найденный в Китае // Сибирь и ее соседи в древности.— Новосибирск, 1970.— С. 290—295.
- Познер П. В. Царства Ба и Шу по материалам «Шупина», хроники «Чуньцю» и «Шицзи» Сыма Цяня // Этническая история народов Восточной и Юго-Восточной Азии в древности и средневековье.— М., 1981.— С. 208—223.
- Пронников В. А., Ладанов И. Д. Японцы: Этнопсихологические очерки.— 2-е изд., испр. и доп.— М.: Наука, 1985.— 348 с., ил.
- Рерих Ю. Н. Избранные труды.— М.: Наука, 1967.— 574 с. (тексты работ на англ. яз.).
- Риттер Э. А. Чака Зулу/Пер. с англ.— 2-е изд.— М.: Наука, 1977.— 406 с., ил., карт.
- Савинов Д. Г. Осинкинский могильник эпохи бронзы на Северном Алтае // Первобытная археология Сибири.— Л., 1975.— С. 94—100.
- Скачков К. А. Исторический обзор военной организации в Китае с древнейших времен до воцарения Маньчжурской династии.— Спб., 1879.— 34 с.
- Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов.— М.: Наука, 1961.— 162 с., ил.
- Соловьев А. И. Биметаллический меч с кольцевым навершием // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем: Тез. докл. и сообщ. Всесоюз. науч. конф.— Новосибирск, 1981.— Вып. 3.— С. 59—61.
- Соловьев А. И. Военное дело населения лесной полосы Западной Сибири эпохи средневековья (по археологическим источникам): Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— Новосибирск, 1984.— 18 с.
- Стариков В. С. Современная материальная культура китайцев в Маньчжурии, ее истоки и развитие: Автореф. дис. ... докт. ист. наук.— Л., 1973.— 45 с.
- Сыма Цянь. Исторические записки («Шицзи»): В 3 т.— М.: Наука, 1972—1984.— Т. 1/Пер. с кит. и коммент. Р. В. Вяткина и В. С. Таскина.— 1972.— 439 с., табл.; Т. 2/Пер. с кит. и коммент. Р. В. Вяткина и В. С. Таскина.— 1975.— 579 с.; Т. 3/Пер. с кит. и коммент. Р. В. Вяткина.— 1984.— 943 с., табл.
- Ся Най. Современное состояние археологической науки в Китае // Вестн. древней истории.— 1954.— № 4.— С. 139—143.
- Таскин В. С. Материалы по истории сюнну.— Вып. 1—2.— М.: Наука, 1968—1973.— Вып. 1.— 1968.— 177 с.; Вып. 2.— 1973.— 171 с.
- Таскин В. С. Китайские источники о древних тюркских и монгольских племенах // П. И. Кафаров и его вклад в отечественное востоковедение. (К 100-летию со дня смерти): Материалы конф.— М., 1979.— Ч. 2.— С. 34—49.
- Таскин В. С. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху.— М.: Наука, 1984.— 486 с.
- Теплоухов С. Металлический период // Сиб. Сов. Энциклопедия.— 1932.— Т. 3.— Ст. 400—415.
- Тереножкин А. И. Киммерийские мечи и кинжалы // Скифский мир.— Киев, 1975.— С. 3—34.
- Тихонов Б. Г., Гришин Ю. С. Очерки по истории производства в Приуралье и Южной Сибири в эпоху бронзы и раннего железа.— М.: Наука, 1960.— 208 с., ил.
- Уманский А. П., Демин М. А. Наконечники копий сейминско-турбинского типа на Алтае // Древние горняки и металлургия Сибири.— Барнаул, 1983.— С. 143—150.
- Фань Вэньлань. Древняя история Китая/Пер. с кит.— М.: Изд-во АН СССР, 1958.— 294 с.
- Фридрих Энгельс и военная история.— М.: Воениздат, 1972.— 336 с.
- Фрунзе М. В. Избранные произведения.— М.: Воениздат, 1977.— 480 с.
- Халиков А. Х. Приказанская культура.— М.: Наука, 1980.— 129 с., ил., карт.
- Худяков Ю. С. Основные понятия оружейоведения // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока.— Новосибирск, 1979.— С. 184—193.
- Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов VI—VII вв.— Новосибирск: Наука, 1980.— 176 с., ил.
- Худяков Ю. С. Археология Южной Сибири.— Новосибирск: НГУ, 1985.— 31 с.
- Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии.— Новосибирск: Наука, 1986.— 268 с., ил.
- Черненко Е. В. Скифский доспех.— Киев: Наук. думка, 1968.— 191 с., ил.
- Черненко Е. В. Скифские лучники.— Киев: Наук. думка, 1981.— 167 с., ил.
- Чеснов Я. В. Историческая этнография стран Индокитая.— М.: Наука, 1976.— 298 с.
- Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры.— М.: Наука, 1967.— 299 с., ил.
- Членова Н. Л. Хронология памятников карасукской эпохи.— М.: Наука, 1972.— 247 с., ил.
- Членова Н. Л. Карасукские кинжалы.— М.: Наука, 1976.— 104 с., табл.
- Чукина Н. Крысы — оружие магическое // Азия и Африка сегодня.— 1985.— № 4.— С. 53—54.
- Шавкунов В. Э. Вооружение чжурчженей Приморья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— Новосибирск, 1986.— 17 с.
- Шицзин: Пер. с кит. и коммент. А. А. Штукина.— М.: Изд-во АН СССР, 1957.— 611 с.
- Шумихин В. С. Ф. Энгельс о взаимосвязи войны и экономики // Фридрих Энгельс и военная история.— М., 1972.— С. 99—112.
- Шуцкий Ю. К. Китайская классическая «Книга перемен».— М.: Изд-во вост. лит-ры, 1960.— 424 с.

ЛИТЕРАТУРА НА ЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ

An Zhimin, Zhang Chanshou, Xu Pingfang. Recent archaeological discoveries in the People's Republic of China.—

- P.; Tokyo: The Centre for East Asian Cultural Studies; UNESCO.—1984.—XII, 103, 12 p., il.
- Andersson J. G. Der Weg über die Steppen // BMFEA.—1929.—N 1.—P. 143—163.
- Andersson J. G. Hunting Magic in the Animal Style // BMFEA.—1932.—N 4.—P. 221—317.
- Andersson J. G. Selected Ordos Bronzes // BMFEA.—1933.—N 5.—P. 142—154.
- Chang Kwang-chih. The Archaeology of Ancient China.—3d ed.—New Haven; L.: Yale University Press, 1977.—535 p., il.
- Chase W. T., Zeibold T. O. Ternary Representations of Ancient China Bronze compositions // Archaeological Chemistry.—1978.—N 2.—P. 293—334.
- Chêng Tê-k'un. Archaeology of China.—Cambridge; Hefter; University of Toronto Press, 1963.—Vol. 3: Chou China.—430 p., il.
- Dien A. E. Warring States armor and the pit three at the Qin Shihuangdi's tomb // EC.—1979/80.—N 5.—P. 46—47.
- Dissertation abstracts // EC.—1979/80.—N 5.—P. 82.
- Fuller G. F. C. Armament and History.—N. Y.: Charles Scribner's sons, 1945.—XVII, 207 p.
- Goodrich D. W. Recent Archaeological Publications in China // EC.—1983/84a.—N 8.—P. 162—169.
- Goodrich D. W. The State of Chung-Shan and the Chinese World order // EC.—1983/84b.—N 8.—P. 190.
- Hencken Hugh. The Earliest European Helmets.—Cambridge (Mass.): Peabody Museum of archaeology and ethnology. Harvard Univ.—1971.—XIV, 199 p., il.
- Hirth F. The Ancient History of China to the end of Chou Dynasty.—Freeport: Books for Library Press, 1969.—XX, 383 p.
- Huntington G. C. The Phur-Pa, Tibetan Ritual darrege.—Ascona: Artibus Asiae Publishers, 1975.—90 p., LXIV pl.
- Jettmar K. The Karasuk culture and its south-eastern affinities // BMFEA.—1950.—N 22.—P. 83—126.
- Jettmar K. Cultural and Ethnic Groups West of China // Asian Perspectives (Honolulu).—1985 (1984).—Vol. 24, N 2.—P. 145—162.
- Karlgren B. Yin and Chou in Chinese Bronze: Reprinted from the BMFEA, N 8.—Stockholm, 1936.—156 p., 58 pl.
- Karlgren B. Yin and Chou in Chinese Bronzes: Reprinted from the BMFEA, N 9.—Stockholm, 1937.—117 p., 64 pl.
- Karlgren B. Some Weapons and Tools of the Yin Dynasty // BMFEA.—1945.—N 17.—P. 101—144.
- Kim Jeong-hak. Prehistory of Korea.—Honolulu: The University Press of Hawaii, 1978.—237 p., il.
- Kim Won-Yong. Korean Archaeology Today // Korea Today (Seoul).—1981.—Vol. 21, N 9.—P. 22—43.
- Kim Won-Yong. Recent Archaeological discoveries in the Republic of Korea.—Tokyo: The Centre for East Asian Cultural Studies; UNESCO, 1983.—79 p., 20 pl.
- Krieger H. W. The collection of primitive weapons and armor of the Philippine islands in The United States National Museum.—Washington: Government Printing Office, 1928.—128 p., 21 pl.
- Laufer B. Chinese Clay Figures.—Pt I: Prolegomena on the History of defensive armor.—Chicago: Field Museum of Natural History, 1914.—P. 73—315, LXXII pl.
- Li Chi. The Beginnings of Chinese Civilization.—Seattle: University of Washington Press, 1962.—123 p., il.
- Loehr M. Weapons and Tools from Anyang and Siberian analogies // American J. of Archaeology.—1949.—Vol. 53.—P. 126—144.
- Loehr M. Chinese Bronze Age Weapons.—Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1956.—XIII, 233 p., 24 pl.
- Loehr M. Relics of Ancient China from the collection of Dr. Paul Singer.—N. Y.: The Asia Society Inc., 1965.—170 p., il.
- Needham J. The Development of Iron and Steel Technology in China.—L.: Newcomen Society, 1958.—76 p., 31 pl.
- Needham J. Science and Civilization in China.—Vol. 4, pt. 2.—Cambridge: The University Press, 1965.—LV, 759 p., il.
- New Archaeological Finds in China: Discoveries during the Cultural Revolution.—Peking: Foreign Languages Press, 1972.—54 p., 6 pl.
- Nivison D. N. The Dates of Western Chou // Harvard Journal of Asiatic Studies.—1983.—Vol. 43, N 2.—P. 481—580.
- Novgorodowa E. Alte Kunst der Mongolei.—Leipzig: E. A. Seemann Verlag, 1980.—280 S., il.
- The Outline of Korean History (until August 1945).—Pungnyang: Foreign Languages Publishing House, 1977.—158 p.
- Pankenier D. W. Astronomical Dates of Shang and Western Chou // EC.—1981/82.—N 7.—P. 2—37.
- Pope T. S. A Study of bows and arrows.—Berkeley: Univ. of California Press, 1923.—85 p., il.
- Rausing G. The Bow: Some Notes on its origin and development.—Bonn; Lund: Rudolf Habelt Verlag; CWK Gleerups Förlag, 1967.—189 p., 12 il.
- Rawson P. S. The Indian Sword.—Copenhagen: Danish arms and armour society, 1967.—184 p., il.
- Robinson H. Oriental Armour.—L.: Herbert Genkins, 1967.—XI, 255 p., il.
- Shi Shuzhi. Unravelling the mystery of the Zhongshan Kingdom // Recent Discoveries in Chinese Archaeology: 28 articles by Chinese Archaeologists Describing Their Excavations.—Beijing, 1984.—P. 12—16.
- Solheim W. G. New Light on a Forgotten Past // National Geographic Magazine (Washington).—1971.—Vol. 139, N 3.—P. 330—339.
- Takashi Hatada. A History of Korea.—Santa Barbara: ABC-CLIO, 1969.—182 p.
- Takayama S., Sugimoto K. Shigaku zasshi Summary of Japanese Scholarship // EC.—1979/80.—N 5.—P. 60—71.
- Takayasu Higuchi. Newly Discovered Western Chou Bronzes // Acta Asiatica: Bul. of the Institute of Eastern Cultures (The Tōhō gakkai).—1962.—N 3.—P. 30—43.
- Valuable Relics unearthed in a Tomb at Leigudun // Recent Discoveries in Chinese archaeology: 28 articles by Chinese Archaeologists Describing Their Excavations.—Beijing, 1984.—P. 17—21.
- Wanne G. G. Traditional Korea: A Cultural History.—Seoul: Chung'ang University Press, 1972.—477 p., il.
- Watson W. Archaeology in China.—L.; P., 1960.—32 p., 123 pl.
- Watson W. China before the Han Dynasty.—2d ed.—N. Y.: Washington: Praeger, 1966.—264 p., il.
- Watson W. Cultural Frontiers in Ancient East Asia.—Edinburgh: Edinburgh University Press, 1971.—187 p., il.
- Werner E. T. C. Chinese Weapons.—Shanghai: Royal Asiatic Society (North China Branch), 1932.—59 p., il.
- White W. Ch. Bronze Culture of Ancient China.—Toronto: University of Toronto Press, 1956.—219 p., il.
- Willems W. Das Buch der Chinesischen Kunst: Aus dem Englischen übertragen von H. S. Gerratsch.—Düsseldorf; Wien: Econ Verlag, GmbH, 1968.—516 S., il.
- Wu En. Relics of the Northern Nomads // China Reconstructs.—1986.—N 4.—P. 38—41.
- Yang Hong. China's Ancient Weapons // China Reconstructs.—1982.—N 1.—P. 58—62.
- Yin Weizhang. Archaeological Studies of Recent Years // Recent Discoveries in Chinese Archaeology: 28 articles by Chinese Archaeologists Describing Their Excavations.—Beijing, 1984.—P. 98—102.

ЛИТЕРАТУРА НА КИТАЙСКОМ И ЯПОНСКОМ ЯЗЫКАХ

- Акияма Синго. Ситуация в начальный период культуры металлических орудий на северо-востоке Китая // Кюкогаку дзасси.—1968.—Т. 53, № 4.—С. 1—29; 1969.—Т. 54, № 1.—С. 1—24; № 2.—С. 21—47.
- Аннотация к экспозиции по истории (Лиянь чэньле цзяньцзе).—Б. м.: изд. Ляонинского провинциального музея, 6. г.—15 с., ил.
- Ань Чжиинь. Краткий отчет о раскопках в у. Шэньсянь, пров. Хэнань, осенью 1956 г. // КГТС.—1957.—№ 4.—С. 1—8.
- Ань Чжиинь, Чжэн Найу. Могила с каменным ящиком № 102 в Наньшаньгэнь, у. Нинчэн, Внутренняя Монголия // КГ.—1981.—№ 4.—С. 304—308.
- Археологические остатки, найденные в могиле цайского хоу в у. Шоусянь (Шоусянь Цай хоу му чу ту ку).—Пекин: Кэсюэ, 1956.—5, 21 с., 106 табл.
- Археологические открытия и исследования в новом Китае (Синь Чжунго ды каогу фсянь хэ яньцзю) / Под ред. Ся Ная, Ван Чжуншу, Су Бинди и др.—Пекин: Вэньу, 1984.—4, 6, 4, 2, 664 с., ил., 216 табл.
- Археология Шан и Чжоу (Шан-Чжоу каогу): Пособие для археологических отделений (Каогу чжанье цзясюэ цанькаошу).—Пекин: Вэньу, 1979.—378 с., ил., 63 табл.

- Бай Жуңцзинь, Ван Чжэньцзян, Дин Люлун.** Предварительное обсуждение техники изготовления кожаных доспехов восточножюуской эпохи // КГ.—1984.— № 12.— С. 1127—1131.
- Бай Хуавэнь.** О бронзовых мечах // ВУ.—1976.— № 11.— С. 62—64.
- Бао Цюань.** Остатки западножюуских столиц Фэн и Хао // ВУ.—1977.— № 9.— С. 68—70.
- Бронзовое оружие периода Чуньцю, найденное в у. Гаочунь, пров. Цзянсу** // КГ.—1966.— № 2.— С. 63—65, 62.
- Бронзовые изделия, найденные в Цидзяцунь, у. Фуфан (Фуфан Цидзяцунь цинтунци цзюнь).**—Пекин: Ваньу, 1963.— 3, 11 с., 29 табл.
- Бронзовые изделия позднего периода Западного Чжоу, найденные в Фэйси и Хэфэй** // ВУ.—1972.— № 11.— С. 77.
- Бронзовые изделия пров. Юньнань (Юньнань цинтунци).**—Пекин: Ваньу, 1981.— 8, 5, 216, 6, 4 с., ил.
- Бронзовые изделия Шан и Чжоу, найденные в пров. Шэньси (Шэньси чжун Шан-Чжоу цинтунци).**—Пекин: Ваньу, 1979—1984.— Т. 1.— 1979.— 2, 10, 18, 199, 38 с., ил.; Т. 2.— 1980.— 8, 208, 24, 2 с., ил.; Т. 4.— 1984.— 2, 8, 176, 34 с., ил.
- Бронзовые изделия эпохи Инь-Чжоу, найденные в Байдунцунь, у. Кацзо, пров. Ляонин** // КГ.—1974.— № 6.— С. 364—372.
- Бронзовые изделия эпохи Инь-Чжоу, найденные в Шаньваньцзы, у. Кацзо, пров. Ляонин** // ВУ.—1977.— № 12.— С. 23—33, 43.
- Бронзовый дин периода Западного Чжоу, найденный в у. Чансин, пров. Чжэцзян** // ВУ.—1977.— № 9.— С. 92—93.
- Важные археологические результаты в районе Пекина.** Новые замечания о западножюуских могилах с деревянными гробами в Байфу, у. Чанпин // КГ.—1976.— № 4.— С. 246—258, 228.
- Ван Бохун, Чжун Шаолин, Чжан Чаншоу.** Краткий отчет о раскопках в Фэйси, у. Чаньшань, пров. Шэньси, в 1955—1957 гг. // КГ.—1959.— № 10.— С. 516—530.
- Ван Вэньцин.** Предварительное обсуждение этнического единства У и Юэ // Наньцзип боююань цзикань.—1982.— № 4.— С. 8—18.
- Ван Вэньчан.** Определение поддельных бронзовых сосудов ю // Гугун боююань юанькань.—1983.— № 2.— С. 49—52, 59.
- Ван Гуаньюн.** Могили раннего периода Западного Чжоу, найденные в производственной бригаде Юйцзоань близ г. Баоцзи, пров. Шэньси // ВУ.—1975.— № 3.— С. 72—75.
- Ван Гуаньюн, Цао Минтань.** Бронзовые зеркала и другие вещи раннего периода Западного Чжоу, найденные в районе г. Баоцзи и в у. Фэнсян // ВУ.—1979.— № 12.— С. 90—91.
- Ван Гэньбао.** Западножюуские бронзовые изделия, найденные в коммуне Бэйго, у. Циншань // КГ юй ВУ.—1982.— № 2.— С. 7—9.
- Ван Жэньсян, Чэн Синьжэнь, Го Дэвэй, Чжан Синьпин.** Чжаньгоские, циньские и ханьские могилы в Чухуачэн, у. Ичэц, пров. Хубэй // КГ.—1980.— № 2.— С. 114—122.
- Ван Кэлин.** Восточножюуские могилы в д. Шанма близ Хоума, пров. Шаньси // КГ.—1963.— № 5.— С. 229—245.
- Ван Сюэли.** Оружие циньских керамических фигур, заслуживающее обсуждения // КГ юй ВУ.—1983.— № 4.— С. 59—80.
- Ван Сюэли.** Летопись оружия «длинное пи» // КГ юй ВУ.—1985.— № 2.— С. 60—67, 73.
- Ван Хань.** Древние могилы с каменным дном в у. Дацинь, пров. Хубэй // КГ.—1983.— № 3.— С. 275—276.
- Ван Хуй.** Краткие записи о названиях земель внутри западножюуского «домепа» // КГ юй ВУ.—1985.— № 3.— С. 26—31.
- Ван Цзинь.** Раскопки стоянки Цзиньцзэнь, у. Хуань, пров. Хубэй // КГ.—1960.— № 4.— С. 38—40.
- Ван Цзиньсян.** Западножюуские бронзовые изделия, найденные у. Чанцзы, пров. Шэньси // ВУ.—1979.— № 9.— С. 90.
- Ван Цзуньго, Цзоу Хоубэнь, Ю Чжэньбао.** Восточножюуское погребение у села Чэнцзяо, у. Люхэ, пров. Цзянсу // КГ.—1965.— № 3.— С. 105—115.
- Ван Цзяю.** Записки о бронзовых изделиях, найденных в Чжувадэе, у. Цзясянь, пров. Сычуань // ВУ.—1961.— № 11.— С. 28—31.
- Ван Цзяю, Цзян Дяньчао.** Записки об исследованиях древних стоянок в у. Синьфань и Гуанхань, пров. Сычуань // КГТС.—1958.— № 8.— С. 27—31.
- Ван Цзяю, Лю Паньши.** Новые археологические находки в у. Фулин и некоторые вопросы истории древнего государства Бай // Ваньу цзюляо цункань.—1983.— Сб. 7.— С. 28—29.
- Ван Чжэньюн.** Западножюуский бронзовый колокол чжун, раскопанный в у. Оусянь, пров. Фуцзянь // ВУ.—1980.— № 11.— С. 95.
- Ван Чэнли, Чжан Чжунпэй, Линь Юнь, Фан Цядун.** Главные итоги дунбэйской археологии // Дунбэй каогу юй лиши.—1982.— Сб. 1.— С. 1—7.
- Ван Шиминь.** Археологические исследования в Китае в 1979 г. // КГ.—1980.— № 2.— С. 159—169.
- Ван Шиминь.** Археологические исследования в Китае в 1980 г. // КГ.—1981.— № 3.— С. 243—251.
- Ван Шичжэнь.** Шанско-жюуские бронзовые изделия, найденные в у. Суйсянь, пров. Хубэй // КГ.—1984.— № 6.— С. 510—514.
- Ван Энтянь.** Вопросы, связанные с основаниями строительной группы периода Западного Чжоу в Фэнчунь, у. Цишань // ВУ.—1981.— № 1.— С. 75—80.
- Ван Юйган, Оу Тяньцян, Цай Цзиньюань.** Краткий отчет о раскопках чуньцюской могилы в Пинцзяо близ г. Синьян, пров. Хэнань // ВУ.—1981.— № 1.— С. 9—14.
- Ван Юэнь.** Раскопки ба-шуских могил в у. Цзяньвэй и переселение шусцев на юг // КГ.—1984.— № 12.— С. 1114—1117.
- Вань Шунь, Ян Сюи.** Бронзовые изделия западножюуского государства Тэн, найденные в у. Тэнсянь, пров. Шаньдун // КГ.—1979.— № 4.— С. 88—89.
- Вань Шунь, Чэнь Цинфэн.** Могилы с бронзовыми изделиями тэнского хоу, найденные в у. Тэнсянь, пров. Шаньдун // КГ.—1984.— № 4.— С. 333—337.
- Восточножюуская могила № 2 в Чэнцзяо, у. Люхэ, пров. Цзянсу** // КГ.—1974.— № 2.— С. 116—120.
- В у. Цишань, Ланьтянь и других местах нашли западножюуские бронзовые изделия** // ВУ.—1972.— № 1.— С. 74—75.
- Выставка культуры государства Чжуншань (Тюсан О-коку бунка тэн).**—Б. м.: Нихон кэйдзай симбунся, 1931.— 183 с., ил.
- Вэй Хуайхэн, У Дэсюй.** Западножюуская могила в Байцаою, у. Линтай // ВУ.—1972.— № 12.— С. 2—8.
- Вэй Чжэньцзинь.** Партия бронзовых изделий, найденных в Пукоу близ Нанкина // ВУ.—1980.— № 8.— С. 10—11, 34.
- Вэнь Даюнь.** Чуские могилы в Чанша // КГСБ.—1959.— № 1.— С. 41—60.
- Гаи Шаньлин.** Петроглифы района Ланьшань, горной цепи Иньшань, Внутренняя Монголия // ВУ.—1980.— № 6.— С. 1—11.
- Гао Далунь.** О сущности и роли памятника в Паньлунчэе // Цзянхань каогу (г. Ухань).—1985.— № 1.— С. 82—89, 98.
- Гао Инцин.** Предварительное исследование бассейна рек Цзюйшуй и Чжаншуй как центра раннего периода чуской культуры // ВУ.—1982.— № 4.— С. 49—52.
- Гао Инцин, Бин Юлинь.** Две чуские могилы периода Чжаньго в Цзиньцзяншань, у. Данъян, пров. Хубэй // ВУ.—1982.— № 4.— С. 46—47.
- Гао Мин.** Немного по поводу этнической принадлежности надписей на панцирях и костях из Чжоуяни // КГ юй ВУ.—1984.— № 5.— С. 76—85.
- Гао Чжиси.** Несколько предметов материальной культуры в стиле народа юэ, найденных в пров. Хуань // ВУ.—1980.— № 12.— С. 48—51.
- Гао Чжиси.** О бронзовых изделиях периода Западного Чжоу, найденных в пров. Хуань // Цзянхань каогу (г. Ухань).—1984.— № 3.— С. 59—68.
- Гао Чжиси, Сюн Чуаньсинь.** Обзор остатков жизнедеятельности чусцев в пров. Хуань // ВУ.—1980.— № 10.— С. 50—60.
- Главные итоги археологических работ в пров. Шэньси за 35 лет, прошедших со времени основания государства** // КГ юй ВУ.—1984.— № 5.— С. 1—9.
- Го Баоцзюнь.** Шаньбяочжэнь и Люлигэ (Шаньбяочжэнь юй Люлигэ).—Пекин: Кэсюэ, 1959.— 77 с., 118 табл.
- Го Баоцзюнь.** Бронзовое оружие Инь и Чжоу // КГ.—1961.— № 2.— С. 111—118.
- Го Баоцзюнь.** Бронзовые изделия Китая (Чжунго цинтунци).—Пекин: Саньянь шудянь, 1963.— 6, 305 с., 32 табл.

Го Баоцзюнь. Синьдунь в у. Цзюньсянь (Цзюньсянь Синьдунь).— Пекин: Вэньу, 1964.— 4, 74 с., 104 табл.

Го Дэвэй. Еще одна дискуссия по поводу гэ и цзи // КГ.— 1984.— № 12.— С. 1108—1113.

Го Можо. О цзи // Го Можо. Исследование надписей на бронзовых изделиях Инь в Чжоу (Инь-Чжоу цинтунци миньвэнь яньцзю).— Пекин, 1954.— С. 172—186.

Го Можо. Несколько бронзовых изделий, найденных в Саньмэнься // ВУ.— 1959.— № 1.— С. 13—15.

Го Можо. По поводу бронзовых изделий, найденных в Цзянлинь и Шоусянь // КГ.— 1963.— № 4.— С. 181.

Го Можо. Об исследовании большого сосуда дин из у. Майсянь // ВУ.— 1972.— № 7.— С. 2.

Го Можо, Чжао Юнфу. Западночжоуские бронзовые изделия из Чжанцзяпо, у. Чаньань (Чаньань Чжанцзяпо сячжоу цинтунци цзюнь).— Пекин: Вэньу, 1965.— 4, 24 с., 32 табл.

Го Сусинь, Тянь Гуанцзинь. Сюннуские могилы в Сигоупань // ВУ.— 1980.— № 7.— С. 1—10.

Га Цзинь. Записки о раскопках раннечжоуского могильника в Гаодзябао, у. Цзиньян // ВУ.— 1972.— № 7.— С. 5—8.

Да Ла, Лян Цзинлинь. Сюннуские могилы в Хулстай // ВУ.— 1980.— № 7.— С. 11—12.

Дай Инсинь. Западночжоуские могилы в Хэцзяцунь, у. Цишань, пров. Шэньси // КГ.— 1976.— № 1.— С. 31—38.

Дай Инсинь. Еще одна находка бронзовых сосудов дин периода Западного Чжоу в Сиванцунь, у. Чаньань, пров. Шэньси // КГ.— 1983.— № 3.— С. 217—219.

Дай Инсинь. Краткий отчет о раскопках в Фэнси и Фэндун, у. Чаньань, в 1979—1981 гг. // КГ.— 1986.— № 3.— С. 197—209.

Дай Инсинь, Сунь Цзясян. Памятники материальной культуры сюнну, найденные в у. Шэньлу, пров. Шэньси // ВУ.— 1983.— № 12.— С. 23—30.

Два бронзовых изделия из у. Чанси, пров. Чжэцзян // ВУ.— 1973.— № 1.— С. 62.

Доклад о первых работах по определению радиоуглеродных дат жидкостно-сцинтилляционным методом // ВУ.— 1976.— № 12.— С. 80—84, 22.

Ду Найсун. Малый словарь древних бронзовых изделий Китая (Чжунго гудай цинтунци сяо цыдянь).— Пекин: Вэньу, 1980.— 95 с., ил.

Ду Найсун. Периодизация и датирование бронзовых изделий // Гугун боюань юанькань.— 1982.— № 4.— С. 49—61.

Ду Найсун. Предварительное изучение бронзовых секир // КГ юй ВУ.— 1983.— № 5.— С. 66—69, 65.

Е. Ваньсун, Чжан Цзянь. Раскопки западночжоуского памятника бронзолитейного мастерства в Бэйяо близ Лояна в 1975—1979 гг. // КГ.— 1983.— № 5.— С. 430—441, 388.

Е. Ваньсун, Юй Фэнвэй. Исследование периодов керамических изделий, найденных на западночжоуском памятнике Бэйяо близ Лояна // КГ.— 1985.— № 9.— С. 834—842.

Е. Сюань. Искусство украшения древних бронзовых изделий нашей страны // КГ юй ВУ.— 1983.— № 4.— С. 84—94.

Жертвенные сопребения рабов периода Западного Чжоу, найденные вблизи Пекина // КГ.— 1974.— № 5.— С. 309—321.

Жун Гэн, Чжан Вэйчи. Введение в изучение иньских и чжоуских бронзовых изделий (Инь-Чжоу цинтунци тунлун).— Пекин: Кэсюэ, 1958.— 152 с., 158 табл.

Жэнь Сун, Фань Вэйцзю. Записки о еще одном колоколе чжун иньского хоу в у. Ланьтянь, пров. Шэньси // ВУ.— 1975.— № 10.— С. 68—69.

Западночжоуская могила № 19 в Цицзяцунь, у. Фуфэн, пров. Шэньси // ВУ.— 1979.— № 11.— С. 1—11.

Западночжоуские бронзовые изделия, найденные в Сиванцунь и Маванцунь, у. Чаньань, пров. Шэньси // КГ.— 1974.— № 1.— С. 1—5.

Западночжоуские бронзовые изделия, найденные в Хэцзяцунь, у. Цишань // ВУ.— 1972.— № 6.— С. 25—29.

Западночжоуские могилы в Чжунаньгоу и других местах близ Баоцзи // КГ.— 1978.— № 5.— С. 289—296, 300.

Западночжоуские поселения и могильник в Вэйинцзы, у. Чаоян, пров. Ляонин // КГ.— 1978.— № 5.— С. 306—309.

Записки о группе керамических изделий, найденных в Хоуфэнцунь, у. Кацзо, пров. Ляонин // КГ.— 1982.— № 1.— С. 108—109.

Записки о раскопках могилы № 10, расположенной

рядом со средней школой в Байхуатань близ Чэнду // ВУ.— 1976.— № 3.— С. 40—46.

Записки об исследовании западночжоуской могилы в Бэйяоцунь близ Лояна // КГ.— 1972.— № 2.— С. 35—36.

Инь Хуаньчжан. Краткие записки о бронзовых изделиях, найденных при раскопках Пошанькоу, Ичжэн // ВУ.— 1960.— № 4.— С. 85—86.

Инь Дифэй. Отчет о раскопках западночжоуского могильника в Тунси, пров. Аньхой // КГСБ.— 1959.— № 4.— С. 59—90.

Инь Шэнпин. Предварительное исследование системы дворцовых покоев периода Западного Чжоу в Чжоуянь // ВУ.— 1981.— № 9.— С. 13—17.

Инь Шэнпин, Жэнь Чжоуфан. Первоначальное изучение предчжоуской культуры // ВУ.— 1984.— № 7.

Исследование и реконструкция кожаных доспехов из могилы № 1 в Лэйгудунь, у. Суйсянь, пров. Хубэй // КГ.— 1979.— № 6.— С. 542—553.

Исследование пяти западночжоуских могил в Панцзягоу близ Лояна // ВУ.— 1972.— № 10.— С. 20—31.

Исторический атлас Китая (Чжунго лishу дитунцзи)/ Под ред. Тянь Цисяна.— Пекин: Диту чубаньта, 1982.— Т. 1.— Б. п.

Клад бронзовых вещей в Юньтан и Чжуанбай (клад № 2) в у. Фуфэн, пров. Шэньси // ВУ.— 1978.— № 11.— С. 6—10.

Краткий отчет о разведках и пробных раскопках памятника Сиань, у. Цисянь // ВУ.— 1977.— № 4.— С. 63—71.

Краткий отчет о раскопках в у. Шэньсянь, пров. Хэнань в 1957 г. // КГТС.— 1958.— № 11.— С. 67—69.

Краткий отчет о раскопках западночжоуских могил в Жунцзяжуань близ Баоцзи, пров. Шэньси // ВУ.— 1976.— № 4.— С. 34—56.

Краткий отчет о раскопках западночжоуских строений в Фэнцунь, у. Цишань, пров. Шэньси // ВУ.— 1979.— № 10.— С. 27—37.

Краткий отчет о раскопках западночжоуского могильника в Чжунаньгоу близ Баоцзи // ВУ.— 1983.— № 2.— С. 1—11, 90.

Краткий отчет о раскопках клада бронзовых изделий № 1 в большой производственной бригаде Чжуанбай, у. Фуфэн, пров. Шэньси // ВУ.— 1978.— № 3.— С. 1—16.

Краткий отчет о раскопках могилы № 1 в Тяньдянь, у. Цзянлинь, пров. Хубэй // ВУ.— 1973.— № 9.— С. 7—17.

Краткий отчет о раскопках могилы № 53 в Эган, г. Эчан, пров. Хубэй // КГ.— 1978.— № 4.— С. 256—260.

Краткий отчет о раскопках могилы цзэнского хоу И в у. Суйсянь, пров. Хубэй // ВУ.— 1979.— № 7.— С. 1—24.

Краткий отчет о раскопках чуских могил в Паймашань, у. Цзянлинь, пров. Хубэй // КГ.— 1973.— № 3.— С. 151—161.

Краткий отчет о чжаньгоских могилах у д. Наньдаван, у. Синтай, пров. Хэбэй // КГ.— 1959.— № 7.— С. 345—349.

Ли Боцян. Предварительное исследование происхождения восточночжоуских мечей Центральной равнины // ВУ.— 1982а.— № 1.— С. 44—48.

Ли Боцян. Предварительное исследование культуры У и ее происхождение // КГ юй ВУ.— 1982б.— № 3.— С. 89—96.

Ли Боцян. Бронзовые изделия Чэнгу и ранний период шуской культуры // КГ юй ВУ.— 1983.— № 2.— С. 66—71.

Ли Будин. Краткий отчет о раскопках западночжоуских могил в у. Фэнлай, пров. Шаньдун // Вэньу цыляо цункань.— 1980.— Сб. 3.— С. 50—55.

Ли Будин. Бронзовые изделия государства Цзи, найденные в у. Лайян, пров. Шаньдун // ВУ.— 1983а.— № 12.— С. 7—10, 17.

Ли Будин. Бронзовые изделия государства Цзи, раскопанные в Шангуанцунь, у. Яньтай // КГ.— 1983б.— № 4.— С. 289—292.

Ли Дяньфу. Предварительное разъяснение надписи на сосуде «Сы гуй» // Шэхуй кэсюэ чжаньсянь (г. Чанчунь).— 1980.— № 3.— С. 221—222.

Ли Ю. Изучение бронзовых орудий, найденных в сейме Чжаоуда, Внутренняя Монголия // КГ.— 1959.— № 6.— С. 276—277.

Ли Сюэцин. К вопросу о восточночжоуских железных изделиях // ВУ.— 1959.— № 12.— С. 69.

Ли Сюэцин. О сосуде пань историографа Цяна и его значения // КГСБ.— 1978.— № 2.— С. 149—158.

Ли Сюэцин. Чжуншаньский могильник и культура государства Чжоу // ВУ.— 1979.— № 1.— С. 37—41.

- Ли Сюэцин. На основе вновь найденных бронзовых изделий рассмотрим развитие культуры в нижнем течении Янцзы // ВУ.—1980а.— № 8.— С. 35—40, 84.
- Ли Сюэцин. Новые данные по материальной культуре государства Цинь // ВУ.—1980б.— № 9.— С. 25—31.
- Ли Сюэцин. Исследование некоторых аспектов западночжоуских гадательных панцирей и костей // ВУ.—1981.— № 9.— С. 7—12.
- Ли Сюэцин. Несколько ценных вещей из числа собранной в Пекине бронзы // ВУ.—1982.— № 9.— С. 44—48.
- Ли Сюэцин. Предварительное изучение «Ши Тун дин» // ВУ.—1983а.— № 6.— С. 58—61.
- Ли Сюэцин. Предварительное обсуждение значения бронзовых изделий, найденных недавно в пров. Шаньдун // ВУ.—1983б.— № 12.— С. 18—22.
- Ли Сюэцин. Как определить дату изготовления бронзовых изделий // Вэньу тьянди.—1985а.— № 2.— С. 52—53.
- Ли Сюэцин. Некоторые вопросы, связанные с могилкой, относящейся к государству Хуан, в у. Гуаншань // КГ юй ВУ.—1985б.— № 2.— С. 49—52.
- Ли Сюэцин. Сосуд гуи иского хоу Цэо и государство У // ВУ.—1985в.— № 7.— С. 13—16, 25.
- Ли Сюэцин, Тан Юньмин. Бронзовые изделия из у. Юаньши и западночжоуское государство Сип // КГ.—1974.— № 2.— С. 56—59, 88.
- Ли Типэнь. Древние бронзовые изделия, найденные в д. Хайдаоинцзы, у. Линъюань, пров. Жэхэ // ВУЦЦ.—1955.— № 8.— С. 16—27.
- Ли Хунцин. Экземпляр бронзового оружия, подаренный музею Гугун рабочими гравийного карьера у. Шанчжи // ВУЦЦ.—1956.— № 10.— С. 75.
- Ли Цзи. Погребения с покойником, лежащим ничком // Апянь фадзюэ баогао.—1931.— Вып. 3.— С. 447—480.
- Ли Цзиньшань, Вэнь Гуан. Основные положения археологического обследования в южной части района г. Цзаочжуан // КГ.—1984.— № 4.— С. 289—301.
- Ли Цзянь. Западночжоуские бронзовые изделия, найденные в Ваньчэнь, район Цзянлинь, пров. Хубэй // КГ.—1963.— № 4.— С. 224—225.
- Ли Чжунцао. Предварительная интерпретация надписи на сосудах пань историографа Цяна // ВУ.—1978.— № 3.— С. 33—34.
- Ли Чжэнгуан. Железные орудия периода Чжааньго, найденные в Чапша и Хэньян // КГТС.—1956.— № 1.— С. 77—79.
- Ли Чжэньши. Иньско-чжоуские бронзовые изделия, раскопанные в Бэйдунцунь, у. Кацзо, пров. Ляонин // Шэхуй кэсюэ чжааньсянь (г. Чанчунь).—1981.— № 3.— С. 158.
- Ли Юйлинь. Бронзовое оружие, недавно найденное на шанском памятнике Учэнь // ВУ.—1980.— № 8.— С. 1—2.
- Ли Юйминь. Моя точка зрения на документы из Хоума // КГ.—1973.— № 3.— С. 185—191.
- Линь Гань. Хронология истории сюнпу (Сюппу лишн няньбяо).—Пекин: Чжунхуа шудзюй, 1984.— 326 с.
- Линь Ганьцзянь. Некоторые новые знания, связанные с земельными владениями Западного Чжоу // ВУ.—1976.— № 5.— С. 45—49.
- Линь Сян. Об иероглифе «шу» в гадательных надписях из Чжоуяуань // КГ юй ВУ.—1985.— № 6.— С. 66—74.
- Линь Шоуцзинь. Могильник государства Го в Шапцуньлине.—Пекин: Кэсюэ, 1959.— II, XII, 85 с., LXXII табл.
- Линь Шоуцзинь. Дополнительные записи [к книге] «Могильник государства Го в Шапцуньлине» // КГ.—1961а.— № 9.— С. 505—507.
- Линь Шоуцзинь. Захоронения покойников с подогнутыми ногами в Шапцуньлине и их происхождение // КГ.—1961б.— № 1.— С. 625—627.
- Линь Шоуцзинь. Предварительное обсуждение бронзовых мечей восточночжоуского типа // КГСБ.—1962.— № 2.— С. 75—84.
- Линь Шоуцзинь. О происхождении бронзовых мечей династии Чжоу // ВУ.—1963.— № 11.— С. 50—55.
- Линь Юнь. Предварительное исследование бронзовых кинжалов северо-восточной группы в Китае // КГСБ.—1980.— № 2.— С. 139—161.
- Ло Сичжан. Западночжоуские бронзовые изделия, найденные вновь в у. Фуфэн // ВУ.—1973.— № 11.
- Ло Сичжан. Западночжоуские бронзовые изделия, найденные в Бэйцзо, у. Фуфэн, пров. Шэньси // ВУ.—1975.— № 8.— С. 85—89.
- Ло Сичжан. Шанско-чжоуские культурные остатки, найденные в районе водохранилища Байцзяо, у. Фуфэн // ВУ.—1977.— № 12.— С. 84—86.
- Ло Сичжан. Могильник раннего периода Западного Чжоу, найденный в большой производственной бригаде Байлун, у. Фуфэн // ВУ.—1978а.— № 2.— С. 94—95.
- Ло Сичжан. Бронзовые изделия Шан и Чжоу, найденные в Мэйян, у. Фуфэн // ВУ.—1978б.— № 10.— С. 91—92.
- Ло Сичжан. Сосуд «Ху гуй» западночжоуского Ли-вана, найденный в у. Фуфэн, пров. Шэньси // ВУ.—1979.— № 4.— С. 88—91.
- Ло Сичжан. В Гоюань, у. Фуфэн, найдено наверхнее лезвие, принадлежавшее шу Чжаофу // КГ юй ВУ.—1982.— № 4.— С. 106—107.
- Ло Сичжан. Общие сведения о западночжоуском оружии, найденном в у. Фуфэн, // КГ юй ВУ.—1985.— № 1.— С. 92—100.
- Ло Сичжан, Кан Дэчжоу. Записки об исследовании западночжоуских могил в у. Цишань и Фуфэн, пров. Шэньси // КГ.—1960.— № 8.— С. 8—11.
- Ло Сичжан, У Чжэньфэн, Ло Чжунжу. Изделия западночжоуского бо Чжуня, найденные в у. Фуфэн, пров. Шэньси // ВУ.—1976.— № 6.— С. 51—60.
- Ло Сичжан, У Чжэньфэн, Шан Чжичжу. Краткий отчет об исследовании западночжоуской могилы № 1 в Чжаолунцунь, у. Фуфэн, пров. Шэньси // ВУ.—1976.— № 6.— С. 61—65.
- Ло Сюйчжан. Краткий отчет о раскопках чуньцзюских могил в Люцзядяньцзы, у. Ишуй, пров. Шаньдун // ВУ.—1984.— № 9.— С. 1—10.
- Лоянский музей (Лоянь боугуань).—Пекин: Вэньу, 1981.— 36 с.
- Лу Дунэй. Краткий отчет о пробных раскопках памятника периода Западного Чжоу в Мопаньшань, у. Данъян // Цзянхань каогу (г. Ухань).—1984.— № 2.— С. 7—12, 28.
- Лу Ляньчэн. Местность Хань (?) и южный поход на 19-й год правления Чжао-вана // КГ юй ВУ.—1984.— № 6.— С. 75—79.
- Лу Ляньчэн. Анализ предчжоуского могильника Люцзя в у. Фуфэн // КГ юй ВУ.—1985.— № 2.— С. 37—48, 56.
- Лу Ляньчэн, Инь Шанпин. Записки об исследовании поселений и могильников государства Цэо // ВУ.—1981.— № 8.— С. 48—57.
- Лу Ляньчэн, Лю Суйшэн. Обследование неолитических и западночжоуских памятников в у. Угун, пров. Шэньси // КГ.—1983.— № 5.— С. 389—397.
- Лу Ляньчэн, Ху Чжишэн. Предварительное обсуждение вопросов, связанных с могильниками Жунцзячжуан и Чжунюаньгоу близ Баоцзи // ВУ.—1983а.— № 2.— С. 12—19.
- Лу Ляньчэн, Ху Чжишэн. Предварительное исследование оружия, найденного в могильниках Жунцзячжуан и Чжунюаньгоу близ Баоцзи // КГ юй ВУ.—1983б.— № 5.— С. 50—65.
- Лу Ляньчэн, Чэнь Чан. Краткие записки о раскопках раннечжоуских погребений в Фэнси, у. Чапьянь // КГ.—1984.— № 9.— С. 779—783.
- Лу Ляньчэн, Ян Маньцзэн. Записки о раскопках циньских могил периода Чуньцзо в Сигоуцунь, у. Баоцзи // ВУ.—1980.— № 9.— С. 1—9.
- Лу Му. Оценивая книгу «Археология Шан и Чжоу» // КГ.—1980.— № 4.— С. 384.
- Лу Циньго, Гун Цилин, Шан Юдэ. Записки об исследовании шанского поселения в Бэйлунь, у. Хуйсянь, пров. Шэньси // КГ юй ВУ.—1984.— № 1.— С. 49—52.
- Лю Гуаньминь, Сюй Гуанцзи. Краткий отчет о раскопках памятника Наньшаньгань, у. Нинчэн // КГСБ.—1975.— № 1.— С. 117—140.
- Лю Дажэнь, Чжу Цзяньтап. Могила периода Чуньцзо в Цинцзячжуан, у. Линтай, пров. Ганьсу // КГ.—1981.— № 4.— С. 298—301.
- Лю Ин. Оружие Ба-Шу, а также украшения и знаки на нем // Вэньу цзыляо цункань.—1983.— Сб. 7.— С. 13—23.
- Лю Лейчэн. Краткий отчет о раскопках погребений государства Чжуншань периода Чжаньго в у. Пиншань, пров. Хэбэй // ВУ.—1979.— № 1.— С. 1—31.
- Лю Лайчэн, Ли Сюдун. Предварительное обсуждение некоторых вопросов в истории государства Чжуншань периода Чжааньго // ВУ.—1979.— № 1.— С. 32—36.
- Лю Син. Периодизация бронзовых изделий Юго-Восточного района // КГ юй ВУ.—1985.— № 5.— С. 90—101.
- Лю Син, Ци Чанси. Западночжоуские бронзовые изделия, раскопанные в у. Юэнь, пров. Цзянсу // ВУ.—1980.— № 8.— С. 3—9.
- Лю Хэсинь. Одна вещь западночжоуского вана, най-

денная в у. Чжоучжи, пров. Шэньси // ВУ.—1975.— № 7.— С. 91.

Лю Цзиньцань. Предварительное обсуждение бронзовых изделий в культуре Ситуаньшань // ВУ.—1984.— № 4.— С. 38—44.

Лю Цзиньго. Могила с каменными камерами в у. Уцзин и Исян, пров. Цзянсу // ВУ.—1983.— № 11.— С. 56—63.

Лю Ции. Бронзовые изделия клана Вэй и датировка западночжоуских бронзовых изделий // КГ.—1978.— № 5.— С. 314—317.

Лю Ции. Новые находки бронзовых изделий западночжоуского государства Ши и связанные с ним вопросы исторической географии // КГ юй ВУ.—1982.— № 2.— С. 42—46.

Лю Ции. Могила М 30 в Лутайшань, у. Хуаппо, и могилы с бронзовыми изделиями периода западночжоуского Кан-вана // Цзянхань каогу (г. Ухань).—1984.— № 10.— С. 50—60.

Лю Ции, Ян Цзяньфан. Краткий отчет об обследовании памятника древней культуры в у. Фэнсянь // ВУЦЦ.—1956.— № 2.— С. 34—41.

Лю Шаоцзинь. Предварительное обсуждение (по поводу) колыбели древней цивилизации Китая // КГ юй ВУ.—1982.— № 4.— С. 63—70.

Лю Шиэ. Западнотчжоуский могильник в Юньтан, у. Фуфэн // ВУ.—1980а.— № 4.— С. 39—55.

Лю Шиэ. Краткий отчет о пробных раскопках западночжоуской косторезной мастерской в Юньтан, у. Фуфэн // ВУ.—1980б.— № 4.— С. 27—38.

Лю Юйлинь. Бронзовый ли раннего Чжоу, найденный в у. Цзинчунь, пров. Ганьсу // ВУ.—1977.— № 9.— С. 92.

Люй Жунфан. О некоторых точках зрения по поводу бронзовых изделий, найденных в Дани, у. Наньвань, пров. Фуцзянь // КГ.—1978.— № 5.— С. 319—320, 337.

Лян Синпэн. Обсуждение [статьи] «О предчжоуской культуре» // КГ юй ВУ.—1982.— № 4.— С. 86—91, 85.

Лян Синпэн, Фэн Сяотан. Западнотчжоуские бронзовые орудия, найденные в у. Чаньань и Фуфэн, пров. Шэньси // КГ.—1963.— № 8.— С. 413—415.

Лян Цзиньцзинь. Бронзовые изделия, найденные в Гуанси // ВУ.—1978.— № 10.— С. 93—96.

Ма Чжэнлинь. Фэнхао-Чаньань-Снапъ.—Снапъ: Шэньси жэньминь чубаньшэ, 1978.—121 с.

Ма Чэньюань. Древние бронзовые изделия Китая (Чжунго гудай цитунци).—Шанхай: Жэньминь чубаньшэ, 1982.—154 с., 88 ил.

Могила № 1 в Лючэньцзяо, Чанша // КГСБ.—1972.— № 1.— С. 59—72.

Могила с каменным ящиком в Наньшаньгэнь, у. Нинчэнь // КГСБ.—1973.— № 2.— С. 27—39.

Морохаси Тэцудзи. Большой китайско-японский словарь (Дай канва дэйтэн).—Токио: Дайсюкан, 1966—1968.—Т. 1—12.

Надписи на панцирях и костях периода начала Западного Чжоу, найденные в Фэнчунь, у. Цишань, пров. Шэньси // ВУ.—1979.— № 10.— С. 38—43.

Нань По. Знакомство с бронзовым колоколом нао // ВУ.—1975а.— № 8.— С. 87—88.

Нань По. Древняя стойка Цзяоцзюань, у. Дунсянь, пров. Цзянсу // ВУ.—1975б.— № 8.— С. 45—75, 60.

Нин Цзе. Западнотчжоуские могилы в саду Фушань в у. Цзюйжэнь, пров. Цзянсу // КГ.—1977.— № 5.— С. 292—297, 340.

Определение радиоуглеродных дат жидкостно-сцинтилляционным методом // ВУ.—1978.— № 5.— С. 70—75.

Отчет о датировании при помощи радиоактивного углерода (5) // КГ.—1978.— № 4.— С. 280—287, 243.

Отчет о пробных раскопках памятников Яовамяо и Сяцзянь в окрестностях Чифэна // КГСБ.—1974.— № 1.— С. 11—144.

Отчет о раскопках в у. Хуйсянь (Хуйсянь фацзюэ баогао)/Го Баоцзюнь, Ся Най, Ань Чжиминь, Ван Бохун и др.—Пекин: Кэсюэ, 1951.—146 с., 122 табл.

Отчет о раскопках в Фэнси (Фэнси фацзюэ баогао)/Ван Бохун, Чжун Шаолин, Чжэн Чаншоу, Ху Цяньпин.—Пекин: Кэсюэ, 1962.—10, 194 с., 110 табл.

Отчет о раскопках в Чанша (Чанша фацзюэ баогао)/Чэнь Гунчжоу, Ван Чжуншу, Ся Най.—Пекин: Кэсюэ, 1957.—12, 174 с., 108 табл.

Отчет о раскопках могилы № 44 в яньской нижней столице, у. Исянь, пров. Хэбэй // КГ.—1975.— № 4.— С. 228—240, 243.

Отчет об определении дат по радиоуглероду (продолжение) // ВУ.—1978.— № 5.— С. 75—78.

Оу Тяньшэн. Отчет о раскопках могил раннего периода Чуньцзю, принадлежащих правителю уезда Хуан Мэнгу и его жене // КГ.—1984.— № 4.— С. 302—332, 348.

Оу Тяньшэн, Шао Цзиньбао, Лю Кайго. Две партии бронзовых изделий периода Чуньцзю, найденные в Синьян, пров. Хэнань // ВУ.—1980.— № 1.— С. 42—45.

Оу Тяньшэн, Ян Люйсюань, Ян Гошань. Бронзовые изделия государств Хуан и Цай, найденные в у. Хуанчунь, пров. Хэнань // ВУ.—1980.— № 1.— С. 48—50.

Памятники материальной культуры, раскопанные в новом Китае (Синь Чжунго чуту вэнью).—Пекин: Вэнью, 1972.—(Альбом, б. п.).

Пан Хуайцзин, У Чжэньфэн, Ло Чжунжу, Шан Чжичжу. Краткий отчет о раскопках ямы-кладовой с западночжоускими бронзовыми изделиями в Дунцзяцунь, у. Цишань, пров. Шэньси // ВУ.—1976.— № 5.— С. 26—44.

Пан Хуайцзин, Цзюнь Ваньчань. Вторая группа надписей на [гадательных] панцирях и костях начала Чжоу, найденная в Фэнчунь, у. Цишань // КГ юй ВУ.—1982.— № 3.— С. 10—22.

Партия бронзовых клещей, найденная в пункте № 23 яньской Нижней столицы // ВУ.—1982.— № 8.— С. 42—49.

Предварительное исследование раннечжоуской столицы Ции // ВУ.—1979.— № 10.— С. 44—49.

Пробные раскопки стоянки Сяванган, у. Чжэчуань, пров. Хэнань // ВУ.—1972.— № 10.— С. 6—19.

Раскопки западночжоуского могильника в Чжанцзяцзю, у. Чаньань, в 1967 г. // КГСБ.—1980.— № 4.— С. 457—502.

Раскопки стоянок Дунчжуньцунь и Сиванцунь, у. Жуйчэнь, пров. Шэньси // КГСБ.—1973.— № 1.— С. 1—64.

Сборник статей по бронзовым изделиям пров. Юньнань (Юньнань цитунци луньцунь).—Пекин: Вэнью, 1981.—2, 4, 210 с., XX ил.

Се Жуйцзюй. Раскопки памятников Чжанцзяцзуй и Цзяцзяцзунь в у. Юнцзин, пров. Ганьсу // КГСБ.—1980.— № 2.— С. 187—220.

Си Цзинь. Новые успехи археологических работ в нашей стране со времени великой культурной революции. (Ч. 1) // Тяньцзинь шиюапъ сюэбао.—1975.— № 6.— С. 83—89.

Собрание древних бронзовых изделий Китая (Чжунго гу цитунци сюапъ).—Пекин: Вэнью, 1976.—Б. п.

Собрание находок [предметов] материальной культуры Внутренней Монголии (Нэй Мэнгу чуту вэнью сюаньцзи).—Пекин: Вэнью, 1963.—6, 10, 20, 19 с., 114 ил.

Су Бици. Погребения в Доуцзитай, район к востоку от оврага (Доуцзитай гоудунцзю муцзан).—Пекин, 1948.—290, 23 с.

Су Хэ. На основании находок крупных бронзовых изделий в сейме Чжао предварительно обсуждаем цивилизацию раннего периода бронзового века на Севере // Нэй Мэнгу вэнью каогу (г. Хух-Хото).—1983.— № 2.— С. 1—5.

Сун Тайминь. Бронзовые кинжалы шуского типа, найденные на южном берегу р. Даду // КГ юй ВУ.—1985.— № 6.— С. 107, 32.

Сун Цзянь. О вопросах использования [сосудов] дин в период Западного Чжоу // КГ юй ВУ.—1983.— № 1.— С. 72—79.

Сун Чжиминь. О некоторых вопросах культуры Шу // КГ юй ВУ.—1983.— № 2.— С. 71—80, 94.

Сунь Бо, Сунь Цзиньмин. Бронзовые изделия государств Ци, Сипь [Сюпъ?], Цзэн, найденные в у. Линьцзюй, пров. Шаньдун // ВУ.—1983.— № 12.— С. 1—6.

Сунь Сысянь, Шао Фууй. Клад шанско-чжоуских бронзовых изделий, найденный в у. Исянь, пров. Ляонин // ВУ.—1982.— № 2.— С. 87—88.

Сунь Цзи. Носороги (по находкам древних памятников материальной культуры) // ВУ.—1982.— № 8.— С. 80—84.

Сунь Цзиньмин, Хэ Линь, Хуан Сицюань. Исследования и перевод надписей на бронзовых изделиях, найденных недавно в у. Линьцзюй, пров. Шаньдун, а также связанные с ними вопросы // ВУ.—1983.— № 12.— С. 13—17.

Сунь Шаньдэ. Западнотчжоуское погребение, найденное в районе г. Циндао // Вэнью цзыляо цункань.—1982.— Сб. 6.— С. 169.

Сюй Вэнь. Бронзовые изделия периода Чуньцзю, найденные в у. Хуайинь, пров. Аньхой // ВУ.—1983.— № 11.— С. 68—71.

Сюй Диншуй. Краткие заметки о партии бронзовых изделий, найденных в у. Юнцзя, пров. Чжаэцзян // ВУ.—1980.— № 8.— С. 16—17.

- Сюй И.** Краткий отчет об исследовании иньской стоянки в у. Хуасянь, пров. Шэньси // ВУЦЦ.—1957.— № 3.— С. 64—65.
- Сюй Ситай.** Краткий отчет о разведке и пробных раскопках в у. Чаньань и Хусянь, пров. Шэньси // КГ.—1962.— № 6.— С. 307—309.
- Сюй Ситай.** Исследование специфики раннечжоуской культуры и ее происхождение // ВУ.—1979.— № 10.— С. 50—59.
- Сюй Ситай.** Краткий отчет о раскопках чжоуских могил в Хэцзяцунь, у. Цишань // КГ юй ВУ.—1980.— № 1.— С. 7—12.
- Сюй Ситай.** Собрание переводов гадательных надписей, найденных в Чжоуюань // КГ юй ВУ.—1982.— № 3.— С. 59—64.
- Сюй Ситай, Лоу Цзыдун.** Исследование происхождения начертания триграмм в Западном Чжоу // Сборник докладов и статей 1-го съезда Археологического общества Китая (Чжунго каогу сюэхуй. Ди ицы ниньхуй луньваньцзи).— Пекин, 1980.— С. 159—162.
- Сюй Тайъя.** Краткий отчет о раскопках в 1974 г. западночжоуского памятника Байяоцунь, Лоян // ВУ.—1981.— № 7.— С. 52—54.
- Сюй Цзюнь.** Построение чуской армии периода Чуньцю // Хуачжун шиюань сюэбао. Чжэсюэ шэхуй кэсюэ бань (г. Ухань).—1982.— № 3.— С. 76—85.
- Сюй Цзюньчэнь.** Бронзовые изделия Шан и Чжоу, раскопанные в районе Циньян, пров. Ганьсу // КГ юй ВУ.—1983.— № 3.— С. 8—11.
- Сюй Цзюньчэнь, Лю Дэжэнь, Ли Хунсюн.** Западночжоуская могила, пайденная в Ханьцзятаньмяоцзуй, у. Циньян, пров. Ганьсу // КГ.—1985.— № 9.— С. 853—854, 809.
- Сюй Чжуншу.** Два бронзовых сосуда чжи иньского времени, найденные в Майянчжэнь, у. Пэнсянь, пров. Сычуань // ВУ.—1962.— № 6.— С. 5—18, 23.
- Сюй Чжуншу.** Истолкование надписи на западночжоуском сосуде «Цян пап» // КГСБ.—1978.— № 2.— С. 139—148.
- Сюн Цуньжуй.** Доциньские сюнну, а также связанные с ними некоторые вопросы // Шэхуй кэсюэ чжаньсянь (г. Чанчунь).—1983.— № 1.— С. 110—112.
- Сюн Чуаньсинь.** Чжаньгоская могила в Шумулин и западноханьская могила в Амилинь, в окрестностях Чанша // КГ.—1984.— № 9.— С. 790—797.
- Ся Синнань.** Пять бронзовых изделий эпохи Шан-Чжоу, пайденные в у. Чансип, пров. Чжэцзян // ВУ.—1979.— № 11.— С. 93—94.
- Сяо Мэнлун.** Краткий отчет о раскопках могилы с западночжоускими бронзовыми изделиями в Муцзыдунь, коммуна Даган, у. Даньту, пров. Цзянсу // ВУ.—1984а.— № 5.— С. 1—10.
- Сяо Мэнлун.** Заметки о бронзовых изделиях из могилы в Муцзыдунь и связанных с ними вопросах // ВУ.—1984б.— № 5.— С. 11—15.
- Сяо Ци.** Еще одна партия западночжоуских бронзовых изделий, раскопанных в Вэйцзячжуан, у. Лунсянь // КГ юй ВУ.—1983.— № 2.— С. 107.
- Тан Лань.** Разъяснение надписи на сосуде «Юн гуй» // ВУ.—1972.— № 1.— С. 58—62.
- Тан Лань.** О памятнике культуры в Учэн, пров. Цзянси, и предварительное исследование письменных знаков // ВУ.—1975.— № 7.— С. 72—76.
- Тан Лань.** Комментарий и интерпретация надписей на главных бронзовых изделиях Западного Чжоу, вновь найденных в Дунцзяцунь, у. Цишань, пров. Шэньси // ВУ.—1976а.— № 5.— С. 55—59, 63.
- Тан Лань.** Интерпретация и изучение надписей на трех изделиях «бо Чжуна» // ВУ.—1976б.— № 6.— С. 38—39.
- Тан Лань.** Использовать надписи на бронзовых изделиях для изучения истории Западного Чжоу // ВУ.—1976в.— № 6.— С. 31—37.
- Тан Лань.** Немного об основном значении клада бронзовых изделий клана вэйского историографа периода Западного Чжоу // ВУ.—1978.— № 3.— С. 19—24.
- Тан Цзиньинь, Ван Шоучжи, Го Чанцзян.** Краткое сообщение о находках шан-иньских бронз в Чэнгу, пров. Шэньси // КГ.—1980.— № 3.— С. 211—218.
- Тан Юньмин.** Отчет о раскопках стоянки Сяпаньван в у. Цысянь // КГСБ.—1975.— № 1.— С. 73—116.
- 30 лет работы [в области] археологии и материальной культуры (Вэньу каогу гуицзо санышинянь).**— Пекин: Вэньу, 1979.— 413 с., ил.
- Тун Чжучэнь.** Обзор следов слияния китайской нации на основе археологической материальной культуры // Шэхуй кэсюэ чжаньсянь (г. Чанчунь).—1985.— № 2.— С. 133—142.
- Тун Эньчжэнь.** Исследование бронзовых кинжалов юго-западных районов нашей страны // КГСБ.—1977.— № 2.— С. 35—55.
- Тун Эньчжэнь.** Исследование бронзовых клевцов юго-западных районов нашей страны // КГСБ.—1979.— № 4.— С. 441—457.
- Тун Эньчжэнь.** Археологические находки периодов Чжаньго, Цинь и Хань в юго-западных районах Китая и их исследование в последние годы // КГСБ.—1980.— № 4.— С. 417—442.
- Тун Эньчжэнь.** Предварительное обсуждение взаимосвязей между древними цивилизациями Сычуани и Юго-Восточной Азии // ВУ.—1983.— № 9.— С. 73—81.
- Тянь Гуанцзинь.** Сюннуские могилы в Таохунбала // КГСБ.—1976.— № 1.— С. 131—144.
- Тянь Гуанцзинь.** Сюннуские могилы в Юйлунтай, аймак Чжуньгэр, Внутренняя Монголия // КГ.—1977.— № 2.— С. 111—114.
- Тянь Гуанцзинь.** Археология сюнну в районе Внутренняя Монголия за последние годы // КГСБ.—1983.— № 1.— С. 7—24.
- Тянь Гуанцзинь, Го Сусинь.** Проблемы, связанные с сюннуским могильником Сигуопань // ВУ.—1980а.— № 7.— С. 13—17.
- Тянь Гуанцзинь, Го Сусинь.** Сюннуские вещи, найденные в Алуцжайдэнь, Внутренняя Монголия // КГ.—1980б.— № 4.— С. 333—338, 364, 368.
- Тянь Сюэсинь, Чжан Чжэнхуа.** Несколько западночжоуских изделий, найденных с начала «культурной революции» в у. Чаньу, пров. Шэньси // ВУ.—1975.— № 5.— С. 69—90.
- У Далинь.** О появлении и исчезновении бронзово-железных изделий // Вэньбо тунсюнь (г. Нанкин).—1983.— № 2.— С. 13—19. Перепечатано также в: КГ юй ВУ.—1984.— № 3.— С. 109—112, 57, 78.
- У Далинь.** Несколько партий бронзовых изделий, найденных в у. Лишуй, пров. Цзянсу // КГ.—1986.— № 3.— С. 281—282.
- У Жуцзо, Ван Сюань, Гао Пин.** Обследование древних памятников у. Цзоусинь, пров. Шаньдун // Каогусюэ цзиань.—1983.— Сб. 3.— С. 98—108.
- У Миншэнь, Дай Ядун.** Три могилы с большими деревянными саркофагами, найденные в Чанша // КГСБ.—1957.— № 1.— С. 93—101.
- Усехи археологии в новом Китае (Синь Чжунго каогу сюэхуй).**— Пекин: Вэньу, 1961.— 136 с., 130 ил.
- У Цзячан.** Краткий отчет о пробных раскопках в 1976 г. древних медных разработок в Дацзин, у. Лияньси, пров. Ляонин // Вэньу цзыляо цункань.—1983.— Сб. 7.— С. 138—146.
- У Цзячан.** Краткий отчет о пробных раскопках древних медных разработок в Дацзин, у. Лияньси, пров. Ляонин // Вэньу цзыляо цункань.—1983.— Сб. 7.— С. 138—146.
- У Цисянь.** Погребения обоих периодов Чжоу в у. Линтай, пров. Ганьсу // КГ.—1976.— № 1.— С. 39—48, 38.
- У Чжэньфэн, Ло Чжунжу.** Западночжоуские бронзовые изделия, найденные в Цянцзяцунь, у. Фуфэн, пров. Шэньси // ВУ.—1975.— № 8.— С. 57—62.
- У Чжэньфэн, Шан Чжичжу.** Краткий отчет о раскопках могилы периода Чуньцю в Сунцунь, у. Хусянь, пров. Шэньси // ВУ.—1975.— № 10.— С. 55—67.
- У Чжэньфэн, Чжу Цзюань, Шан Чжичжу.** Бронзовые изделия Западного Чжоу, найденные в у. Юнлюо и Ланьтянь, пров. Шэньси // КГ.—1979.— № 2.— С. 119—121.
- У Шаньцзинь.** Восточночжоуская могила в Хэжэнь, у. Люхэ, пров. Цзянсу // КГ.—1977.— № 5.— С. 298—301.
- У Шичжи.** Предварительное изучение проблемы чуской культуры в Южной Хэнань // Шисюэ юэкань (г. Чжэнчжоу).—1982.— № 4.— С. 33—36.
- У Энь.** О бронзовых кинжалах севера нашей страны // КГ.—1977.— № 5.— С. 324—333, 360.
- У Энь.** Древние украшения с [изображениями] животных на севере нашей страны // КГСБ.—1981.— № 1.— С. 45—61.
- У Энь.** Бронзовые ажурные украшения пояса на севере Китая // КГСБ.—1983.— № 1.— С. 25—37.
- У Энь.** Северные бронзовые изделия династий Инь и начала Чжоу // КГСБ.—1985.— № 2.— С. 135—156.
- Фань Гуйцзе, Ху Чаньюй.** Клад западночжоуских брон-

зовых изделий в у. Пэнсянь, пров. Сычуань // КГ.—1981.— № 6.— С. 496—499.

Фу Синянь. Предварительное исследование строительных остатков периода Западного Чжоу в Фэнчу, у. Цяшань, пров. Шаньси // ВУ.—1984.— № 1.— С. 65—74.

Фу Шэнди. Несколько партий бронзовых изделий, раскопанных на западночжоуских памятниках в Чжоуянь, район у. Фуфэн // КГ юй ВУ.—1982а.— № 2.— С. 10—13.

Фу Шэнди. [Сосуд] «Ши Тун ди», найденный в Чжоуянь // ВУ.—1982б.— № 12.— С. 43—46.

Фу Юнхуй. Краткий отчет о раскопках западночжоуской могилы в районе Лояня // КГ.—1959.— № 4.— С. 187—188.

Фэн Ханьцзи. По поводу подлинности клевца «чуского гуна Хао», а также кратко об оружии периода Ба-Шу // ВУ.—1961.— № 11.— С. 32—34.

Фэн Ханьцзи. Бронзовые изделия, найденные в у. Пэнсянь, пров. Сычуань // ВУ.—1980.— № 12.— С. 38—47.

Фэн Ханьцзи, Тун Энчжэн. Погребения с каменными ящиками в верховьях р. Минцзян // КГСБ.—1973.— № 2.— С. 41—60.

Фэн Чжоу. Археологические заметки (1) // КГ юй ВУ.—1983.— № 1.— С. 101—105, 11.

Фэн Чжэн. Об одном экземпляре бронзового оружия рода Тай-бао начального периода Западного Чжоу // ВУ.—1977.— № 6.— С. 50—54.

Хань Вэй. Мое мнение об этнической принадлежности циньцев и происхождении их культуры // ВУ.—1986.— № 4.— С. 23—27.

Хань Вэй, У Чжэньфэн. Раскопки чжоуского могильника Сицунь, коммуна Наньчжыхуй, у. Фэнси // КГ юй ВУ.—1982.— № 4.— С. 15—38.

Хань Вэй, У Чжэньфэн, Ма Чжэньчжи, Цзяо Наньфан. Измерения и обследование человеческих костей из чжоуского могильника Сицунь, коммуна Наньчжыхуй, у. Фэнси // КГ юй ВУ.—1985.— № 3.— С. 55—84.

Хань Вэй, Цао Тинтань. Клад бронзовых изделий периода Чжаньго у Гаовансы, у. Вэнсянь, пров. Шаньси // ВУ.—1981.— № 1.— С. 15—17.

Хань Кунлэй, У Дяньцзи, Ян Мин. Краткий отчет об исследовании западночжоуской могилы в у. Туоянь, Нянся // КГ.—1983.— № 11.— С. 982—984.

Хань Шумин, Ван Чжаньдинь. Исследование луского городища Цюйфу // ВУ.—1982.— № 12.— С. 1—12.

Хаяси Минао. Оружие Китая периода Инь и Чжоу (Тюгоку Ин-Сю дэндай-но буки).— Киото: Киото дайгаку дзаймбун какаку кэнкюдэ, 1972.— 469 с., ил.

Ху Вэнь. Еще одна партия западночжоуских предметов материальной культуры, раскопанная в Туьнси, пров. Аньхой // ВУ.—1965.— № 6.— С. 52.

Ху Цяньпин. Краткое сообщение о раскопках могильника культуры сыва в Сюйцзянь, у. Чжуанлан, пров. Ганьсу // КГ.—1982.— № 6.— С. 584—590.

Хуан Сюаньцзи, Сунь Вэйчан. Анализ культуры типа Мацяо // КГ юй ВУ.—1983.— № 3.— С. 58—61.

Хуан Цзинган. Бронзовые изделия, найденные в Аньцзюй, у. Суйсянь, пров. Хубэй // КГ юй ВУ.—1982.— № 12.— С. 51—57.

Хуан Чжаньюэ. Сопогребения людей и человеческие жертвоприношения в нашей стране в древности // КГ.—1974.— № 3.— С. 153—163.

Хуан Чжаньюэ. О проблеме начала литья железа и использовании железных орудий в Китае // ВУ.—1976.— № 8.— С. 62—70.

Хуан Чунцю. Были ли «южные ма» доциньского периода в бассейне Япцзы отсталыми дикими ма? // Вэньу тяньди.—1984.— № 6.— С. 35—36.

Хуан Шэнчжан. Об исправлении ошибок в некоторых вопросах, связанных с культурными остатками из погребений государства Чжуншань периода Чжаньго // ВУ.—1979.— № 5.— С. 43—45.

Хуан Шэнчжан. Исследование надписи на крышке сосуда «Цзюй фу сюй» // КГ юй ВУ.—1983а.— № 4.— С. 52—56.

Хуан Шэнчжан. Бронзовые изделия луского бо Дупа и связанные с ними вопросы // КГ юй ВУ.—1983б.— № 5.— С. 43—50.

Хуан Юньфу. К вопросу о хронологии и специфике чуских могил в Маопин, у. Сычуань // Чжунъюань вэньу (г. Чжэнчжоу).—1982.— № 1.— С. 48—51.

Хэ Ханьнань, Тан Цзиньюй. Раскопки западночжоуской стоянки Чжанцзяпо, у. Чапъань, пров. Шаньси // КГ.—1984.— № 9.— С. 441—447, 474.

Хэ Цингу. Взгляд на железное оружие периода Чжаньго // Шисюэ юэкань (г. Чжэнчжоу).—1985.— № 4.— С. 12—17.

Хэ Юци. Вопросы датировки похода чжоуского У-вана на Чжоу // Чжуншань дасюэ сюэбао. Чжэсюэ шэхуй кэсюэ бань (г. Гуанчжоу).—1981.— № 1.— С. 64—69.

Хэй Гуан, Чжу Цзюэюань. Сосуд юй, найденный в Фэнси, у. Чапъань, пров. Шаньси // КГ.—1977.— № 1.— С. 71—72.

Цай Сянцзи, Чжан Цзэдун. Чуская могила № 1 в Чжэнчжупо, у. Юньлоу, пров. Хэбэй // Каогусюэ цзюэкань.—1981.— [Сб. 1].— С. 104—110.

Цай Юньчжан. Заметки о клевце Тай-бао Гоу // КГ юй ВУ.—1982.— № 1.— С. 80—81.

Цао Минтань, Шан Чжичжу. Западночжоуские бронзовые изделия, раскопанные в у. Фуфэн, пров. Шаньси // КГ юй ВУ.—1984.— № 1.— С. 53—65.

Цао Цзиньян, Чжоу Шэнван. Бронзовые изделия периода Чуньцю, найденные в у. Иньсянь, пров. Чжэцзян // КГ.—1984.— № 8.— С. 762—764.

Цзе Сигун. Бронзовые орудия, найденные в селении Юнпиндун, у. Хунчжао, пров. Шаньси // ВУЦЦ.—1957.— № 8.— С. 42—44.

Цзи Синь. Клад бронзовых орудий в д. Сибодзы, у. Типцип, Пекин // КГ.—1979.— № 3.— С. 227—230.

Цзи Чжунцин. Немного по поводу уской и предуской культур // Наньцзин боюань цзюэкань.—1982.— № 4.— С. 1—7.

Цзинь Фэнъи. О памятниках культуры, связанных с бронзовыми кинжалами с изогнутыми лезвиями в северо-восточных районах Китая // КГСБ.—1982.— № 4.— С. 387—426; 1983а.— № 1.— С. 39—54.

Цзинь Фэнъи. Концевые утяжелители рукоятей кинжалов, найденных в районе Чаояна, и взаимно связанные с ними остатки // КГ.—1983б.— № 2.— С. 133—145.

Цзинь Фэнъи. Погребения эпохи бронзы и связанные с ними находки в у. Цзиньпин, пров. Ляонин // КГ.—1983в.— № 8.— С. 679—694, 713.

Цзинь Шэнхэ. Очерк исторического наследия чжаоского Улин-вана // Хэбэй шифань дасюэ сюэбао. Чжэсюэ шэхуйсюэ бань (г. Шицзячжуан).—1982.— С. 66—75.

Цзиселефу С. В. Связь между бронзовой культурой на территории СССР и культурой Шан в Китае // КГ.—1980.— № 2.— С. 51—53.

Цзо Чжунжэн. Могильник начального периода Западного Чжоу в Наньбао, у. Вэйнань, пров. Шаньси // Вэньу цзыляо цункань.—1980.— Сб. 3.— С. 202—206.

Цзоу Хэн. О предчжоуской культуре // Сборник докладов и статей 1-го съезда Археологического общества Китая (Чжунго каогу сюэхуй: Ди ицы пиньхуй луньвэньцзи).— Пекин, 1980а.— С. 153—158.

Цзоу Хэн. Сборник статей по археологии Ся, Шан и Чжоу (Ся-Шан-Чжоу каогусюэ луньвэньцзи).— Пекин: Вэньу, 1980б.— 367 с., 56 табл.

Цзоу Хэн. Краткий отчет об археологическом обследовании в трех провинциях: Шаньси, Хэнань, Хубэй // ВУ.—1982.— № 4.

Цзэн Фань. Исследование доисторических культурных остатков пров. Фуцзянь // КГСБ.—1980.— № 3.— С. 263—284.

Цзя Сюокун. В у. Шоугуан, пров. Шаньдун, недавно найдена партия бронзовых изделий государства Цзи // ВУ.—1985.— № 3.— С. 1—11.

Цзя Хунвэнь. Могила с бронзовыми кинжалами в Дапаоцзы, аймак Вэйньоте // ВУ.—1984.— № 2.— С. 50—54.

Цзя Цзин. Краткий отчет о раскопанных западночжоуских гадательных панцирях и костях в Цидзипунь, у. Фуфэн // ВУ.—1981.— № 9.— С. 1—7.

Цзянь Няньюэ. Краткий отчет о разведочных раскопках памятника к востоку от реки в Каладинь, у. Цзяньпин, пров. Ляонин // КГ.—1983.— № 11.— С. 973—981, 1003.

Цзянь Тинъюй, Лань Жисюн. Доциньские бронзовые изделия, найденные в у. Гуанси за последние несколько лет // КГ.—1984.— № 9.— С. 798—806.

Цзяо Наньфэн. Начальный этап исследования человеческих костей из чжоуского могильника Сицунь, коммуна Наньчжыхуй, у. Фэнси // КГ юй ВУ.—1985.— № 3.— С. 85—103.

Ци Вэньтао. Обзор бронзовых орудий Шан и Чжоу, найденных в пров. Шаньдун в последние годы // ВУ.—1972.— № 5.— С. 3—18.

Ци Цзянье. Западночжоуские бронзовые изделия, рас-

копанные в коммуне Бэйгао, у. Цишань // КГ юй ВУ.— 1982.— № 2.— С. 7—9.

Ци Цзянь. Шанско-чжоуские бронзовые изделия, полученные за последние несколько лет Цишаньским уездным музеем // КГ юй ВУ.— 1984.— № 5.— С. 10—13, 9.

Цю Сигуй. Толкование надписи «Ши Цян пань» // ВУ.— 1978.— № 3.— С. 25—32.

Чжан Байчжун. Добавления и исправления по поводу чжоуских бронзовых изделий, найденных в верховьях р. Холинь // Шэхуй кэсюэ чжаньсянь (г. Чанчунь).— 1982.— № 2.— С. 185—186.

Чжан Сини. Предварительное обсуждение кипжалов «антенного» типа в северных и северо-восточных районах нашего государства // КГ.— 1984.— № 4.— С. 744—751, 768.

Чжан Синьнин. Древние могилы с каменными ящиками в Нагу, у. Дасинь, пров. Юньнань // КГ.— 1983а.— № 3.— С. 220—225.

Чжан Синьнин. Древний могильник в Дасипчжэнь, у. Нинлан, пров. Юньнань // КГ.— 1983б.— № 3.— С. 226—232.

Чжан Сюэу, Тао Цзунь. Партия бронзовых изделий, найденных в д. Нихэцзы близ г. Чжапцзякоу, пров. Хэбэй // ВУ.— 1983.— № 7.— С. 94—95.

Чжан Сюэхай. Немного о хронологии и основной структуре луского городища Цюйфу // ВУ.— 1982.— № 12.— С. 13—16.

Чжан Цзэнци. Предварительное обсуждение юйшаньских железных мечей с бронзовой рукоятью и связанных с ними вопросов // КГ.— 1982.— № 1.— С. 60—64.

Чжан Цзэнци. Кратко о бронзовых кипжалах района Дяньси // КГ.— 1983.— № 7.— С. 641—645.

Чжан Цзянь. На основе раскопок чуских могил в у. Сичуань, пров. Хэнань, обсуждаем знания о чуской культуре // ВУ.— 1980а.— № 10.— С. 21—26.

Чжан Цзянь. Несколько бронзовых изделий из фондов Лоянского музея // Вэньу цзыляо цункань.— 1980б.— Сб. 3.— С. 41—45.

Чжан Цини. Предварительное обсуждение доциньских бронзовых зеркал Северо-Восточного района // КГ.— 1986.— № 2.— С. 163—172.

Чжан Чаншоу. Записки о новой находке двух бронзовых сосудов дин в Фэнси, у. Чаньшань, пров. Шэньси // КГ.— 1983.— № 3.— С. 244—248, 259.

Чжан Чао. Начальное исследование культуры древних юэ // Цзяпхань каогу (г. Ухань).— 1984.— № 4.— С. 80—83.

Чжан Чжаоу. В г. Пиндишань, пров. Хэнань, найден еще один «Дэи гун гуй» // КГ юй ВУ.— 1983.— № 1.

Чжан Чжаоу. Бронзовые изделия западночжоуского государства Ин, найденные близ г. Пиндишань, пров. Хэнань // ВУ.— 1984.— № 12.— С. 29—32.

Чжан Чжэнлан. Предварительная интерпретация гадальных триграмм на бронзовых изделиях начала Чжоу // КГСБ.— 1980.— № 4.— С. 403—415.

Чжан Чжэньцзе. Исследование клева яньского лапа Чжи // КГ.— 1973.— № 4.— С. 244—246.

Чжан Юньшэн. Деревянные сооружения периода Западного Чжоу в Маоцзянзуй, у. Цичунь, пров. Хубэй // КГ.— 1962.— № 1.— С. 1—9.

Чжан Ячу. О дате и племенной принадлежности западночжоуских могил в Лутайшань // Цзяпхань каогу (г. Ухань).— 1984.— № 2.— С. 23—28.

Чжао Дяньцзэн. Отчет о раскопках погребений в каменных ящиках в автономном тибетском в. Увэнь, пров. Сычуань // Вэньу цзыляо цункань.— 1983.— Сб. 7.— С. 34—55.

Чжао Кэлинь. В Липкоу, в. Липьтун, опять найдены западночжоуские бронзы // КГ юй ВУ.— 1983.— № 3.— С. 111.

Чжао Юнфу. Краткий отчет об исследовании западночжоуской могилы в Чжанцзяно, в. Чапшань, пров. Шэньси // КГ.— 1965.— № 9.— С. 447—450.

Чжао Юнфу. Краткий отчет о раскопках в Фэнси в 1961—1962 гг. // КГ.— 1984.— № 9.— С. 784—789.

Чжао Ай. Падение и рост кланов цзюйского бо и Цю Вэя — упадок чжоуских ритуалов // ВУ.— 1976.— № 6.— С. 45—50.

Чжоу Вэй. Очерки истории китайского оружия (Чжунго бинци лигао).— Пекин: Саньлянь студия, 1957.— 17, 339 с., 52 табл.

Чжоу Вэнь. Еще несколько бронзовых изделий периода Западного Чжоу // ВУ.— 1972.— № 7.— С. 9—12.

Чжоу Дао, Чжао Синьлай. Бронзовые изделия, найден-

ные в Панцунь близ г. Хаоби, пров. Хэнань // Вэньу цзыляо цункань.— 1980.— Сб. 3.— С. 35—40.

Чжоу Линхуй. Шанско-чжоуские бронзовые изделия, собранные за последние несколько лет музеем у. Цишань // КГ юй ВУ.— 1984.— № 5.— С. 10—13, 9.

Чжоу Наньцзоань. Истолкование нефритовых украшений для мечей // КГ юй ВУ.— 1982.— № 6.— С. 73—83.

Чжоу Хоуцян. Первоначальный анализ культуры западночжоуского периода в округе Сюгань // Цзяпхань каогу (г. Ухань).— 1985.— № 4.— С. 65—74.

Чжоу Шижу. Восточночжоуский колокол, сосуды дин и другие бронзовые изделия // ВУ.— 1966.— № 4.— С. 4—5.

Чжоу Шижу, Хэ Цзиньцзюнь. Погребения периода Чуньцю, найденные в у. Хэннань и Сяннань, пров. Хунань // КГ.— 1978.— № 5.— С. 297—300.

Чжоу Юньчжэнь. Бронзовые вещи и географическое положение государств Ин и Дэп обоих периодов Чжоу // КГ.— 1982.— № 1.— С. 48—53.

Чжуан Цзиньцин, Линь Хуадун. Бронзовые изделия, найденные в Даин, у. Наньань, пров. Фуцзянь // КГ.— 1977.— № 3.— С. 169—172.

Чжунчжоуду в Лояне (Лоян Чжунчжоуду) / Су Бинци, Ань Чжиямин, Линь Шоудзипь.— Пекин: Кэсюэ, 1959.— 7, 169 с., 93 табл.

Чжэн Чэнбао. В у. Баофэн, пров. Хэнань, получены два различных бронзовых клева // КГ юй ВУ.— 1983.— № 3.— С. 110—111.

Чжэн Шаоцзун. Исследование периодизации и типологии северных бронзовых кипжалов Китая // ВУ.— 1984.— № 2.— С. 37—49.

Чжэнь Цзесянь. Краткий отчет о раскопках западночжоуской могилы в у. Сяньсянь, пров. Хэнань // ВУ.— 1977.— № 8.— С. 13—15.

Чи Лэй. О некоторых проблемах бронзовых кипжалов с изогнутыми лезвиями // КГ.— 1982.— № 1.— С. 54—59.

Чу Шэбинь. Западночжоуские могилы в Байдаопо, у. Линтай, пров. Ганьсу // КГСБ.— 1977.— № 2.— С. 99—130.

Чуская могила № 1 в Тяньсиньгуань, у. Цзянлин // КГСБ.— 1982.— № 1.— С. 71—116.

Чуские могилы в Юйтайшань, у. Цзянлин / Чэнь Юэцзюнь, Лю Дэгань, Чжан Ваньгао и др.— Пекин: Вэньу, 1984.— 10, 194 с., 4, 78 табл.

Чэн У. Одна важная надпись по истории права // ВУ.— 1976.— № 5.— С. 50—54.

Чэн Чансинь. Блюдо с узором в виде черепахи и рыб периода Шан, а также клева супского Ча-гуна периода Чуньцю, найденные в районе Пекина // ВУ.— 1981.— № 8.— С. 54—55.

Чэн Чансинь. Группа бронзовых изделий с надписями начала Чжоу, раскопанная в Нюйланьшань, у. Шуньни, Пекин // ВУ.— 1983.— № 11.— С. 64—67.

Чэнь Банхуай. Небольшое исследование сосуда «Юн юй» // ВУ.— 1972.— № 1.— С. 57—59.

Чэнь Вэйминь. Стальной меч и железные вещи позднего периода Чуньцю, вновь найденные в Чанша // ВУ.— 1978.— № 10.— С. 44—48.

Чэнь Мэнцзя. Сосуд гуййского хов Цзэ и его значение // ВУ(Ц).— 1955.— № 5.— С. 63—66.

Чэнь Сюй, Ян Синьпин. Бронзовые секипы Шан и Чжоу // Чжоуянь вэпэу (г. Чжэнчжоу).— 1984.— № 4.— С. 71—75, 30.

Чэнь Цюаньфан. Исследование напийсей на керамике, найденной в Чжоуянь // ВУ.— 1985.— № 3.— С. 63—75, 96.

Чэнь Цюаньфу, Ли Дичэнь, Цзюй Ваньцань. Краткий отчет о кладе бронзовых изделий периода Западного Чжоу из Фэнчуньцунь, в. Цинань, пров. Шэньси // ВУ.— 1979.— № 11.— С. 12—15.

Шан Чжичжун, Фань Вэйцзо, У Цзылинь. Сосуд «Хушу ли», найденный в у. Ланьтай, пров. Шэньси // ВУ.— 1976.— № 1.— С. 94.

Ши Янь. Западночжоуские бронзовые изделия, найденные в производственной бригаде Чжуапбай, у. Фуфэн // ВУ.— 1972а.— № 6.— С. 30—35.

Ши Янь. Большой дин из Яндзянцунь, у. Мэйсянь // ВУ.— 1972б.— № 7.— С. 3—4.

Шэн Чжан. Исследование некоторых проблем сосуда «Чжэнь юй», вновь найденного в Цишань // ВУ.— 1976.— № 6.— С. 40—44.

Эгами Намзо, Мицуно Сайити. Внутренняя Монголия и район Великой [Китайской] стены (Наймоко тэ дэ ти-

тай).—Токио; Киото: Тоё кокогаккай, 1935.—Разд. паг., 87 ил., 1 карт.

Ю Сюэжуа. Материалы по ранним бронзовым зеркалам Китая // КГ юй ВУ.—1982.—№ 3.—С. 40—42.

Ю Чжанцзянь, Чжао Шижун. Чуские могилы периода Чуньцю в Сясы, у. Сичуань, пров. Хэнань // ВУ.—1980.—№ 10.—С. 13—20.

Юань Чжунъи. Керамические фигуры солдат и лошадей в гробнице Цинь Шихуана (Цинь Шихуан лин бинма юн).—Пекин: Вэньу, 1983.—22 с., 163 табл., 20 с. англ. текст.

Юй Вэйчао. Археологические заметки о предчуской и саньмяоской культурах // ВУ.—1980.—№ 10.—С. 1—12.

Юй И. Одна проблема в археологии Восточного Чжоу // ВУ.—1959.—№ 8.—С. 64—65.

Юй Фэнвэй, Е Ваньсун, Сяо Дафан. Исследование пяти западночжоуских могил у восточной заставы у. Ляонин // Чжунъюань вэньу (г. Чжэньчжоу).—1984.—№ 3.—С. 25—28.

Юй Цзядун. В Синьцзян, пров. Цзинси, последовательно найдены западночжоуские колокола // ВУ.—1982.—№ 9.—С. 88—89.

Юй Юэжэнь. Бронзовые изделия, найденные в у. Папьянь, пров. Фуцзянь, и фуцзяньская культура бронзового века // КГ.—1978.—№ 5.—С. 321—323.

Ян Баочэн, Ян Сичжан. Отчет о раскопках могильника западного района иньской столицы (1969—1977) // КГСБ.—1979.—№ 1.—С. 27—146.

Ян Гочжун, Чжан Чанъюань. Краткий отчет о раскопках в Чжанцзяпо, у. Чапъянь, пров. Шэньси, осенью 1960 г. // КГ.—1962.—№ 1.—С. 20—22.

Ян Дэбяо, Чжан Цзиньго. Партия бронзовых изделий периода Чуньцю, найденная в у. Фаньчан, пров. Аньхой // ВУ.—1982.—№ 12.—С. 47—50.

Ян Куань. Цинь Шихуан.—Шанхай: Шанхай жэньминь чубаньшэ, 1956.—2, 124 с.

Ян Му. Коротко о достижениях древней черной металлургии Хэбэй // Хэбэй шифань дасюэ сюэбао. Чжэсюэ шэхуй кэсюэ бань (г. Шицзячжуан).—1982.—№ 1.—С. 41—53.

Ян Хун. К вопросу о железных латах, конских доспехах и стремени // КГ.—1961.—№ 12.—С. 693—696.

Ян Хун. Древнее произведение по военному делу, последовательно проводившее линию легистов // КГ.—1974.—№ 6.—С. 345—355.

Ян Хун. Доспехи в древнем Китае // КГСБ.—1976.—№ 1.—С. 19—47; № 2.—С. 59—96.

Ян Хун. Боевые колесницы и колесничный бой // ВУ.—1977а.—№ 5.—С. 82—90, 22.

Ян Хун. Конница и защитное снаряжение боевых лошадей // ВУ.—1977б.—№ 10.—С. 27—32.

Ян Хун. Доспех и шлем // ВУ.—1978.—№ 5.—С. 77—83.

Ян Хун. Меч и нож // Шэхуй кэсюэ чжаньсянь (г. Чапчунь).—1979а.—№ 1.—С. 12—15.

Ян Хун. Военные флотилии и боевые корабли // ВУ.—1979б.—№ 3.—С. 76—82.

Ян Хун. Сборник статей по древнему оружию Китая (Чжунго гу бинци луньцунь).—Пекин: Вэньу, 1980.—153 с. ил.

Ян Цзунжун. Материалы по рисункам периода Чжаньго (Чжаньго хуйхуа цзыляо).—Пекин, 1957.—8 с., 36 ил.

Ян Шаошунь. Шанские бронзы, найденные в Чунцзяюй и Ляодзяюань, у. Шилоу, пров. Шаньси // ВУ.—1981.—№ 8.—С. 49—53.

Янь Вань. Бронзовые изделия, найденные в районе Пекина и в Ляонине, и государство Янь периода начала Чжоу // КГ.—1975.—№ 5.—С. 274—279, 270.

Янь Цзиньшоу. Бронзовые изделия периода Шан, найденные в у. Цисянь, пров. Шаньси // КГ.—1985.—№ 9.—С. 848—849.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

СА	— Советская археология (Москва)
ВУ	— Вэньу (Пекин)
ВУЦЦ	— Вэньу цанькао цзыляо (Пекин)
КГ	— Каогу (Пекин)
КГСБ	— Каогу сюэбао (Пекин)
КГТС	— Каогу тунсюнь (Пекин)
КГ юй ВУ	— Каогу юй вэньу (Сиань)
BMFEA	— Bulletin of The Museum of Far Eastern Antiquities (Stockholm)
ЕС	— Early China (Berkeley)

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редактора	5
Введение	8
Глава I. История археологического изучения поздней бронзы Китая	13
Глава II. Археологические памятники периода Западного Чжоу — начала Чуньцю	31
Археология «додинастического» Чжоу	32
Археология Западного Чжоу после образования династии. Начальный период Чуньцю	37
Глава III. Оружие Китая эпохи поздней бронзы	58
Клеветы	—
Конья	66
Кинжалы и мечи	71
Лук и стрелы	75
Защитное вооружение	78
Глава IV. Комплекс вооружения на окраинах Чжоу	85
Комплекс вооружения культуры верхнего слоя Сяцзядянь —	—
Оружие народов ба-шу	95
Заключение	103
Библиография	107
Список сокращений	119

Научное издание

Комиссаров Сергей Александрович

**КОМПЛЕКС ВООРУЖЕНИЯ ДРЕВНЕГО КИТАЯ
ЭПОХА ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ**

Редактор издательства М. А. Лапина
Художественный редактор В. В. Седунов
Технический редактор Н. М. Бурлаченко
Корректоры Н. М. Горбачева, Е. Н. Зимина

ИБ № 30487

Сдано в набор 10.06.87. Подписано к печати 02.12.87. МН-05333. Формат 60×84¹/₈. Бумага книжно-журнальная. Обыкновенная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 13,9. Усл. кр.-отт. 14,6. Уч.-изд. л. 18,2. Тираж 2000 экз. Заказ № 854. Цена 3 р. 40 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука», Сибирское отделение. 630099 Новосибирск, ул. Советская, 18.

4-я типография издательства «Наука». 630077 Новосибирск, ул. Станиславского, 25.

ЗАМЕЧЕННАЯ ОПЕЧАТКА

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
2	первая снизу	ISBN 5—02—02975—2	ISBN 5—02—028975—2

Комиссаров С. А. Комплекс вооружения древнего Китая: Эпоха поздней бронзы

3 р 40 к.

ВНИМАНИЮ ЗАКАЗЧИКОВ!

Книги можно предварительно заказать в магазинах Центральной конторы «Академкнига», в местных магазинах книготоргов или потребительской кооперации.

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресам: 117192, Москва, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»; 197345, Ленинград, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига», имеющий отдел «Книга — почтой».

- 480091, Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97 («Книга — почтой»)
 370005, Баку, ул. Коммунистическая, 51 («Книга — почтой»)
 232600, Вильнюс, ул. Университетского, 4
 690088, Владивосток, Океанский проспект, 140 («Книга — почтой»)
 320093, Днепропетровск, проспект Гагарина, 24 («Книга — почтой»)
 734001, Душанбе, проспект Ленина, 95 («Книга — почтой»)
 375002, Ереван, ул. Туманяна, 31
 664033, Иркутск, ул. Лермонтова, 289 («Книга — почтой»)
 420043, Казань, ул. Достоевского, 53 («Книга — почтой»)
 252030, Киев, ул. Ленина, 42
 252142, Киев, проспект Вернадского, 79
 252030, Киев, ул. Пирогова, 4 («Книга — почтой»)
 252030, Киев, ул. Пирогова, 2
 277012, Кишинев, проспект Ленина, 148 («Книга — почтой»)
 343900, Краматорск Донецкой обл., ул. Марата, 1 («Книга — почтой»)
 660049, Красноярск, проспект Мира, 84
 443002, Куйбышев, проспект Ленина, 2 («Книга — почтой»)
 191104, Ленинград, Литейный проспект, 57
 199164, Ленинград, Таможенный пер., 2
 196034, Ленинград, В/О, 9-я линия, 16
 220012, Минск, Ленинский проспект, 72 («Книга — почтой»)
 103009, Москва, ул. Горького, 19-а
 117312, Москва, ул. Вавилова, 55/7
 630076, Новосибирск, Красный проспект, 51
 630090, Новосибирск, Морской проспект, 22 («Книга — почтой»)
 142284, Протвино Московской обл., ул. Победы, 8
 142292, Пушкино Московской обл., МР «В», 1
 620161, Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»)
 700000, Ташкент, ул. Ю. Фучика, 1
 700029, Ташкент, ул. Ленина, 73
 700070, Ташкент, ул. Ш. Руставели, 43
 700185, Ташкент, ул. Дружбы народов, 6 («Книга — почтой»)
 634050, Томск, наб. реки Ушайки, 18
 634050, Томск, Академический проспект, 5
 450059, Уфа, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»)
 450025, Уфа, ул. Коммунистическая, 49
 720000, Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42 («Книга — почтой»)
 310078, Харьков, ул. Чернышевского, 87 («Книга — почтой»)

«НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

